

Александр Потёмкин

**ПРОЗРЕНИЯ
ОДИНОЧЕСТВА**

«Беловодье»

Москва

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П64

Потёмкин А.П.
П64 Прозрения одиночества. – М. : ООО «НП ЦТ “Беловодье”»,
2021. – 464 с. : илл.
ISBN 978-5-93454-268-0

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-93454-268-0

© Потёмкин А., 2021

© ООО «НП ЦТ “Беловодье”», 2021

Трилогия Александра Потёмкина

Перед нами новая книга одного из самых интересных и парадоксальных прозаиков нашего времени Александра Потёмкина. Под одним переплетом объединены три его произведения – новое сочинение «Прозрения одиночества», а также уже известные читателям тексты – «Игрок» и «Стол». Все три в той или иной степени посвящены теме деградации человека, которую писатель разрабатывает уже много лет. Несколько упрощая многослойную мысль автора, можно сказать, что «Прозрения одиночества» – обобщение темы вырождения *Homo sapiens*, который прихотливой волей писателя превращается в микроб (или стоит перед такой эволюционной развилкой), «Игрок» посвящен теме русского азарта и зависимости от страсти к игре, а «Стол» – теме русской коррупции. Если мыслить категориями логики, то движение авторской мысли идет от общего к частному. Но если читать Потёмкина наоборот, то можно сказать: автор подводит нас к мысли, что вырождение начинается с отказа человека от своего заповедованного в Библии назначения – зарабатывать хлеб, трудясь в поте лица. Затем происходит переход к коррупционному образу

жизни, который получает свое развитие в эгоистическом авантюризме и постепенно доходит до полного расчеловечивания.

I. О неизбежной трансформации человека (Сочинение «Прозрения одиночества»)

I

В тексте книги «Прозрения одиночества», несомненно, витает дух Достоевского. Автор сразу отсылает читателя к Федору Михайловичу говорящей фамилией главного героя, которого зовут Дмитрий Мышкин. Что общего у князя Мышкина Достоевского и Мышкина Потёмкина? Сходных черт много: оба они не от мира сего, оба одинокие интроверты, не похожи на других (героя Достоевского именно за это называли «идиотом»), оба аскеты, довольствующиеся очень малым, оба любят поговорить и помечтать о возвышенных материях, оба идеалисты, пытающиеся облагородить мир с помощью своих идей. В то же время существенны и отличия – Мышкин Достоевского мечтает о воскресении человечества, но за мировые проекты в отличие от Дмитрия Мышкина братья не собирается. Герой Потёмкина избегает человеческого мира, как может.

Видно, что писатель любит своего героя: он его постоянно испытывает, помещая в самые разные обстоятельства – то в тихий город Мышкин, при описании которого меняется даже слог автора, то в кипящий впечатлениями агрессивный московский мегаполис, то в сознание разных известных в России людей, то в некую среду, где можно общаться с миром микробов. Он начитан, умен своеобразным умом, позволяющим ему проникать в самые разные сферы бытия и легко понимать других людей.

Потёмкинский Мышкин парадоксален: он и бунтует против современного мира, пытаясь бодаться с мировым дубом, и не бунтует одновременно, выражая свою готовность оставить человеческую форму и стать микробом, рассматривая свой выбор как форму смирения. Он спасается и ментально крепнет с помощью книг, особенно предпочитая философию, причем его любимым и наиболее часто упоминаемым философом является Иммануил Кант (может быть, потому что от «вещи в себе» легче перейти к «изделию»).

Отличается и Символ веры двух персонажей – князь Мышкин верит в Христа, и для него лучше быть с Христом, чем с Истиной, но без Христа, а «наукофил» Дмитрий Мышкин верит в эволюцию. Причем не дарвиновскую, а особую, близкую к Ричарду Докинзу, микробно-вирусологическую: его герой проникается убеждением, что человек, включая и сознание, и телесную оболочку, создан коллективным разумом микробов. Насколько возможна подобная эволюция, которая способна из простого (бактерии) путем невероятных комбинаций и сочетаний создать сложное – Шекспира, Гете, Моцарта? Возможно ли появление более сложных форм бытия из комбинации одних лишь простых форм или же простое в своем развитии изначально управляется чем-то гораздо более сложным, изначально сокрытым под слоем простоты? Вопросы множатся, и ответить на них не так-то просто.

Весьма своеобразна далекая и от Дарвина, и от библейского креацианизма эволюционная теология Дмитрия Мышкина, который получил от «старосты микробов» объяснение, как появился человек и что из этого вышло: «В начале, миллиарды лет назад, Бог создал нас, микробов, затем мы создавали галактики, звезды, черные дыры, планеты, и наконец около 100 тысяч лет назад мы под контролем Всевышнего микробиома спрограммировали вас, людей, раз-

новидность товарных масс». То есть Бог сотворил человека, но не сам, а с помощью микробов, которых создал значительно раньше Homo sapiens. Бог, по мнению этого микробного старосты, пошел на такой шаг в надежде, что человек, сотворенный подобным образом, начнет подниматься к Творцу, совершенствоваться, чтобы в дальнейшем расселиться по планетам Вселенной. Но человек застрял на планете Земля, изощряясь в потреблении и возомнив себя венцом жизни. Он сделал множество ошибок, поставивших его существование под угрозу. Творец передал тем же микробам и вирусам программу уничтожения своего неудачного эволюционного *изделия*: мы тебя сотворили, мы тебя и убьём! В ходе своей эволюции человечество создало искусственный интеллект, который постепенно выходит из-под контроля и грозит отменить как человека, так и природу планеты Земля. В свою очередь коллективный разум микробов, поддерживающий планетарное равновесие, запустил ковидную эпидемию, отменяющую планетарный искусственный разум и человека вместе с ним. Согласно этой логике, разум микробов значительно сильнее любой цивилизационной программы и потому микробы – это истинные хозяева планеты, а человек в его истинном состоянии – временный квартирант, близкий к выселению, не оправдавший своего истинного эволюционного предназначения.

2

О жизни за пределами нашей планеты грезил великие умы человечества, крупные философы и литераторы – Джордано Бруно, английский драматург Бен Джонсон, Вольтер, Достоевский, Циолковский. Но какая она – белковая или нет, вопрос оставался открытым. Я говорю сейчас не о науке, а о преломлении научных теорий в художественной литературе – попытка описать и поместить героев в осо-

бую небелковую форму жизни серьезно прорабатывалась в современной научной фантастике. Но эти проработки не концептуальные, а скорее экзотические. Фантасты создают произведения, где говорят о кремниевой, фосфорно-азотной, метановой и даже серно-кислотной основе для существования бактерий, из которых, по мнению сторонников этих утопий, постепенно развились более сложные формы жизни.

В книгах «Контакт на Ленжевене» Анатолия Константинова, «Глиняный бог» Анатолия Днепровца, «Завоевать три мира» Пола Андерсона и рассказе «Снегурочка» Кира Булычёва развиваются именно эти теории. Есть и плазменно-полевые доктрины происхождения органической жизни, которые отражены у таких классиков научной фантастики, как Станислав Лем (рассказ «Правда», а также знаменитый роман «Солярис») или Артура Кларка (роман «Из солнечного чрева»). Мы не сможем ответить на вопрос, могут ли небелковые формы жизни быть носителями высших форм сознания, но, по мнению автора книги «Прозрения одиночества», разумеется, это возможно: «Микробы научились кодировать информацию и передавать ее через реликтовое излучение».

Однако книги Потёмкина, включающие в себя нечто немислимое, – это отнюдь не фантастика, проверяющая безумные идеи, а скорее фантастический реализм, восходящий к Одоевскому и Достоевскому. Федор Михайлович признавался: «У меня свой особенный взгляд на действительность, и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, для меня иногда составляет саму сущность действительности». Своеобразный взгляд Потёмкина, совпадающий с философией жизни его героя, заключается в его категорическом неприятии духа современного мира с его онтологической пустотой, кризисом

гуманизма (о котором ярко писал еще Томас Манн, литератор, внутренне близкий Потёмкину), тягой к роскоши, отказом от интеллекта, мировой культуры и высших моральных ценностей. Он не хочет жить в мире, где свобода человека («я жить хочу, чтоб мыслить страдать») управлялась бы двумя большими И, то есть решениями Искусственного Интеллекта.

3

Но совпадает ли взгляд героя, склоняющийся к тому, чтобы перейти в клан микробов и оттуда управлять человечеством, со взглядом на мир автора или расходится, читателю предстоит понять самому – писатель никогда не раскрывает своих тайн до конца, предлагая проделать эту работу тому, кто держит в руках книгу.

С этой точки зрения любопытно осмыслить одну из теорий происхождения коронавируса, которая утверждает, что все произошедшее с человечеством действительно результат работы некоего высшего ноосферного разума, который через микробов, устроивших пандемию, послал серьезное предупреждение людям. К. Кокшенева, говоря о разных гранях произведения, утверждает, что писатель стал художественно разрабатывать «вирусную» тему примерно год назад, еще до ситуации с пандемией. Это свидетельствует о недюжинной художественной интуиции писателя, способной угадать глобальные тенденции современной цивилизации – господство Искусственного Интеллекта, торжество пошлости, готовность заменить мировую культуру отвратительным гедонизмом, расчеловечивание человека и возмездие в виде эпидемии. С другой стороны, перед нами реальная попытка на художественном и концептуальном уровне (пусть и с применением приемов гротеска и методов научной фантастики) осмыслить событие,

перевернувшее жизнь миллиардов людей, что само по себе своевременно и ценно.

Что стоит за готовностью Дмитрия Мышкина стать вирусом? Желание отомстить современному, антипатичному для него миру, жажда таким образом перенести свое сознание на более сохранную и долгосрочную платформу (ведь микробы в отличие от человека существуют уже миллиарды лет), бегство от ненавистной реальности с ее пошлостью, шикерией, продажностью и тотальным оглушением? Или признание сообщества микробов коллективным разумом природы, превосходящим цивилизационный разум (тогда «переезд» в этот мир так же логичен, как переезд из Мышкина в Москву, где возможностей для действия гораздо больше)? Или всё сказанное вместе? Вопрос этот остается открытым, но очевидно, что кругозор автора гораздо шире, чем у одаренного, необычно мыслящего, но блуждающего в тупиках классического гуманизма и постмодерна молодого героя.

Скорее всего, Александр Потёмкин, занятый художественным исследованием альтернатив общепринятых программ жизни в современном мире, все-таки хочет привлечь внимание читающих людей к угрожающей реальности. Тем более что национальная элита, к сознанию представителей которой Дмитрий Мышкин периодически и вполне удачно подсоединяется, совершенно не задумывается о ближайшем будущем, не говоря уже об отдаленном. Автор иронически называет эту форму телепатии «конвергенцией» и «слиянием», в чем угадывается намек на другие смыслы – «слияния» и «поглощения» в современном юридическом понимании.

Настроение усталости от человеческой формы и готовности превратиться в некое природное существо, стоящее на гораздо более низкой эволюционной ступени, не один раз встречалось в мировой литературе. Вспомним и «Пре-

вращение» Кафки, и стихотворение Мандельштама «Ламарк», которое уместно процитировать:

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.
К кольчезам спущусь и к усоногим,
Прошуршав среди ящериц и змей,
По упругим сходям, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.
Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.
Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь в последний раз.
Он сказал: довольно полнозвучья, –
Ты напрасно Моцарта любил:
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

Но логика героя Потёмкина отличается от логики лирического героя Мандельштама. Очевидно, что герой хочет уйти в мир вирусов не потому, что устал быть человеком, а мир современной цивилизации стал для него почти невыносимым, но и потому, что хочет развития – ведь попадание в мир микробов позволит ему, как он мечтает сам, выйти за пределы Земли и жить «в каждом из изделий».

Глубинное экзистенциальное одиночество героя позволяет ему видеть мир необычным образом. По собствен-

ному признанию, он смотрит на Вселенную как на некую фабрику-рынок, где все имеет статус изделия, а значит и товара, включая Солнце и Луну. В данном случае это не просто художественный прием наделения природы человеческими чертами, имеющий давнюю традицию в литературе (вспомним Шекспира: «меж тем как суша грабит океан»), но некая онтологизация «вещности» мироздания («вещное» значит здесь сделанное и конечное). Но где обрести бессмертие в этом мире конечности и распада? Не найдя путей к бессмертию в человеческом сообществе, где есть религия, которую герой изучает, но к которой равнодушен, он обращает внимание на природу с ее силой вечного самовосстановления и находит там микробно-вирусное царство. В отличие от человечества, этого новодела мироздания, оно гораздо более древнее и устойчивое. Герой ставит перед собой цель помочь трансформации человека в более высокое, на его взгляд, существо – хомо космикус, дабы он мог свободно жить, творить и наслаждаться бытием в любой точке Вселенной.

Как понять и назвать траекторию движения героя, стремящегося то ли опуститься, то ли подняться к микробам? Если это религия, или, точнее говоря, этап в духовных исканиях героя, жаждущего слиться со всеми частицами и формами жизни мироздания, то очень своеобразный этап. Но, может быть, подобный зигзаг духа искупает призыв к спасению человечества и восстанию против современного мира, о чем говорил французский мыслитель Рене Генон и о чем сказал в своем финальном манифесте Дмитрий Мышкин, суть которого – в сопротивлении распаду?

Книги Потёмкина, его герои и концепции, выдвигаемые им, всегда вызывают полемику, что есть яркое свиде-

тельство их жизненности и серьезности. Так, литературный критик К. Кокшенёва спорит, правда не с автором, а с героем, предлагающим, с ее точки зрения, тупиковые альтернативы тенденциям современного мира. Основной тупик – в противоречивости смыслов, транслируемых Дмитрием Мышкиным. Отрицая товарность мира, он сам ищет возможность стать изделием, причем самым дешевым. Сетую на падение культуры, жаждет переселиться в сознание микроба, который, несмотря на приписываемую ему биологическую мудрость, от данной культуры бесконечно далек. Имея недюжинные амбиции, он во время проживания в провинции выбирает себе максимально скромные должности и виды работ (манекен, натурщик, охранник). Правда, попав в Москву и войдя во вкус действия, он с помощью приема волшебного слияния с сознанием других людей пробует войти в некие карьерные и бизнесовые проекты разных бизнесменов и политиков. Но все равно в итоге он останавливается на работе уборщика и идее уйти в мир вирусов.

Можно ли считать героя Потёмкина действительно мудрым человеком?

Психологи говорят, что существует несколько разновидностей интеллекта. Говард Гарднер, известный американский психолог, говорит о восьми видах интеллекта: логико-математический, лингвистический, межличностный, или коммуникативный, визуально-пространственный, телесно-кинестический, натуралистический, музыкальный, экзистенциальный. Потёмкин и его герой ценят человеческий интеллект, сожалеют об ослаблении его роли в современном мире, подменяющем способность рождать творческие мысли практичностью и хитростью, и видят в сохранении интеллектуальной мощи едва ли не главное условие спасения мира. Согласимся, если речь идет о

здоровом, высоком рационализме, который опирается не столько на ум, сколько на разум. Сакральная философия считает ум двойственным образованием, одно из которых (ум) умеет считать и получать выгоду, другое же (разум) способно познавать суть и заниматься творчеством (древние говорили, что человек на земле предназначен делать три главных вещи – торговать, воевать и созерцать). Даже если предположить, что коллективный разум микробов настолько могуществен, что создал человека (я бы поменял эту формулировку – «участвовал в создании», микробы, по мнению науки, не более чем посредники в этой работе), то разве это тот разум, на который следует ориентироваться человечеству, имеющему таких столпов мысли, как Платон, Данте, Шекспир, Гете, Пушкин, Достоевский?

Какой вид интеллекта нужно развивать прежде всего, чтобы спасти человечество? Безусловно, писатель говорит об экзистенциальном интеллекте, не называя его. Он предполагает и образованность, и усвоение больших объемов русской и мировой культуры, причем не просто механическое усвоение, а пропускание прочитанного через себя с помощью работы души, и, наконец, деятельное сопротивление происходящему, и трезвость ума (как утверждал Гете: «сильный практический ум – лучший ум на земле»). Об этом автор говорит в манифесте главного героя, излагающего свою философию сопротивления с большей определенностью. Потёмкин, как и полагается, возлагает миссию протеста на молодых людей, еще не отравленных современным миром и не увязших в его приманках.

Но сумеет ли молодой герой с помощью подобной философии победить Левиафана и обладает ли он этим сильным практическим умом деятеля и героя? Дмитрий Мышкин – это скорее самостийный брахман-самоучка, и ему еще предстоит проделать определенную эволюцию и

стать умным кшатрием, которые сейчас так нужны. Похоже, автор не питает на этот счет иллюзий, но тем не менее дает герою шанс испытать себя и таким образом привлечь других. Открытый финал произведения – яркое свидетельство, что исход борьбы далеко не предreshен, несмотря на то, что разрушительные силы пока одерживают верх. Очевидно, что для победы и привлечения на свою сторону других людей сила интеллекта героя должна быть усилена силой духа и любви к людям и Жизни с большой буквы. Шансы полюбить тех, кого он хочет спасти, у него есть.

Соглашусь с теми, кто полагает, что произведение Потёмкина «Прозрения одиночества» – это все-таки скорее многослойное философское сочинение-предупреждение, чем текст, который нужно понимать буквально. «Мы не врачи, мы боль», – сказал когда-то Герцен. Вряд ли кто-то сегодня точно знает, что нужно делать. Но поставить вопросы и привлечь внимание к проблеме возможного исчезновения человека можно и нужно, что и делает писатель. Сила книги – в ясном стиле, философском языке, убедительно и честно рассказывающем о самых сложных, неочевидных вещах, в необычности авторской позиции, в глубине поднятых проблем и их художественном решении.

II. Психология русской игры: роман Достоевского и сочинение Потёмкина

Когда я приступал к чтению книг прозаика Александра Потёмкина, то настраивался на чисто литературное чтение. Но в процессе погружения в творческий мир писателя я все больше убеждался, что передо мной не просто литера-

турные произведения (при всей их художественной самодостаточности), но целое мировоззрение, некая философская система, о которой было бы интересно поговорить отдельно. Особенно остро это ощущение у меня проявилось при чтении его сочинения «Игрок», которое, осознает ли это автор или нет, входит в контекст мировой литературы (художественной, философской и научной) о природе игры. Проблемы, поднятые в «Игроке», имеет смысл изучать научно.

Достоевский в свое время писал об игре как об аддикции в ее классическом проявлении. Психиатры и психотерапевты всего мира изучают развитие этой болезни по Достоевскому, на себе испытавшем все прелести развития игровой зависимости. Зависимость побеждает человека, и он постепенно деградирует, утрачивая способность к высшим чувствам, к любви, труду, духовным исканиям.

Но главный герой сочинения Потёмкина авантюрист Юрий Алтынов отнюдь не является лудоманом. Конечно, он обожает острые ощущения и в какой-то степени зависит от них, о чем говорят его собственные признания: «Я не свободен! Я раб! Я – вассал! Я – узник игровой страсти! Я – вампир азарта!» Но эти слова, скорее всего, некое кокетство перед своей невестой, которую он соблазняет перспективой стать его женой на сто дней.

Более правдив он, когда называет себя «магом» и «чародеем манипуляций». Герой Достоевского в финале романа только мечтает о хладнокровии и говорит о необходимости выдерживать характер, чему еще предстоит научиться, но Алтынов у Потёмкина уже умеет это и, безусловно, является магистром азартных игр. Он принимает решения с огромной быстротой в полном соответствии с законами информационного общества, в котором живет. Игры, в которые приходится играть Алтынову, на несколько по-

рядков сложнее игры в рулетку, причем правила для этих игр придумывает сам герой в отличие от чужих игр, играть в которые обречены герои Достоевского. Потёмкин сам сжимает время жизни героя, помещая его в скоростной поезд и сокращая длительность действий до одного дня. У Достоевского, как мы помним, время весьма динамического романа растянуто на несколько месяцев.

Следует подчеркнуть, что оба автора глубоко знают тот предмет, который изображают. Достоевский сам много лет проходил через ад рулетки, пока в конце концов не вырвался из удушающих объятий аддикции. Потёмкин в силу своего журналистского опыта великолепно знает все виды афер, которые существовали в стране, и даже виды карточных игр и фокусов. Если ему для художественных целей приходится описывать мир бизнеса и богатства, то он никогда не любит им и не прокалывается на деталях. Но помимо этого, Потёмкин – настоящий социальный психолог, глубокий и тонкий исследователь граней и полюсов русского характера. Он показывает, что произошло с этим характером за последние десятилетия, используя при этом сатиру, гротеск, гиперболу и прочие художественные методы и приемы. Ему удалось заглянуть в «черный ящик» современной русской психики и облечь увиденное в яркие образы. Удивительно, что мимо такого богатого материала прошли многие мои коллеги, психологи и психотерапевты, не говоря о психиатрах.

В центре внимания писателя, с одной стороны, высшая политическая элита, включая политиков и крупный бизнес, а с другой стороны – русский авантюрист Алтынов с его стихийно образовавшимися помощниками. Отношение писателя к российской элите, при том, что среди наших политиков и представителей крупного бизнеса есть весьма достойные люди, в целом очень критическое.

Когда Потёмкин в своем сочинении «Человек отменяется» говорит об отмене человека, то прежде всего показывает в своих текстах, как он отменяется на самом верху. Как экс-начальник департамента крупнейших налогоплательщиков налогового ведомства РФ, он хорошо знает изнанку этого класса и мог бы писать о самых разных фантастических махинациях нашей бизнес-элиты очерки с конкретными документами, что было бы не менее интересно читать. Но художественные формы, избранные писателем, помогают включить воображение и увидеть деградацию человеческого духа в его финальной стадии. Они же позволяют насладиться возмездием, которое рано или поздно настигает наиболее одиозных представителей подобной элиты. Орудием подобного возмездия становятся у писателя такие трикстеры, как Алтынов. Им можно все, как юродивым у Пушкина: ведь царь ничего не может сделать с Николкой, назвавшим его царем Иродом. Алтынов – это своего рода Юрий Деточкин нашего времени, расправляющийся именно с богатыми жуликами с помощью увлекательного квеста, быстро придуманного и реализованного прямо на ходу скоростного поезда. Важно отметить, что Алтынов наказывает через свои аферы не бедных, но именно богатых, потому что за редким исключением «все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем».

Кстати, народная традиция не видит в такой «экспроприации экспроприаторов» чего-то предосудительного. Не только потому, что представители российской элиты жулики, но и потому, что само богатство в русской традиции рассматривалось как нечто противоестественное, как правило, безнравственное и по большому счету эфемерное. Кстати, оба героя двух писателей, похоже, солидарны друг с другом в своем критическом отношении к западным

способам приобретения богатства для русского человека. Герой Достоевского, оправдывая свою страсть к рулетке, отстаивает в споре с другими персонажами романа идею аморальности методичного накопления капитала, присущего европейцам, особенно протестантам. Алтынов тоже не рвется заниматься рутинными видами бизнеса, предпочитая авантюры.

Что касается его мотивации, то она, конечно, не сводится к благородным желаниям возмездия. Он во многом жулик сам и делает свои квесты, чтобы поправить свое финансовое положение и одновременно получить удовольствие от игры. Но при этом он жулик с идеологией, поскольку придерживается четких правил, суть которых в том, что нельзя обманывать бедных. Это дает ему дополнительную уверенность в правоте своих веселых начинаний.

В принципе Алтынов серьезно отличается от самоутраченных героев Достоевского ярко выраженной экстравертностью, роднящей его с другим авантюристом отечественной литературы – Великим Комбинатором. Он может по ходу отпустить какую-то мысль с претензией на философию, но по большому счету ему некогда философствовать, он активнейший деятель, игрок, манипулятор, режиссер жизненного спектакля. Само произведение – это экшен, в каждом абзаце которого что-то происходит. Странно, что мастера киноиндустрии прошли мимо этого яркого сочинения.

Что является двигателем игровой активности Алтынова? Автор «Игрока» утверждает, что на этот вопрос есть единственный ответ: герой «считал себя сверхчеловеком, счастливецом и всемогущей личностью». Он склонен постоянно себе доказывать собственное превосходство над людьми, и, по его собственному признанию, «момент покорения чужой воли – вот, пожалуй, моя высшая радость,

пик моего блаженства». Он вовлекает в свои игры других людей, используя их усталость от жизни и эксплуатируя их стремление «выпрыгнуть, унести, показать пятки этой российской действительности». Ради этого он готов был проявлять усилия и постоянно держать себя в руках: как пишет автор, «внутренняя, строгая, буквально монастырская самодисциплина была одной из главных составляющих его успеха».

Герой Достоевского, домашний учитель Алексей Иванович, втягивается в игру четко по определенной классификации – вначале он немного выигрывает, затем идет несколько проигрышей, затем ослепительный выигрыш, который в течение нескольких месяцев бездарно просаживается. Затем наступает внутренний кризис, в процессе которого игрок понимает, что душевно «одеревенел» и уже не способен любить, даже когда узнает, что предмет его страсти Полина, несмотря на свое демонстративно холодное поведение, все же любит его. Но иного выхода для себя, кроме перспективы играть дальше, герой не видит. Стадию зависимости от игры Алтынов проходит не как жертва, а как победитель – с упоением и хладнокровием, в то время как герой Достоевского пока только мечтает о том, что нужно выдержать характер.

У Алтынова характер игрока в новую русскую рулетку уже выработан. Если герой Достоевского играет в игру, которую придумали другие люди и в которую очень трудно победить, то Алтынов сам создает игру со своими правилами и потому побеждает. Его финальное поражение – досадная потеря денег – выглядит в этом контексте как случайность, которая не сломила его дух. Он гораздо более устойчив к самым разным переживаниям, нежели домашний учитель XIX века, и сохраняет чувство эйфории и ощущение победителя на всех стадиях своей игры.

Очевидно, что перед нами два совершенно разных игрока, играющих в разные игры. Достоевский показал человека с аддиктивным сознанием, зависимого от азартной игры, а Потёмкин – авантюриста и своего рода магистра манипулятивной игры с сохранной устойчивой личностью. Понятно, что у Алтынова есть серьезные проблемы с совестью, но серьезное возмездие пока не наступило. Ведь изымая деньги у богачей, он едва ли будет раздавать их бедным, а кутить и наслаждаться наш герой любит всеми силами своей авантюрной души!

Интересно отношение авторов к нравственной стороне своей истории. Достоевский, в отличие от Толстого никогда прямых оценок этической стороне поведения героев не дававший, относится к игровой страсти школьного учителя крайне отрицательно, ведь это его личная история и бездна, из которой он с огромным трудом выбрался. А Потёмкин? На первый взгляд может показаться, что он относится к этической стороне русской рулетки куда более отстраненно, а иногда даже любит русский азарт в перевозданном виде.

Если же посмотреть на эволюцию потёмкинского отношения к проблеме зла в России и мире, то можно увидеть, что с годами его взгляд становится все более критичным и непримиримым. В каждом новом сочинении он вновь и вновь возвращается к теме отмены человека, что дает возможность назвать его не только сатириком и психологом, но и ярким моралистом.

К. Кокшенёва справедливо говорит о том, что «игра – большая тема мировой культуры», что «игра учит побеждать, если ведется ради чести и славы» и что «с помощью игры можно и разоблачать пороки человечества» (см. статью «Игра и игроки»). Но хочется развить и дополнить эту мысль. Ведь есть игра и игра. Одна сплачивает людей, как

хорошая пьеса, превращающая актеров и зрителей в единое пространство, другая разъединяет их. Сегодняшняя «шоукратия» – это власть всепоглощающей игры постмодерна, все на свете превращающей либо в деньги, либо в абсурд. Политики и олигархи управляют народом не только с помощью денег и силы, но и с помощью разнообразных игр, называемых информационными технологиями. Они обманывают людей благодаря их легковерию – качеству, открывающему врата для обмана и нечестных манипулятивных игр. Причем нередко сами представители элиты тоже подпадают под действие манипуляции, что блестяще показал в своем сочинении Потёмкин. Для того чтобы освободиться от власти разрушительной мировой Игры, правила которой придуманы другими, человек должен прозреть и перестать быть как игроком, так и добровольным потребителем вредных и пустых игр. Он должен перестать ориентироваться на «зрелища» и помнить, что не хлебом единым жив человек. Он должен, наконец, стать трезвым и пробужденным деятелем, который творит реальный мир и реальную историю и устремлен к высоким духовным целям.

Победим ли мы Игру или она победит нас, убедив в том, что смысл жизни в бесконечных потребительских играх? Народ, как и во времена Бориса Годунова, безмолвствует. Спасет ли нас просвещение, которого в нашу эпоху информационного общества нам всем катастрофически не хватает? Но как бы то ни было, все, кто понимают опасность быть раздавленным глобальной игрой, должны выйти из зоны полусна и комфорта на территорию пробуждения. Время больших и малых игр заканчивается. Вот на такие мысли наталкивает прочтение произведения писателя А. Потёмкина «Игрок», перекликающегося через века с другим «Игроком» – романом Достоевского.

III. Про стол, разрушающий престол (Сочинение «Стол»)

Сочинение Александра Потёмкина «Стол» с первых страниц погружает читателя в атмосферу XIX века, создавая впечатление той разновидности дворянской литературы, которая описывает жизнь высших чиновников. Это ощущение рождает и стиль, и сама неспешная манера повествования со спокойной интонацией (это не «Игрок», в котором художественное время бежит с гораздо более высокой скоростью), и детали обстановки, и фамилии чиновников, один из которых – господин Вадбольский – возглавляет Дворянское собрание, а другой, главный герой, вальяжный столоначальник Аркадий Львович Дульчиков, одет в ведомственный китель, украшенный генеральской звездой государственного советника. Но умело создав атмосферу чиновничьей жизни Российской империи, писатель быстро возвращает читателя к реальности, показывая современность мысленных монологов своих героев.

Не хочется повторять многократно повторенные слова Карамзина о том, что происходит в России, но придется. Взятка, коррупция – это и есть наиболее распространенная форма воровства. Воруют жители всех этажей власти – депутаты, члены Федерального собрания, директора церковных заводов, члены Дворянского собрания, банкиры, владельцы ресторанов. Галерея портретов российской ворующей и жуирствующей элиты проходит через стол генерала фискальной службы и через страницы книги. Автор показывает, во что превращаются те, кто, чувствуя почти полную безнаказанность, делают что хотят, покупая и продавая должности, влияние, жизненные блага. Сегодня этим никого не удивишь, и большинство людей знают про чиновников, в том числе и высших,

очень многое, тем более что эти чиновники нередко подставляются сами, проговаривая свое отношение к жизни и народу публично.

Ценно другое – автор прекрасно осведомлен о чем говорит, причем знает настолько хорошо, что может буквально залезть в голову к представителям этой элиты и воспроизвести их внутреннюю речь, «думы окаянные, думы потаенные». Несмотря на излюбленный прием и творческий метод А. Потёмкина – гротеск, подмеченный критиком В. Бондаренко, – эти думы и действия не выглядят очень уж фантастичными. Наоборот, после новых страниц и авторских разоблачений вороватости элиты хочется опровергнуть Станиславского, переиначив его знаменитую формулу в другую: «Верю!»

Эффект от художественных разоблачений усиливает образ, введенный автором и давший название книге – «Стол». Это не просто предмет домашнего хозяйства, а некая сущность, играющая в жизни главного героя важнейшую роль. По сути, она обожествлена, превращена в своего рода икону, магическую лампу Аладдина, которая воплощает в реальность человеческие желания и одновременно является еще и частью человеческого организма, продолжением «я». Причем это должность с огромными возможностями. Ее материальным воплощением становится даже не кабинет, а именно стол в кабинете, за которым восседает Дульчиков, вершащий судьбы людей.

Главный герой находится в особых отношениях со Столом. Он обожает его, поскольку Стол дает его обладателю неограниченные возможности для управления людьми и реализации своих потаенных «мечт». Более того, он испытывает к нему почти эротическое вожделение: периодически Стол превращается в одушевленный предмет женского пола, способный заменить женщину в качестве извращен-

ной фантазии. Речь идет не о фетишизме, а о Столе – хранителе финансовых ресурсов, Столе с большой буквы, в недрах которого лежат деньги. Эта разновидность нетрадиционной ориентации, в которой переживание финансовых возможностей воздействует на центры удовольствия чиновника сильнее, чем живой объект вождения в виде секретарши. Программа вырождения человека, о которой писатель постоянно говорит во всех своих книгах, здесь показана через деградацию элиты, у которой начинают откачивать даже биологические инстинкты.

Само название сочинения «Стол» и его взаимоотношения с хозяином вольно или невольно заставляют вспомнить «Нос» Гоголя. Но у Николая Васильевича главное действующее лицо – часть человеческого тела, которую причудливая фантазия автора заставила превратиться в чиновника на три ступеньки более высокого по рангу, чем майор Ковалев, и пуститься в самостоятельное плавание по улицам Петербурга. У Потёмкина речь идет о деревянном изделии, которое настолько значимо для героя, что он готов слиться с ним в единое существо. В представлениях элиты, описанной в произведении, Стол также сущность более высокого порядка, нежели любой человек. Стол прекрасно может обойтись без человека, потому что его место сразу занимает другой, а вот человек без Стола превращается в полный ноль. Потому-то главный герой при пожаре в первую очередь пытается спасти Стол и спустить его по веревкам на улицу, чтобы вести прием людей там. Главная трагедия для него – остаться без Стола.

Характер Дульчикова с его умением мгновенно определять суть приходящего к нему человека и соответственно на него отреагировать выписан выразительно, о чем напоминает один из рецензентов писателя Людмила Глушковская:

«Генерал от бюрократии демонстрирует необычайную пластичность нрава: то возвышается неприступным монументом на страже закона, то юлит перед вельможей, растекаясь сладкой лужицей, то барски фамильярничает, то грозно приказывает, то уличает, то покровительствует».

«Столоначальническую» философию жизни полностью разделяют и компаньоны Дульчикова. Непомерная алчность, демонстративное потребление, ложь, постоянные интриги, ненависть друг к другу, желание пускать пыль в глаза, самоупоение, высокомерие – эти и другие пороки пропитывают каждый сантиметр описанной среды. Конечно, эта среда многократно деградировала по своей порочности по сравнению с XIX веком. Но от нее никуда не деться, страной управляют не президенты, а чиновники. Сам писатель, говоря о литературных чиновниках, из года в год повторяющих свой наградной междусобойчик, на котором премии получают одни и те же люди, заявил:

«Чиновники не имеют морального права быть субъективными, они должны идти в народ, а не сидеть в кабинетах. Но у нас все наоборот – мы идем к чиновникам. Чиновное чванство – одно из нравственно-социальных безобразий России. О чиновниках я сказал в своем сочинении “Стол”».

За скобкой остается вопрос – а почему в нашем любимом отечестве так много воруют и дают взятки? (Согласно статистике, пусть даже несколько преувеличенной, Россия находится на 137-м месте из 180 стран по уровню развития коррупции). Литературное произведение – не трактат, и там нет возможности заглянуть в далекие исторические корни этой проблемы, но все-таки интересно – почему? Полагаю, что А. Потёмкин сознательно или бессознательно попытался ответить на этот вопрос, поместив два своих сочинения – «Игрок» и «Стол» – рядом. Он показал этим, что склонность к авантюрной игре и склонность к корруп-

ции связаны друг с другом. Исследования показывают, что взятки берут не бедные, а богатые, те, кто хотят приумножить капитал и обладают крепкими нервами. Они не хотят ждать медленного прироста богатства и готовы рисковать, платить самую высокую цену. Причем многим чиновникам нравится сам процесс игры. Оказывается, в России очень много железных и безответственных игроков у власти. Почему? Чего не хватает в народе и национальных традициях, чтобы положить этому конец?

Писатель признался, что стремился сделать этих людей узнаваемыми, чтобы народ знал своих героев и чтобы хоть каким-то образом с помощью обличения улучшить этот мир. Книги писателя – это не просто отвлеченные от жизни тексты, нет, это литература прямого действия. Отсюда говорящие фамилии, которые для Потёмкина играют роль художественного приема, камертона, который тянет за собой весь остальной текст:

«Мне нравится игра с фамилиями моих персонажей. Я очень много времени трачу именно на то, как назвать героев. Кому-то важно написать первую строчку романа, найти ее так, чтобы она потянула за собой нить повествования. А я придумываю имена, накрепко сплавленные с героями. Для меня в фамилиях Махоркин или Парфенчиков, Иверов или Алтынов уже заключена судьба».

Кому-то, кто стоит на иных политических или эстетических позициях подобный взгляд писателя может показаться субъективным, но на то он в отличие от чиновника и писатель – человек с личной позицией. И потому он своей авторской волей направляет одного из второстепенных персонажей поджечь Стол. Видимо, другого способа борьбы с засильем Столов, реально колеблющих престол и государственные устои, писатель не видит. В этом отличие от гоголевского «Носа», где бегство части человеческого

тела через какое-то время завершается возвращением повествования к прежней ситуации. Убежден, что этот очистительный огонь вызывает у читателя удовлетворение и аплодисменты. Данте, как известно, поместил мздоимцев в восьмой круг ада. Азартные игроки попадают в пятый круг, потому Дульчиков много хуже Алтынова из сочинения Потёмкина «Игрок», что видно из отношения писателя к своим персонажам. «Стол» достойным образом встает в русскую литературную традицию, обличающую произвол чиновников, среди которой выделяются имена Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Чехова, Михаила Булгакова.

Трилогия А. Потёмкина состоит из произведений, созданных в разное время, но это, конечно, единый художественный цикл, написанный о едином человечестве. Он заставляет читателя, кем бы тот ни был – крупным чиновником или обычным думающим человеком, – вспомнить знаменитое высказывание Джона Донна:

«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и так же, если смочит край Мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

Услышим ли?

*Сергей Ключников,
кандидат философских наук,
главный редактор издательства «Беловодье»,
психолог*

Прозрения одиночества

Я убежденный наукофил, отвергающий современную цивилизацию, обрекающую природу планеты на полное истощение, ведущую ее к безвозвратной гибели. Я презираю умалишенное потреблятельство! Я – ненавидящий расчеловечивание человека, отказ от его гендерной сущности. Я в ужасе отрицаю наслаждения бутиками брендовой одежды и драгоценных изделий, салонами автомобилей престижного класса, попсовыми книгами, звуками, песнями, эстрадными нарядами, футбольными матчами, карнавалами, танцевальными площадками, собирающими миллиарды пьющих и танцующих зрителей, слушателей, читателей.

Я брезгливо плюю на сексуальные сцены платных любовников, размещенных в Интернете, игнорирую меридианы снобов, уличных хулиганов, бездельников, интернациональные полюса глупцов, магнитные поля чиновников, разноранговых депутатов, многоженцев, рынки торговцев высокими брендами и ювелирными изделиями, финансистов, торгующих деньгами под высокие процентные ставки. Я – жесткий критик медийных, ангажированных политологов, безмозглых общественных деятелей, влюбленных исключительно в публичные телевизионные и интернетовские площадки, врунов всех мастей, в особенности в журналистских кругах.

Я стану прикладывать все силы, чтобы освободить современный людской мир от социальной гнили, мракобе-

сия, военной истерии. И с чувством справедливости я отрицаю милосердие в отношении ярких представителей, создающих мир упадка.

Ведь я высокомерный мечтатель тотальной скорби, беспощадной борьбы, глобального траура, зачистки планетарного уродства нравов, только после которой можно вернуть, оживить ушедший, утонувший мир прошлого. Я, вы – мои сторонники – должны избавить себя и все человечество от мировоззрения, господствующего в нынешней цивилизации, а именно: стремления к роскоши, шикерии, звездности, сексизму, извращениям во всех ипостасях, криминалу по всем статьям Уголовного кодекса. Гуманитарными методами я добьюсь облагораживания нашей популяции. Стану сам и буду вынуждать других инвестировать в человека для его реформирования в хомо космикус, дабы он смог свободно жить, творить и наслаждаться бытием в любой точке Вселенной.

Никакой пошлой романтики настоящего, а абсолютное восхищение идеей совершенствования человека, исследовательскими, научными работами, цель которых – значительное увеличение биологического интеллекта до НИС – высшего выражения сознания. В этом статусе наш вид перестанет получать удовольствие от пошлых программ ТВ, развратных театральных постановок, убогих кинофильмов, антиэкологических мерзких эстрадных представлений и полностью посвятит себя собственной эволюции. Ведь он чрезвычайно долго задержался в примитивных страстях секса, шопинга, наяживания карьеры, увеличения заработков, поисках слаборазвитыми бессодержательного туризма, развлекательного, но пустого по мысленному содержанию времяпрепровождения, пьянства и курения. Пир во время чумы долго не продлится...

*Послание Дмитрия Мышкина
всем медийным центрам мира*

Я очнулся, ночные сновидения исчезли, провалились в трезвый разум. Сознание застало меня в каюте брошенного баркаса, в котором я жил в одиночестве последние годы. Я с трудом поднялся и взглянул в осколок зеркальца. Отметил, что глаза заблестели, подобно кристаллам на солнце, лицо уже не отпугивало искривленными после сна чертами. Постепенно чувства вернулись ко мне. И как обычно в таких случаях, исподволь возникло желание вернуться к упоительным раздумьям, но уже без толики самокритики. Вначале в сознании потянулись многочисленные ассоциативные цепочки, затем пробились отрывистые мысли, а за этим забрезжили причудливые мозаичные картины, распалюющие воображение. И вдруг меня осенило новое умозаключение: «Ведь человек – это вещь! Докажи себе это, Мышкин! Легче жить будет! Например, ты сам. Что тебя отличает от *изделия*? Кто на тебя смотрит иначе? Какая духовная ценность возвышает тебя над таким примитивным статусом? Ухаживая за своим телом, не доказываю ли я себе, что оно является моей собственностью? А мои сновидения? Они же роднят меня с шарманкой. Мастер настроил мелодии, а ящик играет их по своему усмотрению. А убеждение в собственном совершенстве или в порочности, то есть в личном низком качестве, – разве это не что иное, как оценка *изделия* по стоимостной шкале рынка? Чем же я отличаюсь от *вещи*? Существует ли различие меж-

ду покупкой платяного шкафа или стойки бара и наймом Мышкина на работу с той же или другой функцией? Есть, но слабое! Оно лишь арифметическое, стоимостное. Или возьмем обязанности: пицца варится в кастрюле, иначе ее не приготовить, это бытовая необходимость для меня. Или сбрасывая урину, я осознаю, что тело Мышкина для себя самого тоже является бытовой необходимостью... Так что именно во мне преобладает: *вещь* или нечто другое, пока мне неизвестное? И что может быть это другое? Эта мысль пришла мне не так давно неожиданно. Казалось даже, что кто-то подсказал ее мне, хотя я ни с кем не общался и контактов не имел. Мне, воспитаннику детдома, с трудом, не без оценочных натяжек, получившему среднее образование и поселившемуся на разбитом рыбацком баркасе, оставленном владельцами на Волге, но не у причала городка Мышкина, а на песчаном, в замусоренном, безлюдном берегу. Видимо, ремонту дырявая лодка уже не подлежала, вот и бросили ее догнивать. Правда, я жил в бывшей капитанской каюте, тоже развалюхе, в зимнее время я укутывал ее плотными слоями местного камыша и спал под несколькими слоями ватных одеял. Но великая русская река Волга своим вдумчивым, спокойным одиночеством явилась моим первым советником воспитать в себе страсть к уединению.

Что я знал о мире? Что он огромен. Что я одинок – ни отца, ни матери. Что мной никто не интересуется, как *изделием*, которое совершенно никому не нужно. В Мышкине мне нередко попадалась такая рухлядь: то выброшенный и утративший цвет саквояж в уличной канаве, то проржавевшая газовая плита у выхода с рыбного рынка, то диван в дырах с агрессивно торчащими из него пружинами у кладбищенской ограды, то почерневшие двухсотлетние надгробья на погосте, то развалившиеся мужские ботинки у стены краеведческого музея...

Задолго до коронавируса ко мне неожиданно обратился мой собственный голос, но, казалось, он был посторонним, во всяком случае, как свой я его не опознал, хотя слышал его из себя: «Привет, Дмитрий, ты вырастешь, у тебя правильные мысли. Человек – это наше *изделие*, да, впрочем, и все другие живые организмы не только на Земле, но и во всей Вселенной...» – «Простите, а вы кто? И как вы оказались в моем сознании?» – взбудоражено спросил я. «Я староста микробиомов, из которых ты состоишь. Ты выглядел бы весьма наивно, если бы самостоятельно не понял, что ты есть *изделие*. А теперь ты знаешь больше – ты наш *продукт*, тебя создали мы – микробы, ведь и сперматозоиды, и яйцеклетка – микробиомы. Вначале, миллиарды лет назад, Бог создал нас, микробов, затем мы создавали галактики, звезды, черные дыры, планеты, и, наконец, около 100 тысяч лет назад мы под контролем Всевышнего микробиома спрограммировали вас, людей, разновидность *товарных* масс. Мы надеялись, что вы совершенствуете себя, действительно станете венцом Божественного *изделия*, переселитесь на другие планеты, вместе с нами заполните Вселенную, а вы застряли на этой Земле в потреблятельстве! Бог – сверхмикробиом, сотворивший бесконечный космос, – использует нас как инструмент для создания многочисленных *изделий*. Хотя Он и Всемогущий, в чем мы убеждены в отличие от вас, он не дал нам права сотворить венец природы, а посоветовал произвести *изделие*, способное совершенствовать себя безгранично до уровня самого Создателя и переселиться в его беспредельный мир. Так появились вы – *изделия*, которые живут около 600 тысяч часов, или 36 миллионов минут, из которых 200 тысяч часов, или 12 миллионов минут, уходит на сон. Ваше время для активной жизни ограничено – вам отведено всего 24 миллиона минут, вы живете лишь миг по сравнению с возрастом планеты и космоса, но при этом са-

монадеянно считаете себя венцом природы. Смешно! Более того, вы состоите из нас, микробов. В каждом из вас сто триллионов бактериальных клеток, но вы не общаетесь, не советуетесь с нами. Хотя в ваших интересах следовать нашим рекомендациям, но вы глухи к ним, ваш разум направлен на саморазрушение. Я все чаще прихожу к выводу, что наше *изделие*, то есть вы, люди, не состоялось...

Поэтому сейчас мы находимся на пороге создания новых существ – андроидов с новым видом интеллекта. Будем экспериментировать с ними, дадим им возможность и время совершенствовать себя. Ты должен самостоятельно развить наш общий разум и переформатироваться с нашей помощью в микроба. Вместе с нами ты сможешь наблюдать за тем, как будет идти развитие андроидов – смогут ли они оправдать возложенные на них надежды, взойти на высшую ступень мироздания и стать достойными своего Создателя.

Не ищи друзей, только одиночество обогащает мудростью. Разум в состоянии уединения способен сближать нас. Ты единственный, кого я одариваю способностью к свержэмпатии и телепортации. У тебя возникнет исключительная возможность входить в сознание посторонних *изделий*. Каждое слияние станет для тебя новым и вдохновляющим оттенком одиночества». – «Что за дар такой, или это новая технология – способность к конвергенции? Телепатическое свержсознание?» – осторожно спросил я. «Вы, *изделия*, буквально вчерашние поселенцы Планеты. Ее возраст – около пяти миллиардов лет, а вашему появлению на ней никак не больше ста тысяч годков. Мы сотворили вас, долго не мучаясь, без проектирования, как некий экспромт, за короткое время.

Ранняя Вселенная представляла собой плазму, состоящую из элементарных частиц – электронов и фотонов. По мере расширения универсума плазма остывала, скорости

движения сверхмалых частиц сокращались. Электроны наконец получили возможность соединяться с ядрами водорода и гелия, образуя атомы. Свободное пространство между частицами стало расширяться, создались идеальные межконтактные условия со всеми микроорганизмами. Активно начали развиваться мутации. Фотоны получили возможность свободно перемещаться в глобальном пространстве космоса. После, в ряде схоластических химических реакций, возникли идеальные условия для появления простейших микроорганизмов. В результате активных мутаций развились предки микробимов. Подобно тому как человек обучился использовать огонь, микробы овладели технологией кодирования информации поверх реликтового излучения. Реликтовое излучение состоит из фотонов, испущенных от Большого взрыва, и представляет микроволновое тепловое излучение, равномерно заполняющее весь космос.

Микробиомное сообщество научилось шифровать в реликтовом излучении свою энергетическую информацию и передавать ее нужному адресату, более того, создавать слияние сознания с ним, находящимся на любом расстоянии от него. Этот метод конвергенции вызывает у нас, микробов, огромное удовольствие. Ведь мы общаемся с друзьями вне зависимости от того, в какой галактике они находятся. Я дарю тебе эту уникальную способность, так как хочу, чтобы ты вошел в наш микробиом.

Вас, *изделия*, мы научили лишь кодировать информацию и посылать ее через электронные устройства. Большого вам не дано. Я боюсь себе представить ваш мир, в котором бы все *изделия* владели даром эмпатии. Это был бы сплошной ад! Прощай!» – «Хочу спросить, как с вами общаться? Ваше имя?» – как-то нервно выскочило из меня. «Я сам буду выходить на связь. Имя? Придумай его сам». – И он исчез из сознания так же легко, как и появился. «Странно, – мель-

кнуло у меня в голове, – неужели микробы влияют на мой выбор существовать в одиночестве? А мне представлялось, что это личное мышкинское умозаключение. Сколько других заблуждений еще ждет меня? Я, мы созданы микробами, – это ведь низвергает всю цивилизационную культуру *товарного производства!* А мне микробы представлялись микронными вампирами, а они, оказывается, наши создатели и управленцы». После этой неожиданной мистической встречи, принесшей уйму неожиданных научных открытий, я еще яснее стал требовать от себя постоянного состояния одиночества. Много изменилось во мне, я стал замечать вещи, которые прежде не занимали меня.

Повсюду в закоулках городка мне встречалась всякая всячина. Судьбу этих отживших свой век вещей я порой сравнивал со своей и находил лишь незначительную разницу. Саквояж, диван, газовая плита, разбитое надгробие, стоптанный ботинок – это были их прошлые имена, теперь все носило общее имя «хлам». У меня в жизни порядок был несколько другим. Я был выброшен на улицу тоже наподобие хлама – без имени и фамилии, словно бесполезное, никчемное *изделие*. Потом получил первое имя благодаря какому-то нелепому случаю – от нетрезвого директора учреждения, он назвал меня Николаем Звериным. Если бы мне самому пришлось выбирать имя, я назвал бы себя Мусор Выбросов. Таким я себя ощущал. И записал бы так в паспорт. Познание у меня всегда было на первом месте. Впрочем, единственный вопрос к самому себе всегда ставился без обиняков: есть ли между мной и хламом существенная разница? Я видел бесполезные и никому не нужные вещи на свалках, в этом скарбе не было ни торжества, ни воли. Я начинал мысленно примериваться к себе и пришел к следующему убеждению. Все, что имеет собственное богатое сознание и волю и способно ее ярко проявить, должно оце-

ниваться как *изделие*. Ведь большая часть человечества, а также птица и домашний скот, наполняющие рынок потребления, относятся к *изделиям* или к *вещам*. Выбираешь на рынке труда инженера – доволен *изделием*, приобретаешь курицу – доволен *товаром*, покупаешь ягненка, платишь за женщину или за мужика в борделе – пользуешься *изделием*. У каждой разновидности потребления есть своя стоимость. Думаю, дама с красивыми распущенными волосами стоит дороже, чем ее сверстница с невыразительным пучком на голове, потрошенная курица будет стоить дороже, чем необработанная, инженер с дипломом МИФИ ценнее, чем выпускник колледжа из Перми, у пятимесячного хряка лучше товарный вид и выше стоимость, чем у годовалого, мужчина со стройным торсом выше в цене, чем низенький пузатик... Итак, я стал изучать микробы. Читал Джулию Эндерс, погружался в иммунологию Ройта, удивлялся вирусам Фалинн Кох и Красникова, впервые познал, что действительно наш организм обладает индивидуальным для каждого человека микробиомом. Самый крупный из нашей семьи микробов – многоклеточный Ротифер, остальные – одноклеточные. Например, бактерия тардиграда – это милое и выносливое микробное существо, отдаленно похожее на космонавта. У бактерий есть естественные враги-фаги – вирусы, поражающие клетки... Микробы находятся везде – в океане, почве, пище в питьевой воде. Протисты – в переводе с греческого «самый первейший» – представляют парафилетическую группу, к которой относят все эукариотические организмы, не входящие в состав животных, грибов и растений. Эти миниатюрные механизмы, несмотря на малый размер, обладают сложным поведением. Возьмем для иллюстрации инфузорию – она хищница, охотится как змея, питается бактериями. Существуют и другие виды микробов в составе семей микробиомов. Весьма полезные познания.

После книг этих авторов, оглядывая горожан Мышкина, я постепенно с большим рвением начинал их оценивать, посчитав это занятие вполне соответствующим моему мироощущению. Впрочем, возможно, я заблуждаюсь в собственных мотивах. Зная себе цену – хлам стоит полкопейки, – я, словно товаровед, составлял прейскурант на земляков. Поскольку о деньгах я мало что знал, так как их у меня практически никогда не было, мои расценки наверняка вызвали бы множество отчаянных возражений у спорщиков. В дискуссиях я бы не настаивал на своих предложениях. Но сам был бы даже доволен, если бы они оценили меня, Мышкина, по нулевому тарифу. С удовольствием прислушался бы и к их оскорблениям, выражениям полного презрения ко мне. Известно, что оценка *изделия* предполагает созерцание самой вещи, а этот процесс очень личный, индивидуальный, почти интимный. Замечено, что живой образ имеет прямую связь с интеллектом, а его единственным выражением является мысль. А она у меня всегда, так сказать, преферентна. Вообще я всегда мыслил самым совершенным образом, уверенный, что никому в мире не даны такие преференции. Если бы меня спросили: «Почему ты уверен в своем arrogantном убеждении?» – я бы едва ли ответил на такой вопрос. В неизбежном одиночестве проявляются особенности Дмитрия Мышкина – он находится в постоянном, доверительном, увлеченном контакте с самим собой, со своими микробами, загадочными существами, живущими миллиарды лет и в результате постоянных мутаций создавших такое *изделие*, как человек. Ведь именно они формируют у нас чувства, память, способности к знаниям, болезни, продолжительность, комфорт или безликость жизни. Нынешний коронавирус, вызвавший психическую панику в мировом сообществе, еще глубже убедил меня, что весьма незначительная часть землян общается со своими микробами и с общим

микробиомом. Я долго не понимал, как к ним обращаться, на какое имя они ответят. Перепробовал десятки имен, и вдруг на имя *САРО*¹ его голос возник в сознании. С того дня у меня с ним налачился постоянный контакт, я стал более защищенным и прибавил в знаниях. Общаться с собой, то есть с миллиардной колонией собственных микробов, понимать, что ты сам способен стать микробом, а значит, самым разумным и вечным в разнообразных *изделиях*. Сегодня уже оскорбления из чужих уст меня никак не возмущают. Я уже не насмехаюсь про себя над такими авторами. И на их главный упрек в мой адрес, что, мол, если ты мыслишь, то не можешь быть *вещью*, я бы не стал спорить и опротестовывать такое суждение. Процесс мышления вызывает игру сверхмалых величин моего сознания, то есть моей микробной конструкции. А способности тут ни при чем. Дмитрий Мышкин как *товар* именно таким создан производителем. А автором сего изделия являются мутации, то есть такая же мощная сила, что открыла путь для производства всех других *товаров* современности – от Вселенной, черных дыр, планет, звезд, клеток и до всего микробиома. Тут вновь сознание начало вскипать и прошлое в мелких подробностях предстало перед глазами. На что я недовольно пробурчал: «Почему опять? Почему я так часто вспоминаю былое?»

Меня в один прекрасный день продали. В тот момент я впервые почувствовал твердую почву под ногами. Сумма, правда, была небольшая, всего-то 500 рублей, да и что я мог стоить? Но я обрел хозяина. Сделка, разумеется, была неофициальная. Я ее случайно подслушал и подсмотрел. Мой покупатель, старичок лет семидесяти пяти, сунул фиолетовую купюру завучу с просьбой порекомендовать ему молчаливого и грамотного парнишку, попавшего в детдом с само-

¹ «Капо» с *итал.* – «шеф».

го раннего возраста, чтобы не имел претензий на комфорт в новой жизни у деда-пенсионера. Цель покупки была сразу заявлена: «Мне нужен подросток, чтобы присматривал за мной, подавал таблетки, капал на сахарок тридцать капель валокордина, ходил в магазин за бутылочкой и на почту за корреспонденцией, получал пенсию, оплачивал счета за электроэнергию и вывоз мусора, приносил из библиотеки умные книжки и читал их мне вслух – когда ночью, когда по выходным».

Екатерина Васильевна, наш детдомовский завуч, почему-то сразу вспомнила меня, хотя, с ее слов, сказанных десятки раз до этой сделки, она меня с трудом переносила, называя «мозговитым безъязычным ублюдком». Но тут она выкрикнула: «Найдите мне Кольку Зверина! – и обратилась к старичку: – У этого мальчика с детства нейропатия. Левая рука повреждена, она функционирует, но с ограничениями. Не против?» – «Если ноги в порядке, читать умеет да нетребовательный, – ухмыльнулся покупатель, – то подойдет. Минутку, он не левша?» – «Нет, он правша, и у него красивый почерк», – заступилась за меня Екатерина Васильевна. После чего они вместе перешли из столовой в учительскую. Через пару минут я вылез из-под дивана, где обычно прятался от шума, и предстал перед будущим своим хозяином.

– Собирай вещи, поехали, – распорядился он. – Теперь станешь жить со мной – я твой дед, а ты мой внук. Мы вместе семья! Понял? У тебя начинается новая жизнь! Во всем слушай своего покровителя! Мои слова для тебя закон! Меня зовут Петр Константинович Мышкин, и ты будешь носить эту фамилию. Да и твое имя Николай мне не нравится. Отныне станешь Дмитрием. Дмитрием Петровичем Мышкиным! Придется оформить новые документы.

Под его испытующим взглядом я излучал покорность, как изделие на полке магазина.

Новоявленный дед бросил: «За мной!» – и я безмолвно повиновался.

Так я оказался в городе Мышкине на Волге и стал Дмитрием Мышкиным. Владелец дал своему приобретению новое название, только и всего. Никаких протестов это обстоятельство у меня не вызвало, ведь мое сознание с младенчества было готово к приспособливанию. Я выработал собственную тактику – помалкивать, жить в своем замкнутом мире, в фантазиях одичавшего подростка, олицетворяя *изделие* в его классическом, немом, податливом статусе. Я никогда не пытался утвердить в себе враждебную отчужденность по отношению к окружающим, в том числе к тем немногим, которые считали меня своей собственностью, или разработать план вывода себя из *товарной* категории. Бунтарство в себе я не подавлял, поскольку оно не было заложено в моих генах. В сознании укреплялся другой мировоззренческий постулат: я действительно *изделие*! Мой удел – быть вне времени и вне реальности. Помогала успокоительная мысль: надо считать себя в этом мире лишь потребителем призраком. То есть мнение о себе никогда не выходило у меня за рамки признания собственной отнесенности к *товару*, и в этом смирении я поистине нашел себя. Нередко приходил на ум и вопрос: «Не льщу ли я таким мировоззрением микробам? Чтобы им нравиться?» Внутренняя ухмылка заглушала эти вопросы, и я продолжал размышлять. Прекрасно открыть собственное предназначение – состоять у кого-то на службе в качестве некой принадлежности с определенной функцией. Может, в результате вышесказанного я следовал исключительно своим инстинктам и рефлексам, условным и безусловным. Иногда, правда, позволял себе размышлять, развивать речь с помощью словаря синонимов, загружать рассудок соображениями разных авторов из детдомовской библиотеки. Но

не было и дня, когда бы я старался воспитывать себя по образу сверстников, корить за убеждение в своей *товарности*, комплексовать из-за своей отрешенности. При этом, что особенно замечательно, я всегда с нарастающим усердием считал себя существом, облакающим сознание в нечто бесконечное. Именно поэтому я постоянно мечтал об одиночестве. Ведь отрыв от реальности – единственный, на мой взгляд, путь к обогащению сознания. А желание общаться с микробами, из которых и состоял Мышкин, заполняло мое сознание.

После отъезда из детского дома в спектре моего одиночества впервые появился новый оттенок.

Дед работал охранником в жилищно-коммунальной конторе. Зарплата у него была около 7 тысяч рублей да еще пенсия. Когда он забирал меня из детдома, то не предупредил, что мне придется ежедневно ловить рыбу. Не только для семейного стола, но и для торговли на местном рынке. Волжская рыбалка, на которой мне пришлось с той поры подвизаться, способствовала не только развитию внешней замкнутости, но и более широкому общению с собственным микробиомом. Эта фраза – «собственный микробиом» – постоянно вызывала во мне усмешку. «Кто чей собственник? – ухмылялся я про себя, – я – микробиома или микробиом владеет мной?» Этот вопрос, задаваемый самому себе, вызывал у меня саркастическую усмешку, а *САРО* внутри Мышкина откровенно заливался хохотом.

Я пошел в седьмой класс городской школы, однако учебу вскоре оставил. Слишком быстро росло во мне отвращение к публичным местам. Мир вокруг казался тесным, чужим, оскверненным, и, кроме глубокой жалости, он у меня ничего не вызывал. Но в часы волжского уединения тот же мир разрастался в моем воображении в сотни раз, становился узнаваемым, величественным, магическим и

соблазнительным. Микробы способствовали воспалению сознания, а оно увлекало мой юный ум смыслами бесконечности и вечным пространством космоса. Именно в это время, с удочкой в руке, я начал запойно читать. Клев был не очень частый, здешние речные обитатели – судак, лещ, щука, окунь, язь; я вытаскивал их в день не больше десятка, а стерлядь и налим попадались лишь три-четыре раза в неделю. Час уходил у меня на поиск дождевых червей и мотылей для наживки. А все остальное время я был погружен в чтение. Какое это великое удовольствие – читать и парить во Вселенной! Поглощать тома один за другим – от сочинений классиков Античности и Средневековья до романов XX века... У меня появилась одна устойчивая особенность. Если на библиотечных полках я встречал потрепанную, затертую книгу, я никогда не брал ее для чтения, зато тома новехонькие с виду, не тронутые читательской рукой, но изданные тридцать-сорок лет назад, я тут же хватал и уносил с собой на пристань, к своему рабочему месту.

На рынке я появлялся довольно редко, поскольку боялся наткнуться на инспектора по делам несовершеннолетних. Первые три года торговлю вел сам Петр Константинович. Дед мечтал занять микроволновую печь, холодильник, телевизор. Я своей рыбалкой помог ему с желанными приобретениями. Особенно рад я был покупке телевизора. Петр Константинович стал реже требовать от меня вечерами и в выходные дни читать ему вслух беллетристику типа скучнейших и пустых сочинений Юзефовича, Полякова, Мариной, Донцовой. Вникать долгими часами в примитивные занудные сюжеты, без конца листать страницы, описывающие тоскливые бытовые перипетии разных субъектов из современного мира, было для меня наивысшим наказанием. В эти тягучие вечера мне нередко казалось, что я растекаюсь, переходя в жидкое состояние, и я даже опасался, что

способен от гневного перегрева испариться вовсе. В эти минуты я просил помощи у *САРО*, и он, скорее всего, молча спасал меня.

Наша комната была метров восемнадцати и вытянутая, как пенал. Дед спал на железной кровати с шишечками, а я на лежаке, сбитом из фанеры и покрытом картоном, закрепленным скотчем. В детском доме я привык к простыням и подушкам, но на лежаке, как, впрочем, и на дедовой кровати, их не было. Дед постелил на лежак ковролин, а под голову мне сунул старый армейский бушлат. Все это меня несколько не удивило, я принял условия своей жизни у него без удивления и возражений. С раннего возраста, напомним, я привык оценивать себя как *изделие*, а у товара не может быть никаких противоречий с окружающей реальностью.

– Димка, там, на столике, деньги, – обычно в приближении вечера распоряжался дед. – Принес бы ты сигарет да бутылку белой. Худо мне, спину ломает. А после стакана я бы послушал повесть Марининой. Тогда через час-другой смог бы заснуть. А ты бы смотался на ранний клев. Я тут присмотрел старый баркас на берегу. Купить его надо и Бога просить, чтобы силы дал мне его подлатать. В этом деле ты, почти однорукий, не помощник. А на баркасе улов утроится. Понял?

В другой раз его осеняла новая идея:

– Димка, тебе надо научиться коптить рыбу. Копченая рыба дороже стоит. А деньги мне нужны для санаторного лечения на югах. Ты же слышишь, как у меня ночью в груди свистит, словно там не легкие, а старые самоварные меха. – Это была чистая правда, дед говорил и дышал затрудненно, часто откашливался и хрипел.

И еще помню его нарекание:

– Димка, уловы твои совсем худые стали. Ленишься, все книжки читаешь, о здоровье деда позабыл. Я тридцатку на

рынке за место в день плачу, а доход каков? Три-четыре хвоста щучки – с учетом рыночных поборов это никак не больше двадцатки. На эти копейки даже Клавдия бутылку самогона не нальет. Мозгуй, как улов увеличить. Твоему деду деньги для здоровья нужны.

Так шли годы. Мне исполнилось двадцать лет, и вскоре дед помер. Прихожане городской церкви похоронили его на старом местном кладбище. Тогда впервые я задумался: что умирает в человеке? Микробы – существа бессмертные, а что исчезает бесследно? Ответа еще не находил, а обязал себя больше времени посвятить микробиологии и другим наукам.

Оказалось, что своего жилья Петр Константинович не имел, а снимал комнату у пожилой дамы, видимо своей бывшей подруги сердца. Поэтому мне пришлось перебраться в упомянутый выше баркас, купленный дедом, но так и не отремонтированный.

После этого опять сменился оттенок моего одиночества.

В армию я не был призван по инвалидности. Левая рука выполняла движения в ограниченном диапазоне. В апреле 2011-го я обратился с письмом в городской отдел народного образования с прошением допустить меня к сдаче экзаменов о среднем образовании. Мне было уже тогда чуть более двадцати лет. Разрешение было получено, и в конце мая начались экзамены. Я был подготовлен, но аттестат получил не без труда. Я оказался не один переросток, к сдаче экзаменов были допущены еще четыре парня взрослее меня на несколько лет. Самые нетвердые знания у меня были по математике, отличные по физике и химии. Оценки у меня были высокие, но математику я побаивался. Сдать экзамен помог мне, сам того не желая, двадцатисемилетний начинающий чиновник Владимир Григорьев, который стремился

получить аттестат, чтобы занять должность в культурном ведомстве. На классной доске был записан экзаменационный пример, который мы должны были решить. Я задумался, а Григорьев тут же схватил ручку, наклонился над листом бумаги. Такая быстрая реакция на решение сложной задачи привлекла внимание экзаменаторши. Я сам замешкался. Вдруг Григорьев остановился, опустил ручку, погрузился. Экзаменаторша подходит к нему: «Что, Григорьев, почему остыл? Трудно?» Он молчит. «Трудно?» – опять спросила она. «Да...» – растянул он. «Давай подойдем к доске». Он повиновался. «Возьми мел и читай пример...» Григорьев взял мел и приблизился к доске. – «Читай...» – «Хааа плюс Уууу», – начал он. – «Как Хаааа плюс Ууууу?» – растерялась экзаменаторша. Тут я вскочил, подошел к другому, уже опарашенному мужчине-экзаменатору, протянул экзаменационный лист и бросил: «Чтобы других анекдотов в школе не рождалось, ставьте любую оценку». Он взглянул на мои оценки – там стояли четверки и пятерки, и поставил мне тройку. Я поблагодарил его и с нарастающей тахикардией вышел. А еще через два экзамена получил аттестат.

Знакомых в Мышкине у меня почти не было. Если я порой встречал бывших соседей, то склонял голову и шепотом бормотал: «Здравствуйте!» – а они молча, без кивка и взгляда в мою сторону, проходили мимо. И слава богу, мой ум избегал всего лишнего, что способно было отвлечь меня от чтения, свободных раздумий, общения с микробами – я назвал старосту микробов *САРО*, и пару раз он коротко приветствовал меня – и рыбалки в пользу пустого общения с горожанами. Я предпочитал внутреннее удовлетворение, оно соответствовало моему мировоззрению и представлениям о собственном достоинстве. Между тем в школе во время экзаменов мне впервые довелось познакомиться с девушкой. Она остановила на мне как будто равнодушный,

но все же пристальный взгляд. Я был совершенно не знаком с таким прицельным вниманием. Вначале я даже хотел громко хмыкнуть, выражая возмущение. Я же был совсем не такой, как люди вокруг меня. Чему я радовался? Исключительно одиночеству, потому что в нем я общался с самим собой, то есть с *САРО*. Чем я восторгался? Например, строками из «Дао Дэ Цзин»: «Кто вдумчив и сдержан в словах, тот следует естественности. Знающий себя просвещен. Побеждающий самого себя могуществен. Знающий достаток богат. Кто не теряет свою природу, долговечен». Или мысли Канта: «Удовольствие, которое связано с желанием обладать предметом, представление о котором воздействует на чувства, можно назвать практическим удовольствием независимо от того, причина ли оно или результат желания». Или Владимира Сергеевича Соловьева: «Предмет полового стыда есть не внешний факт животного соединения двух человеческих особей, а глубокий и всемирный смысл этого факта». Или Достоевского: «Где ж я и кто такой я сам?» Или Гюго: «Идеал – это три луча: Истинное, Прекрасное, Великое... Вместе они и есть свет». Или Розанова: «И люди и жизнь их уже не так чисты, как природа». Или немецкого ученого Каруса: «Растение с его таинственным развитием предстает символом бессознательно развивающейся души, а человек... при полной неизъяснимости, мудрости и неизмеримости его организации становится в качестве микрокосмоса подобием мира и мировой души в целом...»

Меня влекли оригинальные суждения разных авторов, но после общения с *САРО* я стал с недоверием относиться к их масштабному разуму. Что касается женских взглядов, я никогда об этом не задумывался, не имея на то повода. В моей вселенной девушки еще не встречались, ни наяву, ни во сне, но, видимо, гормон тестостерон у меня был на низком уровне или *САРО* намеренно исключал интерес к

ним. Впрочем, это обстоятельство не вызывало тревоги, ведь душа и сознание по его повелению стремились к безграничному простору мыслей. Отгородившись от мирской жизни, я не имел ни настоящих друзей, ни кровных родственников и мало что понимал в реальности. Моя жизнь состояла из напряжений восторженного внутреннего мира, и я не имел никакого желания ее менять. Полуразбитый баркас, выброшенный на берег Волги и отданный за бесценок покойному деду, превращался в моем воображении в космический корабль, мои обноски – в скафандр космонавта, удочки – в депозитный счет Альфа-банка, наживка – червяки и мотыльки – в кредитную карточку финансовой империи Ротшильдов... Тем не менее вернусь к моменту, когда мои игры разума нарушил пристальный девичий взгляд. Затем прозвучал мягкий голос:

– Меня зовут Дарья. – Говоря это, она шагнула ко мне поближе. – Знаете, мне очень понравился ваш ответ на вопрос о творчестве Гоголя. Это ваш любимый автор? Или вы так же прекрасно изучили труды других классиков и оригинально оцениваете произведения Достоевского, Толстого, Чехова, Бунина?

– Бунина? – От удивления я забыл о своей скованности и заговорил быстро и горячо. – О его творчестве я бы не посмел сказать ничего примечательного. Язык, правда, отменный, только сам писатель, по-моему, страшный завистник. Я с интересом прочел несколько его рассказов, но когда нашел его отвратные комментарии о коллегах-сочинителях, навсегда выбросил его из головы, боясь собственной злости. Чувство это отступило, и я о Буине окончательно забыл. Спокойная гладь волжской мощи этому, конечно, способствовала.

– У меня деликатный вопрос, – продолжала беседу Дарья, все так же прямо и внимательно глядя на меня. – Вы

явно переросли школьный возраст. Вам ведь больше двадцати? Почему вам пришлось сдавать экзамены на получения аттестата о среднем образовании экстерном, притом намного позже ваших сверстников?

– Интерес – основной двигатель в любом занятии. Школа оставляла меня равнодушным и постоянно отталкивала казенщиной. А страсть к одиночеству, сопряженная с внутренней подготовкой к неким своим высшим обязанностям, доминировала и до сих пор не отпускает меня из своего чарующего плена – о постоянном увлекательном общении с микробиомом я не сказал ни слова, – только в нем, одиночестве, искрится бриллиантами разум, будоражат россыпи суждений гениев, захватывают научные гипотезы и предвидения. Поэтому я предпочел школе самообразование. Аттестат? Мой покойный названный дед в свое время наскучил мне наказами обязательно получить этот, по моему убеждению, совершенно никчемный документ. И лишь через четыре года после его смерти я все же решился подать бумаги в соответствующий департамент. Убежден, что Конфуций, да и многие другие великие мыслители предпочитали изучать мир в уединении. В таком состоянии вегетация интеллектуального и духовного потенциала человека безгранична.

– Ой, как сложно! Кажется, уразуметь ваши слова мне никогда не удастся, – Дарья рассмеялась. Ее звонкий смех сконфузил меня, и я настороженно замолчал. – А как вас зовут? – не без игривости спросила вдруг она.

– Дмитрий.

– Я вас никогда не видела ни в кинотеатре, ни в дискотеке. Вы что, все время один? Не скучно? – Дарья продолжала улыбаться.

– Я же сказал, что предпочитаю проводить время в одиночестве. И практически ни с кем из горожан не знаком. –

«Надо заканчивать этот разговор, – мелькнуло в голове. – В книгах, которые я читаю, о женщинах сказано мало. У меня нет ни опыта, ни желания общаться с ней». Но все же добавил: – Самоизоляция в моем случае – понятие не моральное и не социальное, а интеллектуальное. Я из тех типов, в которых генетика заложила жажду знаний без какой-либо корысти и цели.

– У вас нет намерения поступить в университет? На филологический или философский факультет? – Дарья не спешила закончить знакомство. Черты лица у нее были неправильные, и красотой она не отличалась, но улыбка преобразила ее внешность, словно осветив изнутри. – Студенческая жизнь имеет свои прелести, а главное, это отличная возможность получить системные знания. Я вот мечтаю продолжить образование в Российском гуманитарном университете. Вы бывали в Москве?

Я ответил не сразу, и Дарья глубоко вздохнула; наверное, она начала смущаться из-за моего молчания.

– Диплом мне не нужен. Впрочем, если разум потребует знаний, а с помощью городской библиотеки я не смогу их приобрести, то, возможно, меня посетит мысль прослушать курс университетских лекций по интересующей теме. Семестр или два можно этому посвятить. Я готов пожертвовать привычным укладом ради такого случая. Но пока я комфортно пребываю в собственном микрокосмосе. Это не умерщвление в себе ярких желаний. Отнюдь. Моя вселенная чрезвычайно богата. Из страстных размышлений растут во мне удовольствие и радость сознания. Желаю и вам в уединении найти таинственные смыслы. Простите, уважаемая Дарья, тороплюсь, поэтому разрешите откланяться.

– Не запишете ли мой телефон? – Она покраснела. – Или оставьте свой номер. Вдруг я смогу вам чем-то помочь...

Я не отвечал, и она спросила нерешительно:

– А где, Дмитрий, вы живете? Может, мы соседи?

– Простите, но у меня никогда не было телефона, – разочаровал я ее. – Он мне совершенно не нужен. А информация о месте моего проживания у обычного человека вызовет мысли о моей странности. После смерти деда я переселился на старый, выброшенный на берег баркас. Все мои пожитки, а это в основном книги, хранятся там. Гостей я не приглашаю – некуда.

– Как, вы живете в той лодке, что застряла на волжской отмели? – Дарья была обескуражена. – Мой адрес – Набережная, дом 17. Приходите на чай... Неужели вы не любите дружеское общение? – Она запнулась. Вероятно, чувство жалости ко мне и собственная обида вызывали у нее некоторое смятение.

Я вежливо попрощался:

– Мы живем в небольшом городке, есть надежда, что еще не раз встретимся. Спасибо за приглашение. Всего доброго.

Уходя, я подумал: «Еще несколько минут такой беседы, и меня охватил бы панический ужас. Женщина – не моя стихия, и я не представляю, какими микробами заполнено ее *изделие*. Примут ли они меня или выбросят. Мне бы ночь и день провести с Хайдеггером или с Конфуцием, книги которых я оставил в своем обиталище...»

– До встречи, Дмитрий, – печально прозвучал ее голос мне вслед.

Первая встреча с девушкой! Но никакого вдохновения, интереса или возбуждения она не вызвала. Мое воображение словно уснуло. Не знаю, как другие, но я всегда включаю в подвернувшийся житейский сюжет все свое существо. А на этот раз мною владела полная апатия. Окунувшись в одиночество и вдохнув мягкий волжский воздух,

я забыл это неожиданное знакомство. Впрочем, некоторое время спустя я критически оценил сам себя на этом randevу. Похоже, что я попросту испугался. Я не дал девушке возможности выговориться, не захотел ее выслушать, узнать, что она любит, чем увлекается. Почему я так беспардонно торопился? Непонятно. Но ошибки обогащают человека бесценным опытом. Почему я не вступил в дискуссию с Дарьей? Видимо, это связано с прочной замкнутостью моего сознания. Отчуждение от всего внешнего укрепляет мое право считать самого себя, Мышкина, *вещью* в себе. Такие типы далеки от мистики; я всегда с удовольствием погружаюсь во вселенские сюжеты. Но Платон для меня остается загадкой. Хотя я и наслаждался чтением его «Диалогов». Нет, не надо забывать эту девушку, ее адрес – Набережная, 17, – необходимо держать в голове. Может быть, общение с людьми как-то изменит мое мировоззрение? А нужно ли тебе это, Дмитрий Мышкин? Я же сам выбрал свой статус! *Товарность* – вот мое свойство в реальности. И Мышкин всем своим существом испытывает благодарное благоговение. От людской суеты реальность *вещевого* мира отличается тем, что *вещи* в нем имеют цену, а также тем, что они возникают и исчезают по потребности. Срок их жизни определяется спросом. Тут прошлое всегда представляется ужасным – *товар* потерял цену, он не вызывает никакого интереса. Поэтому я с ранней молодости вырабатывал в сознании альтернативу этому умозаключению и утверждаю: Мышкин – *изделие* новой формации. Он живет исключительно в самом себе, то есть исключительно со своими микробами, а за пределами самого себя его интересуют только вопросы вселенского масштаба. Собственные действия в быту у него всегда на втором месте, а мятежные приключения сознания пользуются прочным приоритетом. Нет и не может быть у меня другого наслаждения, чем ощущать развитие

собственных мыслей. День мой начинался с размышлений и заканчивался ими. При этом текущие проблемы, бедствия и разгулы потребления людского мира меня никогда не интересовали... Вдруг в сознании возник знакомый голос. Его короткие реплики, выстраивающие мое поведение и мировоззрение, я высоко ценил, но наяву услышал всего второй раз: «Приветствую тебя, Мышкин. Я доволен, что ты строго следуешь моим советам. Ты уже полностью доверился моему умозаключению, что вы все – наши *продукты*. У меня есть планы по твоей дальнейшей судьбе. В следующий раз расскажу. Прощай!»

Помню, что, идя с экзамена, я совсем не различал дороги. Все утопало в зелени. В какой-то момент наконец огляделся – оказалось, что я нахожусь в двух шагах от своего жилища. Яркие лучи солнца просвечивали сквозь старую обшивку суденышка. Меня охватила привычная радость от свежести влажного воздуха, ровного течения реки и гомона чаек. Я ощутил уверенность, возникающую всякий раз вблизи родного пристанища. К этой уверенности добавлялось сознание собственной избранности. Я ступил на баркас и убедился, что все на месте. В подобные моменты возвращения в свое убежище меня охватывает сильное и плодотворное волнение, схожее с открытием нового, не прочитанного ранее сочинения Канта.

А теперь вернусь к мысли, развившейся в моем сознании и после прочтения многих томов. Дмитрий Мышкин – *изделие*, именно таким он был создан производителем, или, если хотите, творцом микробиома, а тот уже создал меня. Автором же сего *товара* является Ядро – сингулярное состояние Вселенной, мой современный термин которому – *вещь*. Потом – Взрыв! Это еще не *изделие* – это выброс мельчайших компонентов *вещей*. Ведь я с подсказки *САРО* теперь все называю *изделиями*, и Вселенная состоит из них.

Я – *изделие*, Солнце – *изделие*, Луна – *изделие*, Земля – *изделие*, мой дед – *изделие*. Затем начинаются разные эпохи процесса индустриализации Вселенной. Бариогенезис, барионная асимметрия, эпохи кварков, адронов, лептонов, нуклеосинтеза. Затем – первичные рекомбинации, темные века, реионизация и, наконец, звездообразование – начало формирования светил из межзвездного газа. Начинается зарождение планет, возникновение Земли из протоземного облака – из него образовалась земная кора, затем рождение главного строительного материала Вселенной, а значит и Земли – микробов, уже позже они сформируют газовую оболочку Земли, включающую водород и кислород. Далее начались мутации, то есть вступила в ход сила, открывшая путь к производству всех рыночных живущих *изделий* современности. Появилась планета Земля, ее заселили микробы, включая микроскопические растения, а более крупные растения, эволюционно развившиеся из микрофлоры, и первые животные образовали почву. Результат этого симбиоза – кислород, выделенный из углекислого газа. А далее млекопитающие, а они – основной материал для производства Дмитрия Мышкина. А он создал новую науку! А она – новые механизмы, а они – новые материалы, а вместе они – искусственный интеллект, а он – новое *изделие*: андроидов. А они сотворят новую, мне еще неизвестную *товарную* массу. «Ты стал ближе к нам!» – вдруг в сознании прозвучала короткая фраза *САРО*, я пожелал дальнейшего общения, но он пропал. Так что я не что иное, как результат всех импульсных мутаций микробов за предыдущие миллиарды лет. То есть самая настоящая *вещь*! Итак, модус собственного вещиизма возник и опирается на рациональные умозаключения Мышкина и способствует развитию индивидуальной фантазии, убеждая в возможности преинтереснейшей дороги в вечность. Поэтому я довольно легко

изгнал из сознания лежащую бременем мысль, что я представитель вида, называемого «венцом природы».

Кстати, каждому человеку необходимо давать имя. Как любому товару на рынке. Это соображение порадовало меня и побудило развить его. «Думай, Мышкин!» – приказал я себе. Например, мне пришло в голову, что разрушителей экологии надо называть «ядохимикаты». К этому сорту я бы отнес всех представителей шоу-бизнеса. Так называемых «звезд» и «королей». Тонны их кислотных нарядов при распаде заражают окружающий мир. Безмозглые куклы, они ради минутной славы и наживы с восторгом и гордостью отравляют собственный дом. А их почитателям-фанатам подошло бы имя «уценка». Футбольных и хоккейных болельщиков следовало бы объединить термином «неандерталец». Познание мира у них не вызывает интереса, этим существам достаточно покричать, посвистеть, подраться за любимую команду, побывать на зрелище, пообниматься в танцах – и это вместо того, чтобы постигать тайну своего пребывания в космосе. Криминальному сообществу я бы дал имя «клетка». Перед преступлением у его представителей одна альтернатива – доход и мракобесие либо тюрьма. Чиновникам подошло бы имя «привилегисты». Этому сословию присуще неутолимое влечение к материальным благам и телесным удовольствиям. Оно безоглядно использует щедро данное ему некими верховными силами право на необременительное пользование всеми благами нашего мира. У «привилегистов» быстро вырабатываются гурманский вкус, алчность и бесконечное желание потреблять все изощренней и наглее. Я ужаснулся, встретив в Интернете ролики Нагального, обличающие высших федеральных чиновников. Возник острый вопрос: в каких галактиках микробы сформировали свой нравственный статус-кво? Почему они не желают помочь всем земным изделиям?

А выбирают отдельных типов, как я, например. Возвращаюсь к прежнему: многоликое бизнес-сообщество удостою названия «полимеры». В природе это самые загадочные *вещества* с огромной молекулярной массой. Большая тайна, где они зарождаются и как заканчивают свой жизненный путь. Это *товар*, имеющий разветвленные пространственные связи. Но и в этой группе редко встретишь образец с достойным показателем НИС (эйч-ай-си) – высшего выражения сознания...

По ходу размышлений я обратился к новой теме – а именно к андроидам. «Ничего удивительного, – пришло мне в голову, – что они станут более совершенным продуктом, чем я и все другие люди вокруг, и начнут относиться ко мне, к нам всем как к *изделиям*, то есть без малейшего сочувствия, как я сегодня без особого интереса отношусь к гамма-резонансной спектроскопии». Они станут покупать меня, всех нас так же, как я сегодня покупаю перепелов, ломоть хлеба, за которые способен расплатиться скромным рыбным доходом. Но и у них не вечно будут главные роли на вселенской сцене. На смену андроидам через несколько десятков лет придут *космикос обитанте*. Эти уже будут смотреть на андроидов, а также на звезды, планеты и кометы исключительно как на *товар*. Звезды будут иметь свою стоимость, кометам придадут функции посыльных, планеты станут у нового вида обменным фондом. У меня пока нет предположений, как именно пришелец, который придет на смену андроиду, станет относиться к нам, нынешним *изделиям*. Для такого случая необходима мозговая атака. Вернемся к человеку-*товару*. Сегодня он присматривается к *вещам* на прилавках и в Интернете, приценивается к тканям, обуви, квартире, земельному участку примерно так же, как медведь к выбору берлоги, пчела к улью, крыса к местечку для норки. Если кварки, звезды, кислород,

вода – изделия, то почему Дмитрий Мышкин не изделие? Он состоит из того же материала! Он такой же продукт из мусора Вселенной. Да-да, ядро исторгло из себя отработанный материал, а из этих отходов волей случая и возник я. Кварки, фотоны, лептоны во мне не мои собственные, а перемещающиеся. Они же вечные. Когда-то они плясали в медузах, потом кувыркались в динозаврах, после чего резвились в мамонтах, трепали нервы неандертальцам. И вот добрались до Дмитрия Мышкина. В дальнейшем они же, так называемые мои сверхмалые, переместятся в другие изделия и вещи на безразмерной полке Вселенского разума. Между прочим, заверю я вас, для безупречности мыслей необходима чистейшая вода. А в окружающем Мышкина мирке ее не так много. Я пью воду в основном из Волги. Великая река, но, как и Вселенная, загрязнена отходами. Мои микробы раздражены внутренней экологией, они бастуют. Потому и суждения мои частенько странные, а кристально прозрачные перлы среди них – редчайшее явление. Для точности и силы интеллектуальных выводов необходимо выстраивание всего ассоциативного исторического ряда. Лишь свободное оперирование фактами и смыслами, отказ от шаблонов, новизна подходов в аналитике способны вызвать восторг у меня самого. Внутренняя высокая экология, убажачающая микробов, – основа для возникновения этих чувств. Ох, как редко я испытываю такое восхищение! Чаще меня переполняет ненависть к себе и миру, особенно когда я натываюсь взглядом на женскую фигуру, а конкретнее, на ту скромную точку, откуда такое убогое *изделие*, как я, и появилось на свет. Существует очевидное несоответствие между статусом человека, установленным природой посредством слепых мутаций, и лестницей учтивости, ранжиром венценосности, закрепленными социумом без согласований с Творцом. Явная ошибка, несправедливость!

Неожиданно в голову пришла оригинальная мысль: «Если порядок всегда ведет к разупорядоченности и наоборот, то деградация и совершенствование, рождение и смерть, гибель и воссоздание должны лежать в основе мироздания. То есть если я смертен в смертной Вселенной, являясь ее фрагментом, то что же может отличать меня от ее продуктов? Миры, звезды, кометы, животные – это космические изделия. Они появляются, рождаются и исчезают, умирают, являясь разноразмерными сюжетами мироздания. Что нас различает? Масса, энергия, место обитания, время бытия. Момент рождения и смерти определен хозяином – Высшим разумом – через геномы микробиомов. А он заказывает себе *товары* на конкретный срок, определяемый по собственному выбору, без вмешательства каких-либо инстанций. И весь вселенский мир для него всегда лишь ассортиментный *товарный* ряд. Ведь жизнь дается мне и всем остальным в кредит. Захотелось хозяину увидеть меня, и я появился, пожелал он, чтобы я проникся идеей, что я *изделие*, и вот именно это убеждение стало моей сутью. Многие из людей не знают, что каждый из них представляет собой *товар*. Своими поступками я должен, обязан доказать публике, что мы в современных экономических условиях, то есть при капитализме, такой же *товар*, как шкаф, телевизор, автомобиль, холодильник, соловей (в клетке или пока на свободе). Каждый субъект Вселенной имеет свою судьбу, и она обязательно предполагает смерть в любой ипостаси. Был одним существом, стал совершенно другим. Даже Время как сюжет мироздания тоже не вечно, у него есть свой присутственный срок, а умирает оно сказочно беззвучно. Я бы поспорил с Платоном. Его заявление, что Время движется подобно вечности, как поэтический образ возможно использовать. Но оно так же не вечно, повторяю, как любое другое *изделие*, скажем как тот же Дмитрий Мышкин.

Я уже говорил, что состою из всего того, из чего состоит Вселенная, то есть из микробов. По завершении стадии моего существования и акта, который называют смертью, куда деваются мои кварки, фотоны, нейроны и так далее? Они не могут быть смертными, они переходят в другие *изделия, вещи...* От безумства и гордыни человек переоценил себя! Какой он венец природы? Колоссальный вред наносит ей исключительно он. Только он! Но с апломбом почему-то продолжает твердить, что он ее высшее назначение и достижение. Совершенно не замечая, что он повсеместно и все более извращенно вступает в ожесточенные столкновения с собственным видом и с другими *товарными* видами планеты, то есть с ассортиментным хозяйством Высшего разума. При этом ошибочно считая, что он и есть Мессия. Я не без удовольствия сменил бы свой статус Homo sapiens на какой-нибудь вариант из классификации животного мира или даже объединился ради игры воображения с мужским, женским, бесполом *товаром* своего вида. Ведь что такое Дмитрий Мышкин? Совокупная информационная платформа. Он как *изделие* состоит из фрагментов Вселенной. Разница между мной и андроидом не столь уж значительная – просто его собрали из неорганических деталей, а меня из органических. У Мышкина не раз возникало навязчивое желание, чтобы публика признала его и себя *товаром*. И чтобы кто-нибудь обратился ко мне с предложением: «Эй, *вещичка*, нет ли желания соединиться со мной на недельку, чтобы мы стали одним более впечатляющим, не похожим на других, *продуктом?*» Потребность сомкнуться с другой *товарной* структурой охватывает меня довольно часто. Но интегральное перевоплощение замечательно лишь тогда, когда оно по-новому раскрывает потенциал собственного разума. Например, сегодня я бы с великим наслаждением слился с Жан-Полем Сартром, чтобы стать соавтором его эссе «Для

кого писатель пишет?». Добавил бы к тексту рекомендации сочинителям, пояснив, что «при колебании молекул изменяется положение атомов или при переходе колебательного кванта на более высокий уровень наблюдаются обертоны». Мне интереснее через Интернет (а я ухитрился обзавестись на своем баркасе сносной техникой) общаться с физиками и философами. Литераторы в основном люди малограмотные... А завтра я бы соединился с крысой, чтобы полазить по закоулкам чужих тайн. Меня интересовали бы дома правителей и парламентариев... Затем хорошо бы стать нераздельной частью Хуана Льоренте, просвещенного комиссара инквизиционного трибунала в Логроньо и историка испанской инквизиции. По мне времена инквизиции похожи на наши, с их войнами за место на рынке. Одни торгаши настаивают, что весь товар должен быть китайским, другие – что он должен быть американским, третьи – что европейским. Или российским, или турецким... А вот инквизиция в свое время приказала: на земле Испании весь товар должен быть испано-христианским. И трибунал изгнал с испанских прилавков *товары*, которые производили мусульмане, евреи, буддисты. Некоторые ловкачи выдавали *изделия* из иноземных краев за местный *товар*. Такие *вещи* с новыми документами и под новыми именами остались в стране инквизиции. Но важен бескомпромиссный подход к делу!

Я также слился бы с полицейским нашего городка, опекающим брошенных родителями на произвол судьбы несовершеннолетних. Он постоянно заявляет, что они рождены взамен уничтоженных охотниками волков и шакалов. Интересная версия – я хотел бы понять, в каких закоулках его сознания она родилась. Злобный глупец всегда найдет кого-то, над кем можно безнаказанно потешаться. Наконец, я скрестился бы со всемогущим коронавирусом – хочу ощутить силу экзистенциальной неотвратимости смерти,

преодолеть ее зловещее наваждение. Такое состояние, несомненно, обогатит мое сознание неведомым ранее событийным прозрением. Мы сейчас на пороге жестоких столкновений между высокими технологиями и возрастающими требованиями социума. Тут неизбежен конфликт, переходящий в боевые действия. Каждая сторона агрессивно старается утвердить свою модель будущего развития. Индустрия ратует за эволюцию ИИ и инвестирует в него миллиарды долларов. Социум в исступлении требует развития рынка потребления. Но одно исключает другое! А как распорядятся будущим различные коронавирусы, еще и вовсе не ясно. Я в этом смысле достаточно спокоен, ведь у меня деликатный контакт с собственным микробиомом. Он лучше самых известных врачей и медикаментов окажет мне необходимую помощь.

Я слился бы и с заведующей местного рынка, взимающей поборы с продавцов, – чтобы вникнуть в методику самооправдания ее греха и поразмышлять, способен ли я, Дмитрий Мышкин, без возмущения интегрировать этот инструмент в собственное сознание. Или, еще лучше, воссоединился бы с Даниэлем Дефо, чтобы вместе с ним создавать «Дневник чумного года», вникая в свидетельства о Великой эпидемии, бушевавшей в Лондоне за полвека до того. Тот разгул Черной смерти подтверждает мое убеждение: человек – это чей-то *продукт*, а значит *изделие*. Чума тогда послужила для отбраковки негодного материала, определения качества наличных товарных запасов. Людская борьба за выживание и за собственный статус сравнима с поведением наших меньших братьев, составляющих ассортимент лесного мира. Несомненно, все мы, *изделия* разносортного *товара*, – однородный вид. *Товар* должен соответствовать заявленным стандартам, иначе ему нет места на полках потребления.

Размышления привели меня к решению перейти от теории к практическим действиям, а именно убедить в моих выводах мышкинцев. Как это сделать? Начать надо с простых и безопасных экспериментов. Я первым делом предложу себя на роль манекена в магазин одежды. Как сложится ситуация, покажет опыт. Зерно вкладывают в борозду и ждут всходов. А пока постараюсь, чтобы в моем сознании возник новый собственный образ: я – *изделие*-манекен. Чем лучше я войду в эту роль, тем интереснее. Впрочем, может быть, эта работа, если я на нее устроюсь, вернет меня к образу обычного человека? Не хотелось бы! Надо взглянуть в Интернет, чтобы узнать цену манекена. Ага, от 10 до 13 тысяч рублей. Немного. Плюс доставка – еще 2–3 тысячи. Да, но манекен покупают на три года, а то и на пять лет. А я предложу побыть в этом качестве четыре-пять месяцев. На жизнь мне необходимо минимум 3 тысячи в месяц. Только на питание и разве что на покупку какого-нибудь предмета одежды, если она совсем износится. Похоже, даже с таким скромным запросом вряд ли найдешь на себя покупателя. А если без содержания, на пару часов в день? Как волонтер, как практикант? Как начинающий агент в сфере маркетинга? Как независимый аналитик торговли? У нас в городке есть небольшой магазин одежды. Надо срочно поговорить с его начальством. Итак, я еще раз про себя повторил условия дебютной попытки: «Я – *изделие*, я – *товарный* замысел, и мне необходимо найти варианты для продажи самого себя». После этого я перебрался с баркаса на берег и быстро двинулся по Угличской улице. Приближался полдень, весь Мышкин был объят ярким солнечным светом.

В наш маленький и захолустный городок эпидемия коронавируса едва добралась. Общественные заведения по-прежнему работали, а жители, встречавшиеся мне по дороге, были, по моему предположению, одержимы одним общим

желанием – найти заработок. Глядя на их встревоженные лица, я чувствовал очевидное собственное преимущество. В руках у меня был козырь – при найме на работу я не требовал никакого вознаграждения. В состоянии восторга я особенно ясно понимал, что только разнообразные вариации статуса способны подхлестнуть мое воображение и зарядить «батарейки» микробиомов для совершения будущих превращений. Интерес вызывал вопрос: как к этой идее отнесутся мои микробы? Внутренний голос, исходящий от них, сообщал: «Эта идея нам нравится». Видимо, поэтому ничем не примечательная улочка представлялась мне сейчас широкой столичной магистралью. Через семь-восемь минут я стоял перед магазином одежды. Обе его витрины были крайне невыразительны. Никаких манекенов не было. У меня окрепла уверенность в успехе предстоящих переговоров. Настроение поднялось до небес, похожих сейчас на гладь волжских вод. Я с силой толкнул дверь этого скромного храма городской моды и решительно шагнул внутрь. И тут же произнес, вежливо, но с достоинством, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Хотелось бы переговорить с владельцем или директором вашей торговой площадки.

– Вы по какому вопросу? – спросила одна из трех дам, стоящих перед стеллажами с одеждой.

– У меня предложение насчет работы, – сказал я, невольно следя за ее лицом. На нем забавно выразилось крайнее удивление: лоб наморщился, а тонкие брови поползли вверх, так что казалось, вот-вот коснутся старательно уложенных волос.

– Не поняла, вы ищете работу или предлагаете? – Брови опустились на свое место. – У нас свободных вакансий нет. И никто из нас работу не ищет.

Изделие, наделенное силой воли, каким являлся я, всегда сохраняет спокойствие. Я продолжал столь же бесстрастно:

– Я практикант и хочу поработать у вас... манекеном. Безвозмездно. То есть бесплатно. По три часа в день. Практика продлится четыре месяца.

– Как манекеном? – Брови опять поползли к аккуратной укладке. – Как бесплатно? Богач вы, что ли?

Тут в голову пришла мысль Канта: «Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого». Как это кантовское изречение связано с вопросом ко мне директрисы магазина, я не до конца осознал. Лишь застывшее от напряжения и недоверия лицо моей собеседницы вызвало у меня в уме эти грустные строки философа. Конечно, я сохранял невозмутимость под ее несколько растерянным взглядом и постарался убедить даму сдвигающимися бровями в чистоте своих намерений.

– Дело в том, что роли манекена в торговле и маркетинге будет посвящена отдельная глава в моей дипломной работе. Как раз сейчас я над ней тружусь. Тот, кто умеет хорошо завязывать узлы, легко плетет веревки. – Здесь я подумал, что необходимо улыбнуться.

– Меня зовут Наталья Андреевна, – как-то задумчиво представилась дама. – Я заведующая магазином. Позвольте, молодой человек, узнать, на кого вы обучаетесь?

– Я будущий инженер-дизайнер, – тут же придумал я.

– Манекен – ведь это кукла, муляж, – занервничала Наталья Андреевна. – Вы хотите сказать, что сможете простоять в витрине без движения три часа?

– Я тренировался, – опять сочинил я. – Каждый час буду переодеваться в новое, рекламируя ваш товар. То есть предусмотрены паузы. Потом... – Я еле сдержался, чтобы не предъявить ей свой аргумент, согласно которому человек – это вообще-то *товар*, а потому он легко способен стать манекеном. Но сказал другое: – Таким образом, без

движения стоять придется меньше часа. Это нетрудно, я проверял. Проводил тренинги...

– Надеюсь, вы не планируете стоять в витрине в ночные часы? – в раздражении пожала плечами Наталья Андреевна. – В это время магазин наш под охранной сигнализацией.

– У него сорок четвертый размер одежды, – вмешалась дама у стеллажа. – И рост небольшой. А размер обуви никак не больше тридцать седьмого. Его, Наталья Андреевна, и в витрине не заметят. Да и тощий он – одни ребра, и головка как у первоклассника. Что он сможет рекламировать? Костюмы для кощеев, обувь для лилипутов? – Она засмеялась собственной шутке, хотя коллеги сохраняли молчание. – У нас на его нестандартную фигуру товара нет, да и в городе все мужчины крупнее! Он вообще какого пола? Не переделась ли девица, разыгрывая нас? Смех и грех!

Это было сказано с издевкой в голосе. Дама не скрывала, что решительно против моей идеи.

«Таких упертых ничем не обольстишь, и красноречие тут не поможет, – мелькнуло у меня, а микробы словно рассмеялись, я почувствовал, что мое тело затряслось. – А мне и в голову раньше не приходило, что я нестандартный и выгляжу бесполом *изделием*. Может, это даже к лучшему...» Впервые мне довелось услышать откровенную оценку моих незавидных форм. Впрочем, ничего удивительного. Изношенный ботинок, скелет вороны, потертый саквояж, крыса, разваленный баркас, клоп – в этом же ряду и я. Общее у нас то, что мы никому не нужны, кроме собственных микробов. А в чем различие? И существует ли оно? Если мой ум работает с помощью кварков, нейронов, фотонов и так далее, то есть с помощью тех фрагментов, из чего состоит Вселенная, то ведь и все вещи складываются из этих же частиц. *Товаром* я называю все вокруг, а если кто думает, что мой баркас или изношенный ботинок неживой *товар*, –

ошибается. При гниении и распаде возникает его вторая жизнь. А если так, то и башмак, пенал, кошка, судак, ель, гриб и прочее способны с разным коэффициентом применения пользоваться своим серым веществом. Бытие Дмитрия Мышкина и вся сущность Вселенной совершенно не осмысленны и не изучены моим *товарным* сословием, но при этом они настолько взаимосвязаны и однородны, что я всецело доверяюсь своей версии... В этот момент мои раздумья прервал голос заведующей:

– Вы, молодой человек, не обижайтесь, но мы сейчас не договоримся. – Наталья Андреевна отступила к обитой кожей двери, где, наверное, был ее кабинет. – Желаю вам написать диплом и получить отличную оценку. О вашем предложении я все же доложу владельцу магазина. Последнее слово за ним. Всего доброго. Загляните на следующей неделе.

Я кивнул и молча вышел. В душе саднила легкая обида. Представители моего вида заявляют, что самое важное для них благо – это общение с себе подобными. Но у меня все наоборот: любой контакт с окружающими доставляет мне горечь унижения, после чего Мышкина гнетут моральные травмы – разочарование, депрессия, желание спастись в самоизоляции. Возможно, это влияние *САРО*? Но, может, я их, этих умников, не до конца понимаю? Может, они мечтают размышлять, лишь созерцая разнообразные бренды, а не ведя разговоры с себе подобными? Женщина смотрит на флакон «Шанели» и создает в воображении некий волшебный образ... В доме Сальвадора Дали над супружеской кроватью Елены Дьяконовой десятки лет висел портрет Сталина. С кем чаще любезничала Гала, от диалогов с кем она получала удовольствие? С мужем или с портретом? Балерина Екатерина Гельцер всегда носила с собой миниатюрные пуанты. Она вела длительные беседы об искусстве

исключительно с ними. Наш городской фотограф Алексей Бутылкин, обвешанный камерами, разговаривает только со своими аппаратами, нередко даже вслух. А ветеран пожарной службы Ярославля, живущий теперь в Мышкине, Плауцин, не расстается с небольшим брандспойтом. Все беседы о смысле жизни он ведет с этим другом по былой борьбе с огнем. Известный в городе казиношник Петр Шлом открывает свои заветные думы только игральным картам. Он даже спит с ними. Кто знает, возможно, он испытывает к ним и эротические чувства. Немудрено: *товар* находит привлекательным проникновенные беседы с другим *изделием*! Может, и мне найти себе друга? Например, смастерить миниатюрный катафалк? Он станет моим движущимся приятелем. Он – конец текущего Мышкина и зачин моего пути вечного. Ведь скелет тоже *вещь*, а в данном случае и старт интеллектуальной вечности. Этакая апология бессмертия. Ведь кончина здесь не способна быть конечной во Вселенной. Впрочем, я могу пребывать в заблуждении... В этот момент в голове вспыхнула цитата Канта: «Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве». Я сразу послал воздушный поцелуй мыслителю.

Мышкин прошел по Штабской, свернул на Никольскую и вышел к Волге. Что делать дальше? Человек награждает себя прошлым или настоящим либо отнимает у себя эти времена и живет будущим. Я должен пояснить, что у меня есть только настоящее. Оно реальное! Куда ж податься? Где и как осуществить свое, так сказать, экзистенциальное присутствие? Куда, в кого вселить себя на время? Я безразличен к публичным удовольствиям. Впрочем, Мышкин, как и вся чиновная Россия, заботится о замещении импорта собственными ресурсами. Вот я развлекаю себя исключительно одиночеством. На городском изломе Волга в июне течет

как-то особенно быстро, совпадая с ритмом моих мыслей. Людей поблизости почти не было, лишь первые еще слепые комары липли к лицу. «Вначале, обогащая себя практикой интеграции в другое изделие, лучше продолжить с бессловесным *товаром*. Что, – подумалось мне, – если на сей раз предложить себя на место манекена-охранника?» У Букингемского дворца в Лондоне, как известно, дежурит королевская гвардия, и церемониальные обязанности гвардейцев схожи с функцией манекенов. Они забавляют туристов. Идея неплохая. Жаль, что такой службы в нашем городке нет. А может, наняться натурщиком к художнику? Слабо! Но попробовать можно... Только как найти его? Пойду в картинную галерею, что на Карла Либкнехта. Главное, никакого общения с работодателем. Выполняешь приказы, но сознание занято собственными идеями. Реальность внешняя и реальность внутренняя – они постоянно враждуют, отторгаясь друг от друга. И этот разомкнутый, возмущенный восторженными рисунками мир меня вдохновляет.

Музей был открыт и почти безлюден – коронавирус тут ни при чем, он довольно часто пустует. Директор его – супруга мэра, поэтому скромный городской бюджет содержит эту безлюдную институцию. По залу музея ходила немолодая женщина. Она не останавливалась у экспонатов, не разглядывала картины. «Сотрудница», – решил я и подошел к ней с вопросом, не знает ли она художников, живущих в нашем городе.

– Вы интересуетесь живописью? – Она довольно неприступно оглядела меня.

Я признался, что в живописи разбираюсь слабо, а хочу устроиться натурщиком ради заработка.

– Таких художников в Мышкине нет, – с мрачным видом заявила музейщица. – Есть два мариниста, рисующие

Волгу. Им натурщики не нужны. – Она остановила на мне по-прежнему неприязненный взгляд, давая понять, что разговор окончен. Я, однако, не отступал:

– Спасибо. Не назовете ли их имена и адреса?

Выяснилось, что речь идет о художнике и художнице. О ней моя собеседница ничего не знала. А про художника, поколебавшись, сообщила, что его зовут Матвей Кастерин и проживает он на улице Самкова.

Я поблагодарил и вышел из музея под ее осуждающее ворчание. Видимо, ей не понравилось, что я не удостоил взглядом ни одну из картин в зале. Улица Самкова была в пяти минутах ходьбы. Возможность встречи с маринистом подзадоривала меня. Поймет ли он меня? Главное, не показать зависть к его статусу и таланту. Кроме того, он не должен знать, что в моей голове каждую минуту рождаются тысячи разных мыслей. Быть самим собой позволительно лишь в одиночестве. А при общении с гражданами я вынужден надевать на себя маски – от напускного равнодушия до глупой восторженности. Удовлетворения от встреч с ними у меня никогда не возникало. Природа этого состояния мне совершенно неизвестна. Кстати, как становятся художниками? Не с помощью ли трансдукции молекул ДНК? Конечно, микробы формируют способности самых разных профессий. Известно, что древние люди умственно были не развиты, но ощущали и воспринимали мир в богатстве красок... Вот и улица Самкова. Зайду в первый дом, тем паче он небольшой и явно частный. В палисаднике играл с собакой мальчик лет десяти-двенадцати. Я спросил, не знает ли он Максима Кастерина, и получил неожиданный ответ:

– Это мой отец. Позвать?

– Да, пожалуйста, – попросил я.

Повезло. Конечно, я не стану посвящать мариниста в особенности моего мироощущения. Не скажу ему, что,

по моему убеждению, если чувствуешь себя изделием, товаром, то сознание тебя не обманывает и довольно легко можно стать натурщиком. А кто по своей сути позер? Почему он не *товар*? Его наняли, купили на несколько часов или дней, ему указывают, как сесть, встать, нагнуться, и он молча повинуется. Чем же он отличается от изделия? Тем, что у него есть внутренний мир? Способны ли ученые доказать, что цветок в вазе, помещенная в клетку мышь лишены внутреннего мира? Вспомним опыты биолога Джо Цина, выявившего мышей с более развитым интеллектом, но, как оказалось в результате исследования, также имевших и высокую болевую чувствительность, повышенный уровень тревожности и восприимчивости к стрессу. Разве они, находясь в вазе или в клетке, не становятся *товаром*, влияющим на эмоциональный настрой владельцев? А слесарь, инженер или тот же натурщик? Они в конечном счете обеспечивают своему работодателю доход, но наделены не только потребительскими свойствами, а могут вызывать симпатию или неприязнь. Внутренний мир данных объектов покупателю совершенно безразличен. Но и закону совершенно не интересен внутренний мир предпринимателей и прочих налогоплательщиков. Они для закона – субъекты хозяйственной деятельности. То есть тоже *товар*. Ставки по налогам, инструкции по найму и увольнению, лицензионные сборы – все это можно сравнить с клетками для мышей или вазами для срезанных цветов. Вне этих клеток и ваз в широком смысле ни одному земному созданию жить невозможно. Клетка лишает свободы, но она же защищает, сохраняет, успокаивает. Насыщенность бытия в одиночестве существенно выше, чем в обществе. Могу заявить: мне повезло, за мои двадцать восемь лет содержанием моего сознания никто не интересовался. Я сам ни у кого не спрашивал о том, что творится в их головах, да и не желал

бы этого знать. Если человек сегодня публично признается, что он Адольф Калигулович Сталин, то есть трое в одном то, что произойдет? Перед ним закроются все двери, ему отключат доступ к ТВ и радио, откажут в продвижении по социальным лифтам? Он будет предан всеобщему презрению? Нет, не закроются, не откажут, не предадут. Напротив, он станет предметом массового скандального ажиотажа, а значит, его цена многократно возрастет. Да-с, человек такой странный *товар*! Уже в ближайшее время каждый начнет охотно, с чувством признаваться, что он тоже *изделие и товар*, да не простой, а эксклюзивный. А после того как мир заселят андроиды, такое откровение станет спасительным. Иначе не сохранишься. Чистосердечное признание будет гарантировать виду выживание. Представьте себе, что мыши или цветы заявили бы сегодня, что они – венцы природы, а каждая их особь – носитель индивидуального сознания, и потребовали бы от человека признать их законы. Какова была бы их судьба? Homo sapiens без колебаний уничтожил бы любого конкурента, посягающего на его престол. Тем более он ликвидировал бы потенциальных соперников с низким показателем НИС, высшего выражения сознания. Такой же мир сложится и при анроидах. Они никому не позволят претендовать на трон. Это непреложное знание ближайшего будущего объясняет мое полное отречение от статуса Homo sapiens уже сегодня. Если в наступающей эпохе ИИ человек начнет настаивать, что он никак не *товар*, что у него есть свой внутренний мир с чувствами и мыслями, а андроид просто не способен его познать, как мы не способны понять размышления мыши, то человек как вид исчезнет столь же быстро и бесследно, как в свое время навсегда покинули планету Земля неандертальцы. Вообще-то с моей ментальностью мне комфортнее было бы жить в эпоху безраздельного торжества Иску-

ственного Интеллекта. Я ведь без всяких там комплексов и претензий признаю себя *товаром*. И никаких укоров собственному честолюбию не испытываю. В мире, где станет безраздельно властвовать Искусственный Интеллект, мне легче было бы найти себя. Исправное обиходное изделие всегда востребовано и найдет себе применение. Мне уже давно мыслится, что интеллект в своей множественности представляет одну и ту же сущность – набор микробов. Пора осовременить понятие ментальности, актуализировать вопросы гибридизации, видовых слияний, начать либерализацию межвидовых связей. Дмитрий Мышкин щедр на идеи.

Из дома наконец вышел человек лет сорока. Непонятно, почему смотрительница музея назвала его парнем. Наверное, она знала его с детства. Лицо у него было отечное, под глазами круги, голова с залысинами. Рубашка явно наброшена впопыхах и не застегнута, так что виден деревянный крест на груди.

– Я Кастерин, – сказал он глуховатым голосом. – Вас интересует живопись? Здесь у меня есть несколько интересных работ. Пожалуйста, можете пройти. Но в кредит я свои картины не продаю.

«Нет никакого смысла с ним общаться, – стало мне ясно. – Не тот персонаж».

– Нет-нет, я не покупатель, – признался я виновато.

– А что вы хотели?

Я помедлил, затем все же неуверенно спросил:

– Вам не нужен натурщик?

Маринист не выразил никаких эмоций, но внимательно оглядел меня со всех сторон, обойдя вокруг. Потом крепкими толстыми пальцами прощупал мои плечи, руки, спину, бедра. Закончив осмотр, он фыркнул разочарованно, перейдя на ты:

– А кого с тебя напишешь? Натурщик... На мультфильмы я не работаю, киностудии – это не мое. За известностью не гонюсь. Чем меньше меня знают, тем дороже я стою. Я эгоцентрик и себя оцениваю как современного Айвазовского. Если берусь за портреты, то свои модели в разных масштабах могу всегда мысленно вообразить и зарисовать. Заказчикам и критикам нравится.

Повернувшись к сыну, он прикрикнул:

– Хватить бездельничать, обедать пора. Мать стол накрыла! – и, не простившись со мной, скрылся в дверях.

Оставшись снова в одиночестве, я с облегчением вздохнул. Какое все-таки великое удовольствие находиться наедине с собой! Меня удивило, что маринист так откровенно расхваливал себя. Лично я считаю себя малоинтересным для других субъектом. Я приучил Дмитрия Мышкина радовать себя лишь фантазиями собственного разума и считаю, что творчество исключительно в себе, в сознании, но никак не вне его, оно обогащает и украшает мою странную жизнь. Поэтому волчьей хваткой цепляюсь за него, словно существует уйма желающих отнять его у меня. Правда, судьба научила переносить всякий бытовой дискомфорт с терпением или отключать себя от реальности. Именно так ведет себя весь окружающий человека мир. Наблюдая за ним, он философски молчит без желания осмыслить людское потребление! У него нет желания общаться с нами. И во мне то же настроение – сократить до минимума взаимодействие с человечеством. Это ли не подтверждает мою убежденность, что я являюсь неким *изделем*? Вот только что художник осматривал меня именно так. Со всех сторон, как в магазинах покупатели разглядывают диван, велосипед, шкаф, кусок мяса на борщ. О, человек – царь нашей природы! *Вещизм* пропитал моих современников до самого нутра. У большинства из них высшая степень душевного восторга

вызывается именно соприкосновением с ассортиментом торговых площадок. Поэтому почти в каждом из людей гнездится зависть. Я хочу оставаться не востребовавшей, брошенной *вещью*. Впрочем, совершенно не чувствую себя инфицированным этой хворью, а созерцательно saniрующим свой взбалмошный разум, и в этом статусе я вовсе не труженик, а развлекающийся. Ничто другое не вызывает во мне больше удовольствия, чем метаморфозы воображения. В этом смысле я совершенно не чувствую себя одиноким, потерянным типчиком, накрепко пристегнутым к цивилизационным ремням XXI века. Меня вдохновляют пространство и время, а они притягивают к моему сознанию Вселенную, Солнце, звезды, волжскую воду, лунный свет, поля, наливающиеся колосьями злаков, леса, в которых торжествует бурная вегетация, долины, наполненные благоухающими цветами, океаны со своим огромным подводным миром. А не неумный потребительский рынок. Мой многоэтажный разум ограничивает чувственность к взбудораженному людской массой коронавирусу. И вся эта необъятная реальность свободна, входи в нее, выходи – сознание не препятствует. У одних – идиллия! У других – развитие чувство страха смерти! Самолюбование вирусным кризисом! Напряженная философская рефлексия об иммортализме. Размышления о политике и морали! В каждом мгновении – разнополярная игра разума. Да, я довольно странное существо, буквально в каждом мгновении меняюсь, одно наваждение сменяет другое. Еще не пришло время – а может, оно вообще не наступит, – чтобы я признался в любви к чему-то или к кому-то, кроме собственного сознания и микробов. Эти мои странности лежат в основе мудрости или бедности разума? Но, может, они – показатель богатства моих инстинктов, сформированных ансамблем микробов? Опять не то! Впрочем, я и Вселенная не распадаются на эле-

менты, на сверхмалые частицы. Мы одно целое в разных объемах и ипостасях. Именно одиночество, моя природная склонность способствовали рождению неожиданной идеи слияния с другими существами. Это тоже характерно для сверхмалых величин, из которых и состоит космос. Они во всем и во всех. В доисторическом мире, у прародителей настоящего, царили менее спокойные темы. Но напряженно вспоминать далекое прошлое – лишний раз будоражить сознание неувлекательными темами.

Две утренние встречи убедили меня в неизменной сущности моих сородичей. Думаю, они рассчитаны генетической программой на отношение друг к другу как к *вещи* и *изделию*. Но я из-за собственной никчемности обречен на не востребованность, если в голову не придут соблазнительные идеи. Ну что, *товар* Мышкин? Давай проекты, Дмитрий! Иначе будешь приближать время новой неизвестности. И я с нетерпением ожидаю этого события, потому что мир, особенно во время коронавируса заполненный мемами, эмодзи и гифками, эсэмэсками, перегружает мой и миллиарды планшетов и айфонов планеты, и он осточертел! Карантин коронавируса спровоцировал их бурный всплеск. Он оглушает людей потоком спонтанных первобытных реакций, и лично у меня нет никакого желания пребывать в такой среде. Да мне это и не грозит, к счастью. На каждом шагу наткнешься на одноклеточного, уткнувшегося в смартфон. А вот человека, склонившегося над умной книгой, почти не встретишь. В библиотеке попадают разве что единичные пенсионеры, на полках в книжных лавках в глаза бросаются пустые опусы в кричащих переплетах.

Каждые три минуты из ютуба скачиваются новые песни и попсовая музыка, каждые семь минут – футбольные матчи, репортажи с вечеринок из ночных клубов, в то время как научные труды по биогенетике – только каждый

пятьдесят девятый день, академические работы по микробам – каждый семьдесят четвертый день, по классической философии – каждый девяносто седьмой день, а по физике Вселенной – каждый сто девятый день. И какое будущее может ждать такое *изделие* микробиома?

Может, новый мир нас очарует? Вселенский колокольный звон или какой-то другой сигнал известит не только меня, но весь наш вид о конце так называемого венца творенья. На пути к новой реальности уже торопится загадочный своей непомерной энергией андроид с пьянящими воображением возможностями. Скорей бы наступило их время! Пусть существа, превосходящие нас разумом, укажут человеку его истинное место на полке или в должностной инструкции. Это будет место ничтожного клерка в кладбищенской администрации, сортировщика мусорного полигона, уборщика в забытой Богом городской ночлежке. И тому подобные вакансии. Пусть сопровождают каждого из нас биркой с указанием *товарной* стоимости и определяют всех, меня в том числе, на скромнейшее существование. Чтобы без дискуссий знать себе цену. Сегодня я огорчен окружающей реальностью, а завтра хочу праздновать победное пришествие ИИ, чтобы принять свой удел в новом будущем.

В итоге этих мимолетных размышлений я почувствовал, что во мне проступает очередной оттенок одиночества. Я послал воздушный поцелуй световым ветрам, словно это могло приблизить счастливое время. А что, если я являю собой пример гибридной генетической дегенерации? Если у меня букет наследственных отклонений? Я ни разу не встречал людей, уверенных, как я сам, что они представляют собой *изделие*. Вполне возможно, что где-то они есть, но в нашем городке типов с похожим мироощущением не найти. Что же теперь делать? Как доказать, что я *вещь, товар* и ничто иное? Переехать в другой город? В Петербург, в

Москву? И обратиться там к врачам с прямым вопросом: кого они видят во мне, вырожденца или, напротив, предтечу личности будущего?

Тут неожиданно в сознании появился *САРО*: «Замечаю твой прогресс. Ты становишься все ближе и ближе к нам. Мысль переехать в мегаполис, подсказанная мной, заслуживает внимания. Ты живешь в этом городке однообразной, монотонной жизнью уже больше пятнадцати лет. Давно прочитаны все книги в местной библиотеке. И что дальше? Чтобы по-настоящему, по-нашему, оценить свой вид, полезнее находиться в большом городе. Я сознательно подсадил к тебе мутуалистические микроорганизмы, они будут способствовать позитивному принятию решения. Ты должен стать микробом и быть рядом со мной во Вселенной». – «Вопрос: а как я выберусь из себя? Во мне около пятидесяти килограмм?» – «Через фекалии. В ста граммах содержится миллиард бактерий, так что без проблем и болезненных ощущений ты окажешься на нашей вечной свободе и жизни... А ты лишь несколько лет назад в местном военном ведомстве взвешивался. Тогда твой вес был 51 килограмм. Сейчас в тебе 47». – «Это не важно, важно другое – нет иного способа покинуть себя? Фекалии... Брррр! Подскажите, пожалуйста, иной путь выхода из себя. И еще: вы говорите “бактерии”, не микробы. Вы же предлагаете мне стать микробом. А тут бактерии...» – «В микробиомную семью входят совершенно все микроорганизмы: протисты – наиболее заманчивая для тебя информация изучить ее парафилетическую группу. Советую присмотреться к различным археям, например к ее гиперацидофильному виду. Интересны для осмысления галоалкилифильные и хемиосмосные бактерии, рекомендую обратить внимание на их пьезотолерантные штаммы. Весьма интересны данные о пьезофилах, они приспособились к экстремальным нагрузкам, их кле-

точная мембрана насыщена большим количеством жирных кислот, позволяющих существовать при самых невероятно высоких давлениях. Грибы способны жить в космических условиях, при самом высоком давлении и экстремальных температурах, посвяти время исследованию увлекательных для познания вирусных семейств. А где бы ты хотел начать новое микробное существование?» – каким-то заманчивым голосом спросил *САРО*. «Сегодня я еще сказать не в силах, дайте время подумать...» – «Думай. Да, после разговора со мной пей побольше, чем привык, воды. Микробиом любит жидкости. Пока», – бросил он и исчез из сознания. А я вернулся в Мышкин, к прежним думам.

Пришла мысль, что существует еще одно занятие, которое мне стоило бы попробовать. Пусть на мне демонстрируют модные прически. Правда, после каждой стрижки надо ждать, пока снова отрастут волосы. Но что поделаешь, если выбор небогат. Я направился в ближайший салон на Успенской улице. Новое искушение подтолкнуло меня пойти по этому адресу. Поборов застенчивость, я вошел в помещение. В зале было всего два кресла, и оба пустовали. Две женщины за столиком в углу пили чай с сухарями. Одна из них, полная, в косовато сидящем парике, приподнялась с вопросом:

– Вас побрить или постричь? Может, и голову помыть? Выбирайте, мы мастера на все руки, – она рассмеялась.

– Спасибо. Я к вам по другому делу, – пояснил я с неуверенной улыбкой, стараясь по мере возможности вызвать их расположение. – Скажите, пожалуйста, вам случайно не нужен натурщик? Так сказать, модель для отработки и демонстрации новых мужских причесок? Я готов работать без оплаты...

– Странное предложение, – буркнула парикмахерша и снова принялась за свой чай. – Во-первых, если вас офи-

циально не оформить, нас оштрафует налоговая служба. А штрафы – будь здоров, какие высокие. Во-вторых, у нас перед зеркалами лежат журналы с разными видами причесок. Да и на стенах фотографии, сами видите. Так что, молодой человек, у нас для вас работы нет. Ни в одной парикмахерской нашей области, да и во всей стране, пожалуй, такую работу вы не найдете. Если только на конкурсах парикмахеров. Но они проводятся в столицах раза два в год. И модели там элитные. Интересно, почему вы готовы оказывать услуги без вознаграждения? – Она с подозрением посмотрела на меня поверх большой чашки в желтый горошек.

– Это не важно, – быстро сказал я и тут же вышел.

Опять осечка, констатировал я про себя. Надо перебраться в Москву или Санкт-Петербург. К совету *САРО* необходимо прислушиваться. Что выбрать? В кармане 20 рублей и больше ни гроша. Пару ближайших дней проведу на рыбалке. Надеюсь, что улов продам, и это покроет транспортные расходы. Только продавать рыбу надо не в Мышкине, а в Ярославле или в Угличе. У нас на нее спрос минимальный. Больше пяти-шести хвостов в день не продашь. Но городок дорог мне, в нем я отлично различаю оттенки собственного одиночества. И вообще, чем скромнее личность в своих внешних контактах и бытовых предпочтениях, тем богаче и свободнее сознание. Но такому принципу агрессивно противостоит современный мировой тренд, – расталкивая всех, используя все приемы проституции, добиваться медийной публичности, получать доход от брака, друзей, бюрократической должности. Повсюду царит этакий сексуальный мультикультурализм, глобализм подавляет этническую идентичность. Что самое ужасное может ожидать меня в столице? Неужели я подвергнусь нынешней наступательной лобовой пропаганде, создающей нравственных монстров, и сдамся? Окажусь неспособным выстоять?

Настолько ли я безволен? Не верю. Так или иначе, у меня нет никакого резона оставаться в Мышкине. Библиотечные книги я вынужденно читаю по второму разу. Москва ближе, чем Питер, а значит, дорога дешевле. Паника и чрезвычайные меры, принятые в связи с коронавирусом, отходят в прошлое, многое уже отменено. «Правильное решение!» – вдруг появился голос *САРО*, но тут же исчез. После его одобрения я вдохновился на переезд. Нужна неделя, чтобы заработать рыбалкой да подсушить лещей как провиант в дорогу. Больше пятнадцати лет я ловлю рыбу на продажу и знаю, что доход в 100-200 рублей в день у меня будет.

Интернет подскажет, где в стольном граде без затрат можно найти ночлег – например, под мостом, в телефонной будке, на том же вокзале, на чердаке или еще где. Тут мысли мои успокоились, а пульс, напротив, стал ускоряться, видимо в связи с появившейся дерзкой идеей переезда в мегаполис. Я почувствовал, что *САРО* рад моему окончательному решению, мое тело пару раз вздрогнуло от его одобрительных импульсов.

В Интернете я быстро набрел на некий Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий. Увидел на экране четырехэтажное строение из кирпича. Запомнил адрес: станция метро «Марьино», улица Иловайская, дом 4. Взял на заметку и другие места, пригодные для ночлега: отстойники вагонов дальнего следования, пустые товарные составы, залы ожидания на вокзалах, если повезет укрыться от глаз дежурных. В теплое время года можно переночевать в парке или сквере, в небольших колониях трудовых мигрантов, в возводимых зданиях или в заброшенном недострое.

Пока я готовился к переезду, до боли привычный облик городских улиц стал умилять меня, напоминая пустынные серые коридоры детского дома. В его казенных стенах раз-

вивалось мое сознание, размышление о мире представлялось как нечто бесконечное, а отречение от реальности и скудного сиротского быта приносило душевный покой. Именно в эти годы внутренний смысл явлений стал вытеснять в моем восприятии действительности все внешние яркие формы. Влечение к отшельничеству, к беседам и контакту лишь с самим собой окончательно утвердилось и постепенно превратилось в страсть. Конечно, нередко в голову приходила мысль: а не изгой ли я? Не чуждый ли для человеческого рода элемент? Ведь я, Дмитрий Мышкин, ни разу не встречал похожего на себя типа. Меня смущало заключение немецкого физика Купперса: «Проблема возникновения жизни эквивалентна проблеме возникновения биологической информации». Мудрец Лао-цзы, учивший, что людям следовало бы меньше задумываться над тем, что они должны делать, а больше – над тем, что они есть, окончательно убедил меня в том, что лично я есть *товар*. Древние иудейские пророки своими призывами навсегда избавили меня от желания обременять себя собственностью и поклоняться сотворенным кумирам.

Пятого июля я оставил свой давно пришедший в негодность баркас и направился в Москву. Возможность глубже познать мир, и прежде всего свой собственный, с помощью богатейших книжных собраний столицы приятно меня волновала. Кроме того, я хотел изучить вопрос о биологическом разделении вида *Homo sapiens* на другие многочисленные и непохожие типы. После мимолетного знакомства с Дарьей у меня время от времени возникало желание присмотреться к женщинам. Никола де Шамфор, которого цитирует Шопенгауэр, заметил: «Они созданы для того, чтобы входить в сношения с нашими слабостями, с нашим сумасбродством, но не с нашим разумом. Между ними и мужчинами существует лишь влечение тел, очень

редко – очарование умов и души». Французский моралист еще не знал, что нашими чувствами, симпатиями, увлечениями управляют микробы. Однако мне для выработки собственного мнения на этот счет необходимо дополнить книжные представления реальным опытом общения с женским полом, спрашивать у моего микробиома мнение на этот счет. Я избегаю контактировать с людьми, но если данная мысль надолго поселится в сознании, она вынудит меня отступить от собственного постулата.

Я добрался от Мышкина до станции Волга автобусом, экологически чистое местечко – мало людей, много зелени. И поразительно! Едва я вошел в здание вокзала, как лицом к лицу столкнулся с Дарьей. Такая встреча никак не входила в мои планы. От неожиданности я растерялся.

– Добрый день, Дмитрий. – Она излучала саму приветливость. – Я рада вас видеть. А вы, судя по вашему выражению лица, в замешательстве.

Я молчал и глядел в сторону. Дарья вздохнула:

– Я ждала вас в гости. Но, видимо, ваш визит еще впереди. Вы уезжаете? Можно спросить, в каком направлении?

– Честно говоря, я тоже хотел пообщаться, – в смущении выговорил я. – Но все никак не получалось... Заботы... Жаль... А еду в столицу...

– Надолго? – заинтересовалась Дарья. – Будете все же поступать в университет?

– На месте стану решать... Простите, до отправления поезда двенадцать минут. Я должен торопиться...

– Доброго пути. Не забыли мой адрес? Запомните-запишите и мою электронную почту: darsok@mail.ru. – Она смущенно улыбнулась. – Расскажите, как устроились в Москве.

– Хорошо, постараюсь.

– Напишите мне! Буду ждать. – Она повернулась и затерялась в жидкой толпе пассажиров.

Я занял место в электропоезде Рыбинск – Москва. Встреча с Дарьей еще какое-то время занимала меня. Но больше одолевали недобрые предчувствия от встречи с неизвестным чужим миром. Он словно заранее утомлял меня, и я торопился изгнать из сознания его образ-наваждение. Я прощался с городком Мышкиным, с баркасом, гниющим на волжском берегу, с короткими городскими улицами, со школой, в которой я все-таки получил аттестат о среднем образовании, с библиотекой мертвецов, чьи трупы оживлялись в моем сознании каждый раз, когда я открывал их книги.

Белорусский вокзал встретил меня разноголосым шумом. Скрежетали вагоны по рельсовым стыкам, стучали в разном ритме по платформам сотни каблучков, галдела и гудела толпа на вокзальной площади, резко сигналили автомобили. Добавьте еще возгласы носильщиков, призывы продавцов разнообразной снеди, мерные речитативы громкоговорителя, извещающие о движении поездов. Высоченные дома окружали вокзал, словно гигантские пограничные столбы. В звуковой какофонии я различил пронзительные завывания сирен патрульных автомобилей и карканье ворон, высматривающих в мусорных урнах, чем поживиться. Я оцепенел от гвалта, закрыл правое ухо ладонью, и меня пронзило сомнение: «Правильно ли я поступил, переехав в этот сумасшедший город? Не грубейшая ли это ошибка? *Я izdelие, товар*, я хочу предложить себя в пользование любому, даже без вознаграждения. Но сознание мое должно принадлежать только мне, уникальному Дмитрию Мышкину». Одновременно меня посетила надежда: может, здесь я обрету новый оттенок одиночества, отличный от прежних? Не надо впадать в панику, убеждал я себя. Но на сердце было беспокойно. Я понял, что надо еще ближе подойти к самому себе, чтобы определить иерархию

собственных предпочтений. Какая идея способна надолго увлечь мой взбалмошный разум? Уже спустя минуту я ответил себе на этот вопрос: слияние с каким-либо брендовым товаром. Тут опять неожиданно появился в сознании *САРО*: «Поздравляю, весьма правильное решение. Теперь я начну с тобой общаться более обстоятельно и доверительно. В этом мегаполисе ты станешь лучше понимать меня. В захолустном городке это затруднительно. Осваивайся. Я навещу тебя позже». – «Спасибо, всегда жду общения», – еле успел промолвить я и побрел дальше.

Я споткнулся о выбоину в тротуарной плитке, с трудом удержался на ногах и пришел в себя. Прохожий, которого я спросил, где метро, оказался дружелюбным и сам довел меня до входа. Впервые в жизни я вошел в вестибюль метрополитена. На стенах были вывешены схемы движения поездов. Десятки и десятки станций. Разноцветные изогнутые линии, соединяющие разные концы Москвы. Конечно, я заранее мог это изучить по Интернету, но по недомыслию не сделал. А теперь ощутил, не скрою, потерянность перед этими схемами. Реальность оказалась богаче моего воображения. Пульс опять стал учащаться. Поток москвичей, спешащих, как муравьи в муравейники, в разные стороны, вводили меня в депрессию. Я заставлял себя сохранять самообладание. Из холщовой дорожной сумки (я приспособил под нее обычный небольшой мешок) я достал свой планшет, сфотографировал все схемы и стал разбираться, как проехать на станцию «Марьино». Если бы во время экзаменов на получение аттестата зрелости мне выпал билет с таким вопросом, я бы, наверное, провалился. Прошло минут двадцать, пока я изучил весь маршрут. Две пересадки ожидали меня на пути к цели: вначале нужно было добраться до «Новокузнецкой», потом сделать переход на «Третьяковскую», оттуда доехать до «Площади Ильича»,

затем перейти на «Римскую». Далее уже по прямой до «Марьино». Купив билет, я спустился по эскалатору к платформе, осмотрелся и двинулся в путь по подземной Москве. Удастся ли мне в этом громадном городе сохранить свое мировоззрение и приверженность к одиночеству? Не изменится ли мое убеждение в том, что я *товар*, не имеющий никаких социальных претензий? *Вещь* всегда остается в покое безмолвной. Она лишь ждет своего потребителя. Но в мегаполисе несчетное количество соблазнов. Дмитрия Мышкина ждет великое испытание. Остается надеяться лишь на собственный разум. На то, что он не угаснет и не изберет другие ориентиры, поддавшись внешним потребительским соблазнам, они сейчас будоражат товарные массы. Сколько времени займет истерия шопингов... Вдруг в голове пронеслась известная мысль Канта: «Нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности – ни в мире, ни вне мира, – как его причины». Я погрустнел и продолжил путь.

Наконец я добрался до станции «Марьино». Большую часть поездки в набитых битком вагонах меня занимал вопрос: как можно жить в этом гигантском человечнике? Наверное, люди здесь умеют максимально отрешаться от окружающей суеты. Иначе сохранить активную и самостоятельную работу интеллекта почти невозможно. Не придется ли мне возвращаться в малолюдный Мышкин? Когда наконец я вышел из метро, то обратил внимание, что большинство людей ходят парами, группами, а то и всей семьей. Видимо, коронавирусные ограничения отменены и москвичи оказались склонны к совместному времяпрепровождению. Правда, я лишь начал присматриваться к окружающим. Буду брать на заметку городские сюжеты. Чтобы сознание погрузилось в центр живых картин, необходимо, так сказать, синтезировать прошлое и настоящее. Я же всегда сам себя рассматривал через призмы воспаленного раз-

ума и в меланхолическом отрешении. Другого состояния я не ведал. Что ж, надо найти дом 4 по Иловайской улице. Спросил у прохожих. Подказали. Нужный адрес оказался через пару кварталов. Передо мной был тот самый угловой дом из красного кирпича с большими окнами. Вывеска на фасаде подтверждала, что я у цели. Меня охватило волнение. Появилась знакомая сухость во рту; слух обострился. Казалось, до него стали доходить тишайшие звуки, вроде шелеста воробьиных крыльев. Эти птички проворно порхали над кустами сирени. Никогда прежде я ничего такого не распознавал. Хотя в Мышкине и особенно на берегу Волги множество разнообразных пернатых. Не представляя, что выражает моя физиономия – мольбу или панический ужас, с трудом передвигая ноги, я дошел до входа. Через стеклянную дверь я увидел молодую даму. Вначале мне показалось, что она улыбается, потом – что она недовольна моим появлением. Я не решался шагнуть дальше, а ее большие глаза продолжали сверлить меня. Я еле поборол желание немедленно ретироваться. Московский люд – это особая порода, понимал я. Ее не разгадать без подготовки. Я уже сделал шаг назад, чтобы удалиться, как дверь открылась, и дама настойчиво обратилась ко мне:

– Эй, вы, робкий молодой человек! Заходите, рассказывайте, какие у вас проблемы. У всех, кто тянется к нашему парадному входу, большие бытовые неурядицы. – Она усмехнулась, а затем продолжила свою речь. По ее словам, ей нравились стеснительные натуры вроде меня, а вот наглцов она терпеть не могла и выпроваживала их, порой с помощью полиции. Потом она велела рассказать без утайки, что у меня стряслось. Под конец заметила, что человек она чуткий к бедам и жалостливый.

Эта дама предложила мне сесть в вестибюле за столик для посетителей, и я повиновался. Но с чего начать раз-

говор, я пока не знал. Выкладывать ей подробности своей нерадостной жизни мне совсем не хотелось. Может быть, поделиться впечатлениями о Москве, так сказать для разминки? Первые московские наблюдения дают мне основания полагать, что характерным состоянием умов столичного люда является чрезмерная гордость за собственный статус. Так и скажу ей. Хорошо, если она станет возражать. Постепенно завяжется разговор. Предположу, что горожане нарочито громко говорят, издают часто негодующие возгласы, бросают презрительные взгляды, усмеваются прямо тебе в лицо... Нет, это глупо! Рассказать, что я приехал из Мышкина, что на Волге? Опять не то, она и так видит во мне человека из провинции...

– Никак не можешь решиться? – Недолго же она обращалась ко мне на вы. – В таком случае хотя бы отвечай на вопросы. Когда приехал в Москву?

Я почувствовал облегчение и быстро произнес:

- Пару часов назад.
- Откуда?
- Из Мышкина.
- Это что, поселок или городок?
- Городок на Волге.
- Цель переезда?
- Изменить быт, найти работу.
- Образование?
- Средняя школа.
- Профессия?
- Пока никакой. Удил рыбу...
- На какую зарплату рассчитываешь?
- На самую незначительную, чтобы скромно питаться, иметь ночлег и покупать изредка поношенную одежду.
- Родители есть?
- Нет, я детдомовский.

- А супруга или сожительница?
- Нет.
- Любимая девушка?
- Нет!
- Постоянное жильё в Мышкине есть?
- Нет! Жил на списанном баркасе.
- Есть ли в собственности имущество или что-то ожидаемое по наследству?
- Нет, все с собой.
- Планшет не украл, случайно?
- Купил за собственные деньги.
- На чем заработал?
- Я сказал, рыбачил и торговал на рынке...
- Как твоё имя, отчество, фамилия? Паспорт есть?
- Дмитрий Петрович Мышкин. Паспорт с собой. – Я вытащил из кармана документ и протянул ей.

Не взглянув на него, сотрудница подумала мгновение, затем приоткрыла ящик стола, положила туда мой паспорт и заперла ящик на ключ. После чего наконец представилась:

– Меня зовут Екатерина Васильевна, я здешний комендант. Скажи, а что у тебя с левой рукой?»

«Опять Екатерина Васильевна. Как завуч в детдоме, продавшая меня деду, – мелькнуло у меня в голове. – Может, меня ждёт ещё одна продажа?..»

– Травма при рождении. Рука с трудом, но функционирует.

– Где бы ты хотел работать? – деловито спросила комендантша.

– Я считаю себя *изделием*, поэтому мне все равно, – тихо сказал я, понимая, что вполне могу показаться умалишённым. – Единственное пожелание – чтобы работа не была связана с общением. Поменьше бы публики вокруг. Я был бы благодарен, если бы её совсем не оказалось рядом.

– Странное пожелание. Ты не наблюдался у психиатра? – Комендантша с подозрением смотрела на меня.

– Нет, не наблюдался, – заверил я. – Вас моя просьба может смущать, но я высоко ценю свой уединенный образ жизни. Ведь все сущее, среди которого складывается сознание индивида, формирует его окончательное эго. А собственные убеждения, оформившиеся в эго, исключают сомнения. Поэтому сугубо индивидуальная интерпретация реальности – важнейшее достоинство моей личности.

«Странный субъект. Может, и ненормальный, – думала в этот миг комендантша. – Но, кажется, не буйный. И по виду непьющий, я-то их отлично распознаю. С тысячами имела дело! Во втором корпусе нет уборщицы, может, взять его на испытательный срок? Директор уже пару недель упрекает меня, что должность не занята и самой приходится убираться».

Вслух она сказала не без важности:

– Есть свободное рабочее место уборщика во втором корпусе. Справишься? 900 квадратных метров должны быть вычищены каждое утро. Сейчас особенно, коронавирус утих, но еще в силе. Зарплата 17 тысяч рублей, из них 8 тысяч высчитываются за проживание. Конечно, не разгуляешься, но жить можно. В шестиметровой ночлежке будешь один. Лежак, стул, тумбочка и пару гвоздей в стене, вешалка для одежды. Как?

– Спасибо, я согласен, некоторые ограничения работы левой рукой не создадут проблем!

– Ты назвал себя *изделием*, это оговорка или что? – Комендантша устремила на меня свой пронзительный взгляд.

– Для меня главное, – начал я, – это моя свобода. Что сонмы умников, авторов библейских текстов, составивших своды сакральных канонов, официальные тексты Кремля, разве что способные очаровать безмозглых... Что, удалось

им охватить все многообразие человеческого сознания? Смыслов бытия? Нет! Невозможно наполнить его чем-то истинным! Истина у всех своя.

«Странный все же тип, – укрепились в своем мнении комедантша. – Ладно, пару дней посмотрим, каким он станет уборщиком. Иначе устрою ему проработку с полицейским патрулем, и отправим нашего академика подальше. Прямо в СИЗО Матросской Тишины. Защищать себя мы уже научились».

– Да, кстати, ты ни в каком антиправительственном движении не участвуешь? – как-то настороженно спросила она.

– Нет, я далек от всех общественных инициатив.

– Тогда пошли! – приказала она и быстрым шагом вышла из холла. Я поспешил вслед за ней, ликуя в душе.

Екатерина Васильевна показала мне инвентарь – тряпки, швабры, ведра, пылесосы, перчатки, порошки против насекомых и разные чистящие средства. Еще раз перечислила мои обязанности, а затем подвела к служебной комнатке и вручила ключ:

– Цени мою помощь и работай на совесть! – На прощанье она как бы шутливо показала мне кулак.

Оставшись один, я свернулся на лежаке. Первые шоковые столичные впечатления стали отступать. Через минуту-две я уже стал думать о кандидатуре для опытного слияния. Мне в голову пришла мысль, что первый опыт альянса лучше начать с современников, а позже можно взяться за громкие исторические случаи, чтобы расследовать истины, а не их индивидуальные интерпретации различных авторов. Действительность часто выглядела совсем иначе, а в современных и исторических сюжетах вымыслов чрезвычайно много. Ведь маниакальное самоутверждение *изделий* чаще всего приводит к их нравственному разрушению. Буду просить микробиома и его микробов – а они

великолепно знакомы с превратностью судеб *товарной* массы – помочь мне с поиском актуальных сюжетов и компромиссных, уродливых *изделий*.

Известно, у представителей моего вида несколько лиц. Одна физиономия – публичная, в нынешнее время чаще искаженная, ложная. Вторая – ангажированная экономикой и финансами, но исключительно в тонах правительственных указов, без собственной профессиональной аналитики, а соответственно фальшивая и лицемерная. Третья – потребительская, безответственная, экологически уродливая, четвертая – стяжательская, чрезмерно хищническая. Пятая – эротически силовая, требующая ответного эроса, шестая – чувственная, порождающая извращенное восприятие реальности. Седьмая – криминальная, разнузданная. Какое лицо откроется мне и у кого? Никто не приходил в голову, к тому же я не владел практическими навыками для начала своей дерзкой идеи. В отчаянии я обратился к *САРО* с просьбой помочь мне организовать первый альянс. Довольно быстро он отозвался и коротко бросил: «О'кей. Учись и запоминай, чтобы повторять все в будущем». После его реплики в голове пронеслась фраза: «Не возникнет ли у меня в сознании глубокое чувство вины? Ведь мне откроются недоступные другим истины событий и нравственное эго представителей *товарной массы*... Как мне реагировать на раздвоение, растроение личностей интервьюируемых в начале или конце их распада?» – «Готовься, тебе станут открываться все тайны любого *изделия*. Принимай их суть, а не моральную составляющую. Не вторгайся в нашу ипостась! Нравственность, извращенное сознание вашего вида – это наши микробные игрища!» – прозвучал назидательный голос микробиома. Вначале я опешил, но тут же меня успокоила мысль, что если я пребываю в дискретном пространстве космоса, то и во мне концентрируются все мельчайшие ча-

стицы, из которых он состоит. А слияние с другой *товарной* материей обязательно даст импульс развития собственного сознания и удвоит, а то и утроит его потенциал. Вдруг в сознании возникло имя Светланы Макаровой. Знакомый голос торопливо пояснил: «Высокая блондинка из мидовских кругов». Я опешил, никогда эту даму в Интернете не встречал, никакой диалог с ней не может состояться. Я о ней ничего не знаю. Видимо, это была подсказка свыше.

Тут же появился знакомый голос микробиома: «Прости, Дмитрий, ошибка – сейчас же подскажу другую публичную персону, тебе знакомую». В голове опять возникла блондинка. Политик из культурного ведомства. По моей классификации, «привилегистка». В Интернете я часто встречал ее, слышал ура-патриотические речи, читал рецензии на спектакли, фильмы и книги. Способен ли я стать доминирующим голосом при акте слияния или на эту роль будет претендовать сама Екатерина Польская? Внутренний голос, то есть, я понимал, сам *САРО*, потребовал: «Слейся с Польской». Идея абстрактного единения с ней в органический объект наиболее перспективна. Так я смогу поставить точку, ответив однозначно на вопрос: человек – это *изделие* или что-то другое? «А согласится ли она? – задал я себе вопрос. – Или на эту процедуру не надобно ее согласия? Нет, все же лучше спросить ее лично, иначе ее участие в эксперименте станет пассивным и неосознанным».

Итак, мощным усилием воли я мобилизую свои сверхспособности, прошу своих микробов о помощи и выхожу на связь с политически ангажированной дамой из сферы культуры. Вежливо предлагаю ей всего лишь на часок слиться воедино на мистическом уровне. Она, разумеется, негодует: «Я известная публичная персона, вхожая в Кремль. Не хочу ничего подозрительного, что может повредить моему имиджу». – «Моя голова – фабрика идей, – заверяю ее. – Ваш

имидж только улучшится. Вы проникнете в глубь моих наваждений, оставив за собой право в любой момент выйти из альянса». Наконец она соглашается, предупредив, что времени у нее в обрез. Договорились, что темой нашего интеллектуального анализа будут скандальные польско-российские исторические события из сферы межгосударственных, международных отношений и несколько вопросов из истории страны. Я между тем хватаю швабру и пылесос. Пока убирал помещение, вспоминал, что именно я знаю о специфике деятельности госпожи Польской на политико-культурной сцене. Надо решить, к какому вопросу пробудить ее интерес, насколько она, по ее заявлениям, действительно патриотична и что из ее высказываний можно вынести на обзор широкой публики. В интервью я планирую использовать не только известные исторические факты, но позволю себе легкую импровизацию – приводить не основательно проверенные эпизоды, ссылаться на труды авторитетных историков, возможно часть из которых не имеет официальных подтверждений или даже является фейками, особенно в актуальной польской теме. Для меня важнее всего понять ее истинное нравственное кредо: действительно ли она как депутат парламента думает, болеет за свою страну, или, как многие чиновники, прежде всего обустроивает, наращивает собственные активы? Политико-историческая сцена во многом фальсифицирует события перед Второй мировой войной ее многими участниками. Задам я и вопрос по скандальной отечественной истории.

Ведь большая часть российских историков-публицистов тоже умалчивает об огромнейшем вкладе Лаврентия Берии в победу над фашизмом и в создание ракетно-ядерного щита СССР и России. В сороковых годах для получения оперативных данных о разработке атомной бомбы в Америке

была развернута разведывательно-агентурная сеть, в работу которой огромный вклад внесли советские разведчики Василий и Елизавета Зарубины. Елизавета подружилась с любовницей Альберта Эйнштейна, женой известного русского скульптора Конёнкова Маргаритой. Та рассказала о том, что у Эйнштейна бывают главные лица Манхэттенского проекта: Роберт Оппенгеймер, Энрико Ферми, Лео Сцилард и другие. Познакомила ее и сотрудника резидентуры Пастельняка с Оппенгеймером и его женой Кэтрин. Советские разведчики уговорили его перевести в Лос-Аламос Клауса Фукса, который и стал главным источником информации для Москвы. Кроме того, Зарубина убедила Сциларда, одного из ведущих специалистов проекта, допустить в него несколько завербованных специалистов, в том числе Мортона Собелла, Теодора Холла и Дэвида Грингласа. Еще одним весьма важным агентом был итальянский эмигрант, физик Бруно Понтекорво. Таким образом, благодаря работе агентурной сети уже через 12 дней после окончания сборки первой атомной бомбы в США описание ее устройства было получено в Москве. А в 1945 году из Германии в СССР были доставлены тысячи немецких ученых, имевших отношение к ядерно-ракетным проектам, среди них Густав Герц, лауреат Нобелевской премии, Николаус Риль, Макс Фольмер, Петер Тиссен и другие физики, технологи, конструкторы с мировыми именами. Большая часть вывезенных немецких ученых работали в специальных городках под грузинским городом Сухуми, на родине Берии, другая часть – в Электростали Московской области. Создание атомной бомбы и развитие ракетной техники принесло стране лидерство в атомных и космических проектах и наделило ее статусом мировой державы. Именно он, Берия, возглавивший 20 августа 1945 года Специальный комитет для руководства всеми работами по

использованию атомной энергии и ракетостроению, и являлся главнейшим генератором этих событий.

В результате его деятельности полуголодная, вышедшая из опустошительной войны страна за пару лет разработала и внедрила новейшие технологии, наладила производство урана, сверхчистого графита, плутония, тяжелой воды. Советское ядерное и ракетное оружие стало тяжелейшим потрясением для американцев. Академик Игорь Курчатов неоднократно заявлял: «Без Берии СССР был бы уничтожен американским ядерным оружием. Именно он спас страну». А его имя почти забыто в России. Этот мерзопакостный расстрельник Хрущев, параноидально жаждущий власти, вероломно организовал его убийство в ночное время в собственном доме, даже не сохранил его могилы, а современные участники «Бессмертного полка» не носят его портретов. История – специфическая наука, на нее сильнейшее влияние оказывают идеологические и политические пристрастия. Главное для меня в этом интервью – понять, насколько искренни публичные заявления Польской о патриотизме и высокой нравственности.

Тут в сознании появился голос *САРО*: «Провоцируй своего интервьюера, важнее всего для твоего сознания – не подтверждение ею приводимых тобой исторических фактов, а ее реакция на твои патриотические призывы. Необходимо использовать даже фейки, возбуждающие ее национально-патриотические чувства, интересно понять, что в госпоже Польской проснется: государственность или меркантильность. И ты почувствуешь ее полное духовное фиаско. Я ее отлично знаю, это мерзкая личность».

Где-то посреди процесса уборки мне пришла в голову мысль создать общественный фонд «Справедливость», который возглавила бы Екатерина. Она прислушалась к моим мысленным доводам и, как я почувствовал, заинтересова-

лась. Я продолжал расписывать проект, и вот уже в наших слившихся сознаниях зазвучал только один, мой голос. Идея фонда – от имени всех россиян обратиться в суды США, Германии и Израиля с иском заявлением в триллион долларов США или в новой цифровой китайской валюте юань. Будем опротестовывать публичные высказывания нынешних властей Польши, конечно с указанием конкретных имен, искажающие правду о начале Второй мировой войны и ее итогах. Эти фальсифицированные утверждения наносят моральные травмы гражданам России, Германии и Израиля. «Но по каким причинам сами россияне не проявляют здесь инициативу? – задал я риторический вопрос, на который тут же ответил: – Это, надеюсь, выяснится в ходе реализации нашего проекта. Пока еще у нас, Дмитрия Мышкина и Екатерины Польской, не хватает воображения, чтобы постичь некоторые псевдоморфозы² массового поведения. В своих размышлениях я использую методы Канта, понятия, идеи, факты. Словно математик, расставляю их в последовательный ряд. Итак, новообразованный фонд обратится к россиянам с призывом собрать деньги для покрытия судебных расходов на предстоящий процесс. Если каждый взрослый гражданин страны переведет на эту цель хотя бы один доллар США, сумма в совместной кассе фонда составит не менее восьмидесяти миллионов. Эти средства с лихвой покроют все судебные издержки, в том числе расходы на адвокатов». Помимо этого, в стране необходимо развернуть публичные дискуссии. Главная тема – кто именно развязал Вторую мировую войну? Второй вопрос: какая страна спровоцировала войну? По планам

² Исторический псевдоморфоз – одна из форм взаимодействия различных культур между собой; термин введен О. Шпенглером в работе «Закат Европы».

Гитлера она в любом случае должна была состояться, он о ней мечтал, но почему именно в 1939-м? Согласно последним заявлениям польской стороны, в этом повинны Германия и СССР. Но это совершенно не соответствует исторической правде, и суды, несомненно, вынесут именно такой вердикт. На польскую версию наложат решительное табу!

Еще вопрос: если в октябре 1938 года Польша вторглась в Чехословакию, аннексировав Заользье (западную часть Тешинской Силезии), а Германия спустя полгода оккупировала Чехословакию, то почему началом Второй мировой войны политики и историки определили 1 сентября 1939 года?

Следующей темой должна стать роль Сталина, продавшего во время переговоров с Рузвельтом и Черчиллем несправедливое решение о передаче Польше значительной части исконных земель Пруссии, Силезии, Восточной Померании, а также восточного Бранденбурга – Данцига, Щецина, Бреслау, Грюнберга, Лигница. В результате все население отторгнутых немецких земель – а это 5 миллионов немцев – вынуждено было покинуть свои дома. Некоторым давали только 24 часа на то, чтобы собраться и оставить родные места, в которых их предки проживали сотни и даже тысячи лет. Обезлюдевшие немецкие города тут же занимали польские переселенцы. Когда Гауптману сообщили о выселении, он не сразу осознал требование освободить собственный дом. Перед смертью, когда ситуация разъяснилась, нобелевский лауреат по литературе только и смог спросить: «Я еще в своем доме?» Увы, здание по бумагам принадлежало ему, но стояло уже на польской земле.

Если внимательно изучить биографию Сталина, станет ясно, почему он столь благоволил к полякам. Видимо, сведения эти практически под запретом. Известный путешественник Николай Пржевальский был представителем

шляхетского рода. Он не раз приезжал в Грузию к своему приятелю – грузинскому князю Ниношвили, жившему в Гори. Прислужгой у князя служила Екатерина Геладзе, мать Сталина... В этом месте отчетливо послышался голос Екатерины Польской: «Фамилия грузинского князя была Маминошвили!» Я поблагодарил ее за уточнение и продолжал. Между географом и Геладзе сложились нежные отношения. Взгляните в Интернете на фотографии Пржевальского и Сталина – одно лицо. Андрей Петрович Капица, сын всемирно известного ученого Петра Леонидовича Капицы, советского физика, рассказывал, что его прадед Иероним Иванович Стебницкий оказывал финансовую помощь незаконнорожденному сыну Пржевальского. Осталось письмо, в котором известный исследователь польского происхождения пишет: «Если произойдут известные тебе события в Гори, то ты должен будешь помогать ему до конца своей жизни, потому что у меня уже средств не будет». И действительно, по сведениям 1896 года, Стебницкий отправлял матери Иосифа Сталина деньги. А когда финансирование прекратилось, тот был вынужден прекратить обучение в Тифлисской духовной семинарии. Уход Сталина из семинарии точно совпал со временем кончины Стебницкого, денег Иосиф больше не имел. Близкие родственники Пржевальского, никакого отношения к большевистскому движению не имевшие, с 1926 года проживали в Кремле и полностью состояли на государственном обеспечении до самой смерти Иосифа Сталина. С матерью Сталин практически не общался, он, скорее всего, не простил ей сокрытие от него правды об отце. Даже на ее похоронах не присутствовал и могилу матери на кладбище горы Мтацминда ни разу не посещал. Венки и цветы на могилу также не посылал. Да, Сталин по отцу был поляком! Вот и объяснение его благоволения к Польше. Необходимо привлечь в качестве

пострадавшей стороны к будущему международному судебному процессу евреев и частично немцев. В исках предстоит обнародовать замалчиваемые случаи, которые спровоцировали начало Второй мировой войны.

Например, рассказать про два гражданских самолета Люфтганзы, (сюжеты не точны, видимо фэйки, но историки тем не менее сообщают о них), сбитых поляками над Балтикой. За этим инцидентом сотня жертв. С мая 1939 года Польша начала проводить диверсионные операции в немецких приграничных городках. Немецкий историк – назову его Майером, мелькнуло у меня в голове, – утверждал: «Польская кавалерия вторгалась на территорию рейха, поджигая поля, дома, убивая немецкое гражданское население. Атаки польской кавалерии происходили довольно часто в разных приграничных местах Германии». И еще было Бромбергское кровавое воскресенье. 3 сентября 1939 года здесь произошло массовое убийство жителей-немцев. Улицы были покрыты трупами мужчин, женщин, детей, стариков. Захоронения были обнаружены в окрестностях города. Эта трагедия стала первой в истории геноцида мирного населения времен Второй мировой войны. «Гиеной Европы» назвал Польшу Черчилль. У него были на это основания... Историки Франк Кернау, Владзимеж Ястжембский, Н. Ветров считают Польшу одним из агрессоров, начавших войну в Европе. В своем интервью я буду ссылаться на их версии и приводимые ими факты.

...В этот момент в коридоре, который я мыл, приоткрылась одна из дверей. Оттуда выглянул какой-то тип, протянул мне 50 рублей и скомандовал: «Эй, прибири мою комнату! Быстрее, ко мне гостя должна зайти». Это обстоятельство отвлекло меня, я отрешился от слияния с Екатериной, сделал свою работу и опять воссоединился с ней. И продолжил излагать реальности недалекого прошлого,

чтобы облегчить судам возможность обнаружить абсолютную правду обоснованных исковых заявлений. Ведь судьи обладают всеми статьями законов для оглашения истины и наказания виновных с высоким уровнем точности и определенности. Главное, чтобы картины того времени были похожи на правду. Итак, я продолжил излагать наш совместный с Екатериной проект касательно иска в международные суды.

В 30-х годах еврейское население Польши составляло чуть больше трех миллионов, а к 1945 году евреев в ней уже практически не осталось. К этому времени самая крупная еврейская община в Европе, просуществовавшая более 800 лет, фактически исчезла с демографической карты. В рамках общего иска необходимо описать страницу польской истории в городке Едвабне. Поляками в нем были уничтожены все евреи, составлявшие 60 процентов здешнего населения. Местный ксендз отказался остановить это кровопролитие. Расправа с евреями в Едвабне не была единственным кровавым эпизодом. Поляки проводили истребления евреев в Радзивиллове, Вонсоши, Визне, Рожанах, Хелмно-на-Нере, в Кельцах, других местах. Общее число погибших – сотни тысяч. Эти материалы станут весомой частью обвинительных столбов, которые мы расставим в своих исках по длинной дороге к судебным инстанциям. Если этот проект с успехом реализуется – россияне получают вердикты судов, что не СССР начал Вторую мировую войну, а наоборот: он стал ее жертвой. Немцев успокаивают судебные решения о незаконном изъятии Польшей исторических германских земель, о насильственно выселенных из своих жилищ миллионах немцах и о польских приграничных провокациях, подстрекающих Германию к началу Второй мировой войны. Евреи еще раз оплачат убийство поляками сотен тысяч своих сограждан. Но если вы бу-

дете пассивны и не вооружены аргументацией, то суды выиграет Польша! И тут же еще одна мысль мелькнула в голове: в нынешнем белорусском кризисе поляки настаивают на возвращении белорусских территорий времен Речи Посполитой, история которой закончилась более 200 лет тому назад. Почему в таком случае не ставят вопрос о возвращении Германии ее исконных территорий, отошедших Польше по итогам Второй мировой войны всего 75 лет назад? «А если, несмотря на исторические факты, фальшивые гипотезы и фейки, международные суды объявят Польшу выигравшей стороной?» – хотел добавить я, но сдержался, чтобы не пугать депутатшу новыми ненадежными проектами, и перешел на другую тему.

«А что получим мы с тобой в случае судебного выигрыша?» – спросил я по внутренней связи Екатерину. «Лично я, – сказала она не раздумывая, – испытала бы огромную радость и душевный подъем. Во-первых, от совместного успешного труда по восстановлению исторической справедливости, от неизбежных публичных извинений и покаяния со стороны политической элиты Польши. Во-вторых: из огромного иска полякам я бы получила свой процент... И политический дивиденд, работающий на мой депутатский имидж. Было бы признано на высшем уровне, что СССР стал жертвой Второй мировой войны, а не ее зачинщиком. В-третьих, мне доставило бы радость возвращение Германии ее исконных земель, миллиардные штрафы, присужденные Польше, поскольку эти средства будут направлены потомкам изгнанных немцев и родственникам погубленных евреев. А у тебя какое мнение?» – поинтересовалась она. «Мне достаточно убедиться, что я управляю собственным неумным сознанием и что питательная среда для него – оригинальные проекты, направленные на установление исторической справедливости, а также не-

прерывное генерирование новых идей. Необходимо, чтобы собственное сознание было охвачено поиском интеллектуальных сокровищ. Ведь лучшее, что создается высшим разумом, происходит в нас самих. Но если проиграем, то будем рады созданию краткосрочного интеллектуального альянса и можем совместно планировать другие акции. Теперь отстранюсь на миг и задам деликатный вопрос: чьих идей в нашем проекте больше, твоих или моих?»

Однако я тут же густо покраснел, испытав неловкость от своих попыток самоутверждения и глупых претензий на первенство, и попросил Екатерину ничего не отвечать. После чего вернулся, скажем так, в структуру совместного вещества. Общий наш разум опять направился на задуманный глобальный проект. «Начать необходимо, – рассуждал я, – с регистрации общественного фонда в Минюсте... Нет, лучше начать с подбора генерального директора фонда. Директор должен подготовить уставные документы и подать их на регистрацию в Минюст. Необходима публичная федеральная площадка – центральные телеканалы и другие медийные ресурсы для освещения этого проекта и сбора средств. И не только в России, но и в Германии, Израиле». Отделившийся голос Екатерины прозвучал нервно: «У тебя разве есть финансы для старта? Зарплата гендиректора, гонорар юриста за подготовку уставных документов, фонд заработной платы персонала, аренда офиса, публикация рекламных материалов в СМИ – без нее проект не пойдет, оплата командировок, гостиничные расходы, оплата переводчиков! Необходим престижный адрес, а он тоже денег стоит. Мебель, компьютер, секретарь, автомобили. И так далее... Нужны крупные материальные ресурсы. Пять-семь миллионов долларов придется потратить, пока в фонд начнут поступать пожертвования». Я сообщил, что у меня в кармане десятирублевая монета, и это все. «Мое богат-

ство в голове! Реализуя наш проект, мы детально вникнем в тему и тем самым многократно обогатим свой совместный разум. Наше успешное взаимодействие на уровне мозгового вещества явится гарантией побед. Впереди нас могут ждать другие задачи мирового масштаба. Честный выигрыш в громком международном процессе, торжество пострадавших народов – разве этого мало для энтузиазма? Ты по праву будешь увенчана славой. А что касается начального финансирования, не сомневаюсь, что тебе легко удастся найти поддержку такой инициативы в думских комитетах, правительстве, у спонсоров-патриотов...» Она раздраженно прервала меня: «Дума, правительство, богатые, влиятельные друзья, единомышленники... Ты плел мне свои истории, чтобы я нашла деньги для воплощения твоих несбыточных фантазий? Умничал... Богатство в голове! Вначале деньги надо иметь в кармане, на счетах и только в этом случае браться за великие дела. Подумаешь, талант! Страна полна такими типами! Только время потеряла, а меня работа ждет». – «Минутку, еще один важный вопрос как депутату, – заторопился я. – Почему дело Лаврентия Берии под номером 0029 до сих пор не рассекречено? Ведь прошло семьдесят пять лет?! А российская историческая наука, общественная мысль, политики и политологи игнорируют его значительные заслуги в победе над фашизмом, создании ракетно-ядерной мощи страны. Государственная дума, Совет Федерации, другие государственные органы не реабилитируют выдающегося деятеля СССР. Это связано с участием в заговоре крупных военачальников?» – «Отстань от меня со своими дурацкими вопросами. Почему, почему? Потому! Деньги выкладывай!» – Она молниеносно покинула наш альянс, а про себя бросила: «Слава богу, в самом начале признался в банкротстве, а то бы я начала действовать... И потеряла авторитет. Как можно богатство иметь в голо-

ве, кого такое неприглядное место может заинтересовать? Чувствую, запахло гнилью, тут и заразу можно подхватить, а я предпочитаю атмосферу гигиены, особенно сейчас, хотя коронавирус уже ослаб, но все еще продолжает поражать публику. Надо торопиться – может, повезет, встречу более достойный проект, обязательно с гарантией финансирования, а не с нищим автором...»

Я застыл в коридоре со шваброй в руке. Хотелось обдумать произошедшее. В качестве экспромта проект «Справедливость» совсем неплох для начала, похвалил я Мышкина. Даже пошутил вполголоса: «Ай да Димка, ай да сукин сын!» Ведь импровизировал я исключительно по ходу дела. Тут я поблагодарил *САРО*, видимо, в этом сюжете и он во многом помог. Мне представлялось, что депутат использует свою высокую трибуну и расскажет коллегам о таком замечательном предложении, актуальнейшем и бескорыстном. А если проявить настойчивость, можно присудить Польше выплатить штрафов на триллион долларов. Добиться возмещения России морального ущерба за публичную, многократно повторенную ложь. Вернуть Германии 130 километров береговой линии Балтики и десятки населенных пунктов. Компенсировать родственникам или, если таковых не осталось в живых, государству Израиль гибель многих граждан в холокосте и захват их имущества. Я был полон надежд на непредубежденность судей и однозначность исковых решений, которые огласят авторитетнейшие юристы. Приговоры будут зачитаны на английском, немецком, русском, польском языках и, конечно, на иврите.

Однако первое общение с известной публичной дамой вышло неудачным – в ушах еще звучала ее отвратительная пошлая каденция. Позор! Тьфу! Я должен продолжить поиск публичных *товарных* лиц для слияния с ними и рождения новых гигантских проектов. Мышкин морально и

нравственно умер в альянсе с Екатериной Польской, как умирает вся национальная культура. Есть ли шанс, что другая публичная *вещица* воскресит мое существо? Тут вдруг усмехнулся САРО, его гоготанье на пару секунд оглушило меня. Он бросил: «У всех *изделий* в предпочтениях материальные блага...»

Без труда я погасил возмущенные чувства, закончил свой участок работ, девятьсот квадратных метров стали идеально чистыми, отнес на место рабочие инструменты, вернулся в свой чулан, съел три тульских пряника, запил водопроводной водой и лег на тюфяк.

«С кем мне слиться?» – эта назойливая мысль начала ломать голову. Я стал ждать вспышки разума, чтобы подсказка *изделия* принесла удовольствие. С воодушевлением своего интеллектуального преимущества, – а Мышкин знал, что обладает исступленным умом и загадочностью, – я открыл планшет и начал поиск, понимая, что во мне преобладают чувственные знания, а они могут являться тормозом в определении интересных публичных фигур для слияния и осмысления актуальных тем. Но если Интернет является простым отражением реальной действительности, то поиск способен довольно долго длиться. Так и оказалось, основной информационный поток являл сцены, статистику и рекомендации по борьбе с коронавирусом. Но я продолжал искать, залезая в 19, 18 года. Их заполняли материалы, жестко критикующие национальный бюрократический ресурс. Потенциал алгоритмов борьбы с этим общественным злом предлагался скупой, но и радикальный: тюремная камера и судейский приговор об отъеме награбленной собственности.

Неожиданно в моем сознании всплывает телеинтервью чиновника, транслируемое из его кабинета, заставленного книжными полками. Вглядевшись в корешки книг, я даже хлопнул в ладоши: «Надо же, бюрократ, а так много читает,

и таких выдающихся авторов!» Проступает имя и фамилия интервьюируемого: Алексей Мудрин, доктор экономических наук, крупный деятель экономического блока в правительстве. Почему именно он выпал мне? Это я сам выбрал его или опять подсказка *САРО*? Видимо, сознание Мышкина устраивает проверку собственного разума – насколько он способен слиться с таким монстром знаний! Перед альянсом для успешного трансцендентного общения необходимо уяснить, что именно читает Мудрин, и, если что-то совершенно незнакомое, отказаться от задуманного слияния. Средняя полка – экономисты: Василий Леонтьев – знаком, Леонид Канторович – знаю отлично, Гэри Бэкер и Джеймс Тобин – видел ссылки на их труды у других ученых. Фичино – встречал упоминание, но не читал, о Пармениде и Аль-Бируни даже не слышал. Верхняя полка: Лао-цзы, Конфуций, Шопенгауэр – этих великих философов я основательно изучал. Авиценна, Лейбниц, Кант, Оккам – все они почитаемые мной мыслители. Вольтер, Ицхак Лурия, Декарт, Гейзенберг, Эйнштейн, Парацельс, Ньютон, Платон, Бэкон, Коперник, Вернадский, Стивен Хокинг... Эти выдающиеся умы мне также хорошо известны.

Видимо, Алексей Мудрин – начитанный тип, но зачем он пошел в чиновники и принял высокий пост? Ведь подлинных интеллектуалов должностями и зарплатами не соблазнишь. Кресло государственного служащего требует ограничить космос сознания, а должностные инструкции безжалостно сковывают возможности понять место собственной личности в мироздании. Ответственные правительственные позиции очаровывают, обольщают простой людской *товар* сладостными вожделениями неопишуемой бытовой роскоши, исцеляют от леденящего страха испытать потерянность и ненужность. Страшась внутреннего смятения, современные вельможи обычно избегают авто-

ров, сочинения которых заполняют стеллажи моего кандидата на единение. Что в этом незнакомом мне *изделии* преобладает? Интеллект, амбиции или призрачные устремления к некоему идеалу управления? Как его понять? Мозг – самый недоступный познанию орган материи, он прежде всего кладовая микробиома. А может быть, здесь случай метафизического болезненного раздвоения? Постичь бы мне самому способность дескрипций ДНК интересующих меня *товаров*! Тогда успешные опыты, бесспорно, развили бы в Мышкине феноменальный талант считывания людских типов. А для альянса это важнейший стимулятор.

Итак, начинаю подкрадываться к Алексею Мудрину. Финансисты – а Мудрин из их числа – *товар*, с которым надо быть особенно настороже. Как повести себя, если он встретит меня насмешливо, высокомерно? Решено, стану с улыбкой проглатывать все его грубости и даже оскорбления, усердно выказывать учтивость в ответ на его возможные язвительные нападки. Ведь я, Мышкин, никто, незаметное *изделие*, а Мудрин – брендовая, крупная, штучная *вещь*. Необходимо набросать оригинальный проект, но пока в голове пусто. Опять понадеюсь на экспромт, как с Екатериной Польской. У меня нет никакого опыта общения с финансистами, способными привести меня в смущение, а тем паче в отчаяние. Мрачная картина российской экономики мне в целом ясна, но вновь придется импровизировать на уровне деталей, выстраивать неотразимые аналитические концепции. Что ж, я способный импровизатор и *САРО* поможет. Главное, избегать неосторожных умозаключений. Тут в сознании выскочила мысль Канта: «Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы». «К чему вдруг такое?» – удивленно мелькнуло у меня.

В этот момент в мой чулан заглянула Екатерина Васильевна.

– Молодец, справился, – похвалила она меня. – Я посмотрела твой участок работы, замечаний нет. Вот тебе маска, носи ее обязательно. Если кто из дирекции тебя без нее увидит, у нас будут неприятности. Вопросы есть?

– Нет, – ответил я честно.

– Ну, я пошла.

Оставшись один, я вновь стал думать о Мудрине. Его внутренний мир начинал интересовать меня все больше. Но почему вдруг он занял мои мысли? Всякое навязчивое наваждение содержит потенциальную угрозу, а если при этом желание усиливается, значит, сюжет выходит за пределы моего разума. Правда, такое признание еще больше интригует Дмитрия Мышкина. Итак, прочь колебания; начинаю процесс слияния. Лица пока не вижу, но фигура очерчена хорошо: рост высокий, телосложение спортивное, возраст – около шестидесяти. Никакой связи с его сознанием пока не ощущаю. Я усиливаю напряжение флюидов, оно уже превышает обычный размер, излучаемый мной, как при размышлениях о Вселенной. Вдруг перед глазами появляется знакомая физиономия. Я хорошо знаю ее по Интернету. Чувствую, что Мудрин заметил мое вторжение. «Как вы так беспардонно здесь оказались?» – раздраженно фыркает он. А про себя, я слышу, думает: «Этот тип не был заложен в моей памяти, неужели она выходит из строя? Еще чего не хватало!» Далее уже обращается ко мне: «Что вам нужно? У меня нет времени на общение с незнакомцами...»

Тут я неожиданно для самого себя пулей предлагаю ему тему для обсуждения, предварив это коротким объяснением: «В современном мире существуют самые разные способы коммуникации – бесконтактные, дистанционные, альянсовые, виртуальные, биополярные, клеточные, психогенные, визуальные, акустические. Давайте сегодня опробуем одну из новых форм общения. И хочу сосредото-

точить наш с вами совместный интеллект на финансовых проблемах современной России». – «Да вы кто?» – «Я Мышкин. В моем сознании при слиянии с разумом известных личностей возникают вихревые потоки, способствующие единению мыслительных потенциалов и вынесению оригинальных идей на своего рода дискуссионную площадку. Один успешный опыт у меня уже был. Согласитесь вы на альянс или нет, слияние вашего разума с моим у нас состоится». – «Чего вы добиваетесь? Как это – слить сознания? Я не желаю, чтобы к моему авторитету в обществе, к моей незапятнанной репутации кто-то, тем более неизвестный, прибилась каким бы то образом. И вообще, что это за термин – “слиться”?» – «Алексей, вам известно утверждение, что все элементы Вселенной находятся во взаимосвязи и что все существа в этом мире также связаны между собой?» – «Что за экзамен? Я не физик, у меня экономическое образование». Я выпрыгнул на миг из нашего альянса и бросил себе под нос: «А книга Парацельса стоит на самом видном месте. Мог бы ознакомиться с его полезными для умственного развития мыслями». «Я вас не понимаю, и быстрее переходите к делу». – «“Понимать” – это, по-видимому, означает овладевать представлениями, концепциями, с помощью которых мы можем рассматривать огромное множество различных явлений в их целостной связи, иными словами, “охватить” их». – «Вы цитатами говорите или это выражение ваше?» – «Нет, не мое. Автор этих слов Вернер Гейзенберг. Вы знаете такого?» – «Слышал, был такой политик в Германии». Я опять не удержался от ворчливой реплики в сторону: «Никакой это не политик, а знаменитый физик-теоретик. А ведь Гейзенберг есть на его стеллаже. Наверняка не раскрывал книгу!».

Затем я вернулся к Алексею и сказал то, о чем уже давно думал: «Главный банк страны кредитует коммерческие бан-

ки, осуществляет надзор за их деятельностью. Монопольно осуществляет эмиссию денежных средств, является регулятором денежного обращения и валютного курса, выполняет функции финансового агента правительства, хранителя официального золотовалютного резерва, имеет запрет на кредитование дефицита государственного бюджета. Как объяснить привилегированное положение ЦБ в России по отношению к аналогичным структурам в других государствах? Ни одна страна мира не позволяет своему национальному банку одновременно выполнять надзорные функции и участвовать в капитале коммерческих банков, выдавать кредиты, регулировать финансовый рынок и рынок страховых услуг. Что, в стране два правительства? Одно – положенное по Конституции, другое – теневое, финансово-коммерческое? Разве можно ожидать эффективного развития при таких условиях государственного управления? Ключевая ставка Центрального банка в последние шесть лет была между 6 и 17 процентами. Во всех других развитых странах она не выше 0,3 процента. Коммерческие кредиты для бизнеса в России выдаются под ставку от 15 до 25 процентов. Как вы думаете, есть ли при таких финансово-кредитных условиях у России шансы на социально-экономическое развитие? Прокомментируйте, пожалуйста, почему в Центральном банке РФ среднесписочная численность сотрудников составляет 46,7 тысячи человек, а в Центральных банках шести ведущих экономик мира – ЕС, ФРГ, Великобритании, Японии, США, Канады – их суммарно меньше? При этом капиталы, которыми управляют банки данных стран, в несколько тысяч раз больше, чем активы ЦБ РФ. К тому же на протяжении последних трех лет деятельность Центрального банка России является убыточной, тогда как указанные банки прибыльны. Что, русские финансисты – интеллектуально слабее их западных коллег?»

Через пару секунд я услышал недовольное ворчание: «Почему я должен отвечать? Оставьте меня в покое. Есть руководители страны, они должны думать, а не я, простой чиновник». – «Не простой чиновник, а крупный, в числе крупнейших. Вы из той группы гайдаровских реформаторов, которые за профанацию монетаризма и слепое следование на практике псевдомонетаристским рецептам названы в академических кругах “чикагскими мальчиками”³. Не будем сейчас очередной раз перечислять просчеты тех реформ, приведших к величайшим бедствиям в истории современной России. Я возмущен тем, что такая нелепая *вещица*, как Гайдар, продолжает пользоваться почетом в официальном публичном пространстве, что его превозносят как спасителя страны и великого преобразователя. С поры тех реформ прошло почти 30 лет, и последствия их более чем очевидны. Сознание любого *изделия* со временем способно изменяться. Почему вы не поднимаете эти вопросы, важные и для вчерашнего дня, и для сегодняшнего, на центральных телеканалах? У вас же свободный доступ ко всем медийным центрам!»

Как я и предполагал, вместо ответа последовало выскомерное поучение. «Сколько тебе лет?» – насмешливо спросил мой партнер по альянсу, переходя на ты. «Двадцать восемь!» – «Юнец! Вот когда доберешься, как я, до седьмого десятка, многое поймешь и меньше вопросов станешь задавать. У нас своя жизнь, у тебя и у всех вас – своя». – «Еще вопросик и закончу наше единение. Средняя заработная плата в стране 30 тысяч рублей. Профессора университетов получают по 80 тысяч, у академиков – 120 тысяч. Почему же руководители крупных государственных банков получают 70–80 миллионов рублей в месяц? А некоторые и больше...»

³ Монетаризм зародился в чикагской экономической школе.

Про себя я отметил: «Я обозначил конкретную проблему. Он все же должен поразмыслить и ответить по существу». Однако опять никакого ответа не последовало, а вместо этого меня резко одернули: «Отстань от меня, убирайся из головы! Я сейчас таблетку от головной боли выпью, чтобы ты исчез». – «Вы, видимо, сторонник следующего умозаключения: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. Если назовете автора этих слов, я награжу вас аплодисментами». – «Не знаю я твоих авторов, у меня авторитеты совершенно другие. И не имею ни времени, ни желания оценивать уровень твоего образования, а тем более твоих мыслей». – «Я процитировал Платона, он в вашей библиотеке на самом видном месте покоится. Что ж, для слияния с другим *изделием*, – тут пришло мне на ум, – прежде всего, требуется наличие мозгов и воли. Исключительно в этом случае происходит альянс клеточной материи, ведущий к многократной активизации совместного разума. И все же задам последний вопрос. Для граждан России ставка по частным депозитам, размещенным в банках СБЕР и ВТБ, от 3,5 до 5,5 процента. Сами банки отдадут деньги, собранные у населения, под коммерческие кредиты юридическим и частным лицам по ставке от 15 процентов годовых. То есть зарабатывают, получая более 200 процентов с каждого вклада. Так вот, разве не справедливо назвать такую банковскую практику грабежом населения? Что вы на это счет думаете?» – «Я уже заявил, у меня нет никакого желания с тобой общаться. Прочь из моей головы». – «Добавлю, что у вас нет также ни совести, ни мозгов, ни воли. Прощайте, Алексей», – бросил я, прерывая единение с Мудриним.

Итак, провалилась вторая попытка плодотворного альянса с выбранными наугад фигурами. Тут я опять расслышал смешок *САРО*. Можно сказать, эти фигуры оста-

лись, по Канту, *вещью в себе*. Именно Кант подсказал мне, что я и все мы – *вещи*, разные в своих особенностях. Он не успел перенести собственные теоретические умозаключения в практику. Способен ли я умозрительные философские кантовские идеи довести до проверки реальным опытом, успешно материализовать их и добиться каких-то результатов? При этом я не совсем уверен, что прозрения Канта для меня умопостигаемы. Видимо, для успешной работы в избранном мной направлении необходим германский или еврейский генный ансамбль. Я, к большому сожалению, со своим наследственным багажом вообще не знаком, родители не оставили о себе ни строчки, ни какого-либо иного свидетельства. Но я настойчиво продолжаю ждать наступления такого времени, когда права и решающий голос госдеятелей типа Польской и Мудрина, а то и более влиятельных, известных своей губительностью и скупостью в полезных обществу акциях, окончательно перейдут к неизвестным, невзрачным и безродным умникам. При условии, что моя вера во Всемирный разум будет еще больше укрепляться. Не сомневаюсь, что прочная связь между всеми *вещами*, окружающими нас, изначально существует и развивается.

Уборку свою я закончил, для сна время еще не пришло. Не поискать ли третьего кандидата на слияние? Пожалуй, еще одну *товарную* фигуру стоит найти, а может, и две. Только перекушу белковой галетой и выпью чашку чая. А затем подберу какой-нибудь новый публичный *товар*.

Кстати, почему я упорно хочу слиться именно с *товарным* знаком? Чтобы доказать себе что? То, что страна окрасилась в черный цвет на годы, как пару десятков лет это случилось лишь на один вторник? «Чикагские мальчишки» взяли в свои руки не только финансы, как в 90-е (за это время курс национальной валюты вырос с 6 до 75 рублей), но и культуру. Почти все каналы телевидения заполнены при-

митивными песнями и танцами, пошлыми фильмами, однотипными интервью с марионетками из шоу-бизнеса. Полемики по актуальным вопросам жизни в эфире и в прессе нет, вопросы науки на публичные площадки не выносятся. Создается ощущение, что довольно скоро массы будут хорошо знать разные хиты из телешоу, но икс станут читать как «ха», а игрек – как «у». Именно этим, помню, отличился парень, который вместе со мной сдавал экзамены на аттестат зрелости. Нанометр станет для таких грамотеев «метром портнихи Наны». Все пространство общественной жизни займут цветные *товарные механизмы*, произведенные химическим способом, – Биркоровы, Маскины, Дуспенские, Мионтьев. Уже десятилетия суперценностями, навязанными реформаторами типа Мудрина населению, стали деньги, пошлые забавы, секс, кайф и наркота. Под их влиянием модусы познания проходят мимо моих современников, книги умнейших авторов издаются тиражом в пятьсот экземпляров, а примитивные, никчемные сочинения поступают на рынок тиражами в десятки тысяч. За последние тридцать лет количество библиотек в стране сократилось в три раза, со ста сорока тысяч до тридцати восьми тысяч, но открылось более ста тысяч салонов тату и красоты, пятнадцать тысяч рюмочных и баров. Это ли не колоссальный рост потребительства, не демоническое снижение интеллекта *изделий*? А что говорить о сотнях проектов, разрушающих экологию! Пора выдвинуть повсеместный лозунг, как наши предки в 1920-21 годах по всей стране дружно восклицали:

РЕЛИГИЯ – ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА!

Нынешний лозунг должен звучать так же актуально:

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ –
ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА!

Насколько глубоки и универсальны мои нынешние убеждения? Статус-кво *изделия* по имени Дмитрий Мышкин требует весьма ограниченной общительности, а значит, внешние аналитики никак не допущены к оценочным суждениям. Но не временны ли эти настойчивые поиски собственного истинного внутримирного существа? Мышкин ведь не только сирота, он совершенно одинок в пространственном бытии. «А МЫ ЖЕ ВСЕГДА РЯДОМ», – услышал я звучный голос *САРО*. «Простите, друзья», – бросил я внутреннему голосу и торопливо продолжил. Я часто успокаиваю себя мыслью, что воспаленное, взбудораженное идеями сознание не нуждается в общительности. И аплодирую Создателю за решение главнейшего вопроса: Он не наделил живые *товарные* массы оружием. Речь не идет о разнообразных огнестрелах и ножах, некоторых микробных ядах, имеются в виду физиологические способности убивать. Например, по моему мнению, уцененная *вещица* Польская в конце нашего альянса могла бы произнести: «Умри, Мышкин, презренный нищеврод! Сгинь!» И достаточно! Я тут же отправился бы в неизвестность... Но, к сожалению, Он не снабдил нас – сотворенные Им земные *изделия* – и биологической способностью смущаться, робеть, конфузиться, пасовать, протестовать, публично негодовать при столкновении с несуразной глупостью, бороться с коррупцией, все более заполняющей среду нашего обитания. А также восхищаться, испытывать высшую степень восторга перед глубокими мыслями превосходящих нас по масштабу интеллекта *товарных величин*. Боюсь представить себе, какую жуткую жизнь я влачил бы, если бы не развил в себе свойство наслаждаться в оттенках одиночества собственными произвольно вспыхивающими идеями, не имел бы способности общения со своим микробиомом, не развил бы бесценную возможность пользоваться богатством

собственной индивидуальности, напрягая сознание и мысленно выстраивая глобальные проекты. Если бы я поразился стоической ментальностью, как сегодня повсюду *товарные* массы инфицируются коронавирусом, то подписал бы себе приговор немедленно отправиться в неведомое... В этом отношении я чрезвычайно рад, что сюрреализм мышшкинского сознания не испытывает ни малейшего сопротивления действительности.

Кого же избрать мне для следующей диффузии? Кого следующего пригласить в альянс?

Что показали две предыдущие попытки, которые я провел, исходя из примера Татьяны и Кристы Хоган, симских близнецов из Канады, легко передающих друг другу мысли внутри единого сознания? У *товара*, с которым я экспромтом проделал свои эксперименты, не были обнаружены природные задатки интеллекта, нравственности, гражданственности или чести, зато отчетливо проявилось представление о своем меркантильном интересе как приоритете в жизни. Это главная беда нынешнего нашего биологического вида – изначальная одержимость собственной выгодой. Да иначе и быть не может, если знать, что у современного человека количество клеток микробов в триллионы раз больше, чем собственных, видовых, которых мизер, не более пары миллиардов. Так что становится очевидным, кто управляет сознанием *Homo sapiens*, – это микроорганизмы, внесенные мутационными циклами в ходе длительного процесса эволюции. Об этом подробно писал Роб Найт.

Видимо, по этой причине меня не влечет к женщинам. Вначале я должен обстоятельно изучить, каковы бактерии, археи, протисты, вирусы, грибы, в избытке населяющие особ нашего вида. Лишь потом стану принимать решение. А возможно ли создать совершенно новый вид без наличия

в нем огромных колоний сверхмалых биочастиц? Тут ждет меня долгое препирательство с академическим сообществом. Не скрою, глубоких знаний биологии у Мышкина нет. Да и лабораторные манипуляции с геномом гомосапиенских эмбрионов сегодня законодательно запрещены. В этом вопросе церковные власти – неумолимые противники науки.

Вдруг в голову пришло желание позабавить себя беседой с греховным, коррупционным политиком. Я далек от политических и общественных страстей, но с добросовестностью аналитика слежу за качественной динамикой *товарной* массы, отмечая неуклонную порчу *изделий*. И что примечательно, этот негативный процесс не встречает сопротивления самого субъекта. Идет общая деградация нашего вида – сущностная, умственная, нравственная, феноменологическая. Общество не желает осознавать собственную враждебность и агрессию по отношению к науке и культуре, обскурантизм поглотил из года в год слабеющий коллективный разум. В стране этот люд, убежденный в собственной преувеличенной высокой ценности, известен своим гипертрофированным высокомерием, самомнением и лживостью. И почему-то, планируя конвергенцию, в сознании вдруг вспыхнуло *изделие* по фамилии Кирилл Матулин, представитель политического бомонда. Тучный тип, частый участник медийных ток-шоу на ТВ, которые я иногда просматривал на своем планшете. «Но почему именно он пришел мне на ум? Опять кандидатура микробиома?» – задал я себе вопрос. Но тут же моментально вспомнил, и в сознании возникло оживленное вдохновение: тему для интервью я отлично знал и быстро впал в замороженное состояние.

«Где ты, где ты, Матулин?» – приступил я к его поиску. Мой увлеченный ум стал прогнозировать количество удо-

вольствий, способных выпасть мне во время слияния с этим политиком. «Где ты, где ты, Матулин?» – продолжал искать его в искушении ближайшего альянса. Различные партии в современной России с искусными, наивными красками создают себе имиджевые легенды о своей патриотичности, ангельских помыслах в деяниях, мудрости. Над этими портретами святош зубоскалит в собственном сознании и в Интернете большая часть общества в стране и за рубежом. Публичные площадки для оппонирования официальным партиям наглухо заколочены. Я далек от публичной критики партийных и властных страстей общества в Интернете, это совершенно не мой мир. Итак: «Где ты, где ты, Матулин? Где ты, где ты, Матулин?» Ах, вот он где! В автомобиле, развалился на заднем сиденье, а шофер мчит его по улицам Москвы.

«Приветствую вас, господин Матулин! Простите, что беспокою, разрешите в рамках интервью задать вам несколько актуальных вопросов...» – «Вы из интернет-издания?.. Подожди, подожди, а как ты попал в мое сознание? Я дремал, не сразу понял, что тебя рядом нет. Откуда ты нарисовался? Или я все еще в коротком сновидении?» – «Нет нет, я в действительности нахожусь в вашем сознании и представляю погибших в войне 90-93 годов в западной Грузии, в Сухуми и других городках “Абхазии”». – «Абхазов, северокавказцев и русских?» – переспросил он. – «Нет, грузин, – парировал я, – Высшие силы микробиома одарили меня способностью становиться частью сознания интервьюируемых». – «Не понял. Полная мистика, хоть я в нее и не верю. Вроде я еще и не пил», – про себя подумал Матулин. А я читал его мысли.

«Что ты городишь, грузинская сволочь? Сейчас я тебя выброшу из себя... Какие еще чертовы грузины? Проваливай по-хорошему!» – в ярости бросил он мне. – «У вас ниче-

го не получится. Чем больше вы станете сопротивляться нашей беседе, тем дольше по времени я останусь в вашем существе». – «Как это так?! Я – федеральный политик, нахожусь под защитой государства. Сгинь, сволоочь, тем более, грузинская. Говорить о грузинах у меня нет ни малейшего желания». – «Простите, все же придется. Если вы будете отвечать на мои вопросы правдиво, то ваше сознание не будет травмировано, если нет, то буквально через пару часов окажитесь в психиатрической клинике имени Кащенко».

– Костя, затормози. Хочу на пару минут выйти, подышать свежим воздухом, – скомандовал политик.

Водитель остановил автомобиль. Матулин вышел, конечно, вместе со мной. Я молчал, успев прочесть название улицы: Садовая-Спасская. «Слава богу, отделался от грузина. Странно, но он говорил без акцента. Пройду пару десятков метров, избавлюсь от наваждения и поеду дальше. Меня ждут». – «Господин Матулин, я не только не выпал из вашего разума, я все слышал, о чем вы про себя говорили. Я не грузин, а русский. У меня акцента нет, я никогда не бывал в Грузии». – «Что за черт влез в меня?» – дальше пошла матерщина... – «Соглашайтесь на интервью, иначе я останусь в вашей голове неделю, месяц, год, десять лет...» – «Давай спрашивай...» – злобно бросил он.

«Абха» по-мингрельски – грузинский этнос, – «заплечье» или «у края». Существует и греческое слово «абазия», означающее «обездвиженность», второй вариант – «территория». У ближайших соседей этого региона – турок, персов, греков, арабов – не существует такой национальности и слова, как «абхаз». Они называют это племя, небольшой этнос «абаза», видимо от слова и национальности «абазинцы», которые живут за Кавказским хребтом.

В 1988 году в СССР получили развитие сепаратистские национальные движения в автономных республиках и об-

ластях. Была создана “Конфедерация горских народов Кавказа”. Сверхзадача перед ее членами стояла следующая: “Создание исламского государства на южных границах России”. Входящие в этот конгресс автономные республики внешних границ с другими государствами не имели, а находились в закрытом ареале России, в этом смысле перспективы прямого общения с исламским миром у них не было бы. Для достижения своих целей они возбудили “абхазов”, – этот этнос “апсуа” был приверженцем ислама, имел порт Сухуми и решал вопросы прямого контакта с исламским миром и их симпатизантами в стране и в мире, начал войну с христианской Грузией за отделение под предлогом того, что якобы территория “Абхазии” всегда принадлежала “абхазам”. Для достижения намеченного плана они разожгли среди “абхазов” антигрузинские настроения, снабдили их деньгами, оружием, исламскими лозунгами и совместно начали вести войну за отделение от Грузии.

Вы же, господин Матулин, активно участвовали в эскалации конфликта, оказывали политическое сопровождение этих притязаний, стали рупором “абхазских” территориальных претензий и в этом смысле поборником возможного зарождения исламского государства. Руководство отряда Басаева координировало вашу политическую активность. В прокуратуре Грузии есть соответствующие доказательства получения вами серьезных финансовых средств. Позже, когда Ельцин вмешался в эту военно-политическую авантюру, чтобы не допустить создания исламского государства, он стал проводить свою линию отторжения этих замечательных земель в пользу России. Вы поменяли ориентацию и начали создавать свою политическую карьеру в России, требуя независимости “Абхазии” и ее вхождения в РФ.

Вопрос: вы заблуждались и со временем раскаиваетесь за свою антигрузинскую позицию, повлекшую за собой

геноцид грузин, или вы уверены в своей правоте и сегодня утверждаете, что эти земли всегда были “абхазскими”? А война была справедливой, так как грузины всегда подавляли “абхазское население”, – это были ваши частые публичные заявления во время той войны».

«Никакого сожаления я не испытываю. Абхазская нация всегда владела этими территориями и заселяла эти земли. У тебя молодой голос, и ты совершенно незнаком с историей этого региона. С пятнадцатого века известно Абхазское государство, так что вначале получи знания и лишь потом вступай в спор. Вообще-то это старая, законченная история, отстань от меня». – «Я же заявил, если не будет интервью, то я навечно останусь в вашей сущности. Вопрос: можете назвать имя столицы “Абхазского” царства? Кстати, в истории никогда не имелось такого названия – “Абхазия”, но называлось во все времена “Абхазети”. С приходом в большую политику большевиков о нем вспомнили и перевели на русский – “Абхазия”. Одно царство “Абхазети” существовало в восьмом – десятом веках, другое в шестнадцатом – девятнадцатом веках». – «Этих городов уже нет», – обрубил он. «Неправда, все есть. Столицей Абхазети на этих двух временных промежутках всегда был грузинский город Кутаиси, в котором тысячелетиями проживали картвельские племена, то есть грузины. Вопрос: какой государственный язык был в царстве Абхазети?» – «Не помню, не приставай!» – «Это был грузинский язык и христианская религия. Так называемые “абхазы”, то есть “апсуа”, всегда исповедовали ислам. Да и такого этноса или народа как “абхазы” в истории никогда не было. Этот термин использовали как географическое понятие. Так же, например, русские называли живущих на краю государства украинцами. Какой язык лежит в основе названия города Сухуми?» – «Абхазский», – твердо, с оскалом заявил он. – «Поясните!..» –

«Не помню». – «Вы ежедневно на всех российских радио- и ТВ-каналах кричали, что все топонимы “абхазские”, что в советский период “Абхазия” подвергалась насильственной грузинизации. Это наглая ложь! Известный вам Лаврентий Берия, и его отец, и его дед родились в Мерхеули, в пятнадцати километрах от Сухуми. До революции 1917 года, при царе, Сухумский уезд – а это была территория от рек Ингури до Псоу перед Адлером – входил в Кутаисскую губернию. А после революции грузинские историки вспомнили, что в восьмом – десятом и шестнадцатом – девятнадцатом веках существовало государство “Абхазети”, основной этнос и язык которого был грузинский, религия – христианская. Тогда они дали новой автономии название Абхазети, по-русски – “Абхазия”.

О происхождении названия Сухуми: из исторических письменных памятников восьмого века известно поселение Цхуми. Цхуми по-мингрельски значит “рыба”. Никакого отношения к так называемым “абхазам” название города Сухуми не имеет. Колхидское царство известно в мировой истории с шестого века до нашей эры. Оно в те времена растянулось по черноморскому берегу от Трабзона (современная Турция) до Геленджика, название которого в переводе с мингрельского “место отдыха”, и на юго-восток до Кутаиси. В Интернете выложены тысячи монет, отчеканенных на грузинском языке в Колхиде. В исторической литературе нет ни одного слова об “абхазском” этносе, “абхазских” деньгах, и отдельного “абхазского” языка тоже никогда не было, но имеются сотни томов книг, рассказывающих о расцвете Колхидского царства. Этнический термин “абхаз” возник только в начале двадцатого века.

Название Сочи появилось в конце девятнадцатого века. “Соча” по-грузински – “отдых под сосной”. У меня на планшете карта города Сочи 1970 года. На ней встречаются

грузинские названия улиц – Большая Мингрельская, Малая Мингрельская, Горийская и другие. Городская сочинская речка носит название Мзимта – в переводе с грузинского “мзе” – солнце, “мта” – гора. Рядом с Адлером находится поселок Дидорколь – на грузинском “диди” – большой, “орколь” – кувшин. От Адлера в сторону Сочи тянется Имеретинская низменность. Имеретия – этническая область Грузии, столица ее Кутаиси. Рядом с Сочи расположен небольшой поселок Старая Лазика – лазы, – картвельский этнос, то есть грузины. Перед городом Туапсе расположены два озера: Верхнее и Нижнее Джимури, слово “джимур” по-мингрельски “соль”. До недавнего времени, а может, и сегодня там добывают соль. У озера Рица есть поселок Авадхара, что по-грузински “для больных”. Продолжать с топонимикой? Думаю, хватит.

Нынешние “абхазы” – это пришлый этнос “апсуа” из земель, близких к реке Кубань. Они сами себя называют не “абхазы”, а “апсуа”. По-гречески “апсуа” означает бездуховный⁴. Какой смысл спорить с вами, если даже сами себя они не называют “абхазами”? В топонимических, исторических высказываниях я лишь рисовал незначительные фрагменты черноморского побережья Кавказа, подтверждающие, что на отторгнутой территории “Абхазии” тысячелетиями проживали грузины и считали ее своим домом. Конечно, на этой земле с древних времен проживали и другие народы и племена: грузины – мингрелы, колхи, лазы, сваны – это один картвельский этнос, греки, турки, абазги, убыхи, шапсуги, адыги, черкесы, абазинцы, апсуа, позже, с восемнадцатого века, – русские и разные другие мелкие этнические группы. Часть из них после Русско-турецкой войны перебралась в Турцию.

⁴ А – отриц. частица, *психо* – душа.

Один из “абхазских” филологов в тридцатые годы двадцатого века перевел поэму “Витязь в тигровой шкуре” на “абхазский” язык, но в грузинской орфографии. Письменный “абхазский” язык был создан по приказу Сталина в 1951 году на базе кириллицы. Через два-три года он вошел в быт “абхазов”, а в городе Сухуми открылась первая “абхазская” школа на проспекте Мира, но она не была заполнена учениками-“абхазами”, так как их количество в городе было едва заметным. Поэтому один класс был “абхазским”, а два русскими. Некоторые уроки “абхазы” проводили в русских классах, учебники на “абхазском” еще не были созданы. А грузинских школ с 1950 года – это точная информация – в Сухуми было пять, и все они были заполнены учениками».

«Ты грузинский платный агент! Чтоб ты знал, – даже закричал Матулин, – в 1892 году была создана Комиссия по переводу богослужебных книг на абхазский язык, а в 1907 году проведены богослужения на абхазском языке. Что ты мне рассказываешь, грузинский холуй? Об этом ты можешь прочесть в Википедии». – «Может быть, но письменный “абхазский” язык, как я уже говорил, был создан в 1951 году на базе кириллицы филологом Дмитрием Гулия. Слово “гули” по-грузински означает “сердце”. Переводы, может, и были, но на грузинский язык, созданный в третьем веке. А что касается Википедии и исторических данных в ней... История – это не чистая наука, это больше “полезные” политические версии. Недавно по вашей рекомендации вышла книга псевдоисторика А. Чирикбы “Абхазия и итальянские города-государства XIII–XV вв.”. На самом деле Абхазское царство известно с восьмого века, оно контактировало с Римом и Византией, но это были государства грузинского этноса, языком письменного и устного общения был исключительно грузинский. В 325 году грузины приняли христианскую религию, местные экс-

перты владели латынью, греческим (Новый Завет был на этих языках) и общались с европейцами. А эта книга А. Чирикбы – сплошная выдумка и ложь. Да и о чем говорить: фамилия самого автора грузинского происхождения. “Чирри” – по-грузински означает “сухой”, а “чирики” – “сухие”, например фрукты, трава, листья. Окончание “ба” добавлено, чтобы превратить ее в “абхазскую”. Сегодня фамилия Чирия, Чирикия часто встречаются в Грузии. Грузинские и итальянские историки обязательно ответят автору на его фальсификацию».

«А ты знаешь, что абхазские большевики требовали независимости от Грузии и присоединения к России?» – словно парировал он. – «В те времена многие малые и большие этносы ставили вопрос о своей независимости, – с усмешкой ответил я. – Большевики были весьма щедры на создание этнических анклавов. Так, в 20–30 годах появились новые нации: казахи, киргизы, таджики, туркмены, белорусы и их письменные языки... Это большевистское непродуманное великодушие спустя годы и привело к распаду СССР. А самым древним государством, входящим в Российскую империю, а потом в Советский Союз, была Грузия, известная по всем историческим документам с середины второго тысячелетия до нашей эры.

По переписи населения Сухумского уезда 1904 года, число жителей составляло девяносто четыре тысячи. Среди них тридцать девять тысяч грузин, восемнадцать тысяч греков, тринадцать тысяч русских, семь тысяч “абазгов”, три тысячи “апсуа”, пять тысяч эстонцев, четыре тысячи турок, три тысячи армян, три тысячи убыхов и две тысячи персов. Никаких “абхазов” в переписи нет. А в 1991 году на западной окраине бывших земель царской России тоже было образовано новое государство – Украина. В него вошли десятки этносов. И что, все из них стали “украинцами”?

Вы не раз публично высоко оценивали вклад российской миротворческой миссии в отделение “Абхазии”. Действительно, известно, что армия генерала Лебедеа сутками бомбила самолетами и обстреливала “Градами” гражданский город Сухуми и другие населенные пункты. Сверхзадача, поставленная Ельциным, в мире хорошо известна – изгнать грузин из так называемой “Абхазии”. В 1990–93 годах проводился плановый геноцид грузинского народа, различные вооруженные этнические элементы входили в дома местных жителей, отбирали паспорта и при слове “грузин” расстреливали на месте. Более пятидесяти тысяч грузин погибли во время этнической чистки, более двухсот пятидесяти тысяч бежали через горы в Верхнюю Сванетию, то есть в безопасные места Грузии.

В восьмом – десятом веках, а также в шестнадцатом – девятнадцатом веках, то есть пятьсот лет, существовало государство Абхазети, но не было “абхазского” этноса, письменного языка “абхазов”, был лишь этнически ограниченный язык небольшого этноса “апсуа”. В их языке даже нет самых простых слов, например, они называют хлеб “ахлеб”, море – “аморе”, рыбу – “арыба”, гастроном – “агастроном” и так далее. Вся культура древнего Абхазети: языковая, религиозная, финансовая, топонимическая – была грузинской. Сколько претензий со стороны соседей было бы к России, если бы русские называли себя “уральцами” или “сибиряками”? “Абхазети” – это географическое понятие, современные “абхазы” украли этот термин и присвоили его себе, хотя он никому не принадлежал, а в переводе означает “на краю”. В “Ахазское царство”, столицей которого всегда был грузинский город Кутаиси, прежде всего входил весь грузинский этнос – мингрельцы, сваны, имеретинцы, кахетинцы, рачинцы, аджарцы. Это было характерно для того времени. В начале XX века от самоидентификации

“я баварец”, “я саксонец”, “я шваб”, “я ханзиат” жители Германии переходили к осознанию себя единой нацией и говорили с гордостью: “Я немец”. Так же было с итальянцами, объединившимися из ломбардцев, тосканцев, сицилийцев и граждан других независимых итальянских государств в единую нацию. С бургундцами, нормандцами, бретонцами, ставшими французами. Скорее всего, среди грузинских этносов царства Абхазети проживала небольшая этническая группа “апсуа”. Но никак не больше.

В Интернете, который я часто проглядываю, мне встретилась информация, что грузины готовят документы в международные суды на представителей ельцинской администрации, обвиняя их в геноциде грузинского народа и этнической чистке с целью захвата большей части национальной территории. В обвинительном заключении грузинской стороны, переданной в суды Европы, я видел вашу фамилию – как ангажированного лица, вначале исламистами, затем администрацией Ельцина. Вас называют одним из активных пропагандистов этнических чисток коренного населения. Указаны также в свидетельских показаниях данные о крупных взятках, получаемых от конфедератов за политическое прикрытие их требований, а позже и политических дивидендов, когда Ельцин взял ситуацию в “Абхазии” под свой контроль, – от представителей его администрации. Именно так вы подняли свой политический имидж! Один из обвиняемых – вы, господин Матулин. Не страшно?»

«Ты меня пугаешь? Назови свое имя, сволочь...» – Дальше пошел мат». «Я микроб, иначе не попал бы в ваше сознание. Мое имя выдумывайте сами. А что вы сотворили вместе с коллегами с цветущим уголком западной Грузии, которая в советское время получила новое название “Абхазия”? Сегодня это обездоленный край, с разоренной, даже

полностью убитой инфраструктурой! Вы способствовали краже у двухсот пятидесяти тысяч грузин домашнего очага, родной земли, городов и поселков, детства, любовных историй... Уверен, наш микробиом станет, господин Матулин, вашим вечным обвинителем».

На этом я закончил конвергенцию с политиком.

Состоится ли справедливый суд над сегодняшним потреблятельством? Этот вопрос я часто задаю сам себе. Не верится в осуществимость такой надежды, слишком глубоко, на мой взгляд, падение современной так называемой цивилизации. Мало кто не дрогнет перед искусом деморализующих наслаждений. А я с упорством доказываю самому себе, что представляю собой совсем другой типаж. Мышкин в рутине текучей повседневности ищет сокровенные связи между своими молекулами и клетками, наночастицами, разбросанными по Вселенной. Изречение Аристотеля «Счастье принадлежит тому, кто доволен тем, что имеет» интуитивно, а затем и осознанно я сделал своим девизом. В созерцательности гармонично реализуется мое «я», и это позволяет мне балансировать на зыбкой грани между наваждениями и реальностью. Только я, и никто другой, сознаю собственные видения и мысли, избегая давления с разных сторон от огромного числа посторонних мнений.

Одаренная микробиомом моя способность свободно проникать в сознание других *изделий* невероятно обогатила внутренний мир Мышкина новым статусом инстинктивного самосохранения и перспективными взглядами на будущее. А оно, я уверен в этом, способно быть невообразимо привлекательным. В сумерках внешнего земного бытия я оживлял себя исключительно внутренней игрой воображения, и, конечно, провинциальная библиотечка этому способствовала. Все удовольствия жития были лишь глубоко внутри себя, куда я никого не допускал. А тут, после ро-

скошного презента микробиома, у меня довольно часто возникает бунт сознания. Острое желание искать и находить всех компроматных партнеров для эмпатических диалогов. Впрочем, до сближения с *САРО* я не чувствовал уверенности в себе, может поэтому я категорически исключал общение с *товарной* массой моего городка. Но после этого замечательного подарка микробиома у меня довольно часто возникает желание слиться с одиозными *изделиями*.

Итак, вновь напряженно думаю над поставленной задачей – найти подходящую *вещь* для следующего альянса. Есть! Михаил Быстров, в недавнем прошлом крупный федеральный чиновник. И сегодня он часто мелькает в новостях. Ведет ток-шоу на телевидении. Пару раз видел, еще живя у деда, эти передачи и поражался, как могли такого безмозглого типа назначить на ответственную должность. Разве он способен честно ответить? В голове у меня быстро возникла к нему пара вопросов. «Дмитрий, будь осторожен, – предупредил меня мой внутренний голос с легким акцентом *САРО*, – Быстров убежден в своей умственной исключительности, впрочем как и многие высокопоставленные невежды. Если собеседник его раздражает, он переходит к хамству, а то и к рукоприкладству. А при его тучной комплекции удар от него вызовет болезненные ощущения. Такое агрессивное поведение характерно для микробиомов, в которых количество архей⁵ превышает норму».

Я не отступлю от задуманного. Через пару минут нахожу Быстрова. Он как раз, закончив эфир, снимает с лица грим. Терпеливо жду, когда он освободится, и затем начинаю разговор: «Добрый вечер, господин Быстров! Новые технологии позволяют объединять сознание и вести разговор между двумя-тремя людьми в рамках единого разу-

⁵ Вид микроорганизмов.

ма...» – «Денег нет! Отстань и убирайся, иначе позвоню в полицию», – нервно бросает мой партнер по альянсу, поправляя галстук. «О деньгах речи не идет. Я хотел спросить совсем о другом. Почему на ваших передачах никогда не обсуждается концепция трансгуманизма?» – «Я сказал, отстань от меня, – повторяет он и презрительно добавляет: – Какие только технологии не изобретают ради денег!»

Конечно, он не понял, что мы с ним находимся в одном сознании и каким бы голосом он со мной ни говорил, вслух или про себя, я его буду слышать. А вот внутренний голос Мышкина он без моего разрешения уловить не сможет. Мягко обрисовываю ему ситуацию: «Вы не способны от меня избавиться. Ваши старания ни к чему не приведут. У нас с вами сейчас единое сознание, как у канадских близнецов Хоган со сросшимися головами. Чтобы я от вас отстал, ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов».

После этого предупреждения сразу приступаю к делу: «У вас ученая степень культуролога, но о трансгуманизме вы ничего сказать не желаете. И все же прокомментируйте, пожалуйста, перспективы такого научного направления, как трансгуманистическая трансформация. Или хотя бы ее начальной фазы, каковой является генная редакция». – «Я сейчас позвоню, чтобы тебя арестовали, – взрывается Михаил Быстров. – В стране еще сохраняются очаги коронавируса, а ты нахально влез в меня. Мне за шестьдесят, я, считай, в группе риска. Липни к молодым. И еще, каждое мое слово стоит денег, я без гонораров не работаю. Плати или пошел вон!» – Он гордо мотнул своей лысой головой.

«Вы вынуждаете меня принять радикальное решение – поселиться в ваше сознание на ближайшую ночь, на следующий день, неделю, месяц... Вы не сможете вести свои скучнейшие ток-шоу и зарабатывать деньги. Напоминаю, что у вас есть альтернатива: ответьте на несколько вопро-

сов, и мы расстанемся. А о геномной редакции вы должны знать главное, потому что такие знания уже просто обязанность современников. Редактирование геномного ансамбля Homo sapiens – это технология, цель которой – оздоровление нашего вида, повышение интеллекта, геномная антикоррупционность, моральное обновление, увеличение продолжительности полноценного существования. И так?»

«Валяй, сволочь. Только никому не рассказывай, что я дал тебе интервью бесплатно. Этим ты повредишь моему имиджу и бизнесу». – Его мясистое лицо с толстыми губами и лысина раскраснелись. «Когда вы говорите про себя, я вас отлично слышу, – заметил я вполголоса. – Еще вопрос. Когда, в каком году, Иешуа из Назарета стали называть Христом?» – «Как когда? При рождении...» – твердо заявляет Быстров. «Что означает имя Христос, и из какого языка это слово?» – «Я сейчас не в форме, так что не скажу... Задавай другие вопросы или исчезни. К слову, любое интервью со мной должно оплачиваться». – Его щека стала непроизвольно дергаться. «Христос – греческое слово, оно переводится как “мессия”. Назарет – античный городок с населением около пяти тысяч. Представить, что в иудейской резиденции более двух тысяч лет назад евреи знали греческий или что в Назарете проживали греки, – невозможно. И в синагоге при рождении ребенка не получили бы регистрацию – Леидат а елед – с записью греческого имени Христос. Из истории известно, что при рождении младенец получил имя Иешуа. Это усечение имени Йехошуа. Оно, в свою очередь, состоит из корней двух слов: “Йехова” – имя Бога в Торе – и “шуа” – спасение. Оба слова из арамейского языка. Когда же его нарекли Христом? Вы же профессор культурологии, могли бы поинтересоваться, да и сами вы еврей. Разные источники называют II–III века нашей эры. Или вы без оплаты не ответите?..»

Я опять выждал короткую паузу и приступил к следующему вопросу: «Много ли людей на рубеже старой эры и новой носили имя Христос?» – «Не знаю! Не провоцируй меня, у меня давление поднимается, – сдавленным голосом взмолился Быстров. – Я бывший коммунист, в Бога не верую». – «Вы гуманный, так что должны бы знать историю, ведь религии – это же богатейший фундамент духовного обогащения народов. Так вот, этим именем называли в далекой Античности и называют до сих пор детей в греческих семьях. Теперь ответьте на такой вопрос. Иконы с изображением Иисуса – кстати, это имя – транскрипция имени Йехошуа на греческий – или, например, фреска Леонардо “Тайная вечеря” в монастыре Санта-Мария делле Грацие, они списаны с древних оригиналов или являются плодом художественного воображения? Напомню, что первые христианские храмы появились во второй половине II века. Из библейских текстов известно, что Христос прожил 33 года. В первых храмах изображений Иисуса не было. Они появились с VII века. В это же время появились и кресты на них. А “Тайная вечеря” написана в XV веке. Как вы это прокомментируете?» – «Своим вторжением ты взбесил меня, так что на ум ничего не приходит. Хочешь доказать, что ты умнее? Признаю, только оставь меня».

На этот раз он меня почти разжалобил. Я решил оставить зыбкую тему религии и перейти к культуре, заверив его, что не займу более пяти минут: «Чем вы можете объяснить, что за последние 70–80 лет в России не появилось ни одного писателя, который бы стал гордостью национальной литературы? Всё середнячки или графоманы. После Булгакова никого нет». – «Ты вынуждаешь меня кого-то хвалить, а кого-то критиковать, – поучительным тоном сказал Быстров. – А это мой бизнес. И ничего личного. За комплимент книге платит автор, за критику той же книги –

его оппонент. Уж не подослан ли ты моими конкурентами? Расколись, скажи все как на духу, а я обещаю терпеть тебя еще пять вопросов. Но только не оценочных. Например: нравится ли вам сериал “Зулейха открывает глаза”? – этот вопрос не ко мне. Без гонорара я свое мнение не высказываю. Современный мир требует новых подходов. Мнение – это деньги, бизнес... Здесь можно и обрести, и огрести...»

Он еще продолжал меня чему-то поучать, как и Мудрин, но я внезапно почувствовал невыносимую скуку и, не задерживаясь более, оскорбленный моралью нынешнего публичного *товара*, оставил альянс, выпрыгнув из него.

Было уже за полночь. Утром, в половине шестого, надо опять приниматься за уборку – полы протираются дважды в день, а то и трижды. Коронавирус наложил новые стандарты. Я решил заснуть, выключил тусклую лампу и свернулся калачиком под тонким колючим одеялом. Но, кажется, отдохнуть мне было не суждено. Через некоторое время я сквозь сон отчетливо услышал голос *САРО*.

«Дмитрий, – обратился он ко мне, – когда ты жил в Мышкине, я не хотел с тобой откровенничать, поскольку в этом не было никакого смысла. Но теперь ты добрался до огромного мегаполиса и сможешь объяснить всему миру, каким образом повсеместно явился злосчастный коронавирус. Из глухой провинции, где житель расходует в среднем два-три доллара в день и практически не контактирует с остальным миром, пояснить, каким это образом повсеместно объявился коронавирус, – это смущать тебя, а мы Мышкина любим и не желаем ему даже малейших волнений. Тебе знакомы программы освоения космоса?» – «Да, а при чем тут нынешняя пандемия?» – удивился я.

«Чтобы рассказ был связным, не прерывай говорящего. Так вот, только мы, микробы, вечно обитающие во всей Вселенной, представлены в твоём масеньком мирке на

планете Земля. У вас в непрерывном режиме функционируют более полутора десятка космодромов. Они находятся в США, России, Франции, Китае, Японии, Индии, Израиле, Новой Зеландии. Каждый запуск ракеты в космос, особенно работающей на твердом топливе, – а таких запусков больше всего у США – при выходе ее из атмосферы оставляет в озоновом слое дыру размером от 100 тысяч квадратных километров до 500 тысяч. Так образуются двери в земной мир, прорехи в окружающей нас атмосфере. Многие пилотируемые корабли с космонавтами стартуют с Байконура. Известно, что наши братья микробы живут в ракетах вместе с членами экипажа или без них, живут и на внешней среде корпуса, питаются органикой с механизмов, участвующих в управлении полетом. В космосе уже другие микробы усаживаются на алюминиевую обшивку ракет и благополучно приземляются на крупнейших космодромах мира – Байконуре, мысе Канаверал, Сичане, Куру. Алюминий и нержавеющая сталь – идеальные поля для жизни микробов. Таким образом, летательные аппараты привозят в стратосферу “земных” микробов из внутреннего салона и фекалий и ввозят обратно “космических” микробов, осевших при полете на внешнюю поверхность корабля или ракеты. “Импортные” и “местные” микробы встречаются друг с другом на космодромах или, если корабли не пилотируемые, как ракеты компании SpaceX, то в других частях планеты».

Я внимательно слушал, а голос мерно продолжал объяснять: «Микробы – живые организмы, они, представь себе, влюбляются друг в друга, мутируют, и так рождаются новые микроорганизмы. Одна из таких новых сущностей и есть коронавирус – результат любовной истории местного и импортного микробов. Дыр для “импорта” нашего брата из космоса уже множество. А в связи с ростом космических

исследований можно предполагать их тысячекратное увеличение. И чем больше этих дыр, тем чаще ваш вид станет страдать от новых и новых пандемий. *Изделия*, которыми заселена планета, не понимают, что для обеспечения их собственной безопасности необходим контакт между нами. Тут следует предупредить: *изделия* не умеют во время спокойной жизни замечать и предвидеть проблемы, способные резко осложнить им жизнь уже в самом ближайшем будущем. Человек – это пока не настроенное *изделие*. Оно еще наслаждается жестокостью и несправедливостью. А его режиссером-настройщиком способен быть исключительно микробиом».

Я не понимал, сплю или бодрствую, но невольно с любопытством ждал дальнейшего рассказа. И голос после паузы вновь зазвучал, заворачивая меня мягкой интонацией знатока: «Из триллионов планет и звезд во Вселенной только Землю можно сравнить с психиатрической клиникой. Войны, интриги, дележ сфер влияния, бесконечные претензии на территории, на ресурсы, на версии, на власть, на любовь и ненависть. Буквально: вы копируете мельчайшую часть земных микробов “тетеонов”, от которых мы избавляемся, отправляя их в далекий космос вашими летательными аппаратами. У вас единственная и непреходящая страсть – строить свое существование на иллюзиях: вы покорители ближайших миров. Какой наивный самообман! Это мы живем миллиарды лет, это мы практически бессмертны! А вы существуете одно мгновение и исключительно на планете Земля. Бог не мог создать вас, вы до банальности примитивны и амбициозны. Повторяю, человек, или, как мы вас называем, *изделие*, – это незавершенный плод нашего ума. Мы заложили в нем скудную способность к самопознанию, чтобы посмеиваться над собственным *товаром*. А как иначе? Ведь ничего, кроме хохота, не вызывает у нас рукотвор-

ное *изделие*, обольщающее преимущественно самим собой. А желание познать суть вещей в мироздании у вас вяло и ограничено».

Теперь я угадывал в монологе некоторые собственные мысли. Значит, я говорю сам с собой? Или все же это вещает *САРО*, которого я уже несколько дней не слышал? И я старался всем существом вникнуть в произносимые ночным голосом фразы: «Мы же созданы одновременно с рождением Вселенной. Бог – это наш прародитель. Доказательство? Наша вечная жизнь в любых средах, на планетах и звездах, в нескончаемом Млечном Пути. При всякой самой высокой или самой низкой температуре, любом давлении и любой скорости движения. Это мы по Его пожеланию стали создавать все другие *товарные* массы, как в вашем ареале, так и во всем мироздании. Знакомьтесь с нами, проводите совместные конференции, налаживайте диалоги. Мы, и только мы поможем вам продлить вашу жизнь и наградим вас более достойным разумом, чем ваш нынешний. Не обижайся, но он у вас очень уж слабенький. Мы видим для вас одно будущее – и его залогом станет низкий поклон микробам и почитание их! В ваших молитвенных домах поклоняйтесь нам, микробам, не придумывайте себе других создателей, мы ваши праотцы, ваше *САРО*! Вы же состоите из нас, ничего другого, кроме нас, в вас нет. В Европе по мере развития фундаментальной науки многие, кстати, стали задумываться и понимать, кто ваш истинный прародитель. Хочу заметить, что вера исключительно в Божественное происхождение вашего вида у *изделий* падает. За последние десять лет в Германии, например, снесено 102 храма, 260 храмовых зданий проданы, в Англии за тот же период около 300 христианских культовых сооружений перепрофилированы под рестораны, магазины, частные лавки, кинотеатры, в других странах похожая картина. Я сообщаю

тебе обо всем этом в мегаполисе, и ты, видимо, понимаешь, почему не беспокоил тебя в твоём прежнем милом, но провинциальном городке».

Еще скованный дремотой, я все же смог задать занимавший меня вопрос: «А как вы, *САРО*, объясните прошлые пандемии, распространявшиеся по Земле, когда никаких полетов в космос не было? Почему и тогда сотни, тысячи различных вирусов то и дело появлялись на планете?» – «Ты должен знать, – последовало терпеливое разъяснение, – что на Землю с момента ее полного остывания из дальнего космоса постоянно прилетают метеориты. Они и несут на себе наших братьев – инопланетных микробов. Я уже напомнил тебе, что крокодилы и крысы, мамонты и тараканы, бабочки и человек – словом, весь растительный и животный мир на этой планете исключительно наши *изделия*. Не слушай ваших ученых, медиков и биологов, они не понимают, когда утверждают, что вирус якобы рукотворный продукт. Нет! Это чушь! Вирус – это исключительно микробиомное *изделие*. После начала общения со мной ты и сам стал называть человека *изделием*. Когда кто-то из вас умирает или гибнет, став чьей-то пищей, то микроб сохраняет себе жизнь. Он перебирается в другую ипостась живности. Если микробу *изделие*, в котором он обитает, не нравится, он вместе с фекалиями покидает такое неподходящее тело и переселяется в другие *изделия*. А часто даже убивает его, перебираясь в другие свои *товары*. И не обязательно в человека, иногда он вселяется в мышь, свинью, камбалу и так далее. И так это происходит вечно, а умрем мы только в одном случае – вместе с гибелью Вселенной. Я тебе не раз говорил: стань микробом – и будешь жить вечно. Иначе после смерти твои мельчайшие частицы можно будет встретить у других микробиомов. Твоя плоть распадется на многие миллионы атто-величин. Тебя как такового больше не будет. Мое

предложение еще действует. Ты часто вспоминаешь и цитируешь Канта. Сообщить тебе почему?»

Я понял, что помимо своей воли вступил в очередной, но редкий альянс, на этот раз с *САРО*, и покорно отозвался: «Да, пожалуйста». Голос продолжал: «Ты должен больше знать о нас. Поведаю тебе некоторые маленькие секреты. После смерти Канта 216 лет назад большая часть его микробиома слилась в меня. Случайность! Более 28 лет назад я, мутируя со своими собратьями, почувствовал, что попал в твой эмбрион, и со мной вместе у тебя оказались фрагменты фемта-метрового диапазона ДНК великого философа. Эти частицы пытаются пробиться в твоё сознание, но ослабленные силы кантовских мельчайших фрагментов не всегда им способствуют. И все же Кант присутствует в твоих размышлениях и речах, порой даже во время общения со мной. Теперь понял? Если я, мы, существуем вечно, то мне не скучно пару десятков лет находиться в твоём теле. Но, чтобы побудить тебя перейти в статус микроба, я всякий раз стану напоминать тебе другого вашего мыслителя – Вольтера. Он, в частности, говорил: «Мы оставим этот мир столь же глупым и столь же злым, каким застали его». Есть ли смысл оставаться *изделием* в этом мимолетном и параноидальном мире? Подумай, какое великое удовольствие доставят тебе при общении микробы, живущие миллиарды лет! Они знают все о Вселенной от ее рождения, все этапы развития, которое проходило перед их пристальным, увлеченным, пытливым, влюбленным в свое одиночество взором. Дмитрий, сделаю тебе комплимент: в твоей сути многое от микробов. А они создатели всего органического мира. Если бы все *изделия* нас изучили и слушали, то каждый из вас стал бы жрецом в своем микрокосмосе. Я терпеливо жду твоего решения и не хотел бы сомневаться, что Мышкин, с его достаточным для этого разумом, прислушается к моему доброжелательней-

шему совету. У меня есть опыт в этом деле, я уже уговорил на трансформацию несколько умнейших и симпатичных *изделий*. И те, кто согласился, счастливы. А те, кто отказался, остаются немymi атто- частицами в подчинении у хозяина жизни – микроба! Именно он – властелин и создатель мира! Стань им, и ты спасешь себя! Начни с простого, но главного – развития в себе постоянной убежденности в том, что тебе ненавистен собственный телесный объем. “Почему меня так много?” – этот вопрос должен мучить тебя и озлоблять против самого себя. Чем меньше размер твоей плоти, тем значительней возможности твоего сознания, тем ближе ты к микробам, если решишь стать одним из них...» – Тут голос внезапно замолчал, а я провалился в безмятежный сон.

Утром, перекусив зачерствевшим рогаликом со стаканом воды, я взялся за работу. К счастью, общение с постояльцами приюта для бездомных было минимальным, и я мог отдаться своим мыслям. Теперь меня в основном занимало предложение *САРО* сокращать свой телесный объем и готовиться к перевоплощению. К двум часам этаж был полностью убран, и я обратился к Екатерине Васильевне с вопросом, нет ли у нее возражений, чтобы я вышел в город.

– А куда это ты хочешь направиться? – поинтересовалась она.

Я сказал, что хочу поработать в свободное время волонтером в ближайшей больнице, в которой лечат заразившихся коронавирусом.

– Благородство хочешь проявить? Не получится. Не дай бог, подхватишь инфекцию и занесешь ее в наш центр, где находят пристанище бездомные и люди без дохода. И он превратится в очаг заражения. Если у тебя такое большое желание помочь городу и поучаствовать в гуманитарных акциях, дай мне пару минут, и я найду тебе достойное применение. Посиди здесь пока.

Я, конечно, не стал спорить и уселся в коридоре возле ее кабинетика.

Не успел я остановиться на какой-либо из идей, то и дело приходящих мне в голову, как управляющая вернулась со следующими словами:

– В двух кварталах от нас, на Новочеркасском бульваре, есть супермаркет. Им нужен помощник для расфасовки продуктов, заказанных по Интернету и по телефону. Для больных, но не заразных, понимаешь?! И для престарелых. Сходишь?

– Конечно! – Я вскочил.

– Деньги за работу не проси. Если угостят бананом или яблоком, не стесняйся, бери. Выйдешь из нашего здания, повернешь направо, пройдешь по Иловайской до перекрестка с Нижними Полями, свернешь налево и прямо по Донецкой, а там налево, у стоматологии, еще метров триста, за полчаса доберешься. Возьми с собой маску. Найдешь?

– Найду! – заверил я свою начальницу уже на бегу.

Едва я вышел на улицу, как совершенно неожиданно в голове сложилась четкая мысль, ранее меня не посещавшая: «Разум без высокой морали и нравственности – совершенно непригодная вещь!»

К чему это? Одно из проявлений безнравственности – лживость. Она не состоит в моем арсенале самовыражения, более того, я с ней еще никогда не соприкасался и не становился ее жертвой. Общение с другими *изделиями* у меня весьма ограниченное как в прошлом, так, надеюсь, и в будущем. Что значит мое предутреннее наваждение? Может быть, оно предвестник предстоящего мне в ближайшее время столкновения с энергетическим потоком лжи? Может быть, чья-то задача – извратить органическую суть Мышкина, обессилить его чувства, внести сумятицу в его рассудок и лишить его способности общаться с *САРО*? Не сдержав-

шись, я закричал: «*САРО*, пожалуйста, явитесь!» И он тут же возник в моем сознании: «Слушаю тебя! Что случилось, Мышкин?» Его доброжелательный голос несколько успокоил меня. «Смогли бы вы защитить меня от возможного одурачивания? У меня появилось предчувствие виртуозной атаки ложными идеалами и целями на мое сознание». – «Я всегда рядом, я временно заселен в твою биологическую массу. Не волнуйся. Кроме того, твой разум способен самостоятельно отделять зерна от плевел. Так что без паники. Напоминаю, вживайся в свое будущее, оно среди нас, микробов. И помни: никто не способен выйти из своего сознания, кроме нас. Прочитирую моего – прости, нашего с тобой – Канта. Его мысль поможет тебе увернуться ото лжи других *изделий*: “В высшей степени примечательно, что по одним лишь категориям мы не в состоянии усмотреть возможность какой-нибудь вещи, а всегда должны пользоваться созерцанием, чтобы по нему выяснять объективную реальность чистого рассудочного понятия”. До скорого!»

Я успокоился и двинулся дальше. Уже через несколько шагов меня озадачило новое соображение: «Почему я никогда не спорю со своим разумом? Это нормально? Может быть, именно он служит для меня источником нравственности?» Раньше я думал, что разум – это одна самостоятельная способность во мне, а моральность – другая, и тоже самостоятельная. А теперь все чаще прихожу к выводу, что у интеллекта и нравственности единый источник – *RATIO*⁶. Разум без нравственности не способен раскрыться полностью и украсить, обогатить *изделие*. Почему я вернулся к этой теме? Ах да, прошлой ночью я мельком подумал об одном телеведущем. Он узнаваем по кителю китайского покроя и часто мелькает в новостях на планшете. При определенной

⁶ Разум (*лат.*).

эрудиции он лишен и толики нравственности. И это обстоятельство поставило под сомнение мои последние умозаключения, будто две составляющие личности – интеллект и тяготение к соблюдению моральных норм – исходят из единого источника. Думаю, необходимо провести на сей счет практические исследования и узнать мнение *САРО*.

Я ускорил шаг, обдумывая на ходу план своих действий: «Необходимо выяснить сначала, какой прок для меня будет от этих опытов. Допустим, я докажу себе, что нравственность находится в плену у разума. Или наоборот, что способность мыслить и моральные качества человека автономны. Что это мне даст? Я пойму, что для оценки *изделия* следует исходить из представления о моно- или полиресурсах? Уже сейчас, без глубокого анализа, я готов заявить: лучше моно! Если у *изделия* мощный созидательный разум, то, скорее всего, он высоконравственная личность и силен духом. А если у телеведущего в кителе морали ни на йоту, то и разум у него скуднейший. Зато тщеславия у такого *товара* через край. Впрочем, тут же признал я, подобное умозаключение не согласуется с принципом неопределенности Гейзенберга: «Исследователь своими действиями воздействует на исследуемый объект и тем самым искажает реальность, а, следовательно, окружающий человека мир полностью непознаваем». Оставлю пока эту тему, мало ли что приходит на ум в ночное и дневное время...

Я вышел на Иловайскую, повернул налево и двинулся дальше. Теперь меня стала занимать новая проблема. В России средняя рентабельность бизнеса 10 процентов, эта цифра часто фигурирует в Интернете. Но каким предпринимательским талантом необходимо обладать, чтобы брать в банке кредит под 15 процентов – а дешевле денег в стране не найти – и показывать прибыль 10 процентов? Я бы еще понял, если бы ставка кредита была 5 или 7 процентов. Но

15 при 10-процентном доходе! Это из области психиатрии, а не финансов и бизнеса. Предпринимательство в России, кажется, окончательно приняло виртуальный характер. Политика ЦБ блокирует функции банков: их задача – насыщение денежной массой реального сектора экономики, а это невозможно при установлении запредельно высоких кредитных ставок и непреодолимых условий выдачи кредитов. Между тем развитие ипотеки и кредитование реального сектора экономики способны превратить Россию в Эльдorado для местного и иностранного капитала. В стране более 100 миллионов гектаров пахотных угодий заросло сорняком. Крупномасштабная продажа такой простаивающей без дела земли позволила бы резко увеличить рост жилищного строительства. Появились бы новые объекты залога, соответствующие финансовые инструменты. Во многих странах сейчас избыток свободных денег. В Германии кредиты дают под 0,4–0,5 процента годовых. Но капитал не идет в Россию. Коррупционированность бюрократии – шлагбаум на пути финансовых ресурсов. Почему бы микробам не вмешаться в принимаемые *изделиями* решения? Вероятно, они, микробы, лишь смеются над многочисленными ошибками представителей нашего вида, вытекающими из губительной неразумности при самонадеянности и недальновидности. Поэтому мои многочисленные странствования по лабиринтам сознания очень редко давали достойные результаты. Так что обращаться к *САРО* за помощью, просить его сделать *изделия* более разумными, облагородить их, кажется, бессмысленно. Микробы живут вечно и знают наш *товар* великолепно. Если они сами не задумались над его качественным улучшением, значит, эта проблема их совершенно не интересует.

А вот и супермаркет. У дверей два верзилы-охранника, они встречают меня подозрительным взглядом. «Тебе что надо?» – цедит нехотя один из них. Я не очень уверенно

объясняю, что пришел из Центра социальной адаптации, чтобы паковать продовольственные заказы. «Маска есть?» – «Да». – Верзила одаривает меня царственным ответом: «В конце зала поверни направо, потом еще раз направо. Скажешь, откуда ты, напялишь на морду маску, и тебя пропустят на склад. Я позвоню».

Склад оказался довольно большим – около 700 квадратных метров, по моей прикидке. Ко мне подошла женщина средних лет: «Ты от Кати из приюта?» – «Да». – «Соберешь 500 пакетов и свободен. В каждый пакет вкладываешь три банана, два яблока, кочан капусты, пять картофелин, две свеклы, буханку хлеба и сахарный песок. Он расфасован по 300 граммов. Все продукты вот в этих ящиках. В пакет вкладываешь открытку. Один олигарх решил поддержать провизией наших безработных». Тут у меня мелькнуло: «А это уже другая версия». – «Всё понял? Да, за работу разрешается взять один спонсорский пакет. Можешь съесть что-то здесь, остальное заберешь с собой. Но не больше. И надо будет в ведомости расписаться. Ладно, начинай работать. А что у тебя с рукой? Она у тебя какая-то вялая...» – «Родовая травма, но я справлюсь».

Пока сотрудница говорила, я произвел в уме несложные подсчеты и поделился сомнением: «На сборку одного пакета уйдет минимум три минуты. Умножаем на 500 – это 1500 минут, или 25 часов. Сейчас двадцать минут четвертого, значит, я закончу работу завтра в 16 часов. А на мне с утра уборка в центре...» – «Какой ты, выходит, непростой парень, быстро считаешь. Сколько же сегодня сделать успеешь?» – «Минутку, сейчас скажу... 140 пакетов. На это у меня уйдет семь часов, то есть закончу работу в 23 часа». – «Тогда приступай, проконтролирую, математик!»

Сотрудница показала мне кулер с пирамидой бумажных стаканчиков и туалет, после чего скрылась в глубине

склада. Я начал быстро распределять по пакетам нехитрую провизию, стараясь ничего не перепутать. Такую работу с гораздо большим успехом мог бы выполнять робот. Спасала от монотонности возможность думать над серьезными вопросами, что я делаю во всякую подходящую минуту. Теперь я размышлял о психическом состоянии сограждан, обреченных на самоизоляцию во время карантина. Я знал, что в России постоянно выносятся судебные приговоры, предусматривающие тюремные сроки. Можно предположить, что за решеткой одновременно находятся более 200 тысяч осужденных. Что такое тюремный режим? Камера 15–20 квадратных метров, в которой содержатся от восьми до десяти арестантов. За сутки сорокаминутная прогулка во внутреннем двореке площадью не более двух таких камер. И так надо отсидеть от трех до десяти лет! И *изделия* выживают и возвращаются в свободную жизнь, нередко даже вполне здоровыми. По сравнению с этим два-три месяца в собственной квартире, с семьей, с разнообразными телепрограммами, выбором книг, подключением к Интернету, мобильной связью с миром, правом общаться и разглядывать с балкона окрестности, выгуливать собак, ходить в соседние магазины и аптеки за покупками, – сущий пустяк. Никто не ограничивает скорость шагов при движении, время осмотра товаров в магазине, количество вопросов, задаваемых аптекарскому персоналу. А в обществе между тем нарастает паника, словно в действие введены технологии истребления законопослушных граждан. Мало кто понимает, что применяемый временно правовой порядок должен защитить население от смертельной болезни и предупредить критическую перегрузку больниц...

Я подумал, что *САРО* прав: микробы посмеиваются над своим *товаром*. Сами *изделия* в прошлом году только в стартапы по программам развития искусственного интеллекта

инвестировали по всему миру свыше двадцати пяти миллиардов долларов. Общие мировые затраты в сфере ИИ составляют сотни миллиардов в американской валюте. И ни один крупный чиновник или бизнесмен не желает тратить государственные либо частные капиталы на совершенствование не искусственного интеллекта, то есть собственной органики. А она при своей природной уязвимости остро нуждается в долгосрочном планомерном развитии. Иначе уже через двадцать лет, по мере бурного распространения ИИ, наше *изделие* перестанет интересовать планету, и мы окажемся на той же свалке, куда сегодня сбрасываем бытовые и прочие отходы. Новая цивилизация ИИ довольно быстро отправит нас в небытие. Наши микробы с легкостью переселятся в новые *товарные* массы, более высокоорганизованные.

Ряд готовых к отправке пакетов возле меня быстро увеличивался. Правая рука проворно двигалась, левая ей помогала, а мысли сменяли одна другую. Интересно, придет ли мне в голову еще что-то интересное до вечера? Представители нашего вида, убежден я, не обладают необходимой интуитивной проницательностью, которая должна была бы дополнять мрачноватый людской разум. Поэтому *изделие* не способно постичь тот факт, что, развивая восхищающий многих своей мощью ИИ, оно само обеспечивает себе местечко на мусорных полигонах Вселенной, среди нами же презираемой и забытой никому не нужной гнили. Не принять ли предложение *САРО* сменить свою нынешнюю оболочку? Стать мудрым бессмертным микробом, чтобы уже в этом качестве рождать и реализовывать великие проекты? Ведь нынешние *товарные изделия*, с их жалкими мозговыми ресурсами, погубят не только самих себя, но и всю планету. Это предчувствие постепенно укрепляется во мне не из-за моей мизантропичности и не из-за волнения за собствен-

ную судьбу, а по мере роста убежденности, что вид, к которому я и сам принадлежу, основной производитель несчастья, царящего в пространстве нашего присутствия.

– Торопись, Дмитрий! – призвал я себя шепотом. Это относилось отнюдь не к моему сиюминутному труду мелкого комплектовщика-упаковщика, а к предстоящей радикальной биологической трансформации ради спасения мира. Исаак Ньютон как-то заметил, что Земля напоминает ему гигантское животное или скорее даже растение. А что великого можно ожидать от *товаров*, обитающих на теле животного или растения? То есть от паразитов? «*Изделие!* – хотелось мне воскликнуть. – Взгляни на себе в зеркало! Невозможно совершенствоваться при столь убогом разуме и зашоренном сознании. Горизонт твоего развития безрадостен и непригляден. Для истинных мудрецов уже не одно столетие картина была ясна – человеческий разум непроницаем извне, нечувствителен к сигналам, подаваемым высшими сущностями. Для сознания у изделия не хватает пространства и протяженности. А главное, микробы не желают допустить даже шанса на переживание современным *товаром* интеллектуальных откровений, озарений, прозрений. Для разума более высокого уровня потребуется новый вид; его постепенно создаст силища искусственного интеллекта. Я с подзаказки *САРО* условно называю этот вид *Номо cosmicus*».

На мгновение я вообразил будущую Вселенную, где станут властвовать уникальные микроорганизмы. Эти микробиомы легко перенесут любую температуру, плюсовую и минусовую, экстремальное атмосферное давление – чрезвычайно высокое и низкое. Пищей им сможет служить любая химия, органика, тяжелые металлы, пластик. Они будут жить вечно в любых условиях – в жерлах вулканов, во льдах, в самых глубоких впадинах Мирового океана, в агрессивно-кислых средах и так далее. Им нипочем ско-

рости движения, вплоть до космических. Они проникают повсюду, будь то раскаленная лава или вечная мерзлота. Именно они – Божественные создания, а не человек. Для микробов мы «*наши изделия*». Все болезни в *товарной* массе, то есть в человеческих сообществах, – не что иное, как драки и ожесточенные тяжбы между иерархическими группами живущих в нас микробиомов. Их созидательный потенциал безграничен, он подтверждается производимыми ими *изделиями*, к которым относится не только наш вид, но и все содержимое Вселенной. Творцы погоды – это микробы. Цунами, бури, вулканические извержения, движение метеоритов – их работа. Войны между людьми, борьба между зверями, насекомыми, всеми живыми существами – тоже их рук дело, пусть у них и нет рук. Любовные романы, браки, разрывы и разводы, деторождения и смерть, свет и мрак, бедность и богатство, леса и пустыни, расширение Вселенной, угасание галактик, страдания и блаженство, верность и беспутство, научные знания и суеверие – за всем этим кроется он, микроб...

Да, я все больше соглашаюсь с тем, что именно он наш создатель и повелитель. И скорее всего, в ближайшее время я назову его своим богом. В обычной житейской суете *изделию*, поглощенному погоней за всевозможными благами и формами собственности, преклоняющемуся перед шикерией, к этому фундаментальному заключению прийти невозможно. Оно немыслимо без глубокого постижения собственного «я», без мистического наваждения, без знания философских рассуждений о природе собственного происхождения.

Я стал вспоминать, что знаю об истории религии. Конечно, представления мои были весьма общие. Самая ранняя форма религии – вера в общение шамана с духами. Язычеству, или многобожию, более пяти тысяч лет. Древ-

негреческая религия возникла около четырех тысяч лет тому назад. Основной фигурой поклонения греков был Зевс-громовержец, восседавший на Олимпе с другими богами... Политеистическая древнеегипетская религия предполагала поклонение многим богам – в их числе Амон, бог солнца, Апис, бог плодородия... Несколько тысяч богов было у ацтеков. Более трех тысяч богов в японском синтоизме. Согласно Ведам, появившимся примерно за тысячу лет до новой эры, главная фигура поклонения индийцев – Шива. Иудаизму с богом Яхве около шести тысяч лет. А две тысячи лет тому назад возникло христианство, чтящее Христа, единого в трех лицах... Наконец, самая молодая религия – ислам, для приверженцев которого нет бога, кроме Аллаха. И последнее мировоззрение западной цивилизации – *«наши ценности»*.

Я никогда не стал бы спорить с адептами этих вероучений, как и с атеистами. Свобода выбора духовной практики, страсть постичь тайну вечной жизни, мировоззренческие постулаты – глубоко личное дело каждого отдельного человека. Но для меня за религией угадывается воля иррациональная, экзистенциальная, воспитанная на мифах. Мы обращаемся к богам, чтобы найти покровителя, защитника, способного своей силой ограждать от невзгод нас всех, но прежде всего верующего и молящегося. От тебя требуется конкретное – простодушное поклонение, а тебе предлагают нечто абстрактное – жизнь вечную и помощь всяческую. Но разуму присущи искания, метания в лабиринтах сознания, а тут пылливый воспаленный ум охлаждается религиозными догматами и обязательствами, словно блокирующими мозговые извилины. И вот уже пропадает способность отличать настоящее от вымышленного.

Мое постепенное отторжение от Бога началось еще в детстве. Мысль о будущем изначально устремлялась в не-

постижимую неизвестность и там терялась. Позже эта тема все больше уходила из моих размышлений, а уже к двадцати годам я ее совершенно забросил. Сильнее всего меня смущало навязчивое требование текстов Нового Завета признавать все содержащиеся там заповеди обязательными и не подлежащими дискуссии. Моя натура сопротивлялась такому давлению. То же самое примерно я испытывал, читая священные тексты ислама. Религия, вероятно, не должна восприниматься разумом, она может влиять лишь на чувства или рассматриваться просто как важнейшая составляющая культурного наследия. После появления в числе моих мысленных собеседников *САРО* я все больше думаю о микробах и не могу не восхититься этими существами. Это придает мне свободу для освобождения от догм разнообразных религий.

Если Вселенная заселена микробами, то бесконечное количество явлений в мире связано прежде всего с их активным существованием, и все это в совокупности придает их *изделиям* те особенности, которые доминируют во мне и во всей другой *товарной* массе. Разве не удивительно, что мы изучаем многочисленные и разнообразные сакральные сочинения, повествующие о чем-то мнимом, вымышленном и ненаучном, но так мало информированы о наших истинных создателях – неисчислимых, всепроникающих, неутомимых микробах! *Товарные* массы слишком приземлены, чтобы разглядеть истинного творца и властелина Вселенной. Намного проще для скудоумных *изделий* принять на веру фантазии и мифы малообразованных авторов, идущие в разлад с высоким разумом. Именно микробы действуют по своему усмотрению на все органы живых существ, стимулируют работу разума или, напротив, разрушают все способности и функции разных обитателей земли, воды либо воздуха. А служители религий, в их драгоценных облачениях, укра-

шенных ювелирным декором, наряженные, словно эстрадные звезды перед публикой, потешаются над легковерием *изделий*, вещая о якобы истинном мировоззновении и тем самым создавая плотную завесу перед всяким, кто посягнет на собственное понимание авторства всего сущего.

Впрочем, уместно вспомнить предупреждение Канта: «Желание разрешить все задачи и ответить на все вопросы было бы бесстыдным хвастовством и признаком такого непомерного самомнения, что тотчас же подорвало бы к себе всякое доверие».

Я сделал короткий перерыв. Съел яблоко и банан, выпил два стакана воды из кулера. Затем продолжил работу. Интересно, что произойдет с моим телом, если я приму предложение *САРО* превратиться в микроба? Куда, например, денутся мои внутренние органы? Хорошо бы заранее найти доверенное лицо, продать оптом сердце, легкие, почки, печень, поджелудочную железу, кости, суставы, вены, роговицу... Все это может сохранить здоровье многим людям, а кому-то и спасти жизнь. А деньги попрошу перевести на счет моего детского дома. Он страдает от хронической нехватки средств. «Деньги, деньги!» – взывает весь мир. Всем их не хватает. Вот он, бог современных *изделий*.

Кейнс фактически ставит знак равенства между деньгами и капиталом. С ним можно поспорить. Взять хотя бы меня. Денег и собственности у меня нет. Мой капитал – я сам, точнее, материальная, если можно так сказать, часть Мышкина. Интернет подсказывает, что этот актив потянет на сотни тысяч долларов. Например, почки стоят в среднем 80 тысяч, печень и легкие – по 200 тысяч, костный мозг – 20 тысяч за грамм. Без проблем для здоровья я мог бы продать граммов 100 этой важнейшей для кроветворения собственной ткани. Роговица глаза оценивается в 350 тысяч, половые железы – семенники и яичники – в

15 тысяч, поджелудочная железа – 70 тысяч... Так что обобщающий вывод Кейнса уязвим для критики. Зато он был совершенно прав, когда связывал экономический рост не столько с процентными ставками, сколько с эффективным спросом на товары. Правда, спрос может воздействовать как на подъем производства, так и на рост цен. Поэтому я думаю, что необходимо все-таки разумно повышать процентные ставки – так, чтобы цены на товары оставались на прежнем уровне либо росли в более медленном темпе по сравнению с увеличением денежной массы. Иначе экономика столкнется с падением стоимости накоплений при растущих денежных обязательствах. Такое развитие событий приведет к финансовому кризису. А в итоге и мои органы могут существенно подешеветь.

Да, но как найти *изделие*, которому можно доверить такие большие средства? Директора детского дома, продавшую меня за 500 рублей, я решительно отказался рассматривать. Из прочих женщин Мышкин мимолетно знаком лишь с двумя – своей землячкой Дарьей и Екатериной Васильевной из Москвы. Может, посоветоваться с САРО? Я заинтересован в его подсказке. Сегодня же в моей ночлежке возобновлю с ним диалог. Он наверняка порекомендует не передавать вырученные деньги государственному учреждению, а разделить их на каждого детдомовца. Согласен, это лучший выход. Я верю, что в каждом из нас есть то, что гарантирует уникальную способность совершенствовать самого себя. В отличие от Мышкина, задумавшегося о радикальном собственном реформатировании, многие желают остаться *товаром*. Это их право. И в этом случае материальный капитал в мире тотального потребления им остро необходим.

Пожалуй, адресую САРО еще один вопрос. Не станет ли он потешаться над моими проблемами? Голова *изделия* часто

наполнена нелепыми фантазиями и праздными мыслями, а властителя Вселенной они, разумеется, совершенно не интересуют и не занимают. Но если он испытывает ко мне симпатию, то способен меня понять. Тогда уж задам ему третий вопрос: есть ли у них, в мире микробиомов, праздники и как именно они отмечаются? И последнее: есть ли у них понятие странничества? Как оно у микробиомов организовано? Хотелось бы узнать эти стороны жизни микробов перед принятием решения трансформировать ли себя в *каповское* существо или остаться малоценным *товаром*. Для нашего сознания вечная жизнь представляется не столь уж заманчивой, даже скучноватой. Наша планета невелика. Подавляющее большинство *изделий* без чувства собственного достоинства, понятий о чести, с интеллектом гораздо ниже среднего. Трудно представить, что жизнь особей этого вида будет длиться до скончания веков.

Видимо, у микробов совершенно другое восприятие мира вокруг себя. Когда мы говорим «вокруг себя», то имеем в виду свое земное ближнее пространство, а перед ними простирается вся Вселенная. Тут, конечно, не до скуки! Немецкие мистики считали, что человек должен жить не более шестидесяти лет, быть не обремененным собственностью, отличаться свободным от идолопоклонства сознанием. В ином случае быстро произойдет деградация *товара*, иссякнут его основные ресурсы. А влачить безрадостное существование, сведенное к монотонному быту и физическому воспроизводству себе подобных, – это обрекать себя на тяжелейшие муки. Состояние, при котором развитие сознания останавливается, характеризуется отрицательной динамикой всех лучших функций биологического вида. Без господства разума *товар* распадается на части. Микробы, без сомнения, знают о связи, существующей между общим вселенским сознанием и продолжительностью жизни насе-

ляющих Землю существ. Но понимание этой зависимости совершенно недоступно *изделиям*. Вместо того чтобы планомерно инвестировать во вдохновляющую по перспективам эволюцию своего вида, в совершенствование своей биологической природы, они повсеместно тратят сотни миллиардов долларов на производство собственных конкурентов – искусственных интеллектуалов-андроидов. Мне совершенно непонятна логика такого расточительства. Кроме сиюминутной надежды на прибыль, ничего здесь не усматриваю. Но ИИ быстро вытеснит людей из ареала их нынешнего обитания.

Пещеры, конечно, останутся, и подножный корм сохранится. То есть у людей будут шансы вернуться к первобытно-общинному строю. Но разве ради этой сомнительной возможности стоит тратить огромные ресурсы, часто личные, а не государственные? Как наука сотни лет не желает взаимодействовать с религией, так и наш хозяин – исполненный совершенства микроб – не удостаивает нас даже слабым интересом. Он глубоко равнодушен к нашему мнению о нем. Он недоступен, велик и время от времени потешается над нами, учиняя бесчинства в форме пандемий, нашествия смертоносных вирусов и бактериальных атак.

Я взглянул в свой планшет. Шел двенадцатый час ночи. Я убрал свое рабочее место и направился к выходу. Попрощавшись с охранником, я вышел на Новочеркасский бульвар, глотнул свежего воздуха и поплелся в приют.

Желания осматривать ночные окраины столицы в сознании не появлялось, я поймал себя на часто возникающей в голове мысли поискать в памяти одиозный *товар*, с кем было бы полезно вступить в интригующий альянс для забавы ума, отрешенного восьмичасовой мануальной работой. У меня опять возникла потребность, которая становится все более привлекательной, – увлечение ума конвергенци-

ей, потому что во время нее всегда возникают волнительные сюжеты. Видимо, микробиом позаботился, чтобы это увлечение не переросло в извращенную, колдовскую, культовую форму. Концентрируюсь на поиске объекта слияния. В голове туман, хаос, вихрь каких-то букв и картинок... Есть! Сергей Ловкин. Один из мастеров сооружать убедительные системы доказательств при любых нужных власти трактовках самых разных событий. Этот его природный талант в центре страны известен с ироническим оттенком как «чистосовестливый», а на востоке, где он более широко развернулся, его называют политиком-реформатором. Желание «иметь» господин Ловкин умело трансформирует в законное право «владеть». В памяти остались мелькавшие в Интернете заголовки, свидетельства его активности: «Байкал под Ловкиным», «Над пропастью во лжи», «Мусорный генерал», «Приказано сжечь Сибирь» и другие. Масштабное *изделие*, эксклюзивный *товар*. Тут нужна игра, соблазнительная и близкая к правдоподобию. В ее основе должна быть убежденность в интеллектуальном и материальном превосходстве Ловкина над *товарами* огромного региона, что дает ему право на самые радикальные решения. При слиянии с ним следует предложить ему головокружительные по размаху проекты. У этого ловкача изрядный опыт управления и обогащения. Заявить-то можно, но станет ли он выдавать свои успешные технологии? А может, и мне словчить? Развить фантазийные сюжеты, представившись готовым на все молодым карьеристом, жаждущим попасть на форум «Лидеры России»? Попросить у него совета, как вернее начать продвижение по партийной лестнице? Предложить свои услуги в реализации проектов, поощряемых властью? Ведь если я займу заметную должность в регионе, то по договору о партнерстве мы сможем организовывать тендеры, а это отличный бизнес. С волнением чувствую,

что у альянса с Ловкиным большой потенциал. Он, возможно, поставит точку над моими размышлениями, что такое Homo sapiens. К чему его можно отнести? Вспомнился Кант: «Все созерцания суть экстенсивные величины».

Спокойствие сознания – совершенно не мое кредо. Незначительный опыт первых альянсов с Польской, Мудриным и Матулиным еще не позволяет мне принять окончательное решение. Возникла интрига: способен ли мой первый авантюрный проект продвинуть меня дальше для вынесения важнейшего вердикта. Кто я? Кто они? Или – кто мы? В чем разница между *изделием* и *микробиомом*? Никто, кроме меня, этим вопросом не занят. И что еще более прискорбно, число по-настоящему образованных людей в мире неуклонно сокращается. Смена существ – априори константа Вселенной. Что означает неразумный тип? Прежде всего это особь, в рассудке которой напрочь отсутствует концепт, выстроенный на фундаменте усвоенных и переработанных интеллектом, а также воспринятых сознанием знаний, проще – отсутствие в его сути объемов *САРО*. По некоторым данным, на Земле насчитывается более 80 процентов *изделий* с низким показателем интеллекта. Именно в нем, набирая темп, развивается *микробиом*, новое содержание *товарности*.

Впрочем, над этим начну размышлять после конвергенции с Ловкиным. А пока необходимо избавиться от ощущения собственной *товарности*, ослабить восприятие целостного мира, забыть о своей способности проникать в глубь любого *изделия*. При этом временно постараюсь разжечь в себе желание стать региональной шишкой, управлять материальными и *товарными* ресурсами, пардон, людскими массами провинциального замеса.

Итак, Сергей Ловкин! Начинаю искать этого типа... Ох, как он далеко – аж на Байкале. Приходится довольствоваться

ся интуитивным методом переноса сознания. В этом я воспользовался помощью Канта: «Мы не различаем степеней пространственности. Берем пространство как априорную форму чистого чувственного созерцания».

Чувствую, что глава региона уже рядом. Сближаемся... Наконец слияние происходит. Начинаю вкрадчивую речь: «Приветствую вас, господин Ловкин! Я послан ангелом, чтобы рекомендовать вам несколько способов борьбы с коронавирусом». – «Каким еще ангелом? Я коммунист, неверующий. Отвали из моего сознания. Пошел на...» – «При нашем появлении на свет вместе с нами рождается и наш ангел. – Не хотелось смущать собеседника словом “микробiom”, поэтому я слукавил. – Он сопровождает нас всю жизнь, защищает от бед, учит, как при неприятностях сохранять спокойствие. Воспитывает способность воспринимать разумные советы всем сердцем. Так вот, он наказал сообщить вам, чтобы вы не ходили на танцплощадки, не обнимались с сотрудницами, не целовались с малознакомыми женщинами, рассчитывались исключительно кредитной картой, то есть не брали в руки наличные деньги. А еще купили бы олиосептил – самое сильное средство, укрепляющее иммунную систему легких. “Корона” особенно тяжело поражает легкие. Лекарство изготовлено из масел эвкалиптов, саженцы которых, кстати, для восточного берега Черного моря впервые закупил Николай Второй. Эвкалипты позволили заселять территории от Поти до Лазаревской. Этими растениями осушали болотистые места, где без них господствовали бы разносчики малярии, провокаторы туберкулеза и воспаления легких. Пастилки олиосептила не надо проглатывать, они рассасываются в полости рта».

«Довольно странное знакомство, – обескураженно произнес Ловкин. – А сами-то вы где? Я вас слышу, но рядом

не вижу...» – «Это слияние сознаний устроил ваш ангел. Он характеризовал вас как талантливого и опытного человека и посоветовал обратиться к вам с просьбой». – «Вот еще! С какой еще просьбой?» – «Она не предполагает ни малейших затрат с вашей стороны и не доставит разочарований. Все пойдет вам на пользу». – «Ладно, слушаю. Только побыстрее!» – «У меня есть мечта попасть на форум “Лидеры России”. Мне 28 лет, меня зовут Дмитрий Мышкин. Русский, москвич. Хочу сделать карьеру и стать государственным служащим. Ангел сказал, что вы поможете мне, если заинтересуетесь моими предложениями. Пожалуйста, я готов на любые условия. Если с вашей помощью я попаду на форум, то возьму на себя, например, обязательства без оплаты готовить вам аналитические доклады на любые темы – экологические, экономические, партийные и прочие. Если после форума займу приличное место регионально-го чиновника, а то и деятеля федерального уровня, то без вашего одобрения даже правительственные постановления выполнять не стану. Более того, когда в постановлении будет сказано “сделать”, “решить”, а вы дадите команду “не делать”, “не решать”, я буду беспрекословно следовать вашим указаниям. Все проекты по развитию бизнеса с частными инвесторами или с государственными предприятиями без вашего согласия выполняться не станут. Если дадите команду снять того или иного сотрудника, находящегося в моем подчинении, он тут же будет уволен. Если пожелаете кого-либо назначить – вопрос решится немедленно и совершенно по вашему приказу. Любое деликатное поручение, поступившее от вас ночью, ранним утром, после рабочего дня, в праздник, я тут же начну выполнять. Поклянусь на иконе быть вам и вашей семье беспредельно преданным. Теперь позволю поделиться с вами идеей одного проекта, имеющего общественную и политическую перспективу.

При этом вы сможете заработать соблазнительную сумму. Мне нужна пара минут вашего времени».

Я сделал маленькую паузу. Похоже, Ловкин готов выслушать меня. Но не следует злоупотреблять его терпением. Продолжаю, стараясь говорить быстро и убедительно: «Озеро Байкал находится в зоне вашего влияния. Вы, конечно, знаете, что по объему питьевой воды оно самое крупное в мире. Но замечательный водоем постоянно под угрозой. Возьмем хотя бы Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. Деятельность предприятия была прекращена внезапно, без проведения должной подготовки к консервации. В результате около 10 миллионов тонн опасных отходов уже несколько лет отравляют окружающую среду. Мною разработаны две программы мер, направленные на кардинальное исправление ситуации. Одна поможет наладить наиболее эффективную на сегодня переработку лигнина, вреднейшего полимерного соединения. Другая обеспечит полную рекультивацию и обезвреживание всей территории комбината. В зоне Байкала сейчас одна тысяча двести несанкционированных свалок, а это более полутора тысяч гектаров земли. Вся местность заполнена бором, кобальтом, молибденом, цинком, никелем, свинцом, хромом и другими токсичными соединениями. Многие тяжелые металлы попадают в питьевую воду, вредят здоровью, отравляют природу, наносят колоссальный вред экологии не только региона, но и всей планеты...»

Ловкин не дал мне договорить: «Конкретней, почему ты на меня вышел? И что предлагаешь? Говори толком». – «У меня есть готовый бизнес-план по этим двум программам. Общий объем бюджетных инвестиций – 5 миллиардов 600 миллионов рублей. Есть и подходящие исполнители – две крупнейшие российские фирмы. Я ознакомил их с планом, они чрезвычайно заинтересовались и готовы с вами

сотрудничать как с ключевой фигурой. Если подпишете с ними договор, они обещают вам премию в размере 12 процентов от общей инвестиционной суммы. А это составит 6 миллионов 222 тысячи долларов. Надежный безналоговый доход. И хорошее дело сделано! Плюс долгие аплодисменты общественности и правительственные награды. Мой интерес во всем этом самый скромный – стать участником форума “Лидеры России”. И ничего другого. Дать вам контакты руководителей упомянутых фирм, мечтающих получить контракт?»

Ловкин помолчал и ответил вопросом на вопрос: «Откуда у тебя такие сведения? И почему тебе уже известны данные из предпроектной стадии? Экологические проблемы Байкала действительно существуют, и о них хорошо известно. Особую тревогу вызывает обмеление озера. Вред, наносимый деятельностью Иркутскэнерго, превышает ущерб от прочих факторов, губительных для уникальной природной среды. Но все же что за неправдоподобная история с ангелом, защищающим меня, что за непрошеное, а значит криминальное проникновение в мое сознание? Я не против взглянуть на твои расчеты, но электронную почту свою тебе не дам. Если ты прилип к моим мозгам, то получить ее тебе тоже труда не составит. Чем ты все-таки занимаешься?»

Кажется, это первый из моих внутренних собеседников, заговоривших по делу. Я постарался не спугнуть его: «Вы спрашиваете, откуда мне известны детали проектов. Я говорил вам, что их разработчик Мышкин, то есть я сам. Не рассматривайте все мои идеи сразу, не придавайте дополнительную скорость потоку времени. Начнем с двух самых доходных предложений. Но я продолжаю работать и над другими. У Мышкина особый дар понимания мира вокруг себя. Я разрабатываю глобальные высокоприбыльные про-

екты и при этом стремлюсь к слиянию с выдающимися современниками. Вы один из них. XXI век – время потрясающих возможностей для проявления высокого интеллекта, и я стараюсь широко пользоваться этим обстоятельством и освободиться от постылой повседневности. Советую вам принять мои весьма перспективные предложения. Во время сотрудничества со мной вы убедитесь в моем уме, а также в чистосердечии и преданности. Все контакты с третьими лицами никогда не станут предметом огласки».

Я ждал ответа без особого волнения, поскольку читал мысли Ловкина: «Забавный парень. Почему бы не взглянуть на его проекты и исполнителей? И надо узнать через верных людей как можно больше о претендентах на производство экологических работ, которых рекомендует этот тип. Кто такие, можно ли с ними иметь дело. Все же на кону будет более 6 миллионов долларов...»

Решаю возобновить атаку, не забывая о материальном аспекте: «Если вы посвятите экологии больше времени и энергии, то станете уважаемым в обществе экспертом и практиком, авторитетом в глазах власти, частым гостем ведущих телеканалов. При этом будете богатейшим человеком. Я бы посоветовал подобрать доверенное лицо, на имя которого станут аккумулироваться материальные средства в разных валютах. Есть у вас сын, дочь, племянник?» – «Нет-нет, только не племянник!» – вдруг как ошпаренный вскричал Ловкин.

В общем, он сказал, что верного человека найдет, а мне предложил приехать на Байкал, чтобы занять какую-нибудь административную должность и активно участвовать в проектах: «Автор идеи должен быть рядом с исполнителями, разве не так?» – «Да, вы правы, – согласился я. – После ваших деликатных договоренностей с рекомендуемыми мною производителями работ я в деталях рассмотрю ваше

предложение. А как все же насчет приглашения на форум будущих топ-управленцев?» – «Я ничего о тебе не знаю. Скинь все данные. Имя, фамилия, адрес, образование, профессия, телефон, место работы... Банковские реквизиты... И так далее. Ангел сообщит тебе мою электронную почту», – съязвил он с явным удовольствием.

Я, однако, не смутился и возразил в том смысле, что ангел – создание с переменчивым настроением и может не захотеть давать мне ловкинский адрес. Тогда связь прервется. «О'кей, записывай...» – снизошел реформатор местного масштаба. Я тем временем улавливал его честолюбивые мысли: «Что-то подсказывает мне, что планы не совсем беспочвенные, – говорил он про себя. – Кто знает, думать надо... Рискну, пожалуй. Если даже не 6 миллионов, а половина мне нарисуетя, можно будет выдвигаться в Москву. А в центре высокие места имеют сладчайший вкус...»

Я обещал без промедления связать его с надежными партнерами по бизнесу. И закончил витиеватой фразой: «Доверие есть ключ к уразумению; направьте разум к конфиденции, и будете праздновать победу!»

Ментальность Ловкина прояснилась, я не был разочарован своим предвидением. И, решительно прервав наше слияние, впал в сновидения.

Едва я проснулся, как в голову пришла великолепная мысль из Талмуда: «Человек приходит в мир со сжатыми ладонями и как бы говорит: весь мир мой, а уходит из него с открытыми ладонями и как бы говорит: смотрите, ничего не беру с собой». Микробиом подталкивает меня принять предложение *САРО* и переформатировать себя в микроба. Впрочем, мне кажется, что я действительно уже близок к этому шагу. Правда, есть вопросы, которые необходимо еще понять. Например, почему биохакеры переняли идеи евгеники и выдают их *товарным* массам как что-то ими са-

ими созданное, придуманное? Хотя лучшие умы *изделия* более ста пятидесяти лет назад были увлечены идеями совершенствования людской породы. Что, евгеника обрела негативный имидж? Ведь ее идеями были заняты в мире никак не больше тысячи умнейших наших представителей, но религия и политики блокировали научные исследования, якобы нарушающие христианские, религиозные догматы: «Если бы Бог хотел создать “другого” человека, то сам сотворил бы его “другим”» – эта их позиция известна и не выдерживает критики. А после Второй мировой войны евгеника стала забываться. И вдруг якобы новое движение – биохакинг. Его основное заблуждение заложено в собственной программе: «Инновации в биологии должны быть легкодоступными, недорогими и открытыми для всех».

Первое впечатление, что они готовят бизнес-проект, в этом случае все закончится покупками в супермаркетах мазей, гелей, супертаблеток, яркой, полезной одежды, специального питания, волшебной воды. Я сторонник евгеники, особенно сегодня, когда на *изделие* наступает искусственный интеллект, который в течение тридцати лет вытеснит его из жизни, а если кого и оставит, то в положении крепостного, даже раба. Уверен, что для интенсивной работы по созданию андроидов необходимы колоссальные материальные и интеллектуальные ресурсы. Знаю, что бизнес, видимо, под влиянием микробиома и прежде всего *САРО* инвестирует сотни миллиардов не в человека, а в новое будущее существо. Беспечное, часто безмозглое *изделие* никак не способно оценить собственную бесперспективность, его сознанию не дано распознать свою ближайшую гибель. Оно увязло в потреблятельстве, в склонности к наживе, обогащению, у него отсутствует нравственный мотив к честности; побуждение посвятить себя политическим интригам значительно выше моральных норм, *изделие* повязало в

сексуальных скандалах, в требованиях этнических, религиозных, политических предпочтений. А Вселенную такой примитивный разум не вдохновляет, не заинтересовывает, у него не хватает интеллекта ее обогащать.

Я сам удивляюсь: в Интернете редко, но встретишь сверхинтересную статью по самым злободневным проблемам современной цивилизации, науки, духовного поиска, и при этом читателей – пара тысяч. А у пошлой глупости, бездарных текстов или безнравственных роликов – сотни тысяч, миллионы читающих, смотрящих, лайкающих, получающих удовольствие. Эта страшная статистика упорно убеждает: качество сознания у *изделия* становится все незаметней, а итог этого эскалирующего безумства безоговорочный – существовать ему осталось совсем недолго. Именно эта упрощенная статистика проясняет, что будущего у нашего вида нет, и это горькое убеждение толкает меня принять предложение микробиома *САРО* реформировать себя в микроба.

Нет, не презрение к нашей *товарной массе* гложет меня, а не наполненное высокими смыслами бытие. Почему у нас нет богатства вселенских идей? Разум слаб, сознание блеклое. Какие цели ставит *изделие* перед собой? По мне, так самые низменные: быть успешным, занять неисчерпаемые финансы, престижное имущество, красивых, домашних жен, брендовую одежду и автомобили, самолеты и корабли, публичные аплодисменты, высокую политическую власть, кулак с силой в пудовую гирию, смазливую физиономию, спортивную фигуру, долгую безболезненную жизнь, почитание обществом. То есть все атрибуты лишь внешние. Ну еще пару похожих отвратительных глупостей. Я с такими идеалами в сознании существовать категорически не желаю, поэтому все серьезнее отношусь к предложению *САРО* и хочу вырваться из полюса обреченности, чтобы

существовать во множественности, бесконечности, с богатым разумом во веки веков.

Я микроба понимаю как *изделие* в себе, то есть в жизни, наполненной одиночеством. Сколько замечательных оттенков каждый день предстанут в сюжетном многообразии в моем одиноком разуме. Ой! Быстрее! Уже размечтался перереформатировать себя! Чтоб остаться не малой частичкой наноразмера, а стать ее, жизни, существенной, гармоничной частью. Ведь организованный, дисциплинированный мир микробиома, в отличие от нынешнего, краткосрочного, воинственного, злостного, часто даже преступного бытия *изделий*, выглядит для Мышкина более привлекательным, чем мир, полный политических, теологических, этнических требований и наставлений, ограничений интеллектуальной свободы низкими нравственными постулатами, расовой неприязнью, тотальным потребительством, гастрономическим излишеством, сексуальными извращениями и временным горизонтом, лежащим в двух шагах от носа каждого. Тут на ум пришли последние слова основателя компании Apple, миллиардера Стива Джобса, фейковые или реальные фразы из Интернета, но они возникли в моем сознании:

«Я достиг пика успеха в деловом мире. В глазах других моя жизнь является сущностью успеха. Однако, кроме работы, у меня мало радости. В конце концов, богатство – это просто факт жизни, к которому я привык. В этот момент, когда я лежу в кровати больной и вспоминаю всю свою жизнь, я понимаю, что все признания и богатства, которые у меня есть, бессмысленны и лишены высшего смысла перед лицом неминуемой смерти.

Можно найти и купить материальные вещи. Но есть одна вещь, которую нельзя найти и купить, когда она потеряна, – нельзя купить “жизнь”.

В доме, в котором ты живешь, площадью триста квадратных метров или три тысячи квадратных метров, – ты одинаково одинок.

Ваше истинное внутреннее счастье исходит не из материальных вещей этого мира».

После пылких слов Джобса я с уверенностью умозаклучил: надуманная, искаженная реальность – самая опасная беда современной *товарной массы*, оказавшейся в духовно мрачном, безумном мире, правда богатом рекламными предложениями потребительских соблазнов. Неужели их с презрением дурачит микробиом? Или вина заложенного в наш вид инстинкта безрассудства? В этом моем мнении нет никакого юридического обоснования, прислушайтесь лишь к деловой рекомендации – отказывайтесь от шаблонов современной цивилизации, ищите альтернативу ей. Тут я поймал себя на мысли: «Есть ли у меня право делать для других социальные обобщения и выдвигать радикальные советы? Нет, – решительно заявил я, – беру свои слова назад. Ведь каждый должен присягать только личному умозаклучению, и обязательно в безболезненном состоянии. Впрочем, кроме меня, эту рекомендацию еще никто не слышал. А я, кажется, без толики отчаяния уже близок к своему истинному месту».

Вдруг я опомнился, вышел из размышлений, взглянул на часы в планшете. «Пора вставать и приступать к работе», – мелькнуло у меня в голове. На завтрак я отводил не более пяти-шести минут. Потом взял рабочие инструменты и занялся уборкой своей части социального общежития. Работу я выполнял словно по программе ИИ, сознание было свободным, но пустым оно никогда не желало оставаться. И в голову полезли идеи, высказанные *САРО*, каким образом я оставляю свою плоть и превращусь в микроба. И я задумался, как это может произойти. Он говорил о толстой

кишке, которая с фекалиями сбросит меня на волю. Прямая кишка представляет кольцевой отдел толстой кишки и конец пищевого тракта. Именно в ней накапливается кал. Неужели я должен себя съесть? Ужас какой! Она расположена в полости малого таза, начинается на уровне третьего крестцового позвонка и заканчивается задним проходом, откуда я должен выскочить. Она прилегает к мочевому пузырю, семенным пузырькам и предстательной железе. Может, просить *САРО*, чтобы я вышел с уриной? Ведь в стенках прямой кишки находятся множество нервных окончаний, это особая рефлексогенная зона, а выделение кала контролируется корой головного мозга. В толстую кишку попадают продукты бактериального гниения. Кроме того, в ней содержатся желчь, клетчатка, соли, гидролиз билирубина, бактерии. Надо просить найти альтернативное решение. Попасть в такое незнакомое, опасное семейство даже на пять-десять часов я пока не готов.

Тут в голове вспыхнула мысль Канта: «Простое, но эмпирически определенное сознание моего собственного существования служит доказательством существования предметов в пространстве вне меня». И еще: «Дайте человеку всё, что он желает, и в ту же минуту он почувствует, что это всё не есть всё». И Кант тоже подталкивает меня к перформативанию. Вдруг из моего сознания выскочило, словно я слился с великим философом: «Великий Иммануил, мне стало известно, что вы находитесь в микробиоме *САРО*, пожалуйста, подскажите ему, чтобы мой альянс с вами стартовал и проходил через мочеиспускательный канал. Прошу вас сердечно. Такое прощание с нынешней сутью Мышкина и присоединение к вашему вечному, бескрайнему миру выглядит комфортнее!» Тут мимолетная мысль поразила меня: «Вдруг он ответит?» В этот самый момент я услышал голос, говорящий на немецком языке:

«Danke fur die unerwartete direkte Kontaktaufnahme, obwohl ich ofters und herzlich gerne in deinem Bewusstsein erscheine. Mein Eifluss auf *CAPO* ist gering. Aber ich wende mich an ihn mit der Bitte, dich auf eine andere Weise ausser sich zu bringen. Es gibt mehrere Moglichkeiten. Ich werde mich bemühen. Lebe wohl!»

(«Спасибо за неожиданный прямой контакт, хотя я часто и с удовольствием возникаю в твоём сознании. Мое влияние на *CAPO* незначительное, но я обращаюсь к нему с просьбой вывести тебя из себя другим способом. Есть еще несколько вариантов. Буду стараться. Прощай».)

Какая прелесть, со мной общался великий Кант. Теперь я стал еще ближе к решению трансинтеллектуального изменения. О чем другом может мечтать *изделие*, как не о счастье находится рядом с великим Иммануилом Кантом! Это чувство значительнее, чем любовные страсти, богатства, отмеченные Sotheby's, высокие кремлевские должности, национальные и международные ордена, королевские титулы. Опять мысль Канта вспыхнула в сознании: «Реально составляющее предмет ощущения имеет во всех явлениях интенсивную величину, то есть степень». И тут же в моей голове появилось отражение его мудрейшей внешности. Я еще раз пристально взгляделся в его лицо, и возбужденное сознание начало свой мысленный торопливый бег.

Действительно ли мое новое бытие даст мощный энергетический импульс бурному развитию интеллекта, повысит креативность, способную создать новый технологический убедительный шедевр трансгенной мутации всех живущих на планете *изделий* в самое полноценное развитие, в новый вид микробов для освоения Вселенной? Едва я утвердился со своими перспективными мыслями, как в сознании возник историограф Александр Миров. «Почему вдруг?» – с удивлением мелькнуло у меня. И тут я вспомнил,

что в последние дни несколько раз желал изучить сюжеты двух страшных убийств в российских царских семействах, но для этого никак не находил времени. И вот, словно в насмешку над памятью, возник историограф, последний автор, описавший эти истории. Так, у меня сейчас есть время, начну искать Мирова, чтобы слиться с ним и поспрашивать его о некоторых подробностях этих зверских убийств. «Александр, Александр, где вы? Где вы? А, нашелся, – сказал я про себя. – Добрый вечер, я обнаружил вас в больнице. С каким диагнозом вы попали в нее?» «Коронавирус», – без удивления ответил он. «Есть ли у вас желание и силы со мной пообщаться?» – «Я уже двенадцатый день в больнице. Силы есть, но вначале представьтесь и признайтесь, что не коронавирус впустил вас в мое сознание. Я ожидал многого, но такого, честно говоря, не предполагал». – «Мое имя Дмитрий Мышкин, у меня к вам есть пара вопросов, связанных с убийствами императора Павла I и Распутина. Это же ваши темы, а я пока еще не добрался до их изучения. Попал я в ваше сознание с помощью микробиома, он обогатил меня способностью сливаться с разумом моих интервьюеров. Вы не против нашего общения?» – «Нет, тем более в палате скучно. Задавайте свои вопросы. А относительно помощи микробиома в соединении с разумом других людей пару вопросов задам вам я. Вы меня мистифицируете, или коронавирус желает посмеяться надо мной? Я историк, а тут необходимы знания микробиологов. Впрочем, я готов к вашим вопросам...» – «Замечательно! Меня интересует участие в этом убийстве Ольги Жеребцовой. Как могло такое произойти, что женщина из дворянской семьи оказалась главной фигурой чудовищного заговора против императора? Пожалуйста, господин Миров, ваш комментарий...»

«Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла» – самая точная характеристика Ольги Александровны,

хотя поэт имел в виду другую особу. Жеребцова она была по мужу – камергеру и тайному советнику, в девичестве – Зубова. К слову, в роду Зубовых все мужчины и женщины были удивительно красивыми. Умная, циничная и пробивная, как кумулятивный снаряд, кипучая авантюристка: от переизбытка адреналина переодетая нищенкой она ходила от одного заговорщика к другому и передавала поручения. Хотя можно было спокойно обойтись и без подобного маскарада. Отличалась полным пренебрежением к нормам морали и при живом муже совершенно открыто жила с английским посланником Уитвортом.

За спиной коварной красавицы стояли очень серьезные люди. Прежде всего родные и опальные братья-красавцы Зубовы – фавориты покойной Екатерины II, с большими связями в петербургском высшем обществе, и, самое главное, в гвардии. Любовник Жеребцовой, британский посланник Уитворт, обеспечивал финансирование всей инфраструктуры заговора: балы, приемы, подкупы нужных людей и т.д. А когда незадолго до убийства Павла несдержанного на язык Уитворта выставили из России и он поселился в Копенгагене, то связь с заговорщиками он поддерживал исключительно через Жеребцову. Демон с ангельским личиком держала в своих руках все нити дворцового переворота.

Дмитрий, гость нежданный в моей шестиместной палате! “Заслуги” Ольги Жеребцовой в заговоре очевидны, но, как известно, один в поле не воин. Я говорю о непосредственном организаторе убийства – петербургском генерал-губернаторе, начальнике Тайной канцелярии Петре Палене, которого Павел считал своей опорой и доверял ему, как себе.

Начальник Тайной канцелярии свое дело знал – настоящий профессионал. Разработал изящную и эффективную технологию вербовки заговорщиков: с его подачи импе-

ратор отправлял их в ссылку или подвергал взысканию офицеров, представителей знати. Затем тот же Пален организовывал их помилование. Что в итоге? После соответствующей политинформации, проведенной шефом Тайной канцелярии или его ближайшими симпатизантами, у заговорщиков появлялись новые сообщники, обязанные Палену своей свободой.

Дима, я вас не утомил? Тогда продолжу... Бытует история, что, когда до императора дошли слухи о готовящейся измене, он прямо спросил об этом петербургского генерал-губернатора. Царедворец, не моргнув глазом, заверил Павла, что агенты Тайной канцелярии в самом сердце заговора и вскоре изменники будут изобличены. Павел поверил.

Это был заговор предателей и негодяев. Пален – первый среди них. «Когда готовят омлет, разбивают яйца...» – этими словами он вдохновил на убийство Павла толпу пьяных гвардейцев и братьев Зубовых, стоявших в нерешительности перед спальней императора в Михайловском дворце. После убийства Палена отправили в отставку. В своем замке в Курляндии он прожил еще четверть века, красочно описывая своим гостям детали расправы с “тираном”.

Почему убили Павла? Не единственная, но главная причина – он стал врагом самой могущественной на тот период державы мира – Англии. Политика Павла, направленная на союз с Наполеоном (корсиканец, к слову, дважды сватался к дочерям русского императора), и намеченный поход казаков Платова в Индию не сулили Туманному Альбиону ничего хорошего. Для англичан вопрос стал ребром: если Павел будет жив, Россия выступит с Францией против Великобритании; если Павла не будет, Россия выступит с Великобританией против Франции. Сестра братьев Зубовых, непосредственных убийц законного императора, в данной ситуации была незаменима».

«А Жеребцова, ее дальнейшая судьба?..» – осторожно вставил я.

«С Уитвортом, ради которого она рисковала жизнью, не сложилось. Посланник, пока Жеребцова плела в Петербурге кружева заговора, женился на богатой вдове, герцогине Дорсетской. Но от этого удара красавица быстро оправилась и завязала роман с принцем Уэльским – будущим королем Георгом IV. Дама, как видите, в выборе партнеров ориентировалась на британских джентльменов... По слухам, родила от английского принца сына.

Там же, в Лондоне, за эффективную работу она получила от английского правительства премию – два миллиона рублей. Деньги должны были быть распределены между наиболее активными заговорщиками, так сказать премиальные киллерам.

Но, как писал ее современник князь Лопухин: “Жеребцова предпочла удержать всю сумму за собою, будучи уверена, что никто не отважится требовать заслуженного вознаграждения”.

Она прославилась своей красотой, страстью к авантюрам, но в истории запомнилась прежде всего цареубийством. Прекрасная, как ангел небесный, как демон, коварная и зла – такой была Ольга Александровна Жеребцова.

Заговор и убийство Павла I с ведома англофила цесаревича Александра стали одним из самых чудовищных предательств в истории России. В этом преступном клубке переплелись и предательство отца сыном, и измена заговорщиков присяге в интересах враждебного иностранного государства, и самые тяжелые последствия для России. Страна была втянута в многолетнюю кровавую войну с Наполеоном... Совершенно очевидно, что и декабристы – плод этого заговора и этой войны. Рассказывать дальше?»

«Спасибо, спасибо. У меня вот такой вопрос: пару лет назад представитель МИДа РФ обвинила Великобританию в причастности к убийству Павла I и Распутина. Как историк, вы и в смерти Распутина тоже видите английский след? И вообще, что значила для России гибель этого сибирского мужика?»

«Убийство Павла I породило цепь дальнейших трагических событий в истории России. Расправа над Распутиным – из этой серии, – начал Александр Миров. – Убийство старца Григория – это прежде всего ликвидация вхожего в царскую семью противника войны с Германией. Кстати, и немцы были заинтересованы в сепаратном мире. Сегодня, спустя сто лет после тех событий, понятно, что мир с Германией был спасительным для России. Мир был нужен как воздух. Заключи его тогда – и не было бы ни Февральской, ни Октябрьской революций, ни Гражданской войны, миллионов погибших... Да и вся история XX века могла быть совершенно другой! А вот для Лондона и Парижа выход России из войны имел бы катастрофические последствия: 70 немецких дивизий, которые освободились бы для боевых действий на Восточном фронте и были бы переброшены на Западный...»

«То есть неграмотный тобольский мужик мог решить исход Первой мировой войны?» – вставил я.

«Нет, конечно. Все разговоры о его неограниченном влиянии на царскую семью сильно преувеличены – Распутина не удалось даже, как он ни старался, освободить от армии своего единственного сына. Хотя влияние на царскую семью, безусловно, было, но оно носило особый характер – это был авторитет врача, целителя, спасшего цесаревича Алексея.

Мальчик, которого десять лет ждала Россия (до этого рождались только девочки), оказался неизлечимо болен ге-

мофилией (несвертываемостью крови). Страдал от частых кровотечений. Любая травма – и под угрозой жизнь. Как-то я прочитал об истории, случившейся с восьмилетним цесаревичем, когда он катался на лодке. Мальчик сделал лишь резкое усилие ногой, и нога деформировалась... Крик от боли был такой, что родители закрывали уши. Никакие медицинские светила помочь Алексею Романову не могли. Гемофилия считалась неизлечимой... Спасение царевича стало главным для родителей.

И сделал это неграмотный тобольский мужик. Знаменитый психиатр Бехтерев утверждал, что Распутин действительно обладал какими-то экстрасенсорными способностями. Распутин молился, поил мальчика отваром из дубовой коры, и кровотечение у Алексея останавливалось, исчезала боль. Неграмотный мужик запретил лечить наследника аспирином, в то время считавшимся панацеей от всех болезней. Разжижающий кровь аспирин для больного гемофилией был смертельно опасен.

Естественно, царская семья ему была благодарна и не оставляла без внимания советы спасителя сына. Что советовал Распутин? “Беречь людской состав армии до достаточного снабжения войска оружием”, “Не ссориться с Государственной думой”, “Заботиться о народном продовольствии”. Какой корыстный интерес в этих советах? Мог он действительно отговорить царя от войны с Германией? Отговаривал, понимая своим неграмотным мужицким умом, что война, кроме бед и несчастий, ничего не принесет России. Утверждают, что в 1912 году он уговорил Николая II не вмешиваться в балканскую бойню. Но к моменту начала Первой мировой Распутин лежал при смерти в сибирской больнице и повлиять на царя не мог.

Англичанам надо было сделать все, чтобы Россия продолжила войну. Главную угрозу этому они видели в Распу-

тине: дескать, он за немецкие деньги пытается убедить царицу, немку по происхождению, а через нее и самого царя Николая в необходимости заключения сепаратного мира с Германией, что недопустимо в британских интересах. Приговор Распутину был подписан.

В исследованиях преступления во дворце князя Юсупова (прежде всего английских ученых, имеющих доступ к архивам своей разведки) утверждается, что смертельный выстрел в голову Распутина был сделан из крупнокалиберного револьвера 455 Webbley, стоявшего на вооружении британской армии. Такой револьвер в подвале дворца на Мойке, где произошла трагедия, был только у одного человека – Освальда Рейнера, лейтенанта английской разведки, однокашника по Оксфорду хозяина дома, Юсупова, и его давнего любовника.

Дима, вы слышали выражение “Историю пишут победители”? Так вот, в нашем случае историю убийства Распутина писали его убийцы. Согласно рассказу убийц, Юсупова и Пуришкевича, Распутин был сначала отравлен пирогом и вином с цианистым калием, потом застрелен, избит гирей и утоплен в реке. После каждого умерщвления старец воскресал, наводя ужас, пока Юсупов с помощью своего друга великого князя Дмитрия Павловича и Пуришкевича не собрались с духом и не сбросили его тело в Неву.

Камня на камне от этой мистики не оставляют результаты медицинского вскрытия трупа Распутина: “В желудке жертвы не обнаружено никаких следов яда... Три пули в жертву были выпущены из оружия разного калибра... Первая попала в левую часть груди и прошла через желудок и печень – выстрел Юсупова... Вторая вошла сзади в правую часть спины и попала в почку – выстрел Пуришкевича... Третья пуля пробила лоб и вошла в мозг”. Последний, контрольный, выстрел в Распутина из крупнокалиберного ре-

вольвера сделал Освальд Рейнер. Естественно, не могла же британская разведка доверить завершение стратегической операции дилетанту Юсупову и иже с ним. Старца Григория зверски пытали – была раздавлена мошонка, очевидно, надеялись выбить признания о связях с немцами. Да, чуть не забыл: воды в легких Распутина патологоанатом тоже не нашел, значит в Неве он оказался уже мертвым. Словом, все рассказы, что Распутина не брали ни яд, ни пули, а убийцы на самом деле герои, избавившие матушку Россию от нечистой силы, дьявола, – ложь, которой нас кормили долгие годы.

Убийцы стали национальными героями и принимали поздравления, в том числе и от многочисленных родственников царя. Династия Романовых, как и предсказывал старец, ненадолго пережила Григория Распутина. Монархия рухнула спустя два месяца после его смерти. Немецкая монархия тоже войны не пережила. Кончились Австро-Венгерская и Османская империи. Из империй, участвовавших в Первой мировой войне, выиграла только Великобритания, избавившаяся от глобальных конкурентов. Премьер Ллойд Джордж, узнав о падении царизма в России, воскликнул: «Одна из английских целей войны достигнута».

...В подвал Ипатьевского дома Николай II спускался, держа на руках больного Алексея. Тринадцатилетнего царевища добивали штыками».

В этот момент в палату вошли врачи, и, чтобы не мешать им в общении, я вышел из альянса с болеющим историком. Никакого интереса к двум историческим фактам его рассказ у меня не вызвал, все как обычно, жизненный банальный мотив. А я предполагал, что встречу с чем-то невероятным, захватывающим, способным переоценить низкий рейтинг сознания *изделий*. Впрочем, увлеченному историку следует сказать спасибо, Мирво во время нашего альянса вел себя достойно.

Я подсчитал, что осталось убрать еще четыре комнаты в моем ареале рабочих площадей в социальном доме. Ровно в четырнадцать часов я закончил работу, расставил по местам хозяйственные инструменты, спустился к себе, обтерся мокрым полотенцем – волжская привычка, ведь душевой комнаты у меня никогда не было, я впервые встретил ее в московском общежитии – и взялся за перекус. Он всегда был скромным, никогда не больше двухсот пятидесяти калорий за прием. Едва я закончил трапезу, как на ум тут же пришла новая идея.

Если я уже практически готов принять предложение *САРО* и переродиться в микроба, то я ведь ни разу не испытал любовных чувств. Может быть, этот небольшой опыт будет способствовать полному раскрытию образа нового члена микробиома Мышкина? Да, возможно. Но с чего начать? Выйти на улицу, присматриваться к девушкам и ждать, как к одной из них вспыхнут чувства? А если нет, простоишь целый день и ни одна никаких душевных волнений не вызовет? Я не знаком и с чувством ненависти. Оно может тоже понадобится. Я его тоже никогда не испытывал. А если я родился бесчувственным? Микробы весьма чувствительны, об этом сообщали все авторы по микробиологическим наукам в книгах. Ничего не остается, необходимо выйти на улицы, всматриваться в людей и ждать, какие чувства они вызовут. И запоминать, какие у них образы, лица, фигуры, сущности индивида, манеры походок, порядок в общении, разбудят ли они мой эмоциональный императив, вызовут ли побуждение к возникновению душевного волнения. Способен ли я по внешнему виду и признакам встречных разглядеть в *изделии* порочность, благородство, извращенность и бесстыдство, богатство нравственности и добродетели, способных отказаться от ненасытного потребления, поклонения сотворенным без

оснований кумирам? Или пристальное наблюдение за ними абсолютно ничего не всколыхнет во мне? Мобилизуя себя, приступаю к разгадке интеллектуальной задачи. Способен ли я на такие тесты? Я не знаком с технологиями, и, может быть, в современном мире уже существуют подобные инструменты, позволяющие с малого расстояния определять характеры и душевно-моральное состояние *товарных* масс.

Вышел на улицу, подошел к перекрестку. Стал всматриваться в лица прохожих, надеясь в коротком фрагменте времени изучить людей из толпы. Ведь возникшее желание предстать перед микробиомом достойным кандидатом в их семейство не оставляло, но даже стало преследовать меня. Первые попытки всмотреться в кого-то конкретно ни к чему определенному не приводили, потоки людских масс проносились мимо, не оставляя никакой возможности даже мельком окинуть взглядом лица. Первое впечатление поразило меня – городской люд представился мне беснующимся. Он даже напугал меня. Правда, через несколько минут, я пришел в себя и упрекнул Мышкина за ложный диагноз. Я жил в городке с населением не более шести тысяч жителей. А здесь, в Москве, на перекрестке, в минуту проходило не менее двух тысяч *изделий*. Я старался перебрать в сознании идеи: где и какое место выбрать для спокойного осмотра незнакомых лиц. Тут я вспомнил свой волжский городок, меня всегда удивляло, что довольно часто прохожие провожают взглядом незнакомые *изделия*, но меня никто никогда взглядом не встречал и не провожал, кроме Дарьи. Кстати, чтобы не забыть, надо написать ей пару строк. На планшете я записал ее адрес.

В Москве ситуация повторяется, на мне никто не останавливает свой взгляд. Они, скорее всего, не видят во мне *товар* из своей массы. Мимолетная мысль исчезла, в голо-

ву ничего другого пока не приходило, город я совершенно не знал, а ознакомиться с ним обстоятельно не возникало даже малейших желаний. Огорченный, я отошел от перекрестка и двинулся по незнакомой улице. Тут я вспомнил место прибытия в Москву – оживленный Белорусский вокзал. Несколько залов, в которых сотни пассажиров ожидали отправления поездов. «Отправиться на Белорусский?» – мелькнуло у меня в голове.

Я открыл свой планшет, вспоминая маршрут, и заторопился к станции метро «Марьино». Через пятьдесят минут я уже искал место в вокзальном зале ожидания. Наконец нашел. Рядом сидели: девочка десяти лет, ее, видимо, бабушка, дама старше шестидесяти, и военный, я неточно знал военные звания, но на погонах была одна звездочка, кажется он был майором. Я поздоровался: «Добрый день!» – и сел рядом. На приветствие мне не ответили, дама подтянула к себе ребенка, обняла ее, словно желая защитить. Военный сидел молча, лишь косо поглядывая на меня. Через пару минут дама решила пересадить девочку, заняла ее место рядом со мной, а ребенка поместила между собой и военным. Для рядом сидящей семьи я являлся посторонним типом, но в этом сюжете почувствовал себя абсолютно чужим *издеишем*. Но ничего больше. Я взглянул на полноватую даму, задерживая свой взгляд на три, ну, может, четыре секунды, ее лицо выражало беспокойство, и тут же услышал: – «Чего вытаращил глаза, тут тебе нечем поживиться. Не разглядывай меня. Андрей, – она обратилась к военному, – давай поменяемся с тобой местами, не желаю сидеть рядом с этим типом». – Она бросила на меня исполненный злобой взгляд, встала, ее руки оставались на ребенке, еще раз сказала военному: – «Давай, давай, Андрюха, пересаживайся...». Опять конфигурация расположения семьи на скамье изменилась. Рядом со мной уже сидел рос-

лый военный. Тут подошел носильщик с коляской, взял у напротив сидящих молодых людей багаж, перегрузил на тележку и вместе с ними пошел на выход. Два места напротив освободились. Я пересел на свободное место на противоположной стороне и опять, но внезапно уперся взглядом в эту самую даму. «Андрей, чего этот плюгавый тип на меня глаза таращит?» – опять пожаловалась дама военному. – «Мать, ты, видимо, соблазняешь молодежь, – звучным голосом осклабился майор, затем обратился ко мне, но уже расвирепев: – Эй, крысенок, чего глаза на мою мать выдупил?» – «Простите, у меня это произошло произвольно, – смутился я. – Я редко бываю среди людей и толком не знаком со стилем поведения. Я готов немедленно пересесть...»

После извинений я тут же встал и двинулся по залу искать себе другое место. «Правильно, давай вали...», – услышал я вслед. Вроде бы меня оскорбили, но никаких злобных чувств у меня не возникло, более того, я смирился с тем, что был не прав. Только в чем именно, я не до конца понимал, также и не соображал, почему для образования гранита необходима прежде всего вода, сразу пришло мне в голову. Я опять усмехнулся неожиданной мысли о том, что из обилия диоксида серы получается серная кислота, она чрезвычайно опасная. Тут я про себя еще раз хихикнул: никакой связи нет между реальностью вокруг меня и реальностью внутри себя. Что, начинаю или продолжаю жить в двух мирах? Возвращаюсь к прежнему заданию, поставленному самому себе. Попробовать провести еще один тест? Первый оказался провальным. Правда, пока мне еще недоступна сама технология проведения диагностики на возникновение в моем сознании чувств симпатии и ненависти. Если не смотреть на *изделие*, как же проводить тест? Попробую еще раз, но не больше.

Заприметил местечко. Торопливо подошел к нему и уселся. Напротив встречаю лица двух парней моего возраста. Боюсь смотреть в глаза и осматривать физиономии. Мотаю головой в разные стороны, понимаю, что выгляжу весьма глупо. Решился коротко взглянуть на одного из них, но не больше двух секунд, потом сразу на второго. Тут же встретился взглядом с первым, а затем с другим. «Что, они меня сами рассматривают?» – мелькнуло в голове. Через небольшую паузу повторил короткий осмотр. Опять встретил их наполненные интересом любопытные взгляды. Смутился. Вдруг один из них обращается ко мне: «Почему не носишь с собой флаг? – показывая мне флажок в разноцветных цветных полосках, на котором была надпись «Любовь побеждает». Я не понял и как-то непроизвольно развел руками. «Ах, ты не наш?» – «Нет, я не знаю, что вы имеете в виду под словом “наш”, – прозвучал мой ответ, – я из социального центра». – «Освобождай это место, оно не для тебя, мы ждем наших друзей, проваливай!», – недовольная гримаса выразилась на лице парня с флажком. Я тут же поднялся и направился к выходу, решил больше не экспериментировать и добраться в общежитие.

«Мне необходимо себя успокоить, – начал я, но тут же удивился себе, – а я вовсе не взволнован». Еще раз, осмысливая минувшие сюжеты, понимал: в моем сознании не возникло никаких негативных эмоций. При повторном восстановлении восприятия последовательности произошедшего я не определил и не почувствовал к себе ни оскорблений, ни унижений моего эго со стороны участников двух сцен. Я встретил в вокзальном зале ожидания самое обычное отношение к себе. Другой стилистики отношений к себе я не знал. Она всегда была идентичной. И я воспринимал ее как нормы современной цивилизации. Единственный эпизод, приведший меня к смущению, был во время короткого

знакомство с Дарьей. Тут никакого взаимопроникновения я не зафиксировал. Казалось, ее слова не доходили до моего слуха или я побоялся встретиться с чем-то абсолютно новым. В результате я лишь испытал дескриптивное различие между нами, приведшее меня в ступор. Поэтому я довольно спешно ретировался. В моем сознании в то время, когда еще не было прямых контактов с *САРО*, преобладало эсхатологическое мировоззрение. Да, я искренне благодарен судьбе, что у меня наконец появился единственный и верный друг – микробиом *САРО*.

Первое время появления микробиома в сознании вызывало тревожное беспокойство: не является ли *САРО* образами моего сомнамбулизма? Но когда он стал появляться в сознании часто, более того, контакты между нами длились часами, я отогнал от себя это навязчивое заблуждение и полностью доверился своему аналитическому убеждению, что именно он стал моим искренним духовным наставником. Теперь я хотел успокоиться, остыть от возбуждения разума для проведения окончательной беседы с микробиомом касательно моего перерождения в микроба.

«Спокойствие последует позже, – мелькнуло у меня в голове, – я еще увлечен и погружен в интригу, состоялся ли диалог Канта с *САРО*. Повлияла ли лоббистская инициатива философа на решения микробиома найти для Мышкина другой способ покинуть свою нынешнюю субстанцию? Что он предложит? Первый вопрос, изначально волнующий меня, – технология выхода из себя, второй – сопровождается ли реформатирование Мышкина полным самоотречением, то есть потерей абсолютно всего личного интеллектуального багажа? Или я оставляю за собой право все земные знания, ощущения, память взять с собой в эту дальнюю дорогу? Вдруг без этого я затоскую? Впрочем, может, и нет! Но по пути вечного следования, погружаясь во Вселенную,

мне важно сохранить собственную земную монотонность. Она спасала меня от тяжелого быта и повсеместной несправедливости.

С *САРО* лучше общаться на улице, необходимо найти скамью и в спокойствии провести беседу. В Москве оказалось довольно много крупных общественных скамеек, в дневное время, как мне представлялось, они должны быть свободны. Именно на них лучше прибегнуть к общению. На автобусной остановке было пусто, и под крышей стояла многоместная лавка. Я почувствовал в себе спокойную уверенность в принятии окончательного судьбоносного решения, уселся и стал приглашать микробиома на беседу: «Где вы, где вы, *САРО*?» Он тут же появился. «Слушаю тебя, дорогой друг. Более того, знаю тему нашего общения. Поздравляю! Правильное решение принял! Скажу откровенно, последние дни я старался не общаться с тобой, чтобы не влиять на судьбоносное умозаключение. Желал, чтобы ты самостоятельно, без нашего влияния, пришел к своей новой, вечной жизни. Кстати об органах, никому их не продавай, микробиому они тоже могут пригодиться. И, отвечая на твои вопросы: у нас, у микробиомов, каждый день – праздник, а что касается странничества, то наше сознание перемещается благодаря реликтовому излучению от микроба к микробу. Мы способны путешествовать в безвоздушном пространстве и в пронизывающем холоде космоса. Чем еще могу помочь?» – «Уважаемый *САРО*, с вами говорил господин, прошу прощения, известнейший микроб Кант, касательно моей просьбы найти другое решение покинуть себя? Не через прямую кишку, а, прошу прощения, через более стерильный выход или технологию». – «Да, у нас была беседа: есть разные пути. У микроба пределы гигиены гораздо шире. Микробы с большим удовольствием какое-то время живут и в фекалиях. Но эти

наши причуды ты поймешь позже. Мы живем при самых разных атмосферных давлениях, я открываю перед тобой все карты, чтобы ты видел свои перспективы нахождения во Вселенной. Например, атмосферное давление на вашей планете – два с половиной килограмма на сантиметр в квадрате, на Венере – четыреста шестьдесят килограммов на один сантиметр в квадрате, на Сатурне на глубине тридцать тысяч километров огромный газовый слой, давление три миллиона килограммов на сантиметр в квадрате. И так далее. Мы живем без проблем на всех других планетах и везде с наслаждением. Твое перерождение будет выглядеть довольно просто. Оставь в своей комнатке на столе стакан воды из-под крана в семнадцать часов и продержи ее до двадцати двух. В двадцать два часа выпей этот стакан воды. Через пятнадцать минут ты уже окажешься среди нас, беседа со мной и с Кантом, а потом изберешь свою дальнейшую дорогу самостоятельно.

Ты должен понять главное: если *изделие* умирает своей смертью или погибает без нашего согласия, то оно никак не способно стать самостоятельным микробом, а окажется лишь пико-метровой его частью, то есть размером минус десять в двенадцатой степени. Тебя вряд ли устроит такая наименьшая величина. В этом случае ты становишься безмолвным крепостным, безымянным рабом микроба, в котором нет стремления к духовной свободе. Тебе необходимо отлучиться от *товарной массы*, состояться независимым от пространства и времени. Если же *товар* по нашему согласию трансформируется в нас, то он становится признанным микробом со всеми предпочтениями во Вселенной. Договорились?» – «Да... – протянул я. – Еще вопрос: моя память и знания, полученные на Земле, сохранятся в сознании?» – «Конечно, более того, твой разум увеличится в сотни тысяч раз. До встречи!»

Я торопливо зашагал домой, было почти шестнадцать часов. Я сделал все, как рекомендовал микробиом. Долго смотрел на стакан воды, взял планшет и написал письмо Дарье:

«Дарья, я посвятил десять лет жизни в Мышкине раздумьям о возможности изменения современной людской массы, избалованной, извращенной красотами, удобствами, соблазнами потребления. Мечтал найти технологии духовно-нравственной эмансипации, анатомо-физиологических эволюционных шагов изменения к обогащению интеллекта существа Homo sapiens. Моего ума не хватило. Я преувеличил свой интеллектуальный потенциал. Тут не обходим вселенский умственный капитал. С другой стороны, Интернет ежедневно демонстрирует стремительно ускоряющееся падение и разложение морали и сознания современников. В таком мире утасяющего разума я не желаю жить. Мне повезло найти способ переформатирования себя в нечто самое незаметное, нано-размерное существо. Эти существа свободно путешествуют в космосе, населяют всю Землю и каждого из нас.

С надеждой жить рядом с вами, в вас, я не позволяю себе прощаться, вы единственное *изделие* – как у нас называют человека, – которое обратило на меня внимание, встретило и проводило меня с улыбкой и долгим взглядом. Мы еще обязательно встретимся, Дарья, а может быть... Тут у меня возникла новая отличная идея! Я ее обдумаю и сообщу вам!

Дмитрий Мышкин».

Потом вышел в коридор и взглянул на небо. Его западная часть начинала багроветь. Трели птиц оглушали. И так, я не убегаю из жизни, я желаю ее преобразить, совершить прыжок к нравственному совершенствованию, увеличить собственный срок существования до бесконечности, пе-

ресесть на другую, заманчивую для развития интеллекта и творчества платформу бытия. Микробиом преобразил мое сознание. Я так и не понял, для чего мне дана жизнь на планете Земля, индивидуальное сосуществование с совершенно разными по объему разума *изделиями* здесь весьма затруднительно, если не сказать почти невозможно, поэтому мне приходится прощаться с вами. Но «прощание» – неточное слово, я перебираюсь в новые размеры вселенского тела, чтобы жить в каждом из *изделий*, то есть в каждом из вас, во всем и во всех, но в глубочайшей тайне, в чем будет скрыта великая интрига моего сущего. Только микроб во Вселенной бесконечно долго живет, по крайней мере мне так кажется с пока еще человеческого уровня восприятия. Меня особенно станет вдохновлять существование в интеллектуальных оттенках одиночества, в непреходящих картинах конвергенций. Не только с *изделиями*, но и со всем *товаром* космоса. Какие невероятные истории могут поведать звезды, планеты, Млечный Путь? Ох, быстрее погрузиться в микробиом!

Без вздохов, и возмущений, и томительных страданий, а с душевным подъемом и увлеченным разумом я жду отправления в новый мир, в вечность Вселенной, в которой нет расовых споров, классовых противоречий, идеологического вранья, потребительского имморализма, фальшивых торжеств, угнетения и деспотии, а есть нескончаемое созерцательное наслаждение.

До встречи в каждом из вас!

Гамбург, 2019 год

Игрок.

Было пятнадцать тридцать пять. Через десять минут от перрона городского вокзала в этот теплый июньский день отъезжал скорый поезд номер девять Ростов – Москва. Можно было бы лететь самолетом, но обостренное чувство любви к жанру потянуло Юрия Алтынова на железную дорогу. Достаток молодого человека позволял ему купить билет в двухместное купе, где можно было в одиночестве и спокойствии предаться размышлениям. А думать было о чем: переезд в столицу! Совершенно новую жизнь господин Алтынов ожидал найти в Москве. Этот удивительный город с тысячами соблазнительных возможностей будоражил его воображение. С детских лет уверенный в своей счастливой звезде, он имел много оснований полагать, что столица будет им покорена, что он станет первым номером в своем профессиональном мире. Самым богатым. Круче, чем Авен, мощнее, чем Березовский и Потанин! Впрочем, старая привычка вынудила Юрия Алтынова взять одно место в купейном вагоне. Нет, не по скупости. Молодой человек верил расхожему в его кругу мнению, что среди простого народа можно чаще услышать полезную жизненную мудрость, чем в обществе богачей. Но было у него и нечто другое, тайное, в чем господин Алтынов даже сам себе боялся признаться. Он 24 часа в сутки осязаемо и мысленно держал в руках игральные кости и карты. Во сне и наяву

молодой человек ласкал их, как другие – женское тело; он ощупывал их, как другие – бриллианты и слитки золота; он лелеял их, как другие – новорожденных детей; он облизывал их, как другие – сливочный и миндальный крем. Он любил читать умные книги – но при этом тасовал карты; он слушал музыку – но нащупывал тузы, посещал открытые платные лекции по квантовой механике – но, слушая теорию создания мира, крапал свой излюбленный инструмент. Игральные кости были для него словно четвертые фаланги пальцев, а карты молниеносно исчезали и появлялись на ладонях, словно ими управлял сам дьявол. Юрий Алтынов тренировал движения рук и пальцев, как Григорович – ноги своих балерин. При желании из ста бросков он все сто выбрасывал на один-один, или три-три, или пять-четыре. Он командовал своими костяшками, как Ельцин – чиновниками, как крокодил – зубами, как Соткилава – голосом. Молодой человек смотрел на колоду карт, как верующий на Библию. Слово «масть» он не воспринимал и никогда его не использовал. Для него это было нечто совсем другое: когда на руки к нему попадала черва, он чувствовал себя словно в персиковом саду; от пики веяло на него волшебной таинственностью, с ее помощью господин Алтынов преображался в колдуна, повелителя страстей человеческих, проводника магии; а трефа же будоражила его воображение, как банковские сейфы. Она помогала ему проникнуть в самую суть бытия. Философский настрой его мозга усиливался, как от прикосновения к печатному станку монетного двора. Молодой человек затачивал колоду, словно якутский алмаз в сорокагранный бриллиант, сажал карту в карту, как архивариусы Исторического музея подбирают нумерованные письма под грифом «Совершенно секретно» в одну тематическую папку. Это был его мир. В этом пространстве он считал себя первым номером!

Мастером! Чародеем! Господин Алтынов всегда ждал вызова на игру со стороны, а сам приучился никогда никого на нее не приглашать и не навязываться. Еще подростком он пообещал себе никогда не быть карточным задирой и по сей день относился к своей давнишней клятве весьма преданно. Но когда его зазывали, ангажировали всевозможными ухищрениями и отточенными домашними заготовками – тогда наступало его истинное наслаждение, его звездный час, эйфория. Он разделялся с забияками, как обвальщик мяса с тушей, как акула с мелкой рыбешкой, как Зевс – с простым смертным.

Поезд был именно тем местом, где часто можно встретить шулеров, картежных мошенников, ломщиков, фармазонов-кукольников, другой мелкий и крупный криминал. У Алтынова была великая страсть сразиться за игральным столом с таким человеком. Он с особым чувством и усердием любил «щипать» их кошельки, трясти их плутовские души, в пух и прах разбивать их шельмовское искусство. Победы над такими игроками доставляли высшее блаженство молодому ростовчанину. Становились самыми радостными эпизодами его жизни, его самовыражения. Он мастерски владел всеми играми, потому что прежде всего сумел полностью подчинить себе карты и игральные кости. Молодой человек еще ни разу в жизни не встречал равного себе ни в крап, ни в секу, ни в очко, ни в телеграф, липок, кинг, терц, буру, рамс, кругляк, клин, ферт, крендель, преферанс, абцуг.

Еще в отрочестве на различных игровых площадках формировались не только мускулатура юного тела господина Алтынова, но и дух, внутренний мир его по самым лучшим образцам профессоров азартного искусства. Он вбирал в себя все уродливые, все предательские, низменные формы и методы этой гнусной профессии коварства

и обмана; но душа его не провалилась в колодець тьмы, не погрузилась в глубокий мрак, а именно на закваске этой человеческой пакости отделила семена от плевел, раскрылась своим оригинальным цветением и вышла к юношескому возрасту без порочных привязанностей и гнусных планов.

Как и многие южнорусские дамы, проводница была в теле, с высокой грудью. Весь внешний вид роднил ее с типичными ростовчанками: вытянутая прическа и густо подведенные глаза, румяна на щеках, увесистые золотые сережки, напоминающие Эйфелеву башню; на груди – блестящий крестик на серебряной цепочке; алый маникюр и тонкий каблучок. К лацкану серенькой униформы была приколата табличка – «Любовь Погоня». Именно эта женщина средних лет встретила молодого человека при посадке. Госпожа Погоня, как того требует инструкция, пожелала сверить фамилию, указанную в билете, с паспортными данными пассажира. Проводница попыталась пошутить: «Такой скудный багаж... не на свадьбу ли вы собрались?» Господин Алтынов недовольно скривился: «В двадцать пять лет – под венец? Дайте пожить свободно, женщина!» – «Шестое купе, нижняя полка. Место двадцать первое. Вы счастливчик, Алтынов! В вашем купе едут две красивые молодые особы. На четвертое место пока никто не пришел».

Он несколько не огорчился, что в купе с ним едут молодые женщины, потому что любил их почти так же, как игровой азарт. С большой радостью молодой человек тут же принял новый облик: из наружного отдела небольшого дорожного чемоданчика он вытащил книгу Гиляровского «Москва и москвичи» и принялся ее читать.

Так он и вошел в купе, как бы не замечая ничего вокруг, и на ощупь присел на край лежака. Читал он о Сухаревском рынке. Надо сказать, что чтение ему нравилось. Описываемые люди, события, атмосфера столичного рынка были хорошо известны молодому ростовчанину по городской толкучке. Он изучал ее с отрочества. Здесь он учился обыгрывать в карты и в иные игры. Молодой человек действительно по уши погрузился в Гиляровского и почти забыл, что находится в купе поезда. Локомотив дернулся, и состав стал медленно отходить от перрона. В этот момент господин Алтынов оторвался от чтения и увидел перед собой двух хорошеньких молоденьких дам. Они полностью отвлекли его от книги. Ростовчанин стал исподволь разглядывать попутчиц. Напротив сидела барышня не старше двадцати лет. Узкое европейское лицо в редких мелких веснушках, совершенно не тронутое косметикой, с отточенными чертами, украшали изумительные серо-зеленые глаза миндалевидной формы. Густые жесткие светлые волосы обволакивали ее высокую шею, как пушистые ветки ели – ствол. Открытая синяя трикотажная кофточка облегла упругую девичью грудь и выставляла напоказ едва тронутое загаром тело, а обтягивающие синие джинсы подчеркивали ровные линии прямых ног. На ней была летняя матерчатая спортивного типа обувь. Он тут же про себя отметил: «Каблучков нет – значит, высокий рост». Рядом с ней сидела ее подруга. Молодая женщина, несколько старше первой, уставилась в окно, поэтому господину Алтынову был виден лишь ее профиль. Острый, немного вытянутый подбородок придавал ему волевой характер, а открытый высокий лоб, нос с легкой кокетливой горбинкой, длинные густые ресницы и впалые виски выдавали в ней сдержанность и упрямство. «Действительно счастливчик, – усмехнулся про себя господин А. – Но очень уж они холеные, никак

не местные. Азарт будоражит меня, необходимо развивать интригу знакомства».

В купе заглянула проводница: «Предъявите ваши билеты, пассажиры. Так. Алтынов, вы мне паспорт уже показывали. А вы, барышни? Так. Кто из вас Боярова? Так. А вы, значит, Дюкро? Так. Постельное белье будете брать? Так. Значит, три. С вас, Юрий, пятнадцать рублей. Так. А с вас, молодые дамы, тридцать. Ах, отлично». – Любовь Погоня вышла из купе и закрыла за собой дверь.

Господин Алтынов опять уставился в книгу, но уже совершенно не вникал в ее смысл. В его голове мелькали различные приемы скорейшего развития знакомства.

Вдруг в купе ворвался мужчина лет около шестидесяти с дорожной сумкой через плечо. У него была резко выраженная морщинистость кожи, как при синдроме Шихана, удлиненные конечности и паучьи пальцы. Подагрические узелки на ушной раковине выдавали в нем человека, страдающего гломерулосклерозом. Мужчина не переставая жевал, а в руке держал кусок колбасы и ломтик булки. Купе быстро наполнилось запахом хлеба, чеснока и мяса. Незнакомец пристально осмотрел лица пассажиров и категорично заявил: «Двадцать четвертое место мое!» Его ультимативный тон настолько покорибил господина Алтынова, что у него возникло неудержимое желание задираться. «Странно! Пару минут назад двое уже приходили с подобным заявлением, – с серьезным видом сказал он. – Они пошли к начальнику поезда выяснять, кто из них прав». Девушки переглянулись, но соседа не выдали. «Что же мне делать? А какие у вас места? Может быть, вы тут все безбилетники?» – Он говорил требовательно, будто все они были у него в услужении. «С нами все о'кей! А вы поторопитесь

заявить начальнику поезда о своих правах на купейное место!» – «Проводница что, пустышка?» – «Она тут ни при чем. Решение принимает начальник. Ваши конкуренты давеча спорили здесь до хрипоты». – «В каком вагоне начальник поезда? Кто мне, наконец, об этом скажет?» – «В восьмом. Торопитесь!» – «Я останусь здесь и никуда не пойду!» – «Ха! Это ваши проблемы», – уже совершенно открыто хихикнул господин Алтынов. «Что, крутые мужики?» – со злорадством спросил тот. – «Небось, новые русские? Такие же ублюдки...» – «Один – захмелевший шкаф с повязкой в шипах вокруг здоровенного лба, другой – коротко постриженный, в спортивной форме, с гантелями на бедрах», – игнорируя его оскорбительный тон, поторопился вставить молодой человек. «Прямо жить не дает эта с...» – Мужчина вышел из купе и в задумчивости стал у окна. Юрий Алтынов закрыл купе, встретился взглядом со своими спутницами, и все от души рассмеялись. Он с трудом вытащил из заднего кармана туго набитый бумажник и вынул из него пачку денег. У него было сильное желание вовлечь молоденьких женщин в предстоящую интригу. «Как вы думаете, сколько заплатит проводнице и начальнику поезда, чтобы они отселили этого типа из нашего купе? Иначе мы пропахнем колбасой и умрем со страха от скрежета стальных челюстей. Да, кстати, как вас величать?» – «Юлия», – сказала барышня в синей кофточке и джинсах. «Эстер», – представилась вторая, сидящая у окна. «Я – Юрий Алтынов. Согласны ли вы переселить любителя дешевой колбасы в другое купе, в следующий вагон, в проходящий поезд? За двадцать долларов, думаю, я решу эту проблему». – «Я не против», – улыбаясь, сказала барышня Юлия. «Попробуйте», – подбодрила его Эстер Дюкро. «О'кей, дорогие дамы! Пойду реализовывать наш план. Тип он скверный, ему явно с нами не по пути».

Молодой человек прошел в купе проводника. Любовь Погоня выслушала его план, то и дело причмокивая язычком, помяла, прощупала в руках с навыками банковского кассира десятидолларовую ассигнацию и с явной хитрецей заглянула ему в глаза: «Зачем тебе это надо – деньгами сорить? Небожь, за двумя сразу ухаживать станешь. Ну ладно, давай еще для начальника десятку». Она освежила помадой очертания своих губ, подправила карандашом юркие глаза, старательно посадила свою объемистую грудь на как бы отведенное место и сказала: «Жди! Я пошла договариваться». – «Шепните, пожалуйста, в ресторане, чтобы зашли ко мне в купе. Хочу заказать королевскую еду». – «Не забудь, парень, о Любочке. Как многие русские женщины, она с удовольствием пьет игристый шампусик, закусывая его черным пористым шоколадом. Впрочем, у меня сегодня в двенадцатом вагоне одни богачи едут. Так что подарки еще впереди!» – «А как же с кавалером, Погоня?» – «Бог знает! Может, еще по пути найдется. Хотя сердце подсказывает, что ожидает меня пустая ночь».

На обратном пути в голову ростовчанина пришел один сюжет. Господин Алтынов решил представиться молодым женщинам врачом-хирургом. Очень доверительная профессия. С медицинской терминологией господин А. был знаком по энциклопедии, по книжке блестящего кардиохирурга профессора Лео Бокерии «Врожденные пороки левого желудочка сердца» и по труду известного кардиолога Анатолия Вишневого «Хирургия сердца». Следует подчеркнуть, что ростовчанин был человеком незаурядным. Если другие все свое свободное время таскались по проспекту Буденного или засиживались в бильярдной «У Семь», то господин Алтынов частенько бывал в университетской библиотеке и иногда дни напролет читал самую разную литературу. От державного историка Николая Карамзина и царственного

поэта Тютчева до очерков по римскому праву; от гения экономики Дона Патинкина до великого физика Нильса Бора. Поэтому он легко мог выдумывать себе профессии. Для того или другого персонажа, которого требовала режиссура азартной игры. В зависимости от сцены, ситуации, расклада линий судьбы и выгоды. Он мог назвать себя сценаристом, потому что достаточно хорошо знал литературу; он без труда произвел бы впечатление винодела – увлекался энологией; мастера шахматной игры – был поклонником Чигорина; ученого, занимающегося проблемами абсолютного нуля, – зачитывался Гейзенбергером; балетмейстером – великолепно знал все балеты Юрия Григоровича. Коротче говоря, молодой человек был талантлив и прозорлив не только в игорном деле; у него были феноменальные способности во всем, к чему он сам тянулся и проявлял интерес.

Пока господин Алтынов отсутствовал, в купе к юным дамам вошло некое трудно определяемое лицо. О чем они говорили между собой, никто не знал. Через несколько минут лицо вышло от красоток и закрылось в восьмом купе.

Молодой человек торопился к своим соседкам. «А, вы еще здесь? Шагайте к начальнику поезда. Говорят, он добрый малый. Наверняка найдет вам место! Что проку стоять перед дверью». Господин А. протерся мимо толстого мужичка, ошарашенного историей с билетными двойниками, зашел в купе и запер дверь. Юные дамы, впрочем, не проявили к его приходу никакого особенного интереса. Дюкро невозмутимо смотрела в окно, а Юлия Боярова перелистывала «Мегаполис-экспресс». «Что произошло? Их как будто подменили», – удивился Юрий Алтынов.

Скорый поезд «Тихий Дон» Ростов – Москва набирал скорость и мчался на север. Впереди было 23 часа езды!

Господин Алтынов лихорадочно обдумывал сценарий вовлечения молоденьких дам в некую захватывающую интригу. Ему казалось странным и чрезвычайно загадочным, почему красотки молчали и не общались не только с ним, но и между собой. Вдруг в купе кто-то постучал, и дверь открылась. На пороге появился молодой, провинциально одетый мужчина в очках стиля сороковых со стопкой книг. Он молча оставил их на лежаке рядом с Юрием Алтыновым, вышел и закрыл за собой дверь. Не успел молодой ростовчанин рассмотреть названия и авторов, как в купе заиграла музыка – звонил мобильный телефон. Это был Моцарт, «Похищение из сераля». Свою трубку господин А. держал выключенной в пиджаке, висящем рядом на плечиках. Юная дама Эстер Дюкро вытащила из сумочки Nokia: «Привет! Все хорошо. Она рядом. Читаем. Привет. Пока». Господин А. про себя отметил ее какой-то столичный, нетипичный для юга России говор. «Не желаете просмотреть книжки?» – пытался завязать разговор молодой человек. «Спасибо. Нас это не интересует», – сказала Дюкро. Юлия безразлично улыбнулась.

«Скорее всего, этот торговец немой. Как вы считаете?» – продолжил Алтынов. «Бог знает!» – оборвала его барышня, сидящая у окна. Всем своим видом красотки показывали господину А., что нет и не может быть никакой темы для общения. «Хм... Вы не знаете Алтынова, – усмехнулся про себя молодой ростовчанин. – Все равно я вас раскручу, милые мои. Вы еще влюбитесь в меня по уши. Дайте время!» Он вытащил из бумажника двести рублей и положил их на стопку книг. Опять самые разные мысли, связанные с раз-

витием предстоящей интриги знакомства, захватили его. Ему определенно казалось, он всем своим нутром чувствовал, что, когда в первый раз их с Юлей взгляды встретились, он успел прочесть в ее глазах какую-то заинтересованность, искру симпатии. И всего лишь через десять минут такая радикальная перемена! Во всем этом проглядывало нечто таинственное.

Раздался стук, открылась дверь, и в купе вошла Погоня. «Слушай, красавчик, дай еще десятку зеленых. Я вам все устроила. Теперь вам никто мешать не будет. Целуйтесь, пейте, танцуйте! За сутки успеете познать все радости жизни». – «У нас таких планов нет. Что вы такое говорите?» – разгневалась Дюкро. «Теперь нет, опосля будут. Да у Юрки же полные карманы денег! Если он вам не по душе, я его быстро пристрою. Весь поезд набит до отказа, мест совершенно нет: кубанские и донские бабочки направляются в столицу на заработки, коммерсанты, банкиры, преступники, милиция, торговцы, одинокие женщины – сегодня все смешались в наших вагонах. Страсти разгораются. Каждый желает устроиться покомфортнее. Думайте! А ты, Юрка, не робей. За полста долларов я тебе получше компанию найду». – Она выхватила из рук молодого человека десять долларов и выскочила из купе.

«Прошу прощения, я ей таких поручений не давал. Я хирург-ординатор Института сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева. Занимаюсь проблемой врожденных пороков сердца. Ничего, кроме медицины и врачевания, меня не интересует. 7 июня я провел сложнейшую операцию на сердце шестнадцатилетней девочке. У нее была аортальная недостаточность. При этом пороке сердца происходит деформация створок клапана, которые не могут, не в состоянии полностью закрыть аортальное отверстие. Они пропускают кровь в левый желудочек не только из левого

предсердия, но и из аорты. Таким образом, в левый желудочек поступает больше крови, чем нужно по норме. Этот дополнительный объем крови загружает работой левый желудочек, он изнашивается и гипертрофируется. Сердце перестает работать. 9-го я прилетел к матери в Ростов и вот теперь возвращаюсь к месту работы. Праздничный день – двенадцатое июня – решил потратить на дорогу до Москвы. У меня с дежурными врачами клиники мобильная связь. Девочке уже лучше. Если посмотреть на вас взглядом врача, то можно многое рассказать о вашем здоровье. Разрешите начать?»

Господин Алтынов был доволен собой, он говорил как самый настоящий хирург-кардиолог. «Буду продолжать без их формального согласия. Они только делают вид, что мои слова их не интересуют. Но почему? Что за табу на ни к чему не обязывающий разговор соседей по купе, попугачиков в длинной дороге?» – «Если говорить об Эстер... Я просматриваю у нее первые признаки болезни Конна. Это очень редкое заболевание. Оно сопровождается мышечной слабостью или явлением тетании и полиурии. Чаше обычного могут отмечаться головные боли. Повышенная продукция альдостерона вызывает типичные биохимические изменения крови: гипокалиемию, алкалоз; дефицит калия ведет к изменениям сердечной мышцы, к миопатии поперечно-полосатой мускулатуры; проглядывается тенденция к гипернатриемии. Если бы передо мной был ваш анализ крови, сударыня, я смог бы рассказать более подробно, что необходимо предпринять, чтобы заглушить первые симптомы этого недуга». – «Я ничего не могу понять... Никакой болезни у меня нет. Вы нарочно все придумали», – обиженным тоном сказала молодая дама. «Клятва Гиппократа не позволяет мне шутить в таком вопросе, как человеческое здоровье. Вот у Бояровой совершенно другой предвари-

тельный диагноз...» В этот момент в купе постучались. Алтынов открыл дверь. Перед ним стоял немой разносчик. Он протянул длинные руки к своим книгам и мимикой выразил удивление, дескать, почему на них лежат 200 рублей. Господин А. жестами успокоил его и дал понять, что эти деньги он может просто так взять себе. Немой торговец поблагодарил, забрал книги и удалился. Юрий Алтынов продолжал свое повествование: «У вас легкая форма *ephelides* – избыточное отложение меланина в базальном слое эпидермиса и меланофоры в сосочковом слое кожи. Причина возникновения этого недуга еще не выявлена». – «Вы все точно определили. Очень странно, как это вам удалось? Никогда не думала, что есть врачи, определяющие болезни по внешним признакам, – вдруг оживилась барышня Юлия. – Надеюсь вы мне подробно расскажете, что это такое – *ephelides*». – «Перестань, подруга, – заметила Дюкро. – Он злобно смеется над нами». – «Нет же! *ephelides* в переводе с латинского – это веснушки. Я вам непременно расскажу о них много всякой научной всячины. Кстати, я могу точно определить частоту вашего пульса на расстоянии. Я слышу его за несколько метров. Представьте себе, в метро, ресторане, в поезде, в кинотеатре – в любом месте, где рядом со мной люди, я определяю их пульс и могу тут же дать рекомендации и выписать рецепт, чтобы улучшить работу сердца». – «Прямо магия какая-то! Как вы можете слышать в поезде, где все так грохочет?» – не выдержала Эстер Дюкро. «Могу предложить пари: если я определю частоту Юлиного пульса, вы принимаете мое приглашение пообедать вместе. Если нет – я буду лишен права есть до приезда в Москву». – «Пусть попробует?» – «Мы отсюда никуда не выйдем», – сказала сердитая юная дама, сидящая у окна. «Еду принесут к нам в купе», – поторопился вставить ростовчанин.

«Господи! Да скажите, какой у нее пульс. Но обедать ни там, ни здесь мы не будем». – «Согласен. Пожалуйста, минутку внимания. Молчим! – Господин Алтынов вытащил из заднего кармана брюк влажную салфетку, протер ею руки и сказал: – Пульс у вас 76 ударов в минуту. Вначале проверю я сам, потом пусть посмотрит Эстер. – Он снял с себя золотые часы фирмы “Вашерон Константин” и положил их перед собой. Без доли застенчивости молодой человек взял Юлину руку, нащупал на запястье пульс, закрыл глаза, подсчитывая удары юного сердца. – За пятнадцать секунд 18 ударов. В минуту – 76. Убедитесь теперь вы, Эстер!» – «Видимо, у всех 76 ударов!»

«Ничего подобного. У вас, например, 84!» – «Откуда вы знаете?» – «Я уже прислушался к вашему сердечку. Знаю, что ему нужно!» – «Вы опасный человек, господин Алтынов!» – «Я всего лишь врач. Пробуйте!»

Эстер вначале прослушала свой пульс. «Странно! Так и есть – 84 удара! Давай твою руку, подруга!» Пульс Юлии соответствовал подсчету Юрия Алтынова. «Какой у вас пульс?» – спросила Эстер. «У меня сейчас 88!» – «Что еще вы можете?» – засверкала глазами Юлия. «Могу посылать сигналы на расстояние. Вот, например, по итогам игры я имею право поесть и угостить вас. Сейчас я пошлю свой сигнал директору ресторана, чтобы он прислал к нам в купе официантку. Прошу прощения, минутку молчания! Есть, сообщение послано! У меня получается тысяча самых разных других загадочных вещей. Иногда у меня самого возникает ощущение, что я могу смотреть сквозь предметы, предугадывать будущее, гипнотизировать самого себя и окружающих. Разрешите поэкспериментировать?» – «Что вы с нами хотите сделать?» – рассмеялась Юлия. «Я могу, например, приказать вам вопреки вашему желанию пообедать со мной; остановить поезд; поменять маршрут движения, и мы при-

будем завтра не в Москву, а, допустим, в Нижний Новгород или в Петербург. Я могу усыпить вас, подчинить себе вашу волю, устроить в купе танцы, а между вами затеять спор, кто будет иметь право на первый танец со мной!» – «Чушь! Вы что, колдун или псих?» – раздраженно сказала барышня по имени Эстер.

В этот момент в купе постучали. Дверь открылась, и на пороге молодые люди увидели официантку. «Вызывали?» – улыбнулась она. «Кто вызывал?» – с наигранным удивлением спросил Юрий Алтынов. «Директор сказал, чтобы я шла в восьмой вагон, в шестое купе». – «Вы меня недавно в ресторане встречали?» – «Нет! Я вообще вас впервые вижу!» – «Расскажите, пожалуйста, как все произошло. Как директор дал вам указание обслужить нас?» – «Я разносила по столикам заказы. Директор сидел на своем месте и читал газету. Вдруг он мне говорит: “Пойди в восьмой, в шестое купе”. Вот и все...» – «Чем вы нас порадуете? Что у вас самое лучшее?» – «Мы предлагаем овощные салаты, индейку и вареный картофель. Есть черешня». – «А ягненок?» – «Обо всем, что не из меню, необходимо договариваться с директором». – «Что будем заказывать, милые дамы? Обещаю, что без гипноза». – «Мы есть не будем», – вспыхнула Эстер. «Черешню, наверно, можно», – сказала Боярова. «Принесите нам, пожалуйста, вазу черешни, салаты и индейку. Еще бы пару бутылок фанты и минералки с газом». – «Через двадцать минут я принесу вам черешню и воду, а потом уже горячее», – выходя из купе, сказала официантка.

«Вы все придумали, когда говорили о моем диагнозе?» – как бы между прочим спросила Дюкро. «Я же сказал, что я не имею права шутить, когда речь идет о здоровье людей...» В этот момент раздался стук в дверь. В купе просунулась голова мужчины средних лет: «Нет любителей сыграть в карты? Дорога длинная, скукота». – «Мы в карты не игра-

ем», – сухо сказала Эстер и уставилась в окно. «Можно легко научиться. “Дурачок” – простая игра, но очень увлекательная. – Мужчина уже вошел в купе. – Я ваш сосед. Меня зовут Жора», – протянул он руку молодому человеку и присел рядом с ним. Это был мужчина лет сорока, с ожоговым шрамом по всей ширине левой височной кости. У него даже пол-уха было скомкано ожогом. Одет он был в льняную рубашку бежевого цвета с плотно набитым нагрудным карманчиком, коричневые, цвета фундука, брюки и плетеные летние туфли. «Юрий». – «Сыграем?» – «Я увлечен общением с девушками», – сказал Алтынов. «Игра в карты только усилит азарт дискуссий», – развязал язык Жора, предчувствуя, что поймал жертву. «Ой, не знаю! Как вы считаете, Юлия, карточная игра сможет придать нашему общению новый импульс?» – «Мы играть не будем», – твердо, пожалуй даже резко, повторила Дюкро. «Юрий, покажите ваши способности», – улыбнулась Юлия Боярова, глядя в глаза Алтынова. «Вдвоем неинтересно», – с легким недовольством сказал молодой человек. «А мы найдем третьего! Я поспрашиваю в соседних купе».

Утешительно думать, что ты сам никогда не будешь втянут артистами азартной лихорадки в игровое представление, где финальные сцены расписаны с такой же подробностью и выразительностью, как в режиссерских разработках выдающихся мастеров театра и кино. Но чтобы организовать игровое представление в российском поезде дальнего следования, необходимо обладать режиссерским талантом Станиславского. Гениальные люди заняты нынче в этой творческой работе. Целые бригады артистов-шулеров можно встретить сегодня на просторах российских железных дорог.

«Вы советуете сыграть?» – обратился молодой ростовчанин к своим попутчицам. «Ваше дело!» – сказала барышня

Э. «Мы будем за вас болеть». – Юлин голос звучал одобряюще. «Но у меня нет никаких способностей к игре в карты. Я проиграю все, чем владею. Хороший врач – плохой игрок! Впрочем, от судьбы не уйдешь». – «Попытайтесь выиграть», – улыбнулась Юлия.

«Люблю азартные игры», – веселым тоном сказала вошедшая в купе женщина лет тридцати пяти. Она села рядом с Бояровой и осмотрелась. За ней вошел Жора: «Теперь настало мое. Во что будем играть?» – «Речь шла о “дураке”, – сказал Алтынов. «Скучно! Совершенно нет экспрессии. Поищите в своем арсенале что-нибудь более динамичное», – сказала женщина. Теперь молодой человек смог ее рассмотреть. Первое, что его заинтересовало, были ее руки. Они никак не могли принадлежать модной кокетке, деловой женщине или матери семейства. Это были руки шулера: без маникюра, с короткими ногтями, узкие, подвижные, решительные, даже мужские. Он был почти уверен, что дама была в парике. Многие мошенники используют парики в своей работе. Плотный слой макияжа делал ее лицо каким-то неестественным, похожим скорее на карнавальную маску. На ней был модный бирюзовый жакет. Желтый шелковый шарфик плотно закрывал ее грудь. Из брючного кармана выглядывал батистовый платочек. Сумочка, похожая на книгу, свисала с ее плеча. Но что-то в этой женщине было неуловимо странным. «Мистерия начинается!» – мелькнуло у господина А.

«Как вам “трианда”? Эта игра известна еще как “три листа”, “сека” и “лял-ляби”? Быстро, напряженно, увлекательно», – приступил к делу Жора. «Я – за! – сказала играющая дама. «А вы?» – обратилась она к господину Алтынову. «С трудом припоминаю ее правила». «Туз – одиннадцать очков, картинки – по десять, десятка как десять, девятка – как девять. Восьмерки, семерки, шестерки не играют. Можем

договориться, что шестерка пик будет джокером. Например: если у вас на руках два короля и шестерка пик, то играющие принимают такой расклад как три короля. Джокер может быть любой третьей мастью. Например: если у вас девятка и десятка бубей и джокер, то у вас тридцать очков. Джокер играет как бубновый туз, а туз – одиннадцать очков. Понятно объяснил?» – спросил Жора. «Разберусь». – «Какая минимальная ставка на кон?» – поинтересовалась дама. «А мы будем играть на деньги?» – удивился господин Алтынов. «Без денег совершенно неинтересно, – быстро вставила она, – предлагаю: доллар – кон. Недорого, но сердито. О'кей!» – поторопился подтвердить Жора и стал тасовать карты.

«Вы, простите, не шулера?» – застенчиво спросил ростовчанин. «Я веду бизнес в Сочи. У меня в гостинице “Жемчужная” косметический салон. Тамару Златкис на побережье знают многие». «Я – Георгий Ферापонтов, тренер по водным лыжам. Направляюсь в Тверь, на Волгу, на соревнования». – «Чудесно. Вот и познакомились. А я врач-хирург Московского института сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева Юрий Алтынов. Эти молодые дамы в купе – мои попутчицы». «Мы с ним ничего общего не имеем», – пожелала дистанцироваться от молодого человека дама по фамилии Дюкро. «Раздавайте, Ферапонтов!» – потребовала Златкис.

Игра началась.

Господин А. осмотрел карты. Они были заточены на масть, но не очень качественно. «Профессионалы третьей руки, – подумал он. – В карманах у них по тысяче долларов, не больше. Какая-то странная женщина эта хозяйка косметического салона».

По классическому шулерскому сценарию, чтобы разогреть жертву и ввести ее в азарт, они несколько конов по

низким ставкам три-пять долларов на круг должны были дать выиграть Алтынову. Ему пришло два туза – это двадцать два очка. «У Златкис – двадцать одно», – подумал молодой человек. «Доллар на банк, и я открываюсь», – сказал Ферапонтов. У него было двадцать очков. «У меня больше, – радостно сообщила госпожа З. Она предъявила трефовый туз с десяткой – двадцать одно очко. – Я выиграла». – «Минутку, – сказал Ферапонтов, – а какие чудеса на руках хирурга?»

«Он молчит, видимо у него пусто», – сказала Златкис. «Что у вас?» – спросил господин Ф. «По-моему, все двадцать два очка». – Алтынов неуклюже предъявил два туза. «Счастливчик! Как лихо он меня обыграл». – «Да, говорят, кто первый кон выиграет, тот и разденет своих партнеров – Господин Ферапонтов старался быть убедительным. – Начало совсем неплохое – выиграл четыре доллара». – «Браво!» – улыбнулась Юлия.

Наконец господин А. получил полную колоду карт. Это были карты итальянской фирмы «Малакардо». Они были из нового материала – смеси пластмассы и бумаги. Карты были легкими и хорошо крапились. Он тасовал их осторожно, почти неумело, но при этом прощупывал и памятью рук старался запомнить каждую из них. Без всякой заготовки молодой человек раздал карты, как это делают начинающие картежники. На руках играющих оказалось по двадцать очков. Первой открылась госпожа Златкис, поэтому право раздачи карт перешло к ней. Банк медленно начал расти – шесть долларов. Женщина тасовала карты профессионально, ее манипуляции были строгими и ровными. Молодой человек поймал ее движения и по колоде определил ее задумку – она приготовила ему тридцать очков, чтобы он поверил в свою судьбу картежного счастливого; пару конов он должен был выиграть, чтобы потом

спустить всю свою наличность и другие активы. Колода была готова к раздаче, и госпожа Златкис подала ее ростовчанину к срезке. Тут шулерский трюк был банальный – где бы ни срезалась колода, спрятанный мизинец фиксировал угол ломки, а молниеносное движение специально наработанного мускула от среднего пальца к кисти возвращало колоду на прежнее место. Чтобы не допустить заготовки, есть один простой способ: взять из рук раздающего колоду карт, срезать самому и вернуть отщепленный блок карт в главную колоду по своему усмотрению. У господина Алтынова была своя заготовка, поэтому он поступил именно так. После его вмешательства в колоду все игроки получили по тридцать очков. Ростовчанин еще не открыл секрет тайной передачи информации между Златкис и Ферапонтовым, но был уже уверен, что каждый из них знает, что у них по тридцать очков. «Два доллара», – сказал господин Ф. «Три доллара», – продолжила дама в бирюзовом жакете. «Что-то в ней не то», – про себя опять подумал ростовчанин. Он приблизился к Юлии и показал ей свои карты: «Продолжать игру или пасовать?» – спросил он. «А сколько у вас очков?» – шепотом спросила она. Этот шепот, конечно, был услышан играющими. «Прошу прощения, мне нужна минутка», – сказал Алтынов. Он полез в свою сумку, достал из нее лист бумаги и ручку, вышел из купе. Через несколько минут он вернулся на свое место и протянул записку Юлии. Она улыбнулась и открыла листок: «Пожалуйста, не выдавайте меня. Я открыл в себе способность читать карты с тыльной стороны. Какая-то фантастика. Обратите внимание: у всех нас по тридцать очков. У этой странной женщины – десятка, дама и король червей; у мужчины – девятка, валет, туз бубей; мои карты вы видели. Чтобы вы поверили в мою новую способность, я каждый кон буду писать вам карты своих соперников. Пожалуйста,

верните мне записку. Ее не должна видеть Эстер и другие. Ваш Юрий».

Юлия рассмеялась: «Даю вам свои десять долларов, чтобы вы не боялись играть». – «Первый раз бывает», – учтиво сказал господин Ф. «Если проиграю, жаловаться некому», – выдавила гримасу госпожа З. «Доктор, ваше слово...» – «Вы сказали, три доллара... Моих четыре!» – «Пять!» – сказал господин Ферапонтов. Мадам З. как бы невзначай повернула кисть руки тыльной стороной вверх. Господин А. отметил, что мелкие шулера используют этот прием для сигнального вопроса. Если партнер повторит это движение, то необходимо открыться, если он положит руку другой стороной – это означает, что торопиться не следует. Ферапонтов положил кисть на свою ногу тыльной стороной вниз – игра продолжается. «Они не знают мои карты. Устрою я им потеху», – мелькнуло у ростовчанина. «Шесть долларов!» – вставила Златкис. «Вы не отказываетесь от своих слов дать мне десять долларов?» – обратился молодой человек к Юлии. – «Нет!» – «Не дури, Юля!» – Эстер Дюкро все это явно не нравилось. «Ставлю семь!» – радостно выкрикнул Алтынов, а сам подумал: «Еще один круг – и я откроюсь, чтобы самому раздавать карты». «Восемь долларов!» – Господин Ф. согнул указательный палец крючком и быстрым движением как бы сбросил каплю пота со своего носа. Этот жест означал, что жертва разогнана и теперь ее уже можно нагружать. «Нетерпеливый, – подумал ростовчанин, – плохая школа». – «Десять моих», – бросила ассигнацию в банк очень странная госпожа З. «Мои пятнадцать, и я открылся, – сказал Юрий Алтынов и предъявил свои карты. – Валет, дама, король пик. У меня тридцать!»

«Ура! У меня тоже тридцать», – сказал господин Ф. Он показал свои карты – девятку, валет, туз бубей – и бросил пятнадцать долларов в банк. «Моих тоже тридцать – девят-

ка, дама, король червей. Кладу в банк пятнадцать зеленых». – Госпожа Златкис странно искривила свое макияжное лицо. «Вы признаете мои невероятные способности?» – шепнул на ушко Юлии молодой человек. Она широко улыбнулась: «Я ваша болельщица». – «В банке чудеса, – сказал господин Ф., – девяносто шесть долларов. Теперь карты раздает доктор».

В купе постучали. Вошла официантка с черешней, фантой и водой. «Когда нести горячее?» – «Минут через тридцать-сорок», – сказал молодой человек. «Для меня ничего не приносите», – Эстер надула губы. «Голубушка, я заказ сделал. Ждем в назначенное время!» – Алтынов послал официантке воздушный поцелуй.

«Вы сказали, что я раздаю...» – Не дождавшись ответа, ростовчанин взял колоду карт, сделал несколько неуклюжих, но точных движений, и колода была готова: по плану молодого человека каждый должен был получить по тридцати одному очку. Мадам З. срезала колоду. Он не мог бы считать себя виртуозом, если бы перед глазами зрителей не манипулировал картами как чародей. На кистях рук у него была развита структура мышц, дающая ему возможность крутить карту или целую колоду вокруг кисти на глазах зрителей, а те и не ведали о его манипуляциях. Воистину, он был первым номером в отечестве! Срезанный мадам З. карточный блок вернулся на свое место перед ее глазами и под пристальным взглядом Георгия Ферапонтова. В восторженном угаре от мастерски исполненного трюка господин А. буквально на мгновение прижался к Юлии, к ее упругой груди. Их глаза встретились, как шаровые молнии, и он прочел в ее взгляде искреннюю радость от предстоящей близости. Молодой человек раздал странной женщине десятку, валета и туза трэф, господину Ф. – даму, короля и туза пик, себе – валета, даму бубей и шестерку. Он опять

вышел из купе, чтобы написать записку Юлии. Когда он вернулся, госпожа Златкис встретила его упреком: «Куда вы так часто выходите?»

«Прошу прощения за подробности деликатного свойства, но считаю необходимым ответить на ваш вопрос: у меня в результате бактериальной инфекции развился острый пиелонефрит, характеризующийся частыми мочеиспусканиями. Применяю курс лечения антибиотиками, через неделю все должно быть закончено. Но пока рН мочи показывает щелочную реакцию». Он опять показал Юлии записку: у женщины – десятка, валет, туз треф, у господина Ф. – дама, король, туз пик. «Что вы там колдуете?» – спросил ростовчанина тренер по водным лыжам. «Любовные сонеты читаем». – Боярова и Алтынов рассмеялись. «Ваше слово», – обратился молодой человек к госпоже Златкис. «Мои двадцать!» – «А я пойду двадцать пять!» – Ферাপонтов еще раз взглянул на свои карты. «Тридцать!» – Молодой человек положил пятидесятидолларовую купюру в банк и взял двадцатку назад. Тут Алтынов заметил тайный разговор жестами своих противников. Дама три раза ударила себя согнутым локтем по правому боку, а указательным пальцем поперек карт. Это означало, что у нее на руках тридцать одно очко. Ферাপонтов потер ухо. С языка шулеров это движение переводилось как «у меня те же очки». Он потер усы, этим самым спрашивая: «Какие карты у жертвы?» Косметолог Златкис ответила жестом: пальцами она два раза прошлась по груди, словно что-то стряхивая. Это означало: «Не вижу его карт». Ферাপонтов щелкнул пальцами, потом показал большой, указательный и средний пальцы. Это означало: «Играем три круга, потом я откроюсь, даже если жертва пожелает продолжать». «Тридцать пять!» – прищурившись, бросил господин Ф. – Иду дальше. Моих сорок долларов!» – «Юленька! Эстер! Угощайтесь черешней. Вы, – обратился

господин А. к играющим, – тоже берите. Донская черешня очень полезная. Ее действие по разжижению крови можно сравнить с аспирином. Пять ягод – одна таблетка. Я объявляю пятьдесят долларов!» – «Круто», – выкрикнул господин Ф. «Моих пятьдесят пять!» – «Не уступлю! Шестьдесят!» – Странная госпожа Златкис как-то с подозрением посмотрела на Боярову. «Не откроюсь! Моих шестьдесят пять!» – энергично вставил ростовчанин. Многообещающая, неукротимая, всевластная страсть игрока стала заполнять все его сознание, все клетки тела. Он никогда не желал противиться этому великому чувству азарта, охлаждать игровой пыл, сдерживать эмоции и ломать главную привычку жизни. Господин Алтынов всегда отдавался магическому таинству игры целиком, как священник – литургии, как монах – молитве. «Семьдесят зеленых на бочку», – поторопился Ферапонтов. «Я ставлю семьдесят пять баксов». – Госпожа Златкис бросила деньги в банк. «Восемьдесят долларов, и я открылся. У меня тридцать одно очко – валет, дама и джокер». – «Невероятно! Второй раз банк. Кто возьмет куш? Вот мои восемьдесят долларов. С вас, Георгий, тоже восемьдесят». Госпожа Златкис начинала нервничать. Они с партнером никак не могли навязать свой сценарий игры. «Вы плохо мешаете карты. Дайте я вам помогу, – предложила она. – В банке девятьсот пятьдесят шесть долларов. Это целый капитал!» – «Пожалуйста!» – Молодой человек протянул странной женщине колоду карт. «Ну, как я читаю чужие карты?» – шепнул он на ушко Бояровой. Она наградила его робкими аплодисментами и так же на ухо ответила: «Действительно фантастика». – «Сейчас я уже пойду на выигрыш. Скоро принесут горячее!»

Госпожа Златкис вложила себе три туза с его раздачи. «Чтобы у всех были хорошие карты, вы, доктор, после меня больше не мешайте». – «Согласен, – сказал молодой чело-

век. Он готов был уже начать раздавать, как вдруг, словно бы что-то вспомнив, произнес: – Да, но Георгий может возразить, я обязан сделать срезку». Он тут же два раза срезал и стал раздавать. Когда Ферапонтов сказал: «Да я, собственно, не против», карты уже были сданы.

Возбужденная троица приготовилась к игровому представлению, и сейчас в купе воцарилась богиня надежды. Ее пламя то поднималось вверх, воспаляя разум, то обжигала пятки игроков, навевая сладкие мысли о скорых деньгах. Ее энергию можно было сравнить с сигналом GSM, когда находишься на границе зоны покрытия: голос ожидания чуда то звучал явственно, то бесследно пропадал. Эти мгновения неведения – самые мучительные. Это и есть вершина азарта, свидетельство великой радости или горькой печали!

Он раздал госпоже З. два туза – трефовый и пик, чтобы легенда о трех тузах была жива, тренер получил лишь двадцать очков – бубновую даму и короля, себе оставил два туза – червового и бубнового – и джокер. Он уткнулся в угол второй полки, написал для Юлии карты соперников и сказал: «Вы разрешите мне выйти?.. Пиелонефрит». Впрочем, он не стал дожидаться их согласия и быстро вышел из купе. Перед купе проводника он выбросил в форточку разорванные записи расклада карт и о чем-то поговорил с Погоней. Потом он выложил ей сто долларов и вернулся к себе. Тут его уже ждали. «Ход ваш, Георгий» – сказал молодой человек. «Я пасую».

«Уже обменялись данными, – подумал господин А. – Юленька, за время моего отсутствия ничего в купе странного не происходило? Никто не врывался, чтобы смешать, спутать карты?» – «Нет, ничего такого не было». – «Чудесно!» – «Я пошла, сто долларов», – сказала госпожа Златкис. «Я – сто двадцать». – Молодой человек протер салфеткой вспотевшее лицо. «Моих сто пятьдесят!» – «Я – сто семь-

десять». Напряжение нарастало. Молодой человек умело управлял собой: он вызвал обильное потовыделение, давая понять партнерам по игре, что чрезвычайно нервничает. «Кладу двести долларов». – Кошелек женщины худел на глазах. «Ставлю триста», – сказал ростовчанин. «Вы блефуете! – бросила ему упрек госпожа З. – Мои триста двадцать». – Она положила в зеленую кучу купюры самого разного достоинства. «Четыреста!» – Алтынов выглядел настырным мальчишкой. «Не открываетесь?» – спросил его Ферапонтов. Он повернул кисть тыльной стороной кверху, тайно предлагая партнерше открыть карты. «Четыреста десять, и я открылась... Здесь два туза!» – «У меня тоже два туза...» – «Что, опять банк?» – вскричал тренер по водным лыжам. «На сей раз нет! У меня два туза и джокер!» – «Не может быть!» – завопила госпожа Златкис. Финал классической трагедии – убийство.

Финал азартного представления – шулерский грабеж. То, что произошло в шестом купе двенадцатого вагона скорого поезда Ростов – Москва, никак не укладывалось в драматургию заключительной сцены: не Сальери убивает Моцарта, а Моцарт убивает Сальери. Скандал! Оскорблен жанр! Изменены философия и рисунок предначертанного свыше текста. Драматург оплошал, опростоволосился! Артисты хотели было возразить неслыханному, беспардонному вмешательству незваного редактора, но полное изумление и возмущение лишило их дара речи. Они ретировались, чтобы позже взять реванш и расставить все по законным местам.

Сладостное ощущение превосходства над шулерами, виртуозность собственного мастерства гипнотизировали господина А. и юную даму в синей кофточке. Молодой человек стал разгребать долларовую кучу. В банке оказалось три тысячи сто двадцать шесть долларов. Выигрыш

ростовчанина составил одну тысячу восемьсот семьдесят один доллар США. «Десять процентов от суммы – ваши деньги», – протягивая Юлии Бояровой двести долларов, сказал молодой человек. Юлия не стала отказываться от денег, но и не притронулась к ним. Молодой человек положил две новенькие банкноты с изображением создателя громоотвода, американского ученого и политика Бенджамина Франклина, на ее коленки.

Юлия Боярова находилась под сильнейшим впечатлением. «Какие замечательные у него глаза», – подумала она. Молодой человек гипнотизировал ее своей внешностью: высокий, худой, яркий шатен со смуглой загорелой кожей. Его вдохновенное лицо, огромные, сумасшедшие черные глаза, непрекращающиеся движения рук и пальцев, его манера говорить, его мимика, его знания и его полная загадочность – все это вызывало у нее жгучий восторг. Сердце ее желало, требовало общения с Алтыновым, ей хотелось выйти с ним в безлюдный коридор, чтобы, обнявшись, разглядывать простиравшиеся донские поля, мощенные упругими колосьями пшеницы. Ей вдруг захотелось немедленно разорвать контракт, прервать свои обязательства по спецмиссии, чтобы свободно наслаждаться его обществом. Она уже всем телом чувствовала начало увлекательного путешествия в совершенно новый, неведомый, волнующий мир.

В этот момент в купе вошла официантка. Запах пряностей заполнил помещение.

«Как вам удавалось видеть чужие карты? Фантастика!» – Боярова была возбуждена. «Я никогда за собой этого не замечал. Да и в карты я играл давно, в отрочестве», – убедительно сказал молодой человек. «Ты не поняла, что господин Алтынов жульничал?» – спросила молодая особа, сидящая у окна. «Нет же, у него открылись потрясающие способности. Но я обещала эту его тайну никому не выда-

вать». – «У тебя секреты от меня?» – «Чужая тайна, Эстер». – Юлии не хотелось смотреть на Дюкро.

«Есть будем?» – спросил ростовчанин.

«Нет!»

«Мы худеем, – шутливо сказала Юля, – а фанту я выпью».

«Юлия!»

«Эстер, отстань. Фанту можно!» – «У меня такое чувство, что вами кто-то командует», – Алтынов лукаво оглядел молоденьких дам. Они промолчали, как-то таинственно переглянувшись. Ростовчанин достал полиэтиленовый мешок и стал сбрасывать туда тарелки с ресторанной едой, вилки, ножи, ложки, салфетки, солонку – все, что было связано с чревоугодием. Лицо его при этом светилось неподдельной радостью. «Много театральности», – смущенно сказала Юля. «Вся жизнь – война. А война без театра невозможна».

Поезд дернулся, заскрежетали колесные пары. На плечи Юлии из матраца верхней полки упали два птичьих перышка. «Вы счастливица! – подхватил перья молодой человек. – Вас ожидает большая удача. Это перья хохлатой цесарки – Numida pucherani. Густым пучком перьев этой птицы римляне украшали свои шлемы. По преданию, перья цесарки оберегают жизнь человеческую и приносят богатство». Он смотрел на нее влюбленными глазами, желая пленить и покорить ее. У господина А. было достаточно храбрости, привлекательности и авантюризма, чтобы по первому своему желанию увлечь Юлию на любой самый безрассудный поступок. Он опутывал ее своим колдовским неотразимым обаянием с каждой минутой все основательнее.

Поезд пошел медленно. Впереди была станция Лихая.

В купе заглянула Погоня. «Только о тебе подумал, как ты уже рядом. Принимай провиант! – Господин Алтынов увел за собой проводницу в коридор. – Когда будет красotka? За сто долларов можно пригласить мисс Мичуринск

или мисс Миллерово. Она должна приставать ко мне при соседках самым откровенным образом. Она должна стонать и плакать, требуя моего внимания». – «Тебе нужна актриса или путана?» – «Куртизанка с актерским мастерством». – «На станции Лихая таких нет». – «Следующая остановка?» – «Миллерово! Через сто километров!» – «Организуешь?» – «Ах, добавь еще сто долларов!» – «Тебе я ни в чем не могу отказать. Пожалуйста, закрой меня в своем купе. Мне необходимо собраться с мыслями». – «Ах, опять что-то надумал ...»

Из зависти перед сильнейшими мира сего, способными менять русла рек и осуществляющими коренную виртуализацию мира нашего, господин Алтынов с повадками и преданностью человека играющего продолжил диалог с самим собой об изменении маршрута движения скорого поезда «Тихий Дон» Ростов – Москва. Эта случайно возникшая в азартной голове идея полностью захватила его. Если у кого возникнет вопрос, почему молодому человеку надо было это организовывать, то ответ мог быть только один: ростовчанин считал себя сверхчеловеком, счастливецом и всемогущей личностью. Ему необходимо было доказывать это самому себе ежечасно, но тут была и другая интрига: Юлия Боярова. Для того чтобы пленить эту молодую симпатичную особу, он готов был сделать что-то невероятное и сказочное. Лексика и тональность речи господина А. коренным образом изменились. Он стал требовательным, несколько раздраженным господином. Впрочем, эта была его очередная роль, с которой он виртуозно справлялся. Слова убеждения молодого человека теперь слагались из неотесанного гранитного камня. Ими можно было не только прокладывать дорогу к людским сердцам, но и ломать любые представления о рассудительности, маршруты движения любого транспорта и судеб человеческих.

«Я начну с центральной диспетчерской службы. Перед тем как мы въедем в Лиски – это пятьсот пятьдесят седьмой километр в сторону Москвы, сразу после станции Сагуны, – я организую звонок по телефону и команду по внутренней модемной компьютерной связи следующего содержания: “В связи с техническими неполадками пути все поезда после станции Лиски в сторону Москвы направлять по маршруту Поворино – Пенза – Красный Узел – Арзамас – Нижний Новгород – Москва. В Нижнем организовать паркинг подвижных составов. Приказ остается в силе до его отмены. Дежурный центрального диспетчерского пункта МПС полковник Н. Витютень”». Господин Алтынов включил свой мобильный телефон и сделал несколько звонков. «Я заплачу десять тысяч долларов за вход в компьютерную сеть МПС и еще десять за звонок из центральной диспетчерской службы с приказом об изменении маршрутов движения поездов, идущих на Москву. До Сулина мобильная связь работает. Потом включается на станции Лихая. Тридцать пять минут связи не будет. Сейчас семнадцать ноль пять. До восемнадцати тридцати телефон включен. Потом пауза. С девятнадцати двадцати пяти он будет работать до станции Россошь. Это двадцать два ноль пять. В Лиски мы прибываем в двадцать три двадцать пять. Ты должен успеть. Мы должны свернуть на Поварово – Пенза – Арзамас – Нижний». – Молодой человек продиктовал своему собеседнику текст приказа из МПС. Закончил господин Алтынов вполголоса каким-то другим распоряжением и выключился.

«Ну, что скажешь, подруга? Что за тип этот Алтынов? Может, он и врач, но последний пройдоха. Мне такие болтуны не нравятся. А ты, я вижу, очарована им. Не забывай

о нашем главном деле. Сейчас появится директор. Мне придется признаться ему, что ты увлечена нашим соседом». – «Не знаю, что и сказать. Поступай, как подсказывает совесть. Не желаю ни в чем признаваться. Все человеческое тебе чуждо, как запрограммированному роботу. Да, у нас есть инструкции. Мы должны доставить груз в Воронеж. На что только не согласишься во время материальной нужды. Но я не хочу становиться профи, вырабатывать в себе привычки и образ мыслей спецкурьера. Сделаться мнительной и подозрительной. Я согласилась на одну поездку. Через десять часов Воронеж! До свидания! Соглашусь ли я еще раз? Может быть, а вдруг нет? Скорее всего, нет!»

Раздался телефонный звонок. «Да! Вы слышали, что у нас в купе шла карточная игра?» – «Это даже неплохо, – сказала неизвестное лицо. – Как бы отвлекающий фрагмент. Я уверен, что шулера к вам вернутся. Ты дай им однозначно понять, что между вами и врачом нет никакой связи. Вы просто соседи по купе. Сторонитесь и никакого участия в игре не принимайте». – «Слушаюсь». – «За хирургом я слежу. Странный субъект. Пока. Я всегда рядом».

В купе вернулся молодой человек.

«Скучали?»

«Да!» – улыбнулась Боярова.

«Я рассчитывался с официанткой. Да, кстати, куда вы едете?» – «Вам совсем не обязательно об этом знать!» – «Эстер! Господин Алтынов может пойти к проводницу и узнать о нашем маршруте. В Воронеж». – «Как в Воронеж?» – «В Воронеж! Что тут странного?» – удивилась Юлия. «Я-то думал, вы в Москву едете».

В купе постучали. На пороге показался нищий. От него смердело – остатки одежды давно залоснились и обветшали от времени и непогоды, были рыжими от грязи.

Лоб, впалые щеки, тонкое горло избородили глубокие морщины. Только большие яркие голубые глаза выдавали в нем живого человека. Совершенно непонятен был его возраст – что-то между тридцатью и шестьюдесятью годами. Не говоря ни слова, он просил милостыню. Это было, пожалуй, его единственной заботой и последним смыслом общаться с миром. Вид этого замызганного горемыки вызвал у господина Алтынова внимание и жалость, у него запершило в горле. Молодой человек смотрел на него сочувственным взглядом, и вдруг в его голове мелькнула страшная мысль: «Если бы не мои фантастические руки и виртуальная голова, еще неизвестно, кем бы я сам стал!» Он открыл бумажник, плотно набитый купюрами: «Я дам вам триста долларов. Вы сможете привести себя в божеский вид?» – «Вздор! Зачем?» – сквозь желтые зубы произнес тот как-то даже лениво. «Вы не хотите вернуться в общество? Полюбить женщину? Поплескаться в джакузи?» – «Нет!» – На его лице появилась угрюмая ироническая гримаса. «Но почему?» – «Наивные восхищения внешним бытом. Я в нищенстве открыл тайну жизни. Нашел сам себя. В этой жизни так спокойнее. Никогда не встает этот мучительный для вас вопрос о справедливости. А человека тянет доказывать». – «А вы человек?» – «Нет!» – «А кто?» – «Я существо. Часть природы». – «Но человек – это тоже часть природы». – «Вздор! Природа вызывает у человека зависть. Вечное желание ее победить, подчинить своему неумному честолюбию». – «А вы?» – «Я слился с ней. Без желаний и планов, без проектов и требований. Нищенство – среда моего счастливого обитания». – «Сколько денег вам дать?» – «Мелочь, в которой вы не нуждаетесь». – «Сто долларов?» – «Я не возьму их. Меня обыщут и убьют». – «Сколько?» – «Ничего не надо. Я пойду...» – «Возьмите сто рублей». – «Вздор! Нет». – «Возьмите десятку. Это

меньше, чем полдоллара». – «Спасибо». – Нищий опустил веки, поклонился и закрыл за собой дверь.

Господин Алтынов хотел было начать свои рассуждения, касаясь последнего эпизода, но слова «жалкий человек» застряли в его устах. «У человека наших дней нет определенного лица. Как погода, как чувства и страсти людские изменчивы, как политики за день говорят прямо противоположные вещи, так и российский человек остается рыхлым, зыбким. В нем не хватает цельности. Это собрание персонажей с самыми разными цветовыми оттенками души. Преобладают мрачные тона. Поэтому наша жизнь такая непостоянная в своих парадоксальных противоположностях. С крестом на груди и Богом в душе мы постоянно держим наши сердца открытыми для дьявольщины, а вот в нищем, посетившем нас, было что-то законченное, постоянное. В его необыкновенно ярких глазах прочитывалась какая-то вечная линия жизненной мудрости. При совершенно грязном теле, похожем на мусорную кучу, мне представилась чистейшая душа, родственная божественной музыке Баха. Согласен, такой стиль жизни для нас неприемлем, кажется жутким, но по своей философской концепции он строен. Этот нищий вызвал у меня глубокие симпатии. Я уже очень жалею, что не остановил его, чтобы послушать речь этого бедолаги, понять ход его мыслей, познакомиться с его мудростью. Между первым ощущением брезгливости от его внешнего вида и глубоким уважением к его внутреннему, хрупкому, пламенному и драгоценному миру прошло всего одно мгновение, а какую пропасть оно обозначило! Вид этого заброшенного существа вначале потряс меня своей низменностью, а потом глубоко ранил своим величием. Может быть, он и был истинно Божьим

человеком, которого я никак не могу встретить на просторах отечества!»

Юлия Боярова наградила молодого человека влюбленным взглядом.

В купе постучали. На пороге появился Ферапонтов. С ним были еще трое: полная средних лет дама в какой-то театральной одежде, похожей на цветастое платье цыганки; однорукий коротыш в черной рубашке, белом, из искусственной ткани костюме и алым платочком вокруг шеи. С высокомерным взглядом и приподнятой с правой стороны губой. Третьим был стройный, элегантный мужчина в голубой сорочке с экзотическим галстуком, по которому бегали и плясали обитатели джунглей. «Что-то в нем есть знакомое», – подумал о последнем господин Алтынов.

«Как пообедали?» – спросил господин Ф.

«Прекрасно!» – Молодой человек возбужденно прокручивал в голове все варианты дальнейшего развития праздника азарта, ожидания радости и горечи утраченных иллюзий. «Готовы к бою?» – «Вас так много. Будете предлагать спортивное состязание или “Поле чудес” а-ля скорый поезд?» – «Я проиграл первый тур. Согласно законам всех играющих людей, за мной сохраняется право требовать продолжения матча. Но вначале хочу представить вам наших соседей: Варвара Петровна – кажется, она бухгалтер; коммунар Ильич, инвалид второй группы, участник боев за грузинский город Гагры, и господин Бурмистров, владелец яхт-клуба из Новороссийска. А это, – указал он на молодого человека, – господин Алтынов, хирург из Москвы». – «Привет вам, дамы и господа!» – Молодой человек улыбался, а сам мучительно пытался вспомнить, откуда он мог знать этого владельца яхт-клуба.

«Хочу предложить на выбор: нарды персидские, кости по-грузински, сочинские верфеля и турецкий боз-баш». –

Ферапонтов старался говорить ласково. «Хм. Игра один на один или два на два?» – «Все игры – один против одного». – «Но вы все против меня!» – «Один из нас...» – «Покажите персидские нарды. Хм. Припоминаю суть игры. Кто из вас освежит мою память?» – «Персидские, или короткие, нарды. По пятнадцать фишек. Необходимо завести их на свое поле и только потом выйти из него. Кто раньше выйдет, тот выигрывает», – пояснила низким сдавленным голосом Варвара Петровна. «А что такое сочинские верфеля?» – спросил господин А. «Играете, понимаете, не прямо на пол, а чэрэс стэнку. Кто старшэ бросит, тот вииграл. Напримэр, я бросил пят-чэтырэ, а ви пят-пят. Ви вииграли», – сказал инвалид с грузинским акцентом. Его высокомерный взгляд и постоянно приподнятая губа начинали докучать господину Алтынову. «Очень просто и быстро». – «Да! Ми же в поезде, а?» – «Какой совет даешь, Боярова? Во что играть?» – «Вы нас не спрашивайте, он к нам никакого отношения не имеет, – быстро вставила барышня Эстер. – Пусть предложит противник». – «Правильно, дочка. Но ми не противники, ми друзья». – «Играем в персидские нарды?» – «Принимается. Покажите, пожалуйста, кости. Мне говорили, что иногда в поездах играют с магнитом. В костях и на доске встраивают магнит. Можно бросать по желанию, не промахнешься», – простодушно улыбнулся молодой человек.

«Нэт, слушай, хирург, это басни Крылова. Панимаэшшь?» – «Смотрите! – Варвара Петровна предъявила господину Алтынову две костяшки. – Кто со мной играет?» – «Я!» – полная дама стала расставлять на доске фишки. Молодой человек осмотрел костяшки. Они были чистыми, без ухищрений. «Партия – сто долларов. Марс – двести. Дау – триста», – сказала полная дама, положив на стол зеленую купюру. «Я бы хотела с вами на секунду выйти», – взяв господина Алты-

нова за руку, сказала Боярова. «Пожалуйста», – Ферাপонтов оглядел своих партнеров. «Юлия?» – лицо Дюкро исказилось в страшной гримасе. «Ви гаваритэ, что ви нэ вмэстэ?» – «Мы его не знаем!» – в сердцах сказала растерянная особа. «Всэ так гавариат».

«Алтынов, мне кажется, что этот тип в голубой рубашке переодетая госпожа Златкис». – «Точно! Bravo, Юля! – Молодой человек нежно обнял Боярову. – Никому об этом не говори. Наша маленькая тайна. Это он был переодет в Златкис. Искусство требует перевоплощения». – «Не опасно?» – «Я же счастливчик! – Он обнял ее еще раз, с любовью глядя в ее изумительные серо-зеленые глаза. – Возвращайся, пожалуйста, в купе, я скоро буду».

Молодой человек зашел в туалетную комнату, зачем-то отмотал туалетной бумаги, стал ее сворачивать и проделывать с ней какие-то манипуляции. Получился небольшой сверток, который господин А. завернул в целлофановый пакет, хранившийся в бумажнике, а затем спрятал в задний карман брюк. Зашел к проводнице: «Любаша, солнышко, у нас в купе душно, как в бочке. Вот тебе десятка зеленых, прошу, открой окошко».

Только после этого он вошел в купе. Игра началась.

«Они выставили ее как самую лучшую в трупше, – подумал господин Алтынов. – Посмотрим, насколько она сильна в нардах». Первый бросок они должны проделать по одной кости. У кого выпадет старшая цифра, тот может начинать партию уже двумя камнями. Он взял кость. По телу пробежала дрожь радости. Это был его инструмент, его стихия. Он ощупал кость, как мельник зерна пшеницы перед помолом. Уже через мгновение господин Алтынов узнал ее судьбу. Он прочел ее, как умелая гадалка на линиях рук, в мельчайших рытвинах и сколах на шести полях небольшого тельца. Он мог рассказывать о маленькой ква-

дратной косточке несколько часов. Для своего хозяина это был счастливый камушек, он разорил сотни простаков и принес патрону немалые деньги. «Теперь твоя дьявольская энергия будет служить мне, Алтынову», – сказал он ей своим внутренним голосом, но в приказном тоне.

В этот момент в купе протиснулась Любовь Погоня и открыла окно. «Воздух у вас, прямо скажу, не свежий».

«Первый бросок я уступаю женщине, – как-то очень театрально сказал господин А., – прошу». «С первой партии я буду выигрывать все», – решил он про себя.

Она бросила шестерку, самую большую цифру. Молодой человек с необыкновенной ловкостью повторил результат. Второй бросок – опять шестерка. Господин Алтынов с легкостью в сердце сажает тоже шестерку. Зрительские страсти начинают накаляться. У членов бригады легкое замешательство. Третий бросок – у дамы четверка. Ростовчанин решил бросить пятерку, чтобы поостыли горячие головы. На доске лежала пятерка. Партию начал господин Алтынов. Он бросил две шестерки и закрыл главные ворота для прохода неприятельских фишек. Потом он бросил две четверки и воздвиг основные преграды на пути следования неприятеля.

Его броски были точными и обескураживающими. Музыка его мастерства и виртуозности околдовывала присутствующих. Братство шулеров поездов дальнего следования, очнувшихся от волшебства Юрия Алтынова, сомкнулось вокруг молодого человека, как овцы перед заклинанием сбиваются вокруг пастуха. Господин А. командовал игровой площадкой, как дьявол – преисподней. Взоры всех собравшихся сейчас в шестом купе были обращены на молодого человека, золоченые рты разинуты, на влажных воспаленных лбах выступил холодный пот. Господин Алтынов был вандалом! Дьяволом! То, что он делал, как играл, было про-

сто невероятно. Никто из присутствующих никогда в жизни такого не видел и представить не мог. Они стали подумывать, что попали в какую-то метафизическую ловушку.

Но было здесь одно поэтическое, одухотворенное лицо – Юлия Боярова. Она наблюдала за фантастической мощью своего героя, как очарованный зритель следит за королевской пластикой балетного танца Наталии Бессмертной.

Вдруг раздался телефонный звонок. Это была мелодия Вивальди. Господин Алтынов вытащил мобильник, извинился перед почтенной публикой, вышел в коридор и последовал в сторону тамбура.

«Повтори, я плохо понял, – прокричал молодой человек. – Что важнее, модемное сообщение или телефонограмма? – переходя на обычный тон спросил он. «Наш друг сообщил, что должны быть две версии, – звучал голос в трубке. – С компьютерным сообщением мы решим, но с центральной диспетчерской пока проблемы. Ее взять нам не удастся». – «Если не получится, – сказал господин Алтынов, – заплатите пятнадцать тысяч долларов, чтобы полностью отключить телефонную сеть центрального аппарата МПС». – «Ты забываешь, что сегодня праздник. Это осложняет дело. Трудно найти людей». – «Дай двадцать тысяч, но до того, как по модемной связи пройдет приказ об изменении маршрута, надо отключить все полностью. До пяти часов утра. Пока. Звони через час».

Молодой человек вернулся в купе. Его все с нетерпением ждали. На столе оставалась нетронутой куча долларовых купюр. В ней было больше пяти тысяч. Господин Алтынов вытряс организаторов игрального шоу основательно. Они угрюмо молчали, не зная, как быть дальше: для продолжения игры у них не хватало мужества, для проигрыша и добровольной отдачи такого капитала – благородства.

Юрий Алтынов собрал деньги. Первой купюрой у него была десятидолларовая, последней – стодолларовая. Потом он вложил эту пачку денег в целлофановый пакет и втиснул его в задний карман брюк. Теперь его сознание стала занимать новая интрига. Через несколько минут в их купе должна была подсесть куртизанка. Господин А. хотел обдумать сценарий общения с ней так, чтобы он способствовал окончательной победе над Бояровой.

«Что дальше, дамы и господа? Остался ли у нас предмет для дальнейшего общения?» – «Слюшай, ти правда хирург? Я нэ вэру. Пакажи дакумэнт». – «Мой диплом в отделе кадров института, других документов у врачей нет». – «Я нэ вэру!» – «Мне непонятна тема дискуссии. Если у вас есть вопросы по ведению игры или по ее итогам – пожалуйста, я готов ответить». – «Эсли би ми знали, что ти нэ врач, ми бы нэ играли. Ми играэм толко с врачами». – «Такая логика в медицине называется кретинизмом, по-французски Cretinisme. Заболевание характеризуется задержкой умственного развития или психической деградацией. Методика лечения отсутствует. Есть только диагностика и профилактика». – «Этот пранцузки мэния нэ интэрэсуэт. Пакажи дакумэнт». – «Зачем оскорблять инвалида. – На лице полной дамы появилась жалобная гримаса. – Я играла его деньгами». – «Я кампэсацию палучил за патэрианы дом в Гаграх. Что я жэнэ и дэтиям скажу, а?» – «Вы клоните к тому, чтобы я вам вернул деньги?» – «Да! А?» – «Господин Феррапонтов, но это же несправедливо. Я у вас честно выиграл. Так не поступают». – «Кто эта такой, гаспадин Фэрапонтов? Слюшай, дэнги май, а?» – «Отдайте им деньги, Юрий. Вы видите, что это за люди», – взмолилась Боярова. «Правильно, дочка, а?» – «Пропустите меня, пожалуйста, Юлия, к окну. От такого вероломства воздуха не хватает. – Алтынов протиснулся к потоку свежести. Он подышал, подумал, ос-

мотрел лица шулеров и обратился к Бояровой: Значит, вы хотите, чтобы я вернул этим господам деньги». – «Верните. Они не правы, но зачем вам нужен конфликт?» – «На работе все узнают». – «Хорошо. Мы подъезжаем к станции Миллерово, – молодой человек высунулся из окна. – Проезжаем двести пятьдесят пятый километр. Еще два километра, и будет вокзал. Некоторые врачи считают, что физические нагрузки – один из способов профилактики кретинизма. Вот, поезд уже тормозит. В окно виден башенный кран». В этот момент он вытащил из заднего кармана целлофановый пакет с деньгами, показал его публике и с силой вышвырнул из вагона. «Пусть потрудятся его найти. Это не столь уж сложно, только физически хлопотно. Необходимо пройти один-два километра. До свидания, нечестные жулики. Московский врач утер вам нос».

Публика с шумом бросилась на выход. Поезд замедлял ход и подходил к платформе станции Миллерово. Это был двести шестидесятый километр от Ростова.

«Какой мэззавэц, а?» – выкрикнул Коммунар Ильич, замыкающий выбегающую на перрон группу артистов. «Прошу прощения, милые барышни. Вот вам урок на всю жизнь. Вначале навязчиво пристают сыграть на деньги, а в финале требуют вернуть проигрыш. Совершенно не имел желаний вас удручать». – «Лихо вы пачку долларов выбросили, – совершенно неожиданно оживилась Эстер Дюкро, – у меня бы духу не хватило. Сколько там денег-то было?» – «Ей-богу, не считал! Видимо, тысяч пятнадцать-двадцать!» – «Ой, ужас какой! – Было видно, что молодая женщина чрезвычайно взволнована. – Мы тут за гроши служим, а вы такие огромные суммы в окно выкидываете». – «Юлия вовремя посоветовала вернуть деньги. С такими типами лучше не связываться. Если нам представится следующий случай, я обязательно прислушаюсь к вашему мнению».

Поезд «Тихий Дон» Ростов – Москва тронулся и стал набирать скорость. Вечерело, солнце почти спряталось за горизонт.

В купе постукали. На пороге стояла проводница Любовь Погоня. Ее лицо сияло от удовольствия: «В вашем купе новый пассажир. Ах, проходите, милая». Вошла высокая брюнетка. Ей было около двадцати пяти лет. Она была в белой блузке и кремовых брюках. Достаточно элегантная одежда, именно та, которую любят носить молодые барышни в столичных городах. У нее было красивое спокойное лицо, но совершенно безумные глаза. Казалось, что они лопнут от энергии страсти. Молодой человек решил выйти из купе. Он никак не мог найти время обдумать сценарий, связанный с появлением нового персонажа. Едва он оказался в коридоре, как к нему подошла Боярова: «Признайтесь, Алтынов, вы деньги не выбрасывали? Такой человек, как вы, должен был найти другой, более оригинальный ход». – «Я в вас влюбляюсь, – сказал господин Алтынов. – Вы не только красивы, вы чертовски умны. Именно такая женщина нужна мне. Пригласить на борт поезда священника?» – «Не поняла...» – «Чтобы нас обвенчали. На месяц, полгода?» – «Вы с ума сошли!» – «Я был бы счастлив прожить с вами в браке сто дней. Признаюсь откровенно, никогда бы не смог жить с одним человеком всю жизнь. А сто дней с вами были бы для меня сплошным счастьем». – «Я не понимаю, вы шутите?..» – «Вовсе нет! Не отказывайте мне, дорогая Юлия. Я действительно все больше и больше влюбляюсь в вас». – «Такой неожиданный проект... Дайте мне подумать». Он ее нежно обнял и шепнул на ушко: «Я вас люблю и оставляю для размышлений. Мне самому необходима минутка-другая».

В коридоре вагона появился разносчик воды и пива. От него сильно несло спиртным. «А шоколад есть?» – «Есть!» – «Получите за плитку». – «Когда вы будете обдумывать мое предложение, откусите шоколадку, и у вас будут сладкие ощущения. Тогда вам быстрее захочется сказать: “Да! Я согласна!”». – Он еще раз обнял ее и быстро пошел к тамбуру.

Господин Алтынов набрал номер мобильной связи: «Привет, дружище. Мне нужен крутой человек в городах Пенза, Красный Угол, Арзамас». – «Для каких дел?» – спросил голос. «О деле поговорим позже. Я наберу тебя через час».

«Что мне делать с этой куртизанкой?» – стал размышлять Юрий Алтынов. – Пора возвращаться в купе».

«Скучали?» – «Скучали!» – сказала Юлия. «Не то слово – скучали! Как вы могли оставить такую женщину, как я, одну, без вашего мужского внимания? – энергично начала незнакомка. – Этого еще никто себе не позволял». – «Мы даже не знакомы...» – «Это совершенно не важно. Когда мужчины видят такую женщину, как я, они забывают и откладывают все, чтобы угодить мне. Другого отношения к себе я не заслуживаю. Вы же, едва увидев меня, выскочили в коридор. Впрочем, я отходчива и вас уже простила. Но больше никогда не задирайте нос, красавчик. Садитесь рядом со мной. Вы меня заинтересовали. Начнем знакомиться? Я – Яна Врубельская».

«Очень красиво и приятно! Московский врач Юрий Алтынов». – «Юлия». – «Эстер». – «Знакомство с женщинами меня не интересует. Не надейтесь, что я желаю с вами общаться. Мне по душе ваш красавчик. Я отобью его у вас. После знакомства со мной он окончательно забудет, что в мире существуют другие женщины». – «Вы колдунья?» –

рассмеялся молодой человек. «Да. Хочу погадать по вашей руке. В жизни столько неожиданностей, что приходится каждый день начинать с оккультизма. Без изучения кофейной гущи я шагу не делаю. Вот давеча поутру смотрю в чашку – пустой день, но где-то далеко на полянке зайцы бегают. Ну, думаю, в обед еще осмотр потребуется. Зайцы – это к неожиданной работе. Выпиваю обеденную чашку, а кофейная гуща шелковой паутиной по всему фарфору. К удаче это. К неожиданной денежной работе. Проходит пять минут – телефонный звонок. Вызывают в командировку. И платят прилично. А если бы я гадать не умела? Пронеслась бы мимо заслуженная работенка. Ну, красавчик, дай руку». – «Может, и мне погадаете?» – поинтересовалась Дюкро. «Я барышням не гадаю. У них денег на это нет. А ты, черноглазый, клади на руку сто долларов». – «Сто долларов!» – поразилась Эстер. «Клади, клади. Иначе гадать не буду и накличу беду». – «Так ты ведьма или гадалка?» – опять рассмеялся господин Алтынов. «Я женщина в соку! Положи деньги и слушай меня. Вижу недолгую, но яркую, интересную жизнь. Вот, гляди: линия обрывается, а тут бугорки и мелкие-мелкие линии. Остросюжетная у тебя судьба, донжуан. Ладонь у тебя мягкая, как у барышни, пальцы длиннющие, как у пианиста. Ты не артист, случаем?» – «Я же сказал, врач... Хирург». – «Н-е-е-т! Похоже, что артист. С таким красивым лицом, такими яркими глазами, с такими женственными руками могут быть только артисты. А ты богат! Дай мне еще сто долларов, я тебе про твою душу все расскажу». – «О моем сердце вы мало что поведали, а уж о душе вспомнили». – «Так непозволительно о сердечных делах при посторонних изъясняться. Пусть барышни оставят нас на часок. Может, мы успеем с тобой любовь прокрутить. Ты, я вижу, мужчина страстный. Твои жгучие глаза прямо раздевают меня. Боюсь, не сдержусь, прямо при сви-

детелях любовный романс запою. Барышни, оставьте меня с красавцем. Ну что, вам завидно, что он на меня упал? Скажи им, артист, пусть оставят нас. Дай им денег, чтобы они в ресторане посидели, винца попили». – «Из купе мы никуда не выйдем», – категорическим тоном сказала Эстер Дюкро. «А чего так? Вы же сами говорили, что он вам чужой. Бросил двадцать тысяч долларов на ветер. Вы любить еще как следует не научились. Эх, красавчик, снимай купе. Отдамся я тебе вся, с предсказаниями утренней кофейной гущи и музыкой в сердце. На стыках колесные пары будут подбрасывать нас на седьмое небо. Торопись, не прогадаешь. Такую яркую женщину, как я, откроешь. Кучей денег меня обклеишь. Грудь у меня упругая, как теннисные мячики, а ноги длинющие, как рельсы железных дорог. Попадешь к ним – не выпустят, как мифическая Цирцея. Закажи бутылку шампанского и снимай купе. Я подарю тебе истинную радость любви. Я – волшебный гарант счастья!» – «У меня скоро венчание. Я уже помолвлен. Законы православия не позволяют мне. Что скажу я своей возлюбленной? Моя логика и философия в этом вопросе таковы: жениться надо на какой-то определенный срок. Например: сто дней. Так до тридцати пяти лет. Потом брачный союз можно увеличить до трех, пяти лет. Но в то время, пока ты в союзе, под присягой, под венцом, изменять возлюбленной нельзя. Влюбился в неурочный час – жди свое время свободы, потом уже делай что хочешь. Не могу я, страстная женщина, с тобой быть. В союзе я. Вот сто дней спустя, если сведет нас судьба, готов плясать я твой демонический танец до первых донских петухов».

«Дурень ты! Думай, до станции Россось семьдесят километров. Ай, пропустишь ты свой звездный час». – «Не в моем стиле отказывать женщине, но, увы, страстная вы моя...» – «Не понимаю я тебя, да ладно! Клади еще сто долла-

ров, чтобы бутылкой “Хенесси” заглушить душевную боль и плотские страдания. Дай я хоть обниму тебя разок... Но не как брата – как любовника. Целуй меня крепче, чтобы грудь моя трещала... Прощай, красавчик, я пошла в ресторан. Через сорок минут я упорхну от тебя, дай Бог, чтобы не на вечность. “Луна в оранжевой шали в кузню к цыганам спустилась...” Обожаю Лорку. Это он открыл женщину в Лене Дьяконовой... позже жене Сальвадора Дали. Пока!»

Экстравагантная дама вышла из купе. «Я вас провожу», – предложил господин Алтынов и пошел следом. – «Чудесно!»

Куртизанка и игрок остались один на один.

«Как?» – спросила она. «Великолепно! Высший класс!». – «Ты вышел, чтобы отобрать у меня деньги. Хочешь сказать, что мы так не договаривались. Но, красавчик, когда я в роли, это происходит помимо моей воли. Я согласна отдать тебе часть денег». – «Я и не думал обсуждать эту тему». – «Чего же ты хочешь? Я поняла, что ты доволен моей работой». – «Мне пришлось по душе твой профессионализм. Ты настоящая актриса. У меня может быть для тебя работа. Но она не связана с сексом». – «Мне все равно. В провинции денег нет. Я берусь за все. Что за работа?» – «Творческая». – «Писать стихи, петь в оперетте?» – «Озвучивать и исполнять роли». – «Кто автор пьес, сценариев? Бернад Шоу, Александр Островский, Фридрих Дюрренматт?» – «Юрий Алтынов». – «Прошу прощения, этот автор мне не знаком. Кто это? Какое время, жанр?» – «Это я сам! Время – современность, жанр – авантюрные фантазии, переходящие из детектива в театральное, поэтическое отбирание финансовых ресурсов». – «Чудесно! Я давно мечтала встретиться с таким автором. Традиционная сцена держит мастеров на голодном пайке. Где ваш театр?» – «Был в Ростове. Теперь переезжает в Москву». – «Труппа большая?» – «Я создаю камерный театр. Один автор, он же

режиссер, два артиста на сцене. У одного роль ангела, у другого – дьявола. Финальные сцены провожу всегда только я». – «Думаешь, сможешь унести больше, чем такая женщина, как я?» – «Таков закон жанра!» – «Какое довольствие имеют твои актеры?» – «Пяти-шестизначные цифры». – «В рублях?» – «В долларах». – «Ой! Чудеса какие! Сколько длится одна пьеса?» – «Как Всевышний этого пожелает». – «На что жить артисту до финальной сцены? Профсоюзы распались. Пособие по безработице не выплачивается». – «Помесячная фиксированная ставка. Одна тысяча долларов плюс двухкомнатная квартира. Водитель по вызову. Абонемент в элитный спорткомплекс «World Class». Пятнадцать процентов от чистой прибыли». – «Эти расходы будут высчитываться из творческого гонорара?» – «Умный, финансовый вопрос. Считаю справедливым при расчете дисконтировать кредитование на пятьдесят процентов». – «Чудесно! Даже не верится. Сказка! Кофейная гуща мне этого не обещала. Планировала заработать сто, ну двести долларов. А заработала – роскошную жизнь. Скажи откровенно, между нами, артистами, где все-таки подвох? Где спрятана черная кошка?» – «В личной жизни». – «Что такое?» – «Никакого секса. Ни по консервативной, ни по альтернативной версии». – «Я насытилась этим делом на годы вперед. Сегодня только этим кормимся. Но ты, Алтынов, чудовище! Я же женщина. Мне только двадцать три года! А что, если?..» – «Только с моего согласия. Ты принадлежишь мне вся – душа и тело. Такова суть нашей профессии. Когда режиссер дает тебе роль соблазнительницы банкира N. – только тогда ты обязана отдать ему свое тело. Обязана! «Любовь»? – забудь это слово на два года. Я решил заключить с тобой двухгодичный договор. Без юристов и нотариусов». – «Когда первый рабочий день?» – «Сегодня! Вот, получи тысячу долларов!» – «Нет! Директор, я не

возьму. Я ночью должна возвращаться назад, на станцию Миллерово. Боюсь. Меня же там встречает охранная служба. Если обыщут, может очень скверно кончиться. Давай так: я приеду в Москву и получу там свою первую зарплату. Счетчик включен с двенадцатого июня». – «Договорились. С этого листка спиши мой мобильный телефон и оставь свой. Кстати, как твое настоящее имя? Назови все свои данные». – «Я не врала – Яна Врубельская. Дата рождения: пятое марта тысяча девятьсот семьдесят седьмого года. Миллерово. Окончила Ростовское музыкальное училище по классу фортепиано в тысяча девятьсот девяносто пятом и Воронежский театральный колледж в тысяча девятьсот девяносто девятом». – «Невероятно! Я тоже родился пятого марта, но двумя годами раньше. Хорошее знаменье, гадалщица?» – «Чудесное. Рыбы – лучшая людская версия». – «Целую тебя. До встречи!» – «Пока, директор. Звони, а то я буду думать, что меня надули. Поверь, горько заплачу».

Они расстались.

Наслаждаясь своей самодостаточностью, молодой человек шел по коридору. Из служебного купе его окликнули. Это была проводница Любовь Погоня. Она одиноко сидела за своим столиком и медленными глотками потягивала «Амаретто». «Как твои дела, Алтынов? Все богатые пассажиры степенно посиживают в купе, пьют дорогие напитки, общаются с красивыми дамами, а ты носишься как заведенный. Ах, я тебе такую барышню приготовила, не налюбуйешься, европейский стандарт. А ты, я гляжу, бросил ее. Из соседнего вагона богатые армяне предложили мне только за знакомство с ней двести долларов». – «Ну а ты?» – «Ах, потеряла гроши. Привела ее к тебе, как обещала. А ты дал мне только сто. Через двадцать минут Россось. Она выходит». – «С чего ты взяла, что они богаты?» – «Ах,

наивный, сентиментальный человек! Я на этом маршруте уже пятнадцать лет тружусь. О пассажирах могу книгу написать. Ах, это очень богатые люди. Они едут в третьем купе. Во втором и четвертом у них охрана. Двое постоянно стоят по сторонам снаружи, другие дежурят в купе по соседству». – «Интересно... – мечтательно протянул господин Алтынов. – Любаша, а ты молодец. Дай я тебя в щечку поцелую». – «Ах, в щечку. Ты бы со мной остался. Что тебе этот ребенок в веснушках?»

«Госпожа Погоня, у меня дельце одно в голове созрело. Иди к своим армянам и скажи, что уговорила длинноногую красавицу в белом костюмчике. Они белый цвет не меньше, чем женское тело, любят. Бери с них свой двухсотдолларовый гонорар, а я ее приведу. Скажи им, что она, дескать, согласилась потому, что разговор о спонсорстве ее концертной деятельности пойдет. Ну давай, за работу! Я побежал в ресторан!» – «Что опять надумал? Уверен, что приведешь? Ах, гонораром я ни с кем делиться не стану! Понял?»

Перед тем как нестись в ресторан, господин Алтынов заскочил в шестое купе и бросил прямо с порога: «Юленька, пожалуйста, выйди на секунду!» – «Дорогая, у меня срочный вызов к пациенту в соседний вагон. Какому-то чиновнику из иностранного ведомства с сердцем плохо стало. Я ненадолго. Не скучай. Я все же вызвал священника. Целую. – Он быстро залез в свой дорожный чемодан, достал из него небольшую коробочку. – Медикаменты», – бросил он Бояровой и вылетел из вагона. «Что случилось?» – спросила Эстер Дюкро. – «В соседнем вагоне человеку плохо стало», – как-то не очень уверенно произнесла юная красавица.

Господин Алтынов торопился в вагон-ресторан. У него созрел сценарий одноактной пьесы, и он срочно хотел предложить в ней заглавную роль госпоже Врубельской.

Она величественно сидела в ресторане, окруженная самыми разными мужчинами, и что-то очень увлеченно рассказывала. Речь шла о музыке, обсуждались какие-то эпизоды из жизни Чайковского. Мужчины безостановочно смеялись, а Яна принимала различные комические позы, и с ее языка лился рассказ. Молодой человек подошел к ней сзади и дотронулся рукой до талии. Яна Врубельская уже была готова дать затрещину нахалу, но, обернувшись, бросилась ему на шею: «Что случилось, директор?» Он взял ее под руку и отошел на несколько шагов: «У меня готов пилотный сценарий. Необходимо срочно провести прослушивание и адаптацию текста. Выйдем в тамбур». – «Несусь!» – воскликнула она.

«Итак, уважаемые господа, – обратилась Врубельская к публике, – если бы Чайковский родился в Америке, а не в России, он обязательно стал бы банкиром, а не композитором. Больше всего наш гениальный предок любил тишину. А тишина, как известно, – это царство денег. Кто, господа, заплатит по счету известной артистки России?» – «Я», – выкрикнул один. «Мы», – выдохнули другие. «Не думай об этом», – застучали по столу третьи. «Чудесно. Здорово, когда господа платят за дам. Мне было прекрасно с вами. Жаль расставаться. Пока! Пока! – Врубельская оставила захмелевшую компанию и быстро направилась к господину Алтынову. – Пилотный проект, ты сказал?» – «Это небольшая, но веселая одноактная пьеса. Действующие лица: два очень богатых, пока неизвестных армянина. Скажем – два коммерсанта. Проводница купейного вагона. Эту роль готова сыграть Любовь Погоня. И два молодых артиста: красивая интеллигентная юная дама, будущая звезда эстрады России, и ее кузен, взбалмошный молодой человек, проигравший в поезде большие деньги и мечтающий взять реванш. Сюжет: армяне просят проводницу познакомить их с кра-

сивой музыкантшей. За услугу платят двести долларов». – «Круто!» – «Но дама стоит больше!» – «Grazie, dottore!» – «Prego, signora!» – «Служащая Российских железных дорог уговаривает красавицу с длинными ногами познакомиться с крупными предпринимателями. Предмет общения – вопросы спонсорства карьеры талантливой актрисы. Возникает очень милый диалог. Красивые надежды, возвышенные чувства. Красавица читает Гарсиа Лорку, Тютчева, Саят Нову. Русская красавица влюбляет в себя армянских кавалеров. В этот момент появляется молодой человек, который в соседнем вагоне проиграл крупную сумму денег. Чтобы продолжить игру, он вымаливает деньги у своей кузины. Она ему отказывает. Он в залог предлагает ей кольцо с бриллиантом. Размер камня – два с половиной карата. Чистота – ангельская: один – один. Голубая вода. Лучшие ценители бриллиантов в мире – армяне, но чемпион по мистификации – герой пьесы. Цена камня – пятьдесят тысяч долларов. Он просит у кузины пятнадцать. Кузина отказывается брать залог и дает ему только две тысячи. Кстати, положи к себе в сумочку две тысячи USD. Армяне осматривают бриллиант, предлагают семь. Договариваются на десять тысяч долларов. Финальная сцена: доллары в одном кармане героя пьесы, драгоценный камень – в другом. В этот момент поезд меняет направление движения – крупнейшая авария – и идет по маршруту на восток. В вагонах паника – не до любовных историй. Армяне недовольны, что с красоткой ничего не получилось, но утешены, что оболванили проигравшегося русского. Занавес! Аплодисменты. В туалете, перед снятием грима, мужчина и женщина, родившиеся пятого марта под знаком Рыб, делят гонорар за сыгранные роли».

«Чудесно! Я еще никогда не исполняла роль начинающей звезды эстрады, но всегда мечтала об этом. Можно во-

прос к автору пьесы? У меня предложение изменить одну сцену, сделать ее более выразительной». – «Какую?» – «Будущей звезде понравился этот алмаз. Она своими чарами гипнотизирует кавалера, и он дарит ей кольцо со словами: «Этот скромный подарок – залог нашей великой любви». – «Идея замечательная! Bravo! Но сцена неубедительна – по национальному признаку. Перед героиней – армяне, очень рациональные люди. Они любят женщин, но сходят с ума по бриллиантам. Если бы героями пьесы были грузины или евреи, сцена была бы потрясающей по эмоциональности. Героине можно было бы пустить слезу, а герою кровь – в знак вечной верности. Поскольку автор пишет сценарий буквально на ходу, у него самого есть некоторое дополнение к сценарному плану. У героев пьесы за кулисами сцены многочисленная охрана. Тебя к ним пустят, меня – нет. Необходимо обозначить, но очень нейтрально, существование своего кузена. Примерно так: “Я так беспокоюсь за своего брата, он очень азартный мальчик. Если он меня будет искать, скажите, пожалуйста, чтобы его на пару минут пропустили ко мне. Он такой болезненный”». – «Великолепно!» – «Но необходима ключевая, завершающая фраза. Последнее слово в финальной части. Мое предложение таково – героиня с пафосом в голосе говорит: “Наши русские мужики – это одно несчастье. Пьяницы, наркоманы, лентяи. Ни любовник не поддержит, ни брат – оба сидят на шее!”».

«Очень эффектно и убедительно». – «Чтобы омыть бальзамом армянскую душу, героиня может продолжить, как бы мечтая о будущем: “Говорят, лучшие любовники армяне! Вот бы мне только одного, честного”». – «Чудесно! Я согласна, так будет более убедительно, с мечтательной перспективой. Кстати, можно посмотреть бриллиант?»

Господин Алтынов открыл коробочку. В ней были две другие. «Это настоящий? Чудеса! Какая божественная игра!

А здесь что?» – Госпожа Врубельская не могла оторвать взгляда от бриллианта. «Страз, или муляж. Подделка». – «Да? Но мне он тоже нравится. Что за камень?» – «Цирконий. У нас мало времени. Публика ждет артистов. Действие спектакля началось. Любовь Погоня уже раскошеливает героев пьесы. Теперь твой выход – надежда российской музыки». – «Сейчас станция. Плохая примета – начинать диалог на остановке. Мой выход прошу объявить после отправления. Люблю работать на движущейся сцене. Один вопрос, директор. Что, если они предложат мне больше, чем мы выиграем в финале спектакля? Ну, скажем, у героя рождается прекрасная идея или деловое предложение. Он смотрит на героиню пьесы и говорит: “Я дам тебе, девочка, двадцать пять тысяч долларов. Устрой мне медовую ночь. Покажи, как может любить русская женщина”. Как быть? Двадцать пять тысяч долларов лично мне, а другая, меньшая сумма за работу с камнем – на нас двоих?» – «Теоретически это возможно. Запомни, Яночка! Я артист, я игрок. Игрок в каждой мелочи, в каждой сцене реальной жизни. Без игры я труп. Деньги для меня вторичны, главное – перманентное творчество. Non stop. Двадцать четыре часа в сутки – игра. Игра тотальная. Я играю на поле Бога, на площадках дьявола. Я играю даже с самим собой. Левая рука играет против правой. Мое сердце играет против собственной души. Я играю во сне, в постели, с песней любви и чувством ненависти, играю с детьми и стариками, с близкими и неизвестными. Моя смерть будет последней разыгранной мной пьесой. Если ты хочешь быть рядом со мной, ты должна сохранить только одно, но самое главное – абсолютную преданность профессии. Необходимо срочно менять свою ментальность. А путанство забудь напрочь! Ты становишься игроком! К слову, о финансах. По-моему, я четко обозначил твою часть – пятнадцать процентов. “Пополам” – удач-

ная гипербола. Я начинаю ценить твой юмор». – «Я тебя люблю, директор! Я научусь играть. Я буду играть против тебя. Я научусь побеждать тебя. Ха-ха-ха!» – В этом признании барышни Врубельской было что-то действительно демоническое.

Стало совсем темно. Поезд тронулся и покатил на север.

«На сцену, будущая звезда музыкального мира!»

Игроки направились исполнять свои роли.

«Ах, где вы так долго? Они вас ждут». – Проводница Погоня встретила их в тамбуре. «Минутку. Как зовут родственников? Кузен и кузина должны знать друг друга. Иван и Жанна Бородины». – «Чудесно! Главное, очень убедительно». – «Через сорок пять минут мой выход. На исполнение своей роли я отвожу себе пятнадцать минут. Потом начнется хаос. Вперед!»

«Приветствую вас, господа коммерсанты». – На лице барышни Врубельской сияла обворожительная улыбка. «Вах, шат лавем то, очень красивый девушка – захадите. Мы ждем вас». – «Вы меня узнали? Я Жанна Бородина, исполнительница классической музыки на фортепиано». – «Да, да! Канечна, знаем. Как ни знаем, то. Канечна. Меня завут Самвел, маего друга завут Спартак. Просим вас быть нашим гостем. Вах, шат лавем, то». – «Как отмечают музыкальные критики, мне особенно оригинально удастся играть Моцарта: “Притворную простушку” и “Волшебную флейту”. На фестивале в Зальцбурге, в Австрии, на родине композитора, я была третьей. Во французском городке Бон, в Бургундии, на фестивале музыки Клода Дебюсси, я играла мистерию “Мученичество святого Себастьяна” и стала второй лауреаткой». – «Очень харашо. Мы знаем. Читали, да». – «Я вас по телевизору видел, – вмешался Спар-

так. Он говорил без акцента. Это был мужчина лет пятидесяти, с седеющей бородой и хищными глазами. Внешне он понравился Врубельской, и именно его она избрала в качестве мишени для своих чар. «Вы удивительные, вы редкие люди! Вы интересуетесь классической музыкой. Образно говоря, вас можно отнести к реликтовому этносу. Нынче большинству нравится пустая невыразительная эстрада. Я, как, видимо, и вы, очень огорчена этим массовым безвкусным искусством». – «Арама Хачатуряна вы играете?» – спросил Спартак. «Я многие вещи Арама Ильича знаю и люблю. Особенно мне по душе поэтическая музыка к балету “Гаяне” и к фильму “Зангезур”». – «Вах, слушай, все знает!», – очень искренне удивился Самвел. «Мне сказали, что вы готовы спонсировать некоторые мои концерты. Я не так часто выступаю на столичной сцене, еще, как говорится, молода, но при незначительной финансовой поддержке залы областных центров были бы распроданы до последнего билетика». – «Ви замужем?» – Самвел вытер вспотевший лоб. «У меня есть друг». – «Какова стоимость проведения одного концерта?» – Спартак был более деликатным. «В областном центре, например в Саратове или Екатеринбурге, все вместе – реклама, афиши, персонал, зал, освещение, транспорт – стоит десять-пятнадцать тысяч долларов. Реализация билетов покрывает лишь тридцать процентов затрат. Дефицит расходов над доходами можно легко подсчитать». – «Вах, слушай, целое состояние. Садитесь ближе к столу. Столько вкусных вещей у нас. Пакушайте, выпивайте лучший коньяк в мире “Эребуни”. Нельзя все время а работе гаварить. Если вы не против – давайте атдыхать».

Трудными орешками оказались эти деловые люди. Генеральная линия пьесы, написанная Алтыновым, сохранилась и имела хорошие перспективы. Но попытки получить

дополнительные дивиденды натывались на мужское самолюбие и принципиальность: вначале ваше внимание, а уж потом все другое. И они якобы гарантируют дальнейшее своим очень честным словом. Поскольку тема, интересовавшая их, для госпожи Врубельской была совершенно неактуальной, она вела светскую беседу, лишь заполняя отведенное время. Финал и развязка приближались. Врубельская говорила о спонсорстве – деловые люди призывали к потехе, она рассказывала об искусстве – они поэтизировали армянские блюда, она искала чистой, высокой любви – они высказывались о формах женского тела и индустриализации секса.

Господин Самвел хотел предложить красотке из музыкального мира крупную сумму за определенные удовольствия, но никак не мог решиться обозначить конкретную цифру. Вначале он готов был подарить ей новый «мерседес». Потом подумал, что двухгодичный автомобиль – подарок тоже очень стоящий. Затем ему пришло в голову, что лучше платить ей ежемесячно, чтобы она всегда была рядом. «Почему я не магу купить себе адну красивую женчину, то?» Но всякий раз мечты господина Самвела натывались на ценовой вопрос. «Слушай Самвел, – говорил он сам себе, – сколько такая красивая женчина стоит?» Этот, казалось бы, простой вопрос он никак не мог для себя решить. Спрашивать Спартака он не хотел. Он не совсем доверял ему. Он знал, что тот или очень сильно поднимет цену, чтобы потом весь Ереван смеялся, что Самвел купил русскую девушку за пятьсот тысяч долларов, а за такие большие деньги можно купить целый гарем из пятидесяти украинок, грузинок, молдаванок, белорусок, эфиопок, казашек. Или скажет, что такая девушка стоит тысячу долларов, а потом вся Армения будет смеяться, что Самвел такой скряга стал, что за самую лучшую, самую красивую русскую красавицу

предложил всего лишь тысячу долларов, когда только ее маникюр стоит дороже. Поэтому она плюнула ему в лицо и ушла. И так поступила бы всякая приличная женщина. Вот такие страшные переживания происходили в душе господина Самвела.

А Спартак думал о другом. Он знал, что через пятнадцать-двадцать минут после ста граммов коньяка Самвел заснет. И тогда он, Спартак, сделает этой красивой молодой женщине такое предложение, от которого та никогда не откажется. Спартак вспомнил, что он везет в Москву своей племяннице на свадьбу сапфировое колечко. Правда, сапфир не очень большой, всего 0,4 карата. Но всегда можно сказать, что он стоит тридцать тысяч долларов. Кто будет оценивать! А охранников можно переселить. «Вся ночь твоя, Спартак», – то и дело мелькала у него сладчайшая мысль.

Скорый поезд «Тихий Дон» Ростов – Москва мчался на север и приближался к станции Лиски.

Тем временем Юрий Алтынов набирал новые и новые телефонные номера и подолгу разговаривал по мобильному аппарату. К этому часу выяснилось следующее: начальник станции Лиски в двадцать три часа двадцать минут получит срочное модемное сообщение, что в связи с крупной железнодорожной аварией все поезда, идущие на Москву, необходимо переадресовать по маршруту Поварово – Пенза – Красный Угол – Арзамас – Нижний Новгород. В этот же момент такие же сообщения получают дежурные перечисленных станций. Это обошлось ему в семнадцать тысяч долларов США. С центральной диспетчерской МПС ничего не получилось. Поэтому сейчас началась процеду-

ра ее полнейшего телефонного отключения. Тотального! Значит, и резервного тоже. Но этого оказалось недостаточно. Потребовалось отключить всю телефонную систему Волжской железной дороги, на территорию которой должны быть переадресованы поезда, идущие на Москву. Эта акция обошлась ему в тридцать тысяч долларов. Но господин Алтынов был увлечен игрой и совершенно не думал о деньгах. Они его меньше всего интересовали. Успешная развязка железнодорожной затеи спровоцировала господина Алтынова на обдумывание совсем другого, не менее потрясающего проекта. Глаза его сверкали вдохновением. Казалось, в этом мире не существовало ни одной женщины, которая смогла бы сейчас устоять перед такими глазами.

Впрочем, была и неудача: в этот праздничный день двенадцатого июня двухтысячного года никак не могли найти священника. Но это неудобство совершенно не смущало его. Надо было помнить о ментальности господина А., который не раз говорил и доказывал, что в творческом порыве он играет с самим собой. Так вот, именно сейчас можно было слышать по телефону такой необыкновенный пассаж, адресованный какому-то его корреспонденту: «Если нет священника, найдите артиста, сутану и крест на цепи, Библию, два кольца, на которых должно быть выгравировано: “100 дней верности. 13 июня 2000”, кассету с торжественной церковной музыкой и два венца из любого материала, пусть даже из васильков, и тащите все на пензенский вокзал в двенадцатый вагон скорого поезда номер девять «Тихий Дон» Ростов – Москва. Но ни в коем случае не говорите священнику, что я знаю, что он не церковник, а артист. Да! Еще понадобится столик, можно раскладной, даже матерчатый, вместо аналая, кусок красного сатина или батиста, и обязательно иконка!»

Да, господин Алтынов нередко играл с самим собой и испытывал при этом большое профессиональное удовлетворение.

Молодой человек посмотрел на часы и сказал себе: «Ваш выход, маэстро!»

Юрий Алтынов входил в роль быстро, как дипломированный актер. Его лицо вдруг стало бледным и болезненным, глаза покраснели, потекли слезы, нос распух от обиды. Это был уже не господин А., а герой пьесы Иван Бородин. Охранник открыл ему дверь в третье купе, и он, обливаясь слезами, упал на колени перед своей кузиной Жанной Бородиной.

«Вах, это что такое?» – изумился Самвел.

Спартак вытаращил глаза и онемел.

Герой пьесы плакал и проклинал свою горемычную судьбу. Его страдальческое лицо вызывало сильные душевные переживания у присутствующих. «Кузина, – сквозь слезы говорил он, – я проигрываюсь, одолжи мне денег, я клянусь, я обещаю тебе все вернуть. Ты знаешь мою натуру – я никому не должен». – «Я все отдала тебе, Ванечка. Я даю тебе свою наличность, а ты возвращаешь мне отцовский антиквариат. В прошлый раз взял у меня займы семь тысяч долларов, а вернул мне вазу Фаберже...» – «Но, дорогая, – обливаясь слезами, говорил молодой человек, – эта ваза стоит сорок пять тысяч долларов. Не погуби, сестра, дай мне денег». – Герой постановки, обхватив ноги кузины, безутешно рыдал.

Когда коммерсанты поняли, что речь идет о деньгах и кредитах, они сразу притихли.

«Мне жаль тебя, но я не в состоянии помочь. У меня есть деньги, но они мне нужны для организации концерта в Воронеже. За мной стоит коллектив... – очень натурально возражала будущая звезда эстрады. «Дай денег, или я по-

кончу с собой. Я не переживу позора, если окажусь неплательщиком. Да они сами сбросят меня с поезда». – «Может, тебе спрятаться...» – «Как можно убежать от своей чести! Дай мне денег, Жанночка, спаси меня!» – Слезы ручьем текли по его лицу. Господин Самвел был, видимо, сентиментальным человеком, ему было очень жаль рыдавшего. Но филантропических чувств он совершенно не знал, а потому лишь наблюдал эту трогательную сцену.

«Я оставлю тебе залог. Это один из лучших семейных бриллиантов, гордость алмазодобывающей промышленности отечества». – «Я не кредитное учреждение, Ванечка, у меня нет денег». – «Взгляни, такой бриллиант стоит семьдесят пять тысяч долларов. Здесь два и семь карата. Чистейшая характеристика. Голубая вода. Дай денег, Жанка!» – «Я мало что понимаю в драгоценных камнях. – Кузина Бородина взяла кольцо и стала рассматривать бриллиант. – Конечно, камень бесподобный. Фантастика! – Она как бы между прочим передала его Спартаку. – Вы разбираетесь в бриллиантах?» Господин Спартак взял кольцо и был ошеломлен его качеством и красотой. Он понял, что этот минеральный шедевр никому больше не отдаст. Он будет принадлежать только ему. Спартак торопливо достал из портфеля фонарик и стал старательно просвечивать бриллиант. Поезд подходил к станции Лиски. «Ванечка, – кузина Бородина открыла свою сумку, – вот все мои деньги... – Она вытащила пачку долларов и передала их господину Самвелу: – Дорогой друг, я вся в волнении, пожалуйста, пересчитай». – «Спасибо, сестрица», – с новой силой зарыдал герой пьесы. «Сколько там денег?» – спросила пианистка. «Две тысячи триста долларов, красавица». – «Иван, в последний раз, вот, возьми две тысячи. Ты меня оставляешь с тремястами долларами. Позор!» – «Мне нужно пятнадцать!» – взмолился молодой человек.

«Чтесневац кхар а. Ес кянкхумес эсенц кхар чем тесе. Эт тесак адаманд Хайястанум харур хазар доллар аржи. Эт наркоманын ес тх хазар касем»⁷.

«Хла цуйс тур. Ха шат энтыр кхар а. Ес ксан хазар ктам»⁸.

«Вай, инч эс асум. Ес араджинан аси вор узум эм эт адамандн арнел. Тес, ес бан чунем аселу. Байц ми хангари, узум ем арутур анел, ес эт кхар а карнем»⁹.

«Жанночка, эти деньги меня не спасут. Я знаю, у тебя должны быть деньги. Возьми бриллиант. Завтра в Воронеже ты продашь его за пятьдесят тысяч долларов...» – «Откуда у вас такой камень?» – осторожно начал господин Спартак. «Да вам-то что до этого?» – «Иван, это мои друзья». – «Мой отец всю жизнь проработал в фирме “Русалмаз”, был главным инженером Третьего обогатительного комбината в поселке Мирный, в Якутии». – «Все понятно. Я дам вам за этот бриллиант очень хорошую цену, вы получите немедленно семь тысяч долларов». – «Никогда! Вы предлагаете мне лишь десять процентов его стоимости. Это очень нечестно – пользоваться несчастьем ближнего!»

«Ми ерек хазар эл тур дран. Чтесневац кхар ес арнум. Ес дра нман чем тесе. Мер катагхикос Вазгени мот эл тенц кхар чкар»¹⁰.

⁷ Совершенно уникальный камень. Я ничего подобного никогда не видел. Такой бриллиант в Армении сто тысяч долларов стоит. Я предложу этому наркоману семь тысяч (*арм.*).

⁸ Покажи мне! Действительно гениальный камень. Я дам двадцать! (*Арм.*)

⁹ Дорогой друг. Я первый сказал, что хочу купить этот бриллиант. Не мешай мне. Смотри, я ничего не имею против. Но не мешай торговаться, я его куплю (*арм.*).

¹⁰ Дай ему еще три тысячи. Великий камень покупаешь! Я ничего подобного никогда не видел. Даже в коллекции католикоса Вазгена такого не было (*арм.*).

«Микхич арутур аненкх, хай ес?»¹¹

«Дайте кольцо назад, – резко сказал Иван Бородин, – я попытаюсь уговорить бандитов, чтобы они взяли кольцо за десять тысяч. Может, даже дороже». – «Нет, кольцо я вам не дам», – упрямо сказал Спартак. «Как “не дам”? Это мое кольцо! Что у тебя за друзья, Жанка? Что, привести сюда бандитов?» – «Спартак!» – взмолилась пианистка.

«Гхал магхал мез теткх чи. Тур индз, тенумэс вонц а горум? Ес кхез кокхнем эт кхар а хангист арнел»¹².

«Тхкхел ем ес драңц вра. Черс зинвац ка хетес?»¹³

Господин Самвел передал кольцо возбужденному, заплаканному Ивану Бородину. Поезд остановился у платформы станции Лиски.

«Дарагой, успокойся. Мы тоже горячие люди. Давай мы даем тебе десять тысяч долларов, а ты даешь мне камень». – «Опять я помогла тебе решить твои проблемы... Мои друзья покупают у тебя бриллиант, и ты решаешь свои проблемы. Но когда ты прекратишь играть? Боже мой...» – «Деньги у них при себе? Когда они будут расплачиваться?» – «Минутку! Спартак, етхе пхогха чес тали, ес инкхас карнем»¹⁴.

В этот момент раздался телефонный звонок. Молодой человек включил мобильник: «Да! Я уже иду... Через пять минут вернусь».

Тем временем Спартак достал пачку долларов в оригинальной упаковке – десять тысяч! «Пусть дает кольцо». – «Он говорит по телефону с бандитами. Секунду». – «Что,

¹¹ Дай поторговаться. Что ты, не армянин? (*Арм.*)

¹² К чему нам скандал? Отдай его мне – видишь, он кричит как резаный. Я помогу его тебе спокойно купить (*арм.*).

¹³ Чихал я на этих бандитов. У меня четыре вооруженных охранника (*арм.*).

¹⁴ Спартак, брат мой. Мы возьем огромные деньги. Остынь. Я тебе помогу (*арм.*).

есть деньги? Покажите!» – Молодой человек взял пачку, понюхал, бросил ее в карман и отдал кольцо.

«Спартак! Говорят, лучшие любовники в мире – это армяне. Я мечтаю иметь одного из них – честного». – «Возьми меня, дорогая», – вцепившись в бриллиант, сказал Спартак. «Пачему не меня? Все тебе! Гениальный камень – тебе, красивая женчина – тебе. Ара, совесть надо иметь. Жанна, выбирайте меня...»

В купе торопливо постучали. Охранник доложил, что в Москву проезд закрыт – крупная авария. Поезда посылают в Пензу, на восток. «Ара, как Пемза? Что такое Пемза? – У Самвела отвисла челюсть. – Где правадник то, пазави на чальника».

Охранник подвел двух проводниц. Одной из них была Любовь Погоня: «Вы хотите знать, что случилось? Крупная авария. Москва закрыта. Все поезда посылают на Волжскую железную дорогу». – «Ара, какая Волга?» – вскричал господин Самвел. «Спартак! Поцелуй меня на прощание очень крепко. Я жду тебя. Меня найти несложно: Воронежская филармония, Жанна Бородина. – Она подошла к нему, взяла за руку, в которой было плотно зажато бриллиантовое кольцо, и обнялась с ним. – Пока!» – «Мы тоже будем выходить. Ара, зачем нам Волга. Завтра нада быть в Маскве. Срочно выходим!» – засуетился Самвел.

Артисты камерного театра вышли из купе коммерсантов.

«Счастливо, господа. Я полюбила Спартака как кавалера, а Самвела как друга!» – «Ара, красавица, надо наоборот делать», – Самвел обнял молодую женщину.

«Вразел а петх. Вагхе петкх а Москаваюм линенкх. Шат мец пхогхер эн фррум. Мекхена пти верцененкх»¹⁵.

¹⁵ Необходимо торопиться. Мы должны завтра быть в Москве. Речь идет о больших деньгах. Найдем автомобиль (арм.).

Коммерсанты и их охрана стали собирать вещи.

В вагонах поезда и на перроне царила паника. Все толкались, сбивали друг друга с ног, совершенно не понимая, куда направиться, к чему прибиться. Возмущение было всеобщим. Сумятица толпы очень быстро перерастала в неразбериху, в гнев и возмущение. Поднялся невообразимый шум, слышались ругательства, непристойности и проклятия. Но никто толком не знал, что произошло и по какому маршруту будут направлены поезда, идущие на Москву. Именно в таких условиях среди возбужденной толпы рождаются слухи и сплетни. Погибло столько-то, ранено значительно больше...

Впрочем, пора вернуться в двенадцатый вагон, в шестое купе.

Юлия Боярова ждала господина Алтынова. Его отсутствие она чувствовала теперь всей душой. Ей становилась все более безразлична история, связанная со специальной миссией. Она отходила на второй, на дальний план. Она вытеснялась из сознания фразой, словно бы вскользь брошенной господином А.: «Я пригласил на борт поезда священника для нашего венчания». «Он сумасшедший, – думала барышня, – он какая-то бестия. Приглашать попа в вагон для брачного обряда? Тотальное помешательство! Но что делать, как себя ввести, если он действительно доставит священнослужителя в поезд? А он наверняка осуществит свою идею. Его совершенно безрассудные мысли о браке на сто дней – это насмешка, издевательство или искреннее намерение? Согласиться, позволить себя мистифицировать и в процессе совместного проживания наблюдать за развитием событий или включиться в эту игру чувств и безрассудства? Собственно, чем я рискую? Я хочу быть с ним, я влюбилась в молодого врача и отъявленного повесу одновременно. Он волшебник или авантюрист, он святой или прохвост,

он Бог или дьявол? Но я влюбилась в него, я хочу, я жажду быть с ним. Если ради денег я дала согласие на дорожную авантюру, таящую в себе, видимо, серьезнейшие проблемы с законом, то имею ли я право пренебречь его пусть сумасшедшим, пусть фантастическим предложением венчаться прямо здесь, в поезде? Конечно, нет! И еще раз нет! Даже если предстоящая процедура – его игра, вымысел. Я отдам себя полностью во власть его фантазий и грез, приму любое его предложение. Сто дней счастья – отличная монета в копилку собственной судьбы. Пусть всего сто дней!»

«О чем мечтаешь, подруга?»

Ей совершенно не хотелось отвечать, вести разговор со своей партнершей по экспедиции. Она с нетерпением ждала господина Алтынова, а его все не было. «Юлия?» – «Я думаю о завтрашнем дне. Что делать дальше?» – «Сегодня поздно ночью получим гонорар – по триста долларов. Завтра можно потаскаться по бутикам. Мечтаю купить себе купальник из коллекции “Дикая орхидея”. Честно говоря, до конца июля я готова сделать еще три рейса. Подзаработаю денег и поеду отдыхать в Анталию. Поедешь?» – «Видимо, нет». – «Ты все об Алтынове?..» – «Каждый о своем. Но спецкурьером я больше выступать не хочу». – «Где найдешь работу, на панели?» – «А что, совсем неплохая альтернатива для нарушительницы Уголовного кодекса. С панели в каталажку не забирают. А из нашего бизнеса – прямая дорога в тюрьму». – «Здесь – каторга, там – СПИД!» – «Как найти себя молодой женщине? Устроишься к хозяину – в лавку, в бутик, в ресторан, пиццерию, – везде он желает получить не только твое умение и знания работника, но и твое тело. Государственной службы почти нет, но кому удастся устроиться в мэрию, к муниципалам, в федеральное ведомство – тот должен жить со столоначальником. Иначе выгонят. Заняться наукой без спонсора-любовника невозможно, нет

государственного финансирования, стипендии хватает на два дня питания; наняться к бандитам – от них ведут две дороги: в тюрьму или в могилу, самостоятельно вести бизнес – необходимы финансовые ресурсы. Круг замыкается. Любой выбор – отрицательный. Остается только уповать на сказочный сюжет сновидений – встретить богатого принца, который влюбится в тебя и на руках унесет в счастливую жизнь». – «Ты очень требовательна к правам свободы личности. У тебя совершенно нероссийская ментальность. Что тебя раздражает – меня успокаивает. В национальном быту ты видишь порочность круга, я – успокоенность, вековую традиционность. Я знаю, как вести себя в российском мире, ты же растерянна и не удовлетворена. Все, что причиняет тебе страдания, существовало у нас во все времена и эпохи, и эта одинаковость, статичность меня больше всего радует. Я могу планировать, я выстраиваю свою линию поведения, я использую все ситуации с выгодой для себя – и фундаментом этого является мое знакомство с персонажами, с их сердечной и душевной структурой, с их образом мыслей и их внутренним миром. Все пороки наших русских господ, если ты обладаешь необходимым умом, можно великолепно обернуть себе на пользу. Расскажу я тебе об одном характерном эпизоде, который произошел со мной после окончания школы. Я начала работать рассыльной при районном прокуроре. Мне было восемнадцать. Ему тридцать пять – сорок. Мужчина без особых достоинств и привлекательности, однако начальник. Он хотел получить мое тело и как-то сказал мне: «Завтра меня не будет. Я целый день буду ездить по делам, а вечером, чтобы восстановиться, отправлюсь на дачу. Не хочешь помять мою спину, чтобы ласковым массажем дать энергию своему покровителю? Разбудить его сердце, всколыхнуть желания грешника». Другая бы напугалась или оскорбилась, я – нисколько. Я стала ду-

мать, как использовать эту ситуацию. Если я откажусь – он выгонит меня с работы, если соглашусь – начнет приставать и лезть в объятия. Я нашла третий путь – сесть ему на голову и атаковать его мужские чувства. Я стала играть роль взбалмошной девицы, которая мечтает соблазнить начальника. “Патрон, – сказала я, – мне больше нравится, когда меня массируют, ноги и спину покрывают поцелуями. А вы из тех крепких мужчин, которые эротическим чувствам отдаются глубже, чем семейным привязанностям. Своей нежностью вы сможете добиться, – продолжала штурмовать я его, – чтобы мое упругое, ненасытное тело принадлежало вам. Но я потребую от вас больше, чем вы думаете. На семью не хватит сил, на работу – желания, карман опустеет, как картофельное поле после налета саранчи. Я, как вампир, вопьюсь в ваши губы и тело, чтобы утолить свою жажду близости с начальником. Это высшее удовольствие – принадлежать не просто мужчине, но патрону! Если в кабинете нельзя вас победить, то в постели вы заплещете под мою дудочку. Я давно мечтаю вывернуть вас наизнанку и посмотреть, на что вы способны. Попробуйте обнять меня всей силой вашей пылкой страсти. Когда захрустят мои косточки, я пойму, что вы дарите мне женское счастье”.

Прокурор испугался меня, как борзые псы – грома и молнии. Он ретировался и больше никогда не проявлял активности. Когда мы встречались, я старалась пылко стрелять в него глазами: он посылал мне испуганные знаки и исчезал, проваливался в стены, как привидение. Представляю, что было бы с тобой. Ты бы со страхом в душе приняла его приглашение прибыть на дачу и, задыхаясь от омерзения, стала бы его массировать. В слезах, как спиленное бревно, ты отдалась бы ему и корила бы свою гадкую судьбу. Я же из этой истории вышла победительницей! Необходимо работать на поле противника его же приемами,

но в гипертрофированно циничной форме. Я научилась этому от своей матери, она – от своей. Из поколения в поколение передавались эти навыки. По материнской линии я восхожу к известному семейству Саул из Бердичева. По отцовской я – из потомственных военных Дюкро. И материнские, и отцовские предки учили своих детей разным приемам защиты от любой формы агрессии. А кто были твои предки?» – спросила она Боярову.

Юлия не торопилась с ответом. Поезд сбавлял ход и подходил к станции Лиски. В купе воцарилась тишина. Барышня Дюкро ждала ответа от своей партнерши Юлии Бояровой. Вдруг молоденькие дамы услышали голос чиновника чугунки: «Уважаемые пассажиры! Наш скорый поезд номер девять “Тихий Дон” Ростов – Москва прибыл на станцию Лиски. Вынужден вас огорчить: впереди крупная авария. Центральная диспетчерская направляет наш поезд на Волжскую железную дорогу. Нам подберут маршрут, по которому мы будем двигаться до конечной станции. Вас ожидает большая трата времени. Для вашего удобства стоянка поезда на станции Лиски продлена до пятнадцати минут. Следующая станция – Поварово. Затем – Пенза. Мы будем сообщать вам о дальнейшем пути следования нашего поезда. Спасибо за внимание».

«Что, мы не попадем в Воронеж? – в сердцах вскричала Эстер Дюкро. – Необходимо срочно бежать к директору за консультацией». – Барышня спешно покинула купе.

Сердце Юлии Бояровой забилося как пойманная птица. Она поняла, что наступает какая-то необыкновенная, может, даже страшная развязка. Что же будет с их планами?

Пензенский артист, пятидесятилетний Алексей Алексеевич Пирожков, в вечернем часу – красный диск солнца

еще не дошел до горизонта, было около половины девятого – совершенно неожиданно для себя получил работу. Это необычайное, прямо-таки чрезвычайное известие принес ему чиновник городской пожарной части, потрепанный жизнью, скудным рационом питания и обильным потоком дешевого картофельного самогона сморщенный мужичок. Более пяти лет Пензенский драматический театр был почти закрыт. И господин Пирожков, мужчина очень даже оригинальной наружности, был занят своим любимейшим ремеслом лишь несколько дней в году: он удачно играл Деда Мороза на городских новогодних елках и посыльного, разносящего в смокинге поздравительные букеты и подарки от новых русских знатым дамам города в день 8 Марта. Все остальное время господин П. беззвучно грустил. Как грустят русские люди – известно всем, но как печалился господин П., было бы любопытно узнать, потому что делал он это необыкновенно. Можно предположить, что во всем мире такого чудака, пожалуй, и не было. В послужном списке областного актера было немало ярких и выразительных ролей: в «Женитьбе» господин Пирожков играл сразу аж двух персонажей – экзекутора Яичницу и Степана, слугу Подколесина. Вдохновенное, прямо из глубины души вырывавшееся гоголевское: «Да, конечно, лучше, если бы она была умней, а впрочем, и дура тоже хорошо. Были бы только статьи прибавочные в хорошем порядке» – стало крылатым, самым любимым выражением во всем послегайдаровском губернском городе. Но что особенно примечательно, мужская часть Пензы цитировала классика с фонетическими особенностями господина Пирожкова, а женская твердо и самостоятельно решила отредактировать автора «Женитьбы» и поменять в философском высказывании коллежского асессора Ивана Павловича ну самую малость – род человеческий. Поэтому

очень многие молодые дамочки этого замечательного русского поселения на реке Суре используют это выражение и по сей день в своих образных целях. В «Ревизоре» он на бис играл отставного чиновника Растаковского, в специально сшитом костюме, как бы ненароком напоминающем верхнее платье столоначальника губернского земельного комитета, местного щеголя и транжиры. В пушкинской «Метели» он репетировал корнета Дравина, в «Трех сестрах» Чехова играл Ферापонта, в «Короле Лире» – джентльмена из свиты Корделии, в «Отелло» – запыхавшего гонца. Пробовался в «Анне Карениной» на роль священника; выразительно, ну прямо как истинный этнический немец, с типичной картавинкой, играл в «Маскараде» Адама Петровича Шприха, а в «Офицере флота» Крона удачно, с особым, неизвестным пензенцам юмором сыграл матроса Соловцова, после чего его якобы приглашали в Москву на пробы роли Чонкина Владимира Войновича. Он сыграл и готов был еще исполнить множество пусть мелких, но выразительных ролей, мечтал даже сыграть Банко в «Макбете» и Мармеладова в «Преступлении и наказании». Уже несколько лет собирался написать собственную пьесу «Сурская элитная любовь», но времени никак не хватало. Впрочем, помимо ролей на сцене, Алексей Алексеевич Пирожков имел одну длинную, яркую роль в собственной жизни, и она исполнялась им великолепно, на ура! Корифеям отечественной сцены никак бы не удалось сыграть лучше. Это была поистине великая выдумка и гениальное исполнение скромного русского человека. Примечательная идея заключалась в следующем: при коммунистах артистов было много, а получали они мало. На жизнь не хватало. Постоянный дефицит в средствах однажды ранним утром 198... года натолкнул Алексея Алексеевича Пирожкова на очень даже загадочный диагноз –

клептоманию. Прочел он описание болезни и захворал своей новой идеей. Его чрезвычайно заинтересовало патологическое влечение некоторых лиц, не находящих в себе сил противостоять соблазну присвоения чужих вещей. В воспалении ума их охватывает такая жадность, такое страстное возбуждение, что они совершенно забывают о моральных принципах, не чуждых им, о возможности разоблачения и вероятных его последствиях и без разбора тащат и прячут все, что попадает под руку. Пойманные, они заявляют, что сами не могут объяснить, как это с ними случилось, что ими как будто руководила какая-то потусторонняя сила. В ряде случаев, однако, несомненная патология поведения kleptomанов подтверждается бессмысленностью их краж, которые становятся как бы самоцелью. Купленные или полученные в подарок вещи не доставляют такого великого удовольствия, как украденные. Нередко kleптомания состоит в несомненной связи с одновременно возникающим половым возбуждением. Оно связано со страхом быть уличенным, достигая иной раз степени оргазма именно в момент поимки... И вот Пирожкова посетила, казалось бы, вздорная, но очень практическая мысль: а почему бы для более высокого достатка и пополнения собственного бюджета не симулировать развитие симптомов kleптомании? «Ты получишь не только улучшение материального благосостояния, – шепнул ему тогда его внутренний голос, – но и постоянную, на всю жизнь, всегда на новых сценах, с непременными импровизациями, очень даже завидную роль». И Алексей Алексеевич начал действовать. В первый раз, находясь у своих приятелей – милейшей супружеской четы, – он унес пару чулок и разные по фасону туфли, чтобы таким образом подбросить легенду о бессмысленности кражи, а значит, первых симптомах kleптомании. Господин Пирожков принес

украденные вещи домой и бросил их на диванчик – самое видное место в его однокомнатной холостяцкой квартире. Приятели, у которых он вынес незатейливые предметы, через два дня вечером навестили артиста. Каково же было удивление супружеской четы Плавунцов, когда они увидели, что на столике их поджидают бутылка шампанского, графинчик с водкой и закуска, а на диване небрежно лежат чулки и совершенно разные туфли славной госпожи Плавунец! Супруги растерялись и стали наблюдать за чрезвычайно обходительным и обаятельным артистом. Пирожков в тот вечер читал Блока и Маяковского, говорил о Константине Симонове и Станиславском. В конце вечера Плавунцы поняли, что с этим милашкой Пирожковым не все в порядке, если он уносит из чужих домов чулки да обувь и при этом не испытывает никакого стеснения оттого, что они лежат пред глазами владельцев. В городе пополз слух, что артист Пирожков очень добрый мальш, но как-то душевно и неприлично болен. Артист повторял похожие сюжеты несколько раз, пока не убедил окружающих в своем странном нездоровье. Пирожкова хотели было отчислить из театра, но за него вступился тогдашний партком. Почему партком? Алексей Пирожков для отработки идеи, согласно которой его патологические проявления имеют идеологическое основание, стал выносить из театральной библиотеки тома коммунистических классиков и партийных лидеров: Ленина, Маркса, Брежнева, Черненко, Ельцина. Работники библиотеки, по дружбе посещавшие его квартирку, легко находили эти книги. Пирожков так старательно и вдохновенно играл придуманную себе роль, что весь город – от участкового милиционера, прокурора и мэра города до соседских мальчишек – знал, что в Пензе есть своя достопримечательность: господин Пирожков, артист драмтеатра и ориги-

нальный kleптоман. Вообще-то российский народ уже привык, что именно артисты могут оказаться кем угодно, что все они – очень подозрительная публика. Более двух лет господин П. работал вхолостую, убеждая свое окружение, что в его кражах нет никакого смысла. Но после того как каждый житель Пензы мог поклясться, что Пирожков бессребреник, Алексей Алексеевич медленно, но все более уверенно стал зарабатывать на своем общепризнанном диагнозе. Крал он обычно в продовольственных магазинах, причем по мелочам: бублик, банку консервов, пакет гречки, упаковку сахара, бутылку. Единственное, что он себе позволял, когда шел на крупную работенку, – пару туфель. Господин Пирожков так часто страдал от нехватки обуви, что теперь, когда образ kleптомана утвердился в сознании публики прочно и основательно, он беззастенчиво входил в обувной магазин и забирал с прилавка нужный ему размер самых модных мокасин. Уже после первых месяцев работы на себя господин Пирожков стал ощущать, что актер – это весьма прилично оплачиваемая профессия. Слава богу, запросы и аппетиты Алексея Алексеевича не росли, и он привычно тянул в глубокой печали свою роль kleптомана уже более пятнадцати лет. Когда же театр закрылся как бы на ремонт и ежемесячную зарплату Пирожков получать перестал, он загрузил основательно, потому что ему все чаще приходилось использовать авторитет известного kleптомана. Он грустно ходил среди магазинных прилавков, запихивая в карманы необходимые продукты питания. От привычки воровать обувь честнейший артист давно отказался. В донашивании старой обуви господин Пирожков видел гротеск поворота своей судьбы.

Именно в это кризисное время чиновник пожарного ведомства Никанор Григорьевич Пуговкин, с лицом, похожим на пергаментную бумагу, принес господину Пирожко-

ву ошеломляющую новость: есть интересная работа и платят за нее аж триста долларов. И он, Пирожков, подходит для нее, как никто другой. Пожарный, правда, не забыл немедленно потребовать свои десять процентов комиссионных, а для обмывки доброго дела – целых сто грамм, чтобы настоящим образом вспомнить все подробности невероятного предложения. «Да ты, дружок Никанор, можешь не рассказывать, какая ждет меня работа. За триста долларов я сделаю все, что попросят. За такие деньги я смогу из рогатки убить голубя, плюнуть на губернатора, поджечь книги Чехова, жить с грызунами в крысиной норе и голосовать за Жириновского. В моем мире не существует ничего такого, что заставило бы меня отказаться заработать такой капитал. У нас в Пензе это же целое состояние! На эти деньги можно неплохо прожить целый год. Только одно сознание, что я заработал триста долларов, делает меня на несколько лет счастливым. И взять в руки такую сумму надо публично, чтобы все знали, что в городе появился новый русский – артист областного театра Алексей Пирожков. Дай я поцелую тебя, мой друг Никанор Григорьевич!» – И, прослезившись, господин П. сжал сморщенного, маленького пожарного в своих мощных объятиях. «Можно, блин, вставить словцо?» – прошепелявил господин Пуговкин. «Говори, дружок!» – смахивая с глаз слезинки, позволил Алексей Алексеевич. «Заказ на работенку такой: потребовали, блин, обвенчать прямо в поезде молодую пару». – «Не понял... Что им, шафер нужен?» – недоуменно раскрыл глаза господин Пирожков. «Священник, блин!» – тонким голоском выкрикнул пожарный. «А я тут...» – господин Пирожков запнулся, помолчал, потом восторженная улыбка коснулась его губ, глаз, всего лица, и он вдруг в каком-то радостном отчаянии воскликнул: «Я должен был играть в “Анне Карениной” священника на венчании Левина и Кити... Вольное переложение

ние романа молодым драматургом. Помешали бюджетные проблемы театра. И вот через девять лет! “Обручается раб Божий Константин рабе Божьей Екатерине”, – запел церковным голосом господин П. – Слушай, дружище, а почему они не хотят взять настоящего священника?» – «Сегодня светский праздник. Священников, блин, нигде нет. Мне пришла в голову мысль откомандировать тебя. Если молодые так торопятся, пусть их венчает артист. Ты православный?» – «Крещен на Яблочный Спас!» – «Тогда проблем не должно быть. Так наливай же!..»

Господин Пирожков восторженно засуетился. Он стал разгуливать по своей комнатке и, теребя указательным пальцем ушную раковину, радостно размышлял: он востребован! Пусть даже по счастливой и нелепой случайности, но у него появился отменный, дарованный Небом шанс раскрыть свой актерский талант на совершенно новой площадке – в вагоне, в купе поезда! Привычный к неудачам, к тяжелой борьбе за средства и формы существования, преданный своей актерской профессии и необычайный оптимист, господин Пирожков с той самой минуты, когда осознал всю авантюристичность полученного предложения, почему-то глубоко уверовал, что есть какая-то таинственная связь между последней, не сыгранной, но до мелочей подготовленной ролью священника в «Анне Карениной» и упавшей как снег на голову, так великолепно оплачиваемой ролью священника, венчающего на колесах чугунки союз любви. Еще минуту назад на него жалко было смотреть. Растерянный, с отсутствующим, затуманенным взглядом, измученный тоской, он безучастно, без досады, возмущения и радости наблюдал за меняющимися картинками телеэкрана – и вдруг такой захватывающий финал ничего не обещавшего июньского вечера! Триста долларов за работу, которую он знал, в которую был влюблен всю жизнь, кото-

рую готов был выполнить в любую секунду, – перевоплотиться, на мгновения стать другим, с чужим именем, днем рождения, платьем, заботами и багажом знаний. В душе артиста Пирожкова молекулы страсти стали разгоняться с какой-то всевышней силой. Это свое состояние Алексей Алексеевич любил самозабвенно. Да что может быть милее сердцу русского человека, чем азарт душевной страсти! Надо помнить, что kleптомания была рождена в его сознании как феномен необузданного актерского стремления к вечной игре и совсем немного была связана с практической стороной. Буквально задыхаясь от восторженности, слепо отдавшись безумству чувств, он, православный, совершенно не обратил внимания на предстоящее святотатство, осквернение литургических канонов и Божьих заповедей. Он, как игрок сцены, увлекся лишь самой интригой предстоящего действия, его авантюристическим сценарием и возможностью бросить свой, по его мнению, необыкновенный талант на алтарь профессии.

«Милый друг Никанор Григорьевич, – взмолился он, – помоги мне через твои пожарные связи открыть костюмерную, чтобы взять стихарь, лиловую рясу, камилавку и орарь, сшитые на меня девять лет назад. Там и оловянный крест, и Евангелие. Подумай, брат, своей головкой, как рабочую одежду вытащить, одолжить на денек-другой. Бог даст, может, эта роль и дальше пригодится. Так что если десять процентов требуешь, помогай, дружок Никанор, создай условия для успешной работы, стань моим антрепренером, агентом по организации публичных зрелищ на свадьбах и отпеваниях, в местах, где церкви порушены, а попов с лампадкой не сыщешь. Но поп без рясы – что Россия без Москвы, что храм без клироса, что женщина без любви!» – «За такое дельце, ты, блин, мне еще десять процентов прибавь, агенты нынче деньги зарабатывают кру-

тые. Согласен мне двадцать процентов платить? К твоей поповской униформе для гарантии твоей безопасности я еще брандспойт поставлю». – «Согласен, согласен! – рассмеялся господин Пирожков. – Когда мне на вокзал подойти, готовым быть, бороду, усы приклеить, по ризе орарь пустить?» – «Ты бы о текстах думал, Пирожков, простыми словами венчать не положено, тут, блин, специальные слова требуются». – «Я, Никанор, как вчера все помню, а уже прошло девять годков, как роль заучивал: “О еже ниспослаться им любви совершенней, мирней и помощи, Господу помолимся”», – молитвенным басом пропел Алексей Алексеевич. «Еще чего-нибудь, Пирожков...» – взмолился пожарный. «“Боже вечный, расстояющийся собравый в соединение и союз любве положивый им неразрушимый, благословивый Исаака и Ревекку, наследники я Твоего обетования показавый; сим благослови и рабы твоя сия, Константина, Екатерину, наставляя я на всякое дело благое. Яко милостивый и человеколюбец Бог еси, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки ве-ко-в”», – разлился мощный открытый бас областного артиста. «Ты даешь, блин, как настоящий владыка! Я вот что, Леша, подумал: у тебя, брат, это чудесная мысль родилась, да чтоб, блин, не зачахла – в дальние деревни на свадьбы и поминки ездить. И людям Слово Божье будем доносить, и свой достаток пополним... – Лицо Никанора Пуговкина от неожиданной глубокой радости еще больше сморщилось в улыбке, напомнив мордочку мопса. – В ноль двадцать мы встречаемся с заказчиком на вокзале. Он вручит тебе обручальные кольца, даст билет до Красного Угла и назад и деньги». – «А невеста где?» – «Жених и невеста уже давно в поезде. Заказчик, блин, – друг жениха». – «Пошел, неси, Никанор, платье священника! У меня осталось совсем немного времени до выхода на сцену – около трех часов. Пылкая лю-

бовь не терпит отлагательства! Мне хочется вовремя сказать сегодня сакраментальные слова и венчать возлюбленных хождением вокруг аналая».

«Это был самый восхитительный спектакль в моей жизни. – Яна Врубельская смотрела на господина Алтынова опьяневшими от счастья глазами. – Вы играли как самый настоящий дьявол, утонченнее, чем Гир, вдохновеннее, чем Гибсон. Если бы я наблюдала за вами из зрительного зала, я аплодировала бы каждому вашему жесту и слову, движению и реплике. Одноактный сценарий был просто великолепен, столько динамики, экспрессии! Вы перещеголяли сегодня Агату Кристи, Конан Дойла и Жоржа Семенова. Но, сознайтесь, Юрий, и я была роскошна...» – «Как Джулия Робертс! Вы тоже вписали этим вечером блестящую страницу в историю российского и мирового камерного театра. Без репетиций вы изящно вошли в роль и своим гипнотическим напором, неистовым талантом напомнили мне Фаину Раневскую». – «Molto grazie, dottore!» – «Prego, signora!» – «Как часто пишете вы такие замечательные сценарии?» – «Вы имеете в виду с доходным финалом?» – «Вот именно! Лучше не скажешь». – «Чаще, чем встречаю таких очаровательных женщин, как вы». – «Вы мне льстите». – «Нисколько. Я действительно доволен вами. Вот, возьмите свою часть профита. Здесь полторы тысячи долларов. Это ровно пятнадцать процентов от вырученной суммы. Расходов на организацию спектакля у нас не было. Так что высчитывать нечего». – «Я не привыкла носить с собой такие огромные суммы». – Приучайтесь – очень полезная привычка». – «Я же говорила: меня ограбят местные сутенеры». – «Человек, владеющий деньгами, должен быть осмотрительным. У меня есть идея...»

Они стояли в тамбуре скорого поезда «Тихий Дон» Ростов – Москва, напоминая влюбленную парочку. Вокруг них суетились пассажиры, выносящие багаж из вагона, покрикивали проводники, шныряли носильщики. Местные торговки разносили на перроне домашнюю кулинарию. «Это ваша выдумка – поменять маршрут движения поезда? – спросила госпожа Врубельская, бросив на своего директора театра интригующий взгляд. – Она, конечно, придумана не для пилотного проекта пьесы «Бриллиантовые слезы под музыку Арама Хачатуряна?»» – Ее голубые глаза сверкали азартным любопытством. – «Минутку, пожалуйста... Я заканчиваю писать новую пьесу». – «Как, уже новую? – рассмеялась молодая особа в белоснежной блузке. – Сколько же денег мы будем зарабатывать?..»

«Мы станем постоянно играть, – ответил господин Алтынов. – Название новой одноактной пьесы – “Букмекерский экспресс”. Сюжет простой, но весьма захватывающий. Персонажи спектакля: молодая элегантная дама, молчаливый господин, читающий Гиляровского в коридоре вагона, проводники, пассажиры. Драматургия: женщина-букмекер принимает ставки от желающих участвовать в пари о точном пути следования скорого поезда номер девять “Тихий Дон”, который по техническим обстоятельствам сошел с основного маршрута и направлен обходным путем в столицу. Пассажирам известны лишь две следующие станции – Поварово и Пенза. Через какие города проследует поезд дальше на Москву? Вот суть пари. Первым, кто делает заклад, оказывается Ваня Бородин. Его убеждает прелестная букмекер Жанна Бичерская поставить закладную на свою версию маршрута. Молодые люди громко ведут диалог в коридоре поезда, привлекая внимание других пассажиров. Список желающих делать ставки растет. В банке уже несколько тысяч долларов. Бичерская самостоятельно

выбирает себе двух помощников из играющей публики. Эта тройка делит между собой десять процентов комиссионных от всей суммы закладных. Минимальная ставка заклада – десять долларов. В составе семнадцать вагонов. Пять из них СВ по восемнадцать человек – это девяносто. Минус тридцать процентов сошедших с маршрута. Округляем – шестьдесят человек. Девять купейных по тридцать шесть – это триста двадцать четыре, минус десять процентов сошедших. Итог: двести девяносто пять. Пассажиров плацкартных вагонов не считаем. У нас триста пятьдесят пять человек. Пессимистический прогноз: играет только двадцать процентов. Это семьдесят два пассажира. Пессимистический прогноз по ставкам: минимальная средняя ставка сто долларов. Тогда в банке семь тысяч двести долларов. Оптимистический прогноз: играет каждый второй по средней ставке двести долларов. В кассе тридцать пять тысяч четыреста долларов. Но, по данным Любочки Погони, в составе очень много богатых людей. Мы в дороге уже более десяти часов. Известие об изменении маршрута взбудоражило пассажиров, но очень ненадолго. Стук колес и отсутствие азартной идеи будет вызывать у них беспредельную тоску. Тут появляется очаровательный букмекер Жанна Бичерская. Ее великолепный талант общения с людьми творит чудеса: в букмекерском банке около ста тысяч долларов, которые забирает Иван Бородин, отгадавший точный путь следования поезда. Он же – мужчина, читающий Гиляровского».

«Ты бесподобен! Я влюбляюсь в тебя, директор!» – Врубельская коленом пнула его в живот. «Минутку, прошу вас ознакомиться с канвой интриги будущих событий в вагонах поезда. Прием ставок заканчивается за двадцать минут до Пензы. Молодой человек, читающий Гиляровского, деликатно и ненавязчиво помогает букмекеру, од-

нако на публике они суверенны и каждый отстаивает свои интересы. В этом сценарии много импровизации. Автор в силу специфики театра на колесах и жанра пьесы не может расписать в деталях диалоги между букмекером и будущими участниками пари. Режиссер спектакля надеется на высокий актерский профессионализм героини, а автор пьесы, чтобы помочь главной исполнительнице, оставляет за собой функции суфлера. Его голос ждите услышать не из ямы, а прямо у вашего уха или языком пантомимы из различных углов вагона. Чтобы добиться полного зрительского успеха, вы должны очаровать и водить за собой совершенно разные типы участников пари: саркастический – молодого человека, читающего Гиляровского; алчный – около сорока лет, выбирайте мужчин с небольшими ушами, не ошибетесь; простофилю – любого возраста, но обязательно худого верзилу. Часть инициативы и работы смело передавайте персонажам, на которых укажет ваша творческая интуиция, и лишь деньги берите только сами и только в свою сумку. Лично записывайте, кто, сколько, на какой маршрут поставил закладную. Комиссия букмекера – десять процентов. У кого нет денег, можно принимать закладную ценностями, но не больше пятидесяти процентов от номинала. Даже лучше начинать с тридцати. Упрямая торговля – лучший признак реальности происходящего и важнейший прием возбуждения азарта. Понятно? Например, кто-то не имеет наличности, но желает сделать ставку и предлагает царский золотой червонец. Его стоимость – семьдесят долларов. Ты предлагаешь принять его за двадцать. Соглашаешься за двадцать пять! Пожалуйста, все. Даю пятнадцать минут на подготовку к спектаклю. Надобно расспросить Погоню, в каких вагонах едут богатые люди. Это я возьму на себя. Я уже тебе говорил, что со мной едет моя невеста. Хочу ее повидать. Бедняга

скушает». – «Какая невеста, директор? Вы совершенно не созданы для супружеской жизни!..» – «Милочка! Свадьба – это моя собственная двухактная пьеса. Жанр моей жизни постоянно требует от меня влюбленности. Встречаемся в двенадцатом вагоне, у проводницы Любочки». – «Двухактная пьеса “Свадьба” – это тоже деньги?» – «Любовь». – «Актер желает понять замысел автора до начала спектакля: героиня пьесы получает гонорар десять процентов как букмекер и пятнадцать процентов – как штатный сотрудник камерного театра? Итого двадцать пять процентов от выручки». – «Неверное толкование. Роль букмекера – обязанность творческого работника театра. Пожалуйста, не читайте сценарий в свою пользу. Не пытайтесь изменить наши тарифы. Думайте о роли».

Ревностный, одержимый почитатель тотальной игры во всех ее ипостасях, господин Алтынов второпях, по-дружески обнял молодую женщину, бросил ей воздушный поцелуй и со словами: «Grazie, signora» – скрылся за тяжелой дверью вагона.

В пропахшем дешевыми сигаретами и углем тамбуре воцарилась тишина. Яна равнодушно задержалась здесь, среди облезшего металла, возле грошового блеклого щитка с изложением правил поведения на Российских железных дорогах, ненадолго – скорый поезд номер девять «Тихий Дон» стал отходить от станции Лиски. Слабый стук колес медленно ползущего поезда совпал с ударами возбужденного сердца Яны Врубельской и вызвал у молодой дамы совершенно новые размышления. «Сущность многих приключений и авантур заключается в ранжире чистоты душевных помыслов, – пришло ей на ум. – Душа моя уже давно рыдает, а тело бьется в судорогах сервиса, который я вынуждена оказывать. Еще два года такой беспросветной жизни – и мое здоровье угаснет, как солнце на закате».

Чем больше она грешила, тем чище, одухотвореннее становилось ее сердце; чем чаще она делила с кем-то постель, тем лучше, явственнее подчеркивался румянец девственницы на ее щеках и аристократическая белизна кожи; чем усерднее она пила, тем трезвее, прозрачнее становился разум. Это было явно не от Бога, не от логики: в этом проглядывала усмешка дьявола, его мистифицирование, ловушка. И вдруг – 12 июня – такой новый поворот судьбы, одна загадочная сцена сменяет другую: насмешливые губы, дьявольские глаза, ангельская чистота в общении, Божественный дар – кто он, этот Алтынов? Этот господин, рожденный с ней под одним знаком зодиака, – предвестник смерти или воскрешения души? Маятник исцеления или капельница абсолютного отравления? Как выпрыгнуть, унести, показать пятки этой российской действительности? Может, действительно остается только одно утешение – игра. Игра тотальная! Алтыновская! Бесспорно, состоять в его театре драмы и комедии небезопасно: перелом челюсти, откусанное ухо, выбитый глаз, ссадина на ягодице – профессиональные травмы, по которым не выписываются больничные листы. Но что другое можно взять сегодня у жизни? Из всех ожидаемых зол сама судьба выбирает камерную труппу господина Алтынова. Это действительно лучший выбор из всех возможных предложений. Маску куртизанки приходится менять прямо по ходу поезда на личину артистки авантюрной сцены, мораль блудницы – на кодекс плута, образ жизни дамы полусвета – на стиль шикерии «World Class», профессиональную спутницу, резинку немецкой фирмы «Sico» – на страницы книг издательства «Вагриус».

Нынешняя выморочная российская действительность сделала из юной барышни Яны Врубельской, влюбленной в музыку и высокие художественные образы, обладающей

даром творчества, жесткого, циничного и прагматичного человека. Но ее непристойность была лишь внешней защитной оболочкой, а прагматизм не был вульгарен. Она стала предпочитать быстрые решения и действия, не терзаясь раздумьями о достоинстве и чести. Несколько лет назад она решилась принять вызов судьбы и больше никогда не упрекала себя за свои поступки. Молодая дама научилась без интереса относиться к любопытству местного бомонда и совершенно не думать о собственной репутации. Когда она смотрела на себя в зеркало, ее глаза были абсолютно сухими, а на губах играла двусмысленная улыбка. Она уже научилась различать свидания с высоким нравственным началом, существующим в мечтаниях, в красивых словах проповедников, и постоянную, непрекращающуюся борьбу с суровой реальностью жизни.

Сейчас госпожа Врубельская начинала новую партию. Она по велению судьбы меняла привычные декорации своей жизни на совершенно новые. Справившись с лихорадочным возбуждением, сказав себе: «Давай, принимайся за работу!» – она стала пробираться в двенадцатый вагон.

Юрий Алтынов вбежал в шестое купе. У темного вагонного окна сидела Боярова. Он бросил на нее взгляд, полный нежности и любви. Такие взгляды обдают барышень жаром, сжимают сердце, воспаляют душу. Многие молоденькие женщины умеют читать в таких дерзких глазах требование немедленной близости. Юрий Алтынов испытывал настоятельную необходимость прижать Боярову к своей груди, расцеловать ее покрытое легкими веснушками лицо, ее миндалевидной формы глаза. Он пылко обнял ее и дал волю страсти. Боярова не успела, а потом не могла сказать ни одного слова. Его жаркие губы лишили ее мужества и

рассудительности. Он уже стаскивал с нее голубую блузку, когда в купе вошла Эстер Дюкро.

Эта молодая особа была благоразумным человеком. Она старалась держать себя в рамках приличия и сделала вид, что совершенно ничего не замечает, – искусство перевоплощения даровано женщинам самим Богом. Барышня Дюкро заняла место напротив и стала рыться в дорожной сумочке. Опыяненный сладостью любовного порыва, молодой ростовчанин вскочил, закрывая собой полуобнаженную возлюбленную. Голова его кружилась от избытка адреналина, все мускулы были напряжены и натянуты, как скрипичные струны. Воцарилось молчание, которое прервала Эстер Дюкро: «Нам пора начинать собираться. Через пятьдесят минут мы должны выходить на станции Поварово. Юля, не забудь взять у проводника билеты. Без них бухгалтерия не сможет учесть наши транспортные расходы. Господин врач, а мы решили, что вы вышли в Лисках. Очень приятно видеть вас снова. Юля, пожалуйста, собирайся. Мне необходимо переодеться. Будьте любезны, господин Алтынов, оставьте нас с Юлей одних».

«Она с вами не сойдет», – твердо сказал молодой человек. – «Да! Я останусь с ним», – заявила Боярова. «Не навлей на себя беду. Успокойся. Оставь ему свой адрес. Если захочет, он за тобой приедет». – «Она поедет со мной, и помешать этому никто не сможет». – «Юля! Предупреди молодого человека, что у него очень скоро начнутся неприятности. Пусть он тебя оставит. Всем будет лучше, если вы встретитесь вновь после завершения нашей командировки. Родители учили меня с детства: если помыслы противоречат действительности, не ищи сочувствия и сострадания у окружающих». Дюкро держалась спокойно, но ее опущенные глаза выдавали волнение. «Вы взяли на себя обязанность опекать Юлию? – прервал ее Юрий Ал-

тынов. – Большое спасибо. Когда я был здесь, я это чувствовал. Ваша высохшая душа совершенно не пыталась найти ни малейшей человеческой радости. Я понимал вас и щадил, не расспрашивая о какой-то тайной миссии. Собственно говоря, меня она интересует только в контексте вовлечения в эту историю моей невесты. Я не раз отмечал, с каким страхом и стеснением вы говорили о вещах, о которых должны были умалчивать. Ваша ответственность за порученное дело вызывала у меня уважение. Размышляя над ситуацией, я пришел к выводу, что вы можете стать главной фигурой, способной разрешить клубок проблем, вставших на нашем пути. Через два часа в Пензе к нам в вагон приглашен священник, который будет проводить обряд нашего венчания. Милая Эстер, мы с Юлией будем рады, если вы окажете честь присутствовать на нашем венчании, которое здесь состоится». – «Вы что, с ума сошли? Какая свадьба? Юля! О чем он говорит? Не взывайте к моему рассудку, угрызений совести из-за жертвенности вашей любви я не буду и не должна испытывать. Чушь все это! Отложите вашу щемящую душу церемонию на другое время. После окончания работы делай что хочешь. Юрий, мы заняты серьезным делом. Поймите! Обязательства должны быть выше любви, а долг – выше распутного эгоизма».

«Можно поговорить с вашим патроном?» – «Не знаю, о ком вы говорите». – «Что ж, придется самому его найти. Юлия, пожалуйста, жди меня в купе». Господин Алтынов оставил молодых женщин и отправился на добычу очередного сюжета. Он, как и многие одаренные люди, не мог прожить и минуты без неожиданных поворотов в развитии событий. Молодой человек вопреки логике упорно стремился навстречу капризам собственного жребия, словно специально отыскивая жизненные ловушки.

Интуиция игрока повелела ему идти налево. Молодой человек как будто видел его перед собой: коренастого, спортивного вида плотного мужчину с мощным торсом, мускулистыми руками, низким, покатым, упрямым лбом – разновидность культуристов с криминальными наклонностями. Такие персонажи, самодовольные и совершенно непоследовательные, как правило получившие недостаточное образование, доставляли господину Алтынову большое удовольствие в работе. Когда он ярким, совершенно гипнотическим языком начинал общаться с ними, они сжимали огромные кулачищи, потели всем телом и никак не могли до конца понять, подчиняются ли они этому щеголю или он сам находится под их влиянием и признает их привилегии. Природный дар предвидеть опасность, разгадывать характер и особенности противника, понимать вещи, в существовании которых исследуемый даже сам себе не признается, – преимущество и отличительная черта высших профессионалов. Таким был наш господин А.

Он постучал в последнее, девятое купе. Дверь открылась, и перед ним появилось именно то лицо, которое минуту назад мысленно представил себе молодой человек. Его способность так ясно все предвидеть напугала бы всякого обывателя. Неизвестное лицо оцепенело и покрылось бурными пятнами, как после сильных боксерских ударов. «В чем дело?» По тону говорящего господин Алтынов понял, что здесь он получит жесткий отпор. «Вы желали меня видеть?» – «Кто сказал?» – «Я задремал и то ли во сне, то ли наяву услышал вашу просьбу прийти к вам на поклон». – «Ну что ж, ха-ха-ха, поклонись!» – «Честь имею, московский врач-хирург Юрий Алтынов». – «Короче, чего надо?» – «Хочу выкупить у вас Боярову». – «Чего-чего?» – Он раздвинул плечи и стал перед молодым человеком, как бетонная стена. «Я даю вам деньги – вы отпускаете Боярову». – Господин

А. не следовал общеизвестным советам не смотреть в упор в глаза зверю. «А ты ярмо бесплатно не хочешь приобрести?» – «Я принес кучу денег...» – «Кто там?» – услышал молодой человек голос из купе. «Слышь, Кузьмич, здесь хирург за конопатую деньжат предлагает», – бросил верзила. «Чего это вдруг мы мамзель свою продавать станем?» – слышался высокий голос из купе.

«Я хорошо заплачу, а деньги, как известно, радость приносят. Судя по вашему мрачному лицу и синеве вокруг глаз, веселья вам явно не хватает», – обратился молодой человек к живой стене. «Сколько дает?» – слышался тот же высокий голос. «Очень большие деньги. Зарплата хирурга за полтора года». – «Сколько же?» – «Три тысячи долларов! – шепотом сказал господин Алтынов. – Я боюсь такую сумму даже громко выговаривать». – «Нам девица рассказала, что двадцатку зелени в окно выбросил, а мне треху предлагаешь?» – «Разрешите войти в купе, побеседовать с вашим другом?» – «Проходи. Не друг он мне, охранник», – сказал сидящий в купе мужчина. Его лица почти не было видно, лишь крупный нос и впалые широкие скулы. Слабый свет ложился ниже, обозначая небольшие пальцы с по-женски длинными ногтями и короткие, худенькие, как у подростка, ножки. «Расскажи-ка, столичный врач, для какой такой цели тебе наша мамзель понадобилась? Что ты от нее потребовать надумал: признания в грехах или клятву любви непорочной, донорский орган или участие в научном эксперименте по имплантации экзотического заболевания от *Veneris* – Николя и Фавра?» Скомканная фигурка мужчины сбивала с толку: казалось, что голос принадлежал вовсе не ему, а совсем другому человеку. «О, браво. Мы коллеги?» – «Почти! Я коллекционирую раритеты». – «Большая коллекция?» – «Известная!» – Мужчина искренне и проникновенно улыбнулся. «Что является осо-

бой гордостью вашей коллекции?» – «Мое собрание разбито по разделам: аксессуары великих людей, фотографии известных лиц, устные легенды, останки экзотических животных, ухищрения, применяемые заключенными при побегах из мест заключения, монеты и так далее. Что вас лично интересует? Мои экспонаты – вещи совершенно нетрадиционные». – «Прошу прощения, как может быть нетрадиционной монета?» – «Может. В тридцать первом году на строительстве Беломорканала зэки ковали свои монеты. Самую мелкую называли “бычок”, самую крупную “пайка”. Их выделывали из гвоздей. У меня они есть». – «А редчайшие фамилии?» – «Режепо Петр Алексеевич, крупный судовладелец из Санкт-Петербурга времен Александра Второго. Небо Роман Федорович, товарищ главного прокурора Москвы при генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче. Леонид Федорович Смертин-Мертваго, владелец судовой верфи в Архангельске». – «Красота, а не коллекция! Прошу прощения, а письма? Хотя бы пару примеров...»

«Из истории: письмо Его Императорского Величества, самодержца всея Руси, царя Польского, великого князя Финляндского, князя Курляндского и т.д. и т.д., адресованное его брату, великому князю Константину Павловичу. Экспонат сегодняшнего дня: письмо внучки Лаврентия Павловича Берии Павлины Сергеевны, написанное выдающемуся криминальному авторитету Вячеславу Кирилловичу Иванькову (Япончику) с просьбой помочь избавиться от рэкетиров. В моем собрании можно встретить: литографию девяносто семи тезисов Лютера против папства сентября тысяча пятьсот семнадцатого года; медный слиток из Дофки – стоянки евреев на Моисеевом пути в Синай; третью копию письменного отречения Наполеона от всех титулов, званий и власти; розовый бивень уральского

мамонта, несостоявшийся подарок Молотова Риббентропу; фиксу переднего зуба Пантелеева – криминального авторитета двадцатых годов, потерянную им в драке в московском ресторане “Яр”; шелковый галстук и сатиновые подштанники Ленина, выкраденные из его чемодана во время исторического выступления с апрельскими тезисами на Финляндском вокзале Петрограда; огонь московских Олимпийских игр, горящий в керосинке, подаренной мне раввином киевской синагоги, которая была построена на средства Лени Бродского в тысяча восемьсот девяносто восьмом году. Что оригинального вы можете предложить в мою коллекцию?» – «Как-то все неожиданно... Впрочем, пожалуйста: несколько фантастических фокусов из прозектуры больницы, например натуральное сердце, погибшее от редчайшего инфаркта – эмболии устья правой венозной артерии. Могу украсить вашу коллекцию тысячедолларовой ассигнацией, которой расплачивался Аль Капоне в Бронксе; чертежами Петра Великого, по которым был построен его первый фрегат “Святой Дух”; конвертом письма Сталина сыну Василию, в котором сообщалось о подарке – шести персиках; приглашением на раритетное венчание в купейном вагоне скорого поезда «Тихий Дон» Ростов – Москва, со священником и церковной музыкой, которое состоится тринадцатого июня двухтысячного года в один час сорок минут».

«Свадьба в поезде, со священником? Любопытная затея. Кто венчается?» – «Я с Юлией Бояровой. Согласие невесты имеется». – «Добре! В особых случаях неписаные законы требуют одобрения работодателя». – «Мне это известно. Поэтому я и предложил отступные». – «Не повторяйте, пожалуйста, эту мизерную сумму. Вы только рассердите меня». – «Ваши условия?» – «Есть ли доказательства, что ассигнация принадлежала Аль Капоне?» – «Конечно. Я подпишу

сертификат происхождения». – «Смеетесь?» – «Тысячедолларовая купюра сама по себе – редчайший денежный знак. Она выпускалась с тысяча девятьсот тридцать второго по тысяча девятьсот тридцать четвертый год. Сегодня самому президенту США непросто ее разыскать». – Молодой человек вытащил из кармана бумажник и вынул из него купюру с изображением Стива Кливленда, двадцать четвертого президента США. «Вот, взгляните. – Господин Алтынов сдвинул несколько бутылок к краю стола, салфеткой протер его поверхность и положил перед собеседником тысячедолларовую банкноту. – Известно, что лоббистами печатания таких крупных денег была американская мафия, чей оборот в основном проходил в “черном нале”. Надо было сократить объемы перевозок наличности. И сегодня это действующие денежные знаки. Предыдущий владелец этой купюры поклялся мне на Библии, что она досталась ему от прямых потомков Аль Капоне». – «Поверил. Историческую купюру я оставлю себе. А ты опиши историю с клятвой на Библии, когда, где и кто именно это сделал. Что у тебя с собой еще из тех раритетов, которые ты перечислил?» – «Через минуту будет готово приглашение на венчание. Если у вас есть карты, я готов передать вам ноу-хау одного трюка, который стал победителем на форуме FISM – ежегодной тусовки фокусников, где номинируются лучшие выдумки. Пораженное инфарктом сердце в колбе, конверт письма Сталина и чертежи фрегата “Святой Дух” готов представить в любое время и в любом месте. Кстати, как вас величать?» – «Это совершенно неважно...» – «Если вы не против, я буду называть вас профессором. Вы напоминаете мне моего шефа, профессора Хотынцева Сергея Владимировича. Он – моя симпатия». – «Добре! Не против. Даже красиво – “профессор”». – «Вы мне доверяете, господин профессор?» – «Доверять? Это против моих принципов».

«Мне пришло в голову вот еще что. В поезд сядет священник. Он будет облачен в ризу с православным крестом. Не хотите ли украсить свою коллекцию одеянием попа, отслужившего обряд раритетного венчания в купе поезда? Это же уникальный экспонат. Для доказательности я составлю протокол обряда». – «В этом есть своя изюминка. Но как ты у церковника его одежду возьмешь?» – «Выкуплю!» – «Добре. Но торопиться ты, врач. А если у тебя ничего не выйдет, как ты передо мной за неустойку отвечать будешь? Это, брат, дело серьезное, можешь многое потерять. Давай-ка опиши мне твой карточный трюк. В короткой форме – устно, обстоятельно – в письменной. У меня в коллекции из этого раздела пока ничего нет. Вот тебе обычная колода карт». – «Беру из колоды любые три карты – допустим, девятку, даму и короля. С помощью определенной последовательности манипуляций создаю иллюзию, что на руках не разные, а одинаковые карты. Это делается так...» – Руки господина Алтынова задвигались, заиграли, и действительно: каждый раз оказывалось, что на руках всегда были одинаковые карты – три дамы пик, или три бубновые девятки, или три трефовых короля. «Любопытно! Опиши мне подробно последовательность манипуляций. Тут необходимы тренировки. Что с тебя еще можно взять?» – «Раритетные часы фирмы “Вашерон Константин” – подарок американского доктора Дебейки. Самого фантастического хирурга в мире». – «За какие заслуги он наградил тебя?» – «Сказать честно, дело было несколько иначе. Я был включен в бригаду хирургов по шунтированию Бориса Ельцина. После успешной операции семья президента передала семь часов Дебейки, под патронажем которого проходила операция. Американский профессор сам должен был определить, кто из операционной команды получит всемирно известные часы. Дебейки собрал

нас и говорит: “Дорогие коллеги, у меня к вам необычная просьба. Прошу каждого из вас показать, какие часы вы носите”. Первым вышел Бачурин – он предъявил золотой “Вашерон Константин” с репетиром и турбийоном по цене двести семьдесят тысяч долларов, потом встал Буранд – у него на руке был золотой “Адемарс Пике” с бриллиантами по циферблату за сто десять тысяч долларов. У Соколова был платиновый “Бриге” за девяносто тысяч долларов, а у Африкантова – уложенный сапфиром “Патэк Филипп” с репетиром за сто тридцать тысяч. Я предъявил “Полет” 87-го года по цене пятнадцать долларов. Одним словом, все низшие врачебные чины получили из рук Дебейки золотой “Вашерон Константин”».

«Добре! Ты мне по вкусу пришелся, доктор. Из тебя вышел бы превосходный преступник. Может, согласишься работать на меня? Сквозь мою крышу дождь не капает. Денег буду платить намного больше, чем врачи получают. Вместе с Бояровой и останешься». – Его интонации постоянно менялись, становясь то лукавыми, то сердитыми и даже жесткими, то ласковыми и доброжелательными. «Право, я вам очень признателен! – искренне откликнулся молодой человек. – Спасибо за приглашение, но у меня не получится. В больнице ждут пациенты». – «Не торопись с ответом, посоветуйся с женой». – «Подумаю». – «Сколько же твои часы стоят?» – «На Банхофштрассе в Цюрихе – пятьдесят семь тысяч долларов». – «Пока ты мое предложение будешь обдумывать, оставь часы на столике и забирай невесту. Нам скоро выходить. Да, пожалуй, свои три тысячи долларов отдай Василию, моему охраннику. Ему придется заменять твою нареченную. Впрочем, если решишь остаться – все тебе возвратится». – «Огромное спасибо».

«Добре, добре. Шагай. Чтобы следующая встреча была приятной, не забудь через Боярову письменный должок

передать. Ну, насчет карточного трюка». – «Прикажите Василию, чтобы он со мной пошел – дать открепление Бояровой. Профессор, вопрос из совсем другой сферы: как вы понимаете состояние разнузданного азарта или дьявольского возбуждения души? – «Ты это к чему?»

«Через пару минут я вернусь. Хочу успокоить невесту. Обещайте за время моего отсутствия поразмышлять над этим». – «Жду. Василий, получи с него три тысячи и отпусти нашу мамзель».

Господин А. торопливо перевел Юлию Боярову в служебное купе начальника поезда, считая, что чем дальше она будет от надвигающихся событий, тем выразительней он сыграет короткую пьесу для одного актера. Молодой человек сочинил рискованный сюжет и планировал реализовать его перед самым прибытием поезда на станцию Поварово. Когда до прибытия поезда оставалось пятнадцать минут, ростовчанин направился в девятое купе двенадцатого вагона.

«Что скажете, *Il capo di tutti i capi*?¹⁶ Какой вы теперь элегантный, прямо иностранец, – приветствовал он “профессора”. – Я бы украсил ваш великолепный костюм зеленым шелковым платочком. Этот символический цвет пошел бы к вашему выразительному лицу». Господин Алтынов взял «профессора» за лацкан пиджака, потом нагнулся и левой рукой поправил манжеты брюк, чтобы лучше посадить их на обувь. Именно в этот момент правая рука, оставшаяся на лацкане пиджака, съехала ниже и переместила плотно набитый деньгами бумажник «профессора» в карман Алтынова. Молодой человек чрезвычайно редко использовал ма-

¹⁶ Босс всех боссов (*итал.*).

стерство своих рук для целей такого рода, однако тут был случай особый. Юрий Алтынов страстно желал включить в дело все свои навыки великого профессионала – виртуоза самых невероятных трюков и манипуляций. Все было проделано молниеносно, с таким блестящим мастерством, что «профессор» только улыбнулся появлению ростовчанина: «А, похититель женщин!..» Он был одет в серо-зеленый двубортный костюм и совершенно необычного лимонного цвета сорочку с низким воротником-стойкой. «Профессор» был ростом не выше одного метра шестидесяти, со светлыми невыразительными глазами и бледной, пожалуй даже с какой-то зеленцой кожей лица. Короткие редкие волосы были посередине разделены пробором, шею окаймляла татуировка, напоминающая веревку заплечных дел мастера, а с открытой на американский манер груди на византийской золотой цепи свисал массивный гранатовый крест. Молодой человек сразу заметил, что на запястье левой руки «профессора» болтаются часы «Вашерон Константин». Тут на губах господина Алтынова мелькнула саркастическая улыбка.

«Своей невероятной оригинальностью вы, профессор, оставили глубокий след в моем сердце. Окажетесь в столице, найдите Институт сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева. Это на Рублевском шоссе. Буду рад продолжить дружеское общение. Скажите, а как с моим предложением прокомментировать человеческое состояние “разнузданный азарт” и “дьявольское возбуждение души”? «Профессор» задумался. Возникла пауза. Скорый поезд номер девять «Тихий Дон» Ростов – Москва стал сбавлять ход. В купе постучали. Проводник Любовь Погоня, благоухая ликером, заявила, что через минуту-две состав подойдет к станции Поварово. «Добре, любезная. Ты, Василий, иди помоги мамзели, которая с нами осталась», – сказал «профес-

сор». – «А я вам помогу», – предложил ростовчанин. «Давай! Я не против. Только на дорожку присесть надо».

Мужчины сели.

Юрий Алтынов развернул лист бумаги и стал писать: «Уважаемый господин профессор! Приглашаем вас на наше венчание. Оно состоится 13 июня в 1.40 минут в шестом купе скорого поезда “Тихий Дон” Ростов – Москва. С почтением – Юлия Боярова и Юрий Алтынов». «Оригинальная бумага. Не верится. Впрочем, с Богом!» – сказал «профессор» и встал первым.

Каждый взял по чемодану, и они вышли в коридор. Василия и Эстер ни в купе, ни в проходе уже не было. «Где ваши помощники, профессор?» – «Они выходят из другого вагона». – «Как все тонко продумано», – дружелюбно сказал молодой человек.

Перед тамбуром дорогу им перегородил какой-то ящик. «Профессор» замешкался, ему трудно было обойти преграду со своим чемоданом. Господин Алтынов на мгновение взял его за кисть левой руки, перенимая багаж. Молодой человек заглянул в служебное купе: «Мы здесь, Любочка!» Впрочем, проводницы не было. На столике стояла початая бутылка «Амаретто», а на плечиках одиноко висел фирменный китель. Ростовчанин сделал молниеносный пируэт над униформой Погони и выскочил в тамбур.

Состав подошел к платформе. Начальник поезда начал передавать по радио какую-то информацию. Молодой человек легко, с чувством полнейшей удовлетворенности сошел с двумя чемоданами на перрон. Вздохнув полной грудью, он мечтательно сказал: «Какая замечательная прохлада... Спускайтесь, профессор, порадитесь ночному воздуху. Он обласкает вас, как самая знаменитая гетера».

«Профессор» выходил из вагона очень церемонно и величественно, как выходят царственные особы или амбици-

озные политики. Его убедительный вид мог бы вынудить любого честолюбца к немедленной покорности. Было в нем нечто магическое, что сразу выделяло его из толпы. Господин А. подал ему руку, и таинственный мэтр ступил на землю Поварова. Его встречали несколько крупных, хорошо одетых мужчин. С одним из них, стоящим впереди всех, он дружески обнялся. Господин Алтынов почувствовал свою ненужность, но твердо решил завершить начатый спектакль.

«Счастливо, профессор. Спасибо за поддержку молодой семьи. Так что же все-таки такое “разнузданный азарт” или “дьявольское возбуждение души”?» – «Покорение воли человеческой. Когда ты несколько минут назад трясся передо мной как осиновый лист, готовый отдать все, что бы я ни потребовал, – ты на время моего воздействия стал крепостным моей воли, вассалом моих желаний, рабом моего слова. Именно в это мгновение я испытал “дьявольское возбуждение души”, “разнузданный азарт страсти”. Момент покорения чужой воли – вот, пожалуй, моя высшая радость, пик моего блаженства. Понял?» – «Да, профессор. Вы верно описали синдром маниакальной гипертимии – господство положительных, стенических эмоций, сопровождающихся полной расторможенностью. У меня несколько другая версия. Она больше подходит под описание диагноза гебефренического синдрома: финал успешного действия, вызывающий двигательное возбуждение, переходящее в пуэрильность и ребячливую дурашливость». – Тут он вспомнил о краже туго набитого бумажника, а также снятых с левой руки «профессора» своих часов – в тот момент, когда они замешкались у ящика перед тамбуром, – и радостно улыбнулся.

«Добре! Добре... Дискуссия может быть продолжена на нашей будущей встрече. Переходи в наш лагерь, московский доктор Алтынов...»

Поезд тронулся. Господин А. смахнул с глаз слезинку, окинул присутствующих ласковым взглядом, послал всем воздушный поцелуй и прыгнул на подножку вагона.

Скорый поезд номер девять «Тихий Дон» Ростов – Москва, набирал скорость и двигался на северо-восток.

Настоятельная потребность продолжать вечную игру заставила господина Алтынова отложить встречу с возлюбленной. Он замыслил несколько дополнительных сцен в развитии сценария «Букмекерского экспресса» и неся в шестое купе, где его ждала Врубельская. Пробегая мимо служебного помещения Погони, молодой человек заглянул в него, вытащил из кармана форменного кителя свои часы «Вашерон Константин» и туго набитый бумажник «профессора». Молодой человек вынул из него пачку долларов, три царских золотых червонца и несколько пятисотрублевых купюр. Он бегло пересчитал деньги – всего было около семи тысяч долларов, – вложил в верхний карманчик кителя проводника сто долларов, а пустой бумажник швырнул в окно мчащегося поезда и побежал дальше.

Колесные пары на стыках отбивали ритмичные, хорошо знакомые звуки.

Юрий Алтынов влетел в купе, полный радости. В ушах господина А. стоял гул воображаемых аплодисментов за прекрасно сыгранные сцены пьески одного актера. Именно в этих восторженных чувствах и купался игрок из Ростова, стремящийся покорить российскую столицу.

Молодой человек не хотел посвящать Врубельскую в тайны мини-спектакля, только что успешно закончившего-

ся, а мысль о необходимости срочно переходить на новую театральную площадку побудила его с нежнейшей заботливостью обратиться к молодой женщине: «Яночка, я очень счастлив вас видеть. Последние тридцать-сорок минут, хочу признаться, постоянно ощущал нехватку вашего общества». – «Судя по тому, что не были слышны свистки милиции, никто не остановил наш состав стоп-краном и в вагоне нет следов крови, вы, мой любимый директор, успешно завершили свое очередное представление». – Врубельская, возбужденная появлением Юрия Алтынова, сияла от счастья. «Шалости мешают ощущать себя великим. Искушение исполнить красивый миниатюрный трюк часто превышает честолюбивый порыв на грандиозной спектакль, а мастерски сыгранный фрагмент или сочный эпизод затмевают успех всего представления. Сейчас перед нами новая задача: обольстить, подвигнуть пассажиров на высокие закладные. Возьмите лист бумаги и записывайте: Иван Бородин. Ставка – одна тысяча пятьсот долларов. Маршрут: Пенза – Мичуринск – Давыдково – Курск – Орел – Москва». – «Заклад принят. Что дальше?»

«Начинаем работу. Выходите в коридор, врывайтесь в каждое купе, трясите каждого пассажира. По информации Погони, самые богатые путники едут в третьем, четвертом и пятом вагонах. Будите господ возгласом: “Я обвиняю вас в бездействии! «Букмекерский экспресс» набирает скорость, а ваших закладных в портфеле еще нет!”» С присущим вам изяществом и деликатностью переходите от дерзкой критики к душещипательным разговорам о любви, музыке, об отдыхе на Лазурном Берегу и морских прогулках за китами в Портофино. Если кто-нибудь захочет вас оскорбить – примите это с покорным достоинством. Если кто-то начнет говорить с вами о любви – открывайте пошире сумку и принимайте ставки с пожеланиями удачи. Никогда не оценивайте

ущерб, больше рассказывайте о профите; никогда не изворачивайтесь – лучше быть непризнанным гением, чем уличенным лгуном. Всегда помните, что беременность – еще не плодовитость, а желание – еще не выразительный успех. Предмет особого внимания букмекера – лица кавказской национальности. Ослепляйте их своими обольстительными сверкающими глазами, очаровывайте блестящей высокой лексикой, изяществом поведения и изысканностью манер. Гипнотизируйте всех – мужчин и женщин – кучей денег. Держите купюры в прозрачном мешке: тогда ловцы быстрого счастья будут лицезреть предмет искушения, их нервная система должна дрогнуть, обязана воспалиться перед массой стодолларовых ассигнаций, перед напором чарующего художественного слова, перед эротическим полем колдуньи ночного романа, перед сценарием гениального автора! – «Bravo, dottore!» – «Prego, cara signora! Avanti! I gran soldi e un fantastico giuoco ci aspettano»¹⁷. Пожалуйста, дорогая синьора».

Артисты камерной труппы вышли на сцену. Поезд, разгоняя ночную мглу, мчался по новому маршруту в столицу России. До Пензы оставалось около двух часов. Согласно сценарному плану, господин Алтынов встал в коридоре у пятого купе, держа в руках книжку Гиляровского «Москва и москвичи». К нему тут же подошла Любовь Погоня и стала о чем-то расспрашивать.

Выход на сцену Врубельской напоминал появление капризной и величественной примадонны. Ее чарующий взгляд смог моментально снять хандру и недомогание с любого мужчины, а походка напоминала движение чуда, грациозно шагающего в сладком сне. В одной руке Яна

¹⁷ Вперед! Большие деньги и фантастическая игра ждут нас (*итал.*).

держала открытую папку с листом бумаги для записей, где уже значилась фамилия Ивана Бородина, сумма его закладной и первая, путающая других игроков версия маршрута; в другой руке – сумку с долларами. Через плечо у нее висела заморская лайковая сумка с вкраплениями кусочков крокодиловой кожи. «Ах, опять что-то новое?» – удивилась Погоня. «Пожалуйста, не мешай. В своем кителе ты найдешь сто долларов. Это наше пожелание доброго сна». – «Ах, мне опять следует не высовываться и сидеть на своем месте». – Проводница вернулась в служебное купе.

Молодая шикарная дама подошла к первому купе и требовательно постучала в дверь: «“Букмекерский экспресс” принимает ставки. Ваши версии, господа? Кто отгадает маршрут, выигрывает огромные деньги. Кто больше поставит, тот больше получит: кто отважится, тот порадуется, кто рискнет, тот горы свернет». На ее ультимативный, но и словно бы ласкающий, обволакивающий призыв нельзя было не откликнуться, а ее аура была гипнотически притягательной.

«Какова минимальная ставка?» – высунулся первый пассажир. «Минимальная – не знаю. Но первая ставка – полторы тысячи долларов». – «Ого! Примете двадцать долларов?» – «Фамилия?» – «Леша Медяшкин». – «По какому маршруту пойдет поезд?» – «Что сказал первый?» – «“Пенза – Мичуринск – Орел – Москва”». – «А я скажу: “Пенза – Тамбов – Рязск – Рязань – Москва”». – «Записала. Кто следующий?» – «Смуров Борис Иванович, ставлю сто долларов на маршрут “Пенза – Черусти – Шаховская – Москва”». – «Двести долларов на версию: “Пенза – Липецк – Курск – Орел – Москва”. Запишите – Иван Ешинин».

Народ повскакивал со своих мест и стал выходить в коридор. Тут возникла сутолока, пошли бесконечные переговоры и гадания: кто организовал «Букмекерский экспресс»,

замечено ли мошенничество, есть ли подозрительные люди, как поступить правильно – сделать ставку или вызвать милицию? Господин Алтынов примкнул к переговорщикам и всячески подбадривал тех, кто готов был рискнуть и поставить куш на свою версию. Тут молодому человеку пришла мысль, которая, как ему показалось, должна была кардинально усилить букмекерский азарт. Он направился в восьмой вагон к начальнику поезда, где был расположен радиоузел. Проходя мимо Врубельской, он дал ей понять, что скоро вернется.

Дополнение к сценарию «Букмекерского экспресса» состояло в следующем: господин Алтынов решил еще раз купить начальника поезда. Первый раз он это сделал, когда посадил к нему в купе Боярову. Тогда решение вопроса обошлось в пятьдесят долларов, сейчас он хотел предложить ему уже пятьсот долларов, чтобы тот обратился по местному радио к пассажирам со следующим объявлением: «Несколько активистов, дабы развеять стресс, связанный с переадресовкой состава по неведомому маршруту, организовали прием закладных. Каждый желающий может включиться в игру, сделав ставку на свою версию маршрута. Руководить приемом ставок поручили молодой пианистке Воронежской филармонии Жанне Бичерской. Многие пассажиры уже включились в игру. Менеджеры “Букмекерского экспресса” сейчас обойдут все купейные и спальные вагоны, а потом все желающие могут собраться в вагоне-ресторане, куда переместится штаб нашей игры. Ресторан будет работать до трех часов ночи, напитки и музыка будут предложены пассажирам в самом широком ассортименте».

Начальник поезда оказался твердым орешком, который знал толк в бизнесе. За услуги он потребовал от молодого человека тысячу долларов при одном обязательном

условии: в поезде находились двое милиционеров из спецотряда сопровождения пассажирских составов, их необходимо было купить. Господин Алтынов тут же бросился в вагон-ресторан, где могли находиться милиционеры, и нашел их сразу. Прапорщик сидел к нему лицом. Он был совершенно лыс, как будто даже старательно выбрит, голова его сверкала, словно ее начистили ваксой. Полные щеки свисали к воротничку униформы, веки были полузакрыты, как ставни мерцающих окон. Другой тучный страж порядка сидел к нему спиной, заросшие складки на шее и большие волосатые уши придавали его голове сходство с бычьей. Молодой человек устроился рядом, кашлянул и заговорщицки шепнул: «Хочу порадовать вас приятнейшим известием. Пока стыл ваш чай, каждый из вас заработал по двести пятьдесят долларов. Группа активистов “Букмекерского экспресса” делегировала меня передать вам эту сумму. Многие после сообщения о крушении впали в депрессию. Чтобы восстановить радость в душах по случаю великого праздника Дня независимости России, смельчаки, интеллигентнейшие люди со всей страны, организовали спор: кто правильно назовет маршрут движения нашего поезда. Создана специальная комиссия, которой руководит известная пианистка Жанна... фамилию запомнювал». – «Бичевская?» – вставил прапорщик. «Вполне возможно. Не буду спорить». – «Здорово!» – сказал другой. Он оказался совсем молодым сержантом. «Многие считают, что присутствие чиновников такого серьезного ведомства, как ваше, будет смущать участников представления и азарт не достигнет своей высшей точки. Дорогие друзья, начальник поезда приготовил для вас специальное двухместное купе, а я должен презентовать вам самую замечательную бутылку на добрый сон». – «Кто даст нам деньги?» – «Это справедливое дело поручили мне. Прошу проследовать за мной

в тамбур для полного расчета, а затем в специально отведенное место для крепкого, здорового сна». – «Разрешаете мне сделать ставку?» – каким-то обиженным тоном сказал верзила с юношеским непорочным лицом. «Я пришлю в вашу купе пианистку». – «Здорово! А я покумекаю, на какой маршрут поставить. Мне необходимо выиграть. Деньги нужны. Как вы думаете, шансов на выигрыш много? Я бы подыскал в деревне подходящий для покупки дом, чтобы создать семью. Нынче добротные деревянные дома с печкой и чуланом не больше тысячи пятисот долларов стоят. Но где найти такие деньги, вы не подскажете? У вас в Москве проще, там у наших коллег приработки приличные, а что в провинции? Здесь денежных людей нет. Я впервые в жизни держу в руках американские доллары. Пока еще не совсем верится, что они принадлежат мне». – Сержант милиции сделал жест удивления и со словами «эх, была не была!» резко махнул рукой. Какая-то нерешительность и слабость промелькнула в его юношеских глазах.

Наступило молчание. Господин Алтынов искусственно затягивал паузу, впиваясь взглядом в молоденького верзилу.

«Каким же образом можно заработать деньги?» – воскликнул сержант милиции. Он хотел еще что-то сказать, но внезапно умолк. От неожиданно откровенного признания его вдруг охватили смутное беспокойство и растерянность. Огромный покатый лоб двадцатилетнего милиционера покрылся холодным потом, лицо стало мертвенно-бледным, а губы задрожали – то ли от страха, то ли от горькой обиды.

«Я обязательно придумаю для вас идею заработка, и не где-нибудь в Цивильске или Сызрани, а прямо здесь, в поезде. Долго будет помниться вам совершенно случайная прибыль, которую вы получите нынешней ночью. Никакой работы, а добрый и честный заработок. Ждите меня в купе, которое отведено для вашего отдыха». – «Меня не

забудете?» – настороженно спросил прапорщик. «И вы по-радуетесь!»

Молодой человек определил милиционеров в назначенное место и поспешил к начальнику поезда с требованием немедленно выйти в эфир с сообщением о проводимой игре по закладам. Согласно первоначальной договоренности, тот должен был повторить сообщения о тотализаторе три раза с промежутками в тридцать минут. За двадцать минут до Пензы необходимо было пустить по местному радио другой текст: «Прием закладов окончен. Все участники “Букмекерского экспресса” приглашаются в вагон-ресторан для подведения итогов игры». Но теперь начальник поезда выдвинул новые требования: за работу он просил уже полторы тысячи долларов. Господин Алтынов тут же согласился и отсчитал ему аванс. Молодой человек настоятельно потребовал от чиновника железнодорожного ведомства строго по времени выполнять его инструкции. «Прошу вас, только не пейте водки, чтобы точно по времени выполнить мое задание. Иначе я опустошу ваши карманы пылесосом “Бурани”!» – пригрозил он. После того как по местному радио известный текст был прочитан, господин Алтынов бросился в двенадцатый вагон помогать Яне Врубельской.

Внутренняя, строгая, буквально монастырская дисциплина была одной из главных составляющих его успеха. Молодой человек был посвящен игре весь, полностью, и не было ничего главнее этого его игрового возбуждения и страсти.

Юрий Алтынов застал артистку камерного театра уже в одиннадцатом вагоне. Госпожа Врубельская, с набитым долларовыми и рублевыми купюрами мешком, была окру-

жена пассажирами. Каждый торопился назвать свою версию маршрута движения скорого поезда «Тихий Дон» Ростов – Москва и сделать ставку. Букмекер едва успевала заносить в свой учетный лист имена игроков, а ее новый помощник, долговязый господин Ползунков, размашистым почерком готовил официальные расписки организаторов блицигры: от лица N получена сумма Z за маршрут Y. «Запишите: Кириленко Герман Васильевич. Ставлю одну тысячу рублей на маршрут Пенза – Курск – Тула – Москва». – «Нина Чиханова. Моя версия: Пенза – Тамбов – Рязань – Владимир – Москва. Двести долларов». – «С самого раннего детства меня зовут Цезарь Кавось. В дошкольном возрасте мои родители называли меня “Цусик”. Боюсь ошибиться, но я хочу поставить на две версии, по сто долларов на каждую. Первая: наш поезд не придет на конечную станцию. Может, он все же доберется до столицы, но окажется не на Курском вокзале, как сказано в расписании, а на Павелецком или Ярославском. Вторая: думаю, что проиграю, но хочу поставить заклад, что порядковый номер нашего вагона на конечной станции будет не одиннадцатый, а седьмой. Вот такое у меня предчувствие. Примете мои версии?» – Господин Кавось старался говорить уверенно, но сила его речи противоречила скромности притязаний на крупный выигрыш. Это был кучерявый мужчина лет сорока пяти, среднего роста, умеренного телосложения, с бегающими карими глазками. Его толстые губы были постоянно открыты, в разговоре он закатывал глаза куда-то под самый лоб, словно нуждался в тайной поддержке потусторонних сил.

Цезарь Кавось рушил драматургию «Букмекерского экспресса». В тексте пьесы ничего не говорилось о названии столичных вокзалов и нумерации вагонов поезда. Впервые за свою новую артистическую карьеру госпожа Врубельская замешкалась, на мгновение растерялась, не

понимая, как повести себя правильно, чтобы спасти спектакль. Вдруг она увидела перед собой суфлера, который всем своим видом показывал ей, что готов взять на себя дискуссию с оригинальным господином. «Я желала бы обратиться к публике, уже сделавшей высокие ставки, чтобы они рассудили, имею ли я право брать с вас ставки. Вот вы, молодой человек из двенадцатого вагона: каково ваше мнение?» – «Пользуясь лексикой господина Кавося, во-первых, я возражаю, во-вторых, я не имею ничего против. Поясню: нам всем известна главная тема игры – правильно назвать города, через которые пройдет наш поезд в столицу. Так что вопрос с вокзалами становится совершенно актуальным. Но, идя навстречу нашему симпатичному попутчику, я не имею ничего против того, чтобы предложить уважаемой публике новую тему игры – как бы вторую интригу: на какой вокзал столицы прибудет наш поезд? Запишите меня на новом учетном листке: Иван Бородин, триста долларов. Мой вокзал – Казанский. Что касается нумерации вагонов, то вариантов для щекотливой игры тут минимально – всего два. Не думаю, чтобы наша публика вас поддержала». – «Я и господин Ползунков такого же мнения», – заявила букмекер. «Пожалуйста, Цезарь Кавось готов взять свое предложение обратно. Только не делайте из этого мировую трагедию. Ничего особенного не произошло, я совершенно не хотел кого-либо обмануть или обидеть. Уверяю вас, мне это ни к чему. Дамочка, запишите, что я поставил сто долларов на Павелецкий вокзал столицы». – «Вы, я вижу, не будете против того, чтобы войти в организационный комитет нашей игры», – Врубельская улыбалась Кавосю. «А как вы это видите?» – «Читаю по вашим глазам, что вы хотите мне помочь». – «Какая у вас богатая интуиция! Кто входит в вашу компанию?» – «Я и господин Ползунков». – «Кто это – Ползунков?» – «Это я – Ползунков Иван

Альфредович». – «Вы когда-нибудь делали ставки на бегах, на футбольных чемпионатах, на заездах пилотов Формулы-1?» – «Я сделал заклад и записал свою версию маршрута нашего поезда. Это в первый раз». – «Замечательно! Какова ваша комиссия?» – обратился господин Кавось к букмекеру. «Десять процентов». – «Сколько моих?» – «Два с половиной из десяти. Четверть». – «Что в кассе?» – «Чудеса! Более трех тысяч долларов». – «Сколько вагонов вы обошли?» – «Второй».

«В составе семнадцать вагонов. С вагона полторы тысячи долларов...» – «Вагоны третьего класса считать не следует, а их пять штук». – Госпожа Врубельская вопросительно посмотрела на Юрия Алтынова. Она ждала совета. Но молодой человек не считал необходимым вмешиваться в диалог. Он лишь стоял рядом и как будто читал книгу Гиляровского.

«Двенадцать вагонов по полторы тысячи долларов. Это восемнадцать тысяч долларов. Два с половиной процента – это четыреста пятьдесят долларов. Совсем неплохо, милая дамочка». – «Это ваша бухгалтерия, господин Кавось. Женские цифры несколько скромнее. Какая бы ни была касса, ваша комиссия постоянная и пересмотру не подлежит». – «Милая дамочка, прошу вас на минутку в сторонку. – Господин Цезарь Кавось перешел на шепот. – Верните мои сто долларов, поставленные на Павелецкий вокзал. С вами наверняка можно заработать намного больше. Поясните, пожалуйста, есть ли специальная премия для особых случаев. Например: Цезарь Кавось самостоятельно нашел инвестора, поставившего крупную сумму денег в заклад. Казино практикует выплату гонорара тем, кто привлек за игровой стол богатых клиентов. С кем обсудить этот вопрос?» – «Не возражаю вернуть вам сто долларов. Пожалуйста. Но я обязана закрыть программу “Московские вок-

залы” и отдать молодому человеку из двенадцатого вагона его деньги. Касательно гонорара: пока вы принесли компании, проводящей тотализатор, лишь убытки. Впрочем, я готова обсудить с вами каждый конкретный случай вознаграждения. – Тут она мельком взглянула на своего суфлера, который знаком, потерев указательный палец, дал понять, что необходимо приблизить собеседника. И госпожа Врубельская начала неистовую атаку на Цезаря Кавося:

«Такие умные люди, как вы, востребованы любым обществом. Буду польщена, если вы окажетесь рядом в проведении “Букмекерского экспресса”. Но я женщина, а, как вы знаете, у нас преимущество отдается чувствам, а не бизнесу. Когда я смотрю на вас, меня интересует совсем другое!.. Скажите, трудно быть красавцем? Женщины, видимо, липнут к вам, повсеместно пристают с признаниями в любви, шлют записки с приглашением на свидания, требуют ласки и внимания. Они уверены, что вы рождены для того, чтобы сделать их счастливыми. Что Цезарь Кавось является их собственностью, их куклой, любимой игрушкой. С помощью всяких приемов они мечтают пробраться в вашу спальню ночью, разжигают желание интимной близости, ахают и охают, когда вы проходите мимо, шлют воздушные поцелуи, когда не могут дотянуться до вашего мужественного лица губами».

Выбор лексики возбуждающе-ласкового тона был подсказан богатой интуицией артистки алтыновского камерного театра, он сулил ей молниеносный и уверенный успех. Ловушка для возбуждения тщеславия российского обывателя была выстроена великолепно. Она притягивала к себе фантазиями возможного и реальностью слышимого, она возбуждала чувства и умиротворяла гордость. «Неужели вы позволите мне встать в очередь женщин, ожидающих вашего внимания? Мне, известной пианистке Воронежской

филармонии Жанне Бичерской! Что, вашей партнерше по тотализатору “Букмекерский экспресс” суждено томиться со всей этой шатией влюбленных женщин в ожидании чуда вашего внимания? Не верю, Цезарь Кавось!

*А юбка, шуриша крахмалом,
в ушах звенела, дрожала,
Как полог цветного шелка
под сталью пяти кинжалов.
Он сдернул шелковый галстук,
а я наряд разбросала,
Он снял ремень с кобурой,
а я четыре корсажа.
Такой белизны не ведут
цветам и апрельским сливам,
Стекло под луной не вспыхнуть
таким голубым отливом.
Он сонных грудей коснулся,
шелковую блузу смахнув,
И жарко они раскрылись
кистями ночных жасминов.
И лучшей мире дорогой,
до первой утренней птицы,
Целовал меня этой ночью
кучерявый еврей Цезарь Кавось».*

После собственной интерпретации стихов Гарсиа Лорки она с каким-то детским озорством расхохоталась. Ее звонкий голос пронесся по всему вагону.

Мужчина растерялся. Он видел перед собой ослепительные голые плечи, открытые, стройные, бронзового цвета ноги, манящие своей упругостью обнаженные груди. Это было выше сил господина Кавося. Он, доведенный

до исступления прекрасными образами Яны Врубельской, воскликнул: «Докажите, что вы не смеетесь надо мной! Я готов разделить все свое время с вами, милая дамочка, ровно с такой же непомерной горячностью, с какой вы произносили вашу речь провокатора...» – «Увлеченной женщины!» – «Если вы осмелили меня, я отказываюсь участвовать в вашей авантюре. Вы можете возразить: беда невелика! Так знайте, без Цезаря Кавося ваш доход будет минимальным, а моральный ущерб непомерным. Я человек скромный, но у меня есть одно достоинство: я всегда ищущу деньги». – «Отказываюсь вас понимать: мы уже договорились, что после Пензы начнется наш любовный роман. Это моя инициатива. Это я соблазняю вас. Это я мечтаю почувствовать вашу силу искрометного любовника, гипноз красавца, страсть повесы. Но пока вся сила наших сердец должна быть отдана тотализатору. Первой азартной игре моей жизни. Вы должны помочь нам выиграть, Цезарь! А потом великую страсть игрового азарта мы переместим на влюбленность наших душ, на эотику наших помыслов, на жар наших поцелуев. Впрочем, перед тем как спуститься с вами в адский котел грешников, прошу раскрыть секрет: как вы, герой-любовник, тратите деньги? На какие удовольствия вы всегда готовы выложить последнее, перед чем вы не устоите?» – «Почему вам об этом, милая дамочка, хочется знать? Открывая такую тайну, я могу стать вашим заложником. В моем возрасте это не совсем желательно. Хочу пощадить ваше любопытство. Впрочем, разрешаю высказать одну версию, которая, видимо, у вас уже готова. Говорите, милочка...» – «Хочу сказать, но боюсь...» – «Успокойтесь. Я снисходителен ко всяким причудам, если они не пошлая грубость или насмешка». – «Как вы можете, господин Кавось!» – «Цезаря Кавося никому бояться не следует, а вам, милочка, тем более». – «Вы гурман. Чревоугодник. Если

во время нашего страстного свидания вам принесут утку по-пекински или винные улитки Эльзаса в чесночном соусе, вы забудете меня напрочь. Пока вы все это не слопаете, пока тарелки не опустеют и ваше обжорство не будет удовлетворено, вы, видимо, не удостоите меня вниманием. Это будет неслыханной дерзостью, самым подлым и коварным ударом: вынудить Жанну Бичерскую приревновать своего кавалера к кулинарным деликатесам. Жуть! Тяжелейшее испытание. Неумная боль. Если что-либо подобное вы себе позволите, я возненавижу, я убью вас, Цезарь Кавось. В момент отчаяния полностью раскрываются все злые силы собственного духа». – «Неужели я вам так понравился?» – совершенно искренне удивился господин Кавось. «Страшно! До чертиков! Поэтому я боюсь вашего коварства. У меня есть все основания полагать, что мне достанется лишь разочарование сердца, оскорбленного вашей чревофилией». – «Скажу откровенно, милочка, у вас великая интуиция. Вы попали в самую точку. Как вам это удалось? Я действительно питаю слабость к вкусной еде». – «Увлеченность вами раздвигает границы возможного». – Врубельская бросилась ему на шею и впиалась в его губы.

«Bravo, grandiosita attrice»¹⁸, – пронеслось в голове господина Алтынова.

Цезарь Кавось задыхался от волнения. Голова шла кругом, как после катания на «американских горках» Он хотел было взять себя в руки, чтобы трезво управлять собой, но силы предали его. Он подумал отстранить эту взбалмошную молодую женщину, но искушение парализовало его. В какой-то момент господин Кавось решил отдаться страсти, но публичность происходящего затормозила его эротический порыв. Он почувствовал вдруг какую-то великую усталость,

¹⁸ Bravo, великолепная актриса (*итал.*).

обмяк, потяжелел, одурманивающий туман окутал его разум, и господин Кавось совершенно неожиданно для самого себя стал послушным рабом Яны Врубельской.

Наблюдавший за всей этой сценой режиссер спектакля господин Алтынов в этот момент произнес про себя: «Grandiose! Pero, per favore, tranquillo! Questa gioia insolita e inaspettata strazia il cuore di un uomo semplice. Lei e... una bestia! Tutte le stelle di Hollywood invidiano il suo talento. Per conquistare Mosca non mi bastera comunque inscenare con lei un'opera teatrale»¹⁹.

Молодая дама взяла свою жертву за руку. Рука оказалась влажной и липкой, как будто ее облили сладкой водой. Врубельской стало противно. От напряжения душевных сил где-то в горле лопнул сосуд. Запершило. Однако она сверкнула счастливыми глазами и театрально бросила: «Вперед, Цезарь! Ползунков, не отставать! В третьем купе нас ждет клиентура. Так, порадуемся же, господа!»

«Bravo, grandiosita attrice!» – заплодировал молодой человек, читающий Гиляровского. Он и еще несколько зевак пошли за ними следом.

Первобытный азарт – нескончаемая интрига в истории человечества.

Врубельская чувствовала себя как на экзамене. Всегда рядом, всегда неотступно за ней следовали огненные, дьявольские глаза Юрия Алтынова. Она мечтала этой ночью сыграть свою лучшую роль. Перед ней стояла задача раз-

¹⁹ Великолепно! Только, пожалуйста, чуть спокойнее. У бедного мужчины от такой неожиданной и необыкновенной радости может лопнуть сердце. А она – бестия! Ее актерскому мастерству позавидовали бы все звезды Голливуда, вместе взятые. Для покорения Москвы мне придется сыграть с ней не одну пьесу (*итал.*).

будить, всколыхнуть чувствительные струны богатых пассажиров спальных вагонов, чтобы пополнить кассу «Букмекерского экспресса». Но не только деньги интересовали ее. Больше всего волновало ее признание главного режиссера труппы камерного театра. Она выходила на театральную сцену третьего вагона с благоговейным трепетом, как студентка перед сдачей зачета. Ее преимуществом был талант, ее спутником – удача, ее ангелом-хранителем – автор пьесы, носителями шпаргалок – хитроумный отличник Цезарь Кавось и простодушный хорошист господин Ползунков. Яркие составляющие давали ей чудесные привилегии. Врубельская была полна решимости воспользоваться ими на славу! Она рассматривала лица пассажиров, как рентгенолог – снимки больных, как гаишники – красные физиономии пьяных водителей, как пляжные кавалеры – девственниц среди сочинских отдыхающих. Она искала жертву. Чутье одаренного человека и опыт дамы полусвета подсказывали ей, что крупная рыба где-то совсем рядом. Ее голос звучал теперь очень эмоционально, а глаза блестели дьявольски соблазнительно:

«Полторы тысячи долларов – самая крупная ставка нашего тотализатора. Кому удастся поймать фортуна? Кто тот счастливчик, который заберет из рук известной пианистки Жанны Бичерской всю кассу “Букмекерского экспресса”? Вы уже сделали ставку? Чья версия будет вызывать зависть? Где они, гениальные провидцы? Выходите все! Делайте ставки! Будоражьте свои сонные сердца. Открывайте свои души для азарта ночи. Впрысните адреналин в скупающие головы. В кассе уже более четырех тысяч долларов. Курс ставок держится на отметке один к семи. Удача рядом! Вы чувствуете запах денег? Они готовы выпрыгнуть из моего мешка в ваш карман, господа! Призываю счастливчиков, которым достанется выигрыш, в День

независимости десять процентов от куша пожертвовать на поддержку музыкальных школ, увеличение стипендий одаренным студентам и доплату алчным чиновникам, чтобы предотвратить взяточничество».

Главный профессиональный экзамен ожидал Врубельскую в пятом вагоне. В глубине души она чувствовала холодок нервозности. Но страстное увлечение игрой не позволяло сосредоточиться на предстоящей серьезной проверке своего таланта.

В третьем и четвертом вагонах букмекерская касса пополнилась солидным кушем. Врубельская, она же Жанна Бичерская, двое ее помощников, Кавось и Ползунков, всем сердцем радовались развитию бизнеса. Господин Алтынов тщательно следил за всем происходящим, лишь изредка посылая своей актрисе одобрительные знаки. Команда сопровождения разрослась до пятнадцати человек. Среди них появились женщины. Все не спускали глаз с денежного мешка. Он был набит долларами, рублями, немецкими марками. Один англичанин выписал даже дорожный чек на сто фунтов стерлингов. Маршрут он указал довольно странный: Пенза – Пачелма – Тула – Вязьма – Лондон – Манчестер. Врубельская какое-то время пыталась объяснить иностранцу, что русские поезда не летают, как «Аэрофлот», через Атлантику, а туннель под Ла-Маншем закрыт для МПС России. Но англичанин был пьян и потому, видимо, страшно упрям. Буквально насильно он втиснул все же свой чек в мешок с закладными.

Престранные это люди – западноевропейцы.

Вся играющая компания ввалилась в пятый вагон. Ко всеобщему удивлению, выяснилось, что во всем вагоне едет всего лишь один пассажир. Он занимал все девять двухместных купе. В двух первых и двух последних располагались охранники. Между третьим, четвертым и пятым

купе на время следования поезда были сняты перегородки. Так что очень важное лицо занимало вагонное помещение размером 7,5 x 2,4 метра. В шестом и седьмом купе были уложены личные вещи загадочного пассажира. Здесь, в пятом вагоне, Врубельская почувствовала кульминацию своего выхода на сцену «Букмекерского экспресса». Станет ли пятый вагон ее звездным часом?

Когда игроки заполнили вагон, прозвучал второй информационный выпуск местного радио. Двое охранников плотно прижались к третьему купе. Не успела госпожа Врубельская начать исполнение своей роли, как дверь открылась и на пороге появился хозяин пятого вагона. У него было лощенное кремами и массажем лицо, и точный возраст определить сразу было затруднительно.

«Что за бунт в ночном поезде, господа?» – Его тон был спокоен и ровен. Так обычно говорят наделенные властью или состоянием люди.

Врубельская разглядывала его в упор, собирая воедино ощущения и мысли. При ближайшем рассмотрении это оказался мужчина лет сорока – сорока пяти, в меру высокий – около 180 сантиметров, спортивного телосложения. «Играет в теннис», – мелькнуло у нее. Короткие поредевшие волосы светло-каштанового оттенка были тщательно причесаны. «Странно, что он еще не ложился: такие типы обычно следят за собой по предписанию врачей», – подумалось ей. Толстые линзы очков говорили о его близорукости, а золотая оправа – о возможностях и стиле жизни. Едва уловимый коньячный аромат, исходивший от загадочного пассажира, вызвал молниеносный мысленный комментарий молодой дамы. Она тут же про себя заметила: «Remy Martin. Louis XIII». В одной руке он держал незажженную сигару, в другой – раскрытый журнал «Time». Своим видом он давал понять, что его только-только отвлекли от чтения.

Большой бриллиант на безымянном пальце, массивная красного золота цепь с католическим крестом, усеянным изумрудами, открытые, чуть-чуть изогнутые в недовольной гримасе губы, шелковый халат на американский манер времен Великой депрессии натолкнули молодую особу на мысль, что мужчина был закоренелым позером из новой отечественной элиты. «Редко бывает, чтобы представитель новой аристократии читал по-английски. Может, этот крючок и забросить? Проверить?»

«I am sorry. The people are celebrating a national holiday – Independence Day of the new country. So, this is a riot of fun. You speak our language perfectly well. Let's rejoice together».

«Ай спик нот гуд англиш. Рашен гуд», – сказал незнакомец.

«Как я и предполагала, этот тип не владеет языком, – пронеслось в голове у Врубельской. «Прошу прощения, я приняла вас за американского дипломата, I am sorry. Разрешите перевести на русский мой пассаж?» – «Прошу». – Мужчина стал раскуривать сигару. «Я сказала, что у нас во все не бунт, а годовщина национального праздника – Дня независимости. Обратилась к вам с вопросом: нет ли у вас желания порадоваться вместе с нами?» – «Кто спонсирует проведение праздника?» – «Каждый сам по себе, но все вместе». – «Я тоже радуюсь... Пью коньяк, смотрю видео». – «Какой коньяк?» – «Людовик XIII, Реми Мартин».

Госпожа Врубельская про себя усмехнулась. Откуда-то свыше она получила новый энергетический заряд и перешла к боевым действиям. «Смотрите, какая куча денег в моем мешке. Через час эту наличность кто-то выиграет». – «Что за игра – карты, рулетка?»

Господин Алтынов продвинулся вперед. Важное лицо заметило перемещение Алтынова и тут же обратилось к Врубельской: «Вы знаете этого молодого человека?» – Он

указал на ростовчанина. «Нет. Впрочем, да. Он сделал ставку в нашем тотализаторе на полторы тысячи долларов. Его версия стоит один к пяти к номиналу». – «Кто проводит тотализатор?» – «Я, Жанна Бичерская, пианистка Воронежской филармонии, и мои друзья – господа Ползунков, Кавось». – «Честь имею», – сухо бросил Ползунков. Господин Кавось молча поклонился. «Сколько денег в банке?» – Ароматный сигарный дым начал обволакивать коридор вагона. «Еще точно не подсчитано, но, видимо, около двадцати – двадцати пяти тысяч долларов». – Глаза Врубельской горели, верхняя пуговица блузки была расстегнута, прядь волос опускалась к бровям. Ее облик был колдовски интригующим, она могла увлечь любого, даже самого закоренелого холостяка: в нее влюбился бы сам дьявол.

«Вы собрали в этом поезде около двадцати пяти тысяч долларов?» – удивился хозяин вагона. «Да! За двадцать минут до Пензы прием ставок будет прекращен. У вас есть около одного часа. Желаете испытать судьбу? Ставки принимаются без ограничений». – «Объясните мне суть тотализатора». Врубельская почувствовала вдруг возникшую в биополе вокруг незнакомца турбулентность. «Где-то впереди, то ли у Воронежа, то ли перед Москвой, произошла крупная авария. Наш поезд, видимо как и другие, направили по новому, неизвестному маршруту. Каждый пассажир может назвать свою версию движения состава и сделать ставку. Все просто...» – «Хочу пригласить вас в свое купе». – «Меня одну? Мне, право, неловко. Я совершенно вас не знаю. Разрешите господину Кавосю пройти вместе». – «Через пару минут можете приглашать кого угодно. Есть необходимость посекретничать». – «Я останусь перед дверью», – очень твердо сказал господин Кавось. «Да! Не оставляйте меня одну, мой милый друг». – Молодая дама вошла к незнакомцу.

Это было не купе, это была гостиная на колесах, напичканная какой-то бессмысленной, то ли старой – пятидесятые-шестидесятые годы, то ли новой – из Молдавии или Узбекистана – полированной мебелью. Вагонное помещение больше походило на брокантскую²⁰ лавку. Яна Врубельская не пожелала отвлекаться на осмотр всех аксессуаров крепости нового русского аристократа, а сосредоточилась на глазах незнакомца. Он спросил: «У вас есть мобильный телефон?» – «Нет». – «У кого есть?» – «У вас». – «А среди ваших?» – «Наших? Кого вы имеете в виду, артистов Воронежской филармонии?» – «У тех, кто проводит тотализатор». – «Я ни у кого не видела». – «Какова комиссия букмекера?» – «Десять процентов на четверых». – «Я дам вам больше». – «За что?» – «За послушание». – «Музыканты не привыкли к большим гонорарам. После Пензы я в вашем распоряжении». – «Вы должны мне помочь взять под контроль тотализатор». – «Прошу прощения, я вас не понимаю». – «Вы согласны слушаться меня беспрекословно?» – «Нет. Я совершенно не знаю, кто вы и каковы ваши планы. На первый взгляд вы богатый человек. Почему вдруг вы заинтересовались скромным “Букмекерским экспрессом”? Более того, публичным? Неужели для вас двадцать пять тысяч долларов большие деньги? Правда, может быть, я чего-то не осознаю...» – «Я – известный челябинский предприниматель Максим Максимович Сутыгин». – «Жанна Бичерская, пианистка. Направлялась в Воронеж на подписание контракта. Где окажусь завтра – никто не знает. А какой у вас бизнес?» – «Металл, нефть, разное другое». – Он впервые выдавил улыбку. Верхний ряд зубов был весь протезирован. «Грубая работа. У нас в Миллерове сделали бы лучше», – мелькнуло у нее.

²⁰ От *brocante* (*фр.*) – всякая всячина.

«Местных артистов спонсируете?» – «А как же! Приглашаем на вечеринки, в сауну... Есть талантливые молодые люди. Несколько человек имеют мои именные стипендии». – «Молодые дамы?» – «Да! Лучше находиться под моей крышей, чем быть бесхозной демократкой». – «Есть логика. Чем могу помочь такому мощному мужчине?» – «Предлагаю двадцать процентов от всего мешка. Я должен взять банк». – «Для вас это значительная сумма?» – «Не в деньгах счастье. Мой принцип – необходимо отбирать все, что можно и что нельзя. Все, что лежит, стоит, летает, плавает. Материальное и воображаемое». – «Как можно отбирать воображаемое?» – «Прекрасный бизнес – реализовывать чужие идеи. Удовольствие получаешь куда большее, чем когда воплощаешь в жизнь собственные мысли». – «Вам нет необходимости платить больше, чем положено. Назовите версию маршрута. Если вам улыбнется фортуна, то букмекерская комиссия лишь десять процентов». – «Глупышка ты, Жанночка. Я не могу строить свою жизнь на “если выиграю”. Я должен взять мешок “Букмекерского экспресса”. – «Вы меня пугаете. Каков ваш план?»

«Звоню на станцию Пенза, спрашиваю маршрут движения скорого поезда номер девять “Тихий Дон” Ростов – Москва, а ты записываешь точнейшую информацию под заклад в твой талмуд. Чудо очень просто делается. Объясню, почему предлагаю двадцать процентов. Может быть, какой-нибудь чудака случайно назвал этот маршрут. Так ты, Жанночка, своей музыкальной ручкой, – Максим Максимович заговорщицки заглянул в глаза молодой дамы и поцеловал ей руку, – под внутренние звуки Репина дописываешь ложную станцию, и чудака пролетает над выигрышем, как спутник над планетой. Пусть только словом недовольства обмолвится... Двери ночного поезда открываются быстро». Тут госпожа Врубельская заметила на всей левой

кисти Сутыгина татуировку многообещающего содержания: «Х А М». Она проглотила приготовленную реплику, что, дескать, Репин был не композитором, а художником, и лишь попросила: «Можно пару капель коньяку для храбрости?»

«Конечно! – Сутыгин протянул ей бокал и продолжал: – Может, конечно, быть другой вариант развития событий: я называю точный маршрут движения, а ты передаешь эту информацию своим друзьям. Делиться своим ноу-хау не в моих правилах. Мы договариваемся таким образом: я сделаю ставку последним. После моей версии “Букмекерский экспресс” кончает работу, ставки больше не принимаются. Публика ждет победителя – Максима Максимовича Сутыгина. – Он включил “Моторолу” и набрал номер. – Посиди, Жанночка, увидишь чудо!»

Врубельскую охватил страх.словно тридцатиградусный мороз сковал ее тело. Она была так глубоко увлечена тотализатором, всем происходящим в скором поезде, что счастливая улыбка не сходила с ее лица. А тут такое вероломство! У нее отбирают роль удачливого букмекера, грубой силой переписывают сценарий драматурга! Над мешком денег, заслуженно принадлежащим камерному театру господина Алтынова, занесена рука уральского авторитета.

«Алло! Алло! Это Сутыгин. Нечего спать! Поднимайся! Протри глаза, выпей водки, очнись. Есть срочная работа. Буди, Влад, всех. Мне необходима срочная информация от железнодорожной станции Пенза. Запиши номер скорого поезда: девять, “Тихий Дон” Ростов – Москва. Его переадресовали. Мне необходимо знать новый маршрут движения. Через какие станции он пойдет на Москву. Загляните в Интернет. Подними всех в Пензе, в Тамбове, в Рязани. У тебя тридцать минут. Первый, кто получит информацию,

пусть прямо набирает меня. Мой телефон: восемь-девять-сот-два-шесть-сот-восемьдесят-два-сорок-три-сорок-три! Назначаю тебя директором проекта по получению срочной информации о движении поезда. Жду. Пока... Мои люди, – обратился Сутыгин к молодой даме, – быстро найдут разгадку этой истории. В этой жизни я – победитель! Выигрыш будет мой! – Вдруг он, видимо, что-то вспомнил и спешно включил телефон: Влад, звони в ИТАР-ТАСС, диспетчерам МПС, дежурным в МЧС. Произошла крупная авария. Они должны знать о переадресовке поездов. От меня выигрыш никуда не уйдет, человек никуда не спрячется».

В купе постучали: «Жанна, с тобой все в порядке? Публика собралась, просит принять ставки», – раздался голос Цезаря Кавоса. «Все о'кей. Я уже выхожу. Что мне делать дальше?» – обратилась она к Сутыгину. «Когда, ты говоришь, заканчивается прием ставок?» – «За двадцать минут до Пензы». – «В час десять ты должна стоять в пятом вагоне». – «Не смогу. Все играющие собираются в вагоне-ресторане в час ночи. Если меня не будет, произойдет скандал. Выигрыш могут поставить под сомнение». – «Возьми мой второй телефон. Его номер знаю только я. Будет необходимость – позвоню. Ты поняла, что только я выигрываю?» – «Поняла». – «Другой вопрос: как насчет ночного баловства? Больше тысячи долларов я девкам не плачу». – «Я пианистка, своим телом не торгую...» – «Договоримся. Праздника ради накину тебе десятку зеленых. Ты мне понравилась. Хороша...» – «Я никогда не пользовалась мобильным телефоном...» – «Раздастся звонок – нажмешь зеленую кнопку. Закончишь говорить – красную». – «Я пошла». – «Иди, дорогая. – Сутыгин обнял ее, прошелся рукой по груди: – Не балуй, девка. Слушай Максим Максимыча. С достатком будешь».

В вагоне Врубельскую ждал народ. Одни стремились делать ставки, другие наблюдали за происходящим, третьи искали приключения. Молодая дама тут же по-особенному взглянула на Алтынова. Он показал ей на следующий, шестой вагон и стал пробиваться к нему первым. Букмекер приняла несколько закладов и тоже заторопилась.

Они встретились. «У нас неприятности, директор. Господин Сутыгин из пятого вагона дал команду своим людям через МПС, ИТАР-ТАСС, МЧС, начальника станции Пенза раздобыть информацию о новом маршруте нашего поезда. Он требует, чтобы его версию я записала последней». – «Кому он звонил?» – «Какому-то Владу. Оставил ему свой номер телефона и потребовал, чтобы тот, кто первый узнает маршрут движения, немедленно ему позвонил». – «Запомнила номер телефона?» – «Да. Восемь-девятьсот-два-шестьсот-восемьдесят-два-сорок-три-сорок-три». – «Bravo, signora! Bellissimo! Он знает, сколько денег в кассе тотализатора? Ты, надеюсь, сказала больше, чем есть на самом деле?» – «Я сказала, что около двадцати пяти». – «А на самом деле?» – «Около двенадцати». – «Неплохо. Можно было бы поднять еще выше... Возьми тридцать тысяч долларов в свой мешок. За пять минут до контрольного времени запишешь ставку на Юрия Алтынова. Моя версия: Красный Угол – Арзамас – Нижний Новгород – Москва. Через десять минут ступай к Сутыгину. Скажи, что касса выросла до сорока пяти тысяч долларов. Не говори, что только один игрок поставил тридцать тысяч. Если он спросит о размерах закладных, отвечай уклончиво. Capisco, cara signora?» – «Sì, direttore». – «Vene, grazie!²¹ Сейчас многое зависит от нашей пунктуальности. Я бегу к начальнику поезда, чтобы

²¹ «Вы понимаете, дорогая?» – «Конечно, директор». – «Великолепно, спасибо». (*итал.*).

найти тебе надежное укрытие. Там тебя будет ждать парик и форма проводника. У некоторых участников тотализатора твоя великолепная игра вызовет бурный всплеск эмоций. Ты можешь получить от восторженной публики удары букетами, и не только. После того как опустится занавес заключительной сцены, немедленно перебирайся в гримборную. Необходимо создать новый образ – проводника скорого поезда “Тихий Дон” Ростов – Москва. Только прошу тебя, не начинай проверять у пассажиров билеты, а глухо закройся в своем укрытии». – «Сколько времени мне придется отмалчиваться?» – «Как Всевышний этого пожелает». – «А твоя свадьба?» – «Я все помню. Сейчас на афишах нашего театра объявлен другой спектакль: “Букмекерский экспресс”. *Avanti, bella signora. Rapido. Velocimente! I gran soldi e un fantastico giuoco ci aspettano*²². Актеры на сцену. По местам!» – захлопал в ладоши директор театра господин Алтынов.

Молодой человек понесся в восьмой вагон, к начальнику. Он хотел сам проконтролировать финальные сцены спектакля. Самым важным сообщением должна была быть команда «Стоп тотализатор». Восьмой вагон соседствовал с рестораном. Эта традиция российских железных дорог давала существенные преимущества автору пьесы. От купе начальника поезда до ресторана было всего несколько шагов. Господин Алтынов мог молниеносно перемещаться в любом из двух направлений, одновременно пребывать на главных театральных площадках спектакля. Теперь перед ним стояла другая, пожалуй главная, задача: как уберечь Врубельскую в случае эмоционально-психического кризиса участников тотализатора. О третьей проблеме он думал

²² Вперед, дорогая. Быстрее! Мы торопимся! Нас ждут большие деньги и фантастическая игра (*итал.*).

меньше всего – как сохранить сумму выигрыша, куда ее спрятать. Охотников за такими деньгами было много, они таились по закуткам вагонов. В свое время они еще выйдут на сцену. Времени оставалось совсем немного. Он вбежал к начальнику поезда и сразу вручил ему двести долларов: «Мне срочно нужно укромное место для молодой дамы». – «Опять дамы? Одна сидит у меня со станции Поварово. В свое купе не могу войти!». – «На сей раз степень возможных неприятностей намного выше: по пятибалльной системе – от трех целых девяти десятых до четырех целых двух десятых». – «Что это означает?» – «Требуется спрятать женщину». – «Пусть идет в бельевую». – «Там задохнуться можно». – «А если мы подселим ее к милиционерам на третью полку и завалим бельем. К тому же переоденем в форму проводника?» – «Что милиция?» – «Я договорюсь». – «Не против, действуй». – «Через пять минут в эфир должна выйти последняя информация о проведении “Букмекерского экспресса”. Ты успеешь отнести женскую форму в купе милиционеров? Пожалуйста, подбери сорок второй – сорок четвертый размер». – «Что у меня – магазин? Какую найду, ту и отнесу». – «Договорились. Через пять минут я опять у тебя».

Господин Алтынов открыл дверь соседнего купе. Не говоря ни слова, он несколько раз поцеловал Боярову, так же неожиданно и безмолвно выскочил в коридор и помчался в двенадцатый вагон, в шестое купе. В его дорожной сумке находился парик, который теперь он решил отдать исполнительнице главной роли в пьесе «Букмекерский экспресс».

«Привет, Любочка. – Юрий по-дружески обнял проводницу. «Ах, ты такой мокрый...» – «Вот тебе сто долларов для доброго настроения. Срочно открывай дверь, но от ме-

ня не отходи. Я лишь на секунду – и тут же помчусь назад. Да, в Пензе в наш вагон приглашен священник. Мы с Юлей будем венчаться. У тебя несколько купе свободных, подумай, где и как всех разместить. Я полностью полагаюсь на твою умную головку. Я с Юлей появлюсь минут через пятнадцать-двадцать после Пензы. Принимай попа сама». – «Ах, боже мой! Такого пассажира в жизни не видела. Ах, он сошел с ума! Венчаться в поезде!..» Юрия Алтынова уже не было. Он торопился в восьмой вагон.

«Как дела, начальник?» – «Как приказано... Милиция спит крепко». – «Дай ключ. Задумал с ними пообщаться. А вам время включать местное радио».

В купе стояло несколько мешков с постельным бельем. Третья полка была открыта. Готовность к приему Врубельской была проверена. Господин Алтынов вложил парик в карман форменного кителя, потом дернул за плечо спящего молодого сержанта милиции: «Проснись друг, тебя ждет дом, о котором ты мечтаешь». Милиционер мало что понял, но открыл глаза и стал медленно приходить в сознание. «Вы должны помочь молодой женщине. Ей необходимо спрятаться на третьей полке. Мешки с бельем уже приготовлены. Я сам поставил заклад на тебя и твоего коллегу. Если вы сбережете женщину, я гарантирую вам выигрыш. Ты сказал, что мечтаешь купить дом? Будет у тебя полторы тысячи. Жду приглашения на новоселье. Но вы должны гарантировать, что в купе никто не войдет. Женщин сам Бог велит защищать». – «А как со мной?» – подал голос прапорщик. «Вы оба получите по полторы тысячи долларов, если с головы моей женщины не упадет ни один волос. Ждите ее сразу после Пензы. Пароль: “Желаете приобрести дом?” Я появлюсь позже с выигрышем в кармане.

Теперь мне надо убежать. Вы все поняли?» Сержант милиции кивнул головой.

До сообщения о закрытии тотализатора «Букмекерский экспресс» оставалось пятнадцать минут. Скорость поезда номер девять «Тихий Дон» Ростов – Москва, мчавшегося на северо-восток, была девяносто километров в час. Мало кто спал. Пассажиры уже прибывали в ресторан, где через несколько минут должны быть подведены итоги игры и объявлен победитель.

Молодой человек заперся в туалетной, набирая известный номер господина Сутыгина. Он услышал женский голос: «Слушаю». – «Пожалуйста, господина Сутыгина». – «Я не могу его позвать, он в пятом вагоне». – «Яна, это ты?» – «Да!» – «Черт побери! Это его ошибка или наш просчет? Быстрее несись к нему и передай трубку. Даю тебе две минуты... Мою версию ты записала?» – «Да». – «Твое укромное место – в восьмом вагоне, в девятом купе. Пароль: “Желаете купить дом?” Как только я возьму банк, немедленно отправляйся по этому адресу. Два милиционера будут охранять тебя. Скажи Сутыгину, что ему звонят из МЧС... Нет. Скажи, что ты ошарашена звонком неизвестного. Тоже нет... просто передай трубку. Он знает, что в кассе около пятидесяти тысяч долларов?» – «Да. Я была у него». – «Я найду тебя. Удачи».

Господин Алтынов стал нервничать: что за игру предлагает ему соперник? Никакой логики он не видел, тем не менее перебирал в памяти самые разные варианты возможных ходов. Наконец он услышал голос: «Сутыгин слушает. Кто это?» – «Дежурный Волжской железной дороги. Мне поручили сообщить на этот номер, что произошла крупная авария близ станции Воронеж. Все пассажирские поезда, идущие на Москву, переадресованы на другие дороги». – «По какому маршруту пойдет поезд номер девять

«Тихий Дон» Ростов – Москва? – Голос Сутыгина буквально дрожал. – «Минутку...» – Молодой человек смотрел на секундную стрелку. Алтынов понимал: чем дольше он будет томить ожиданием соперника, тем убедительней будет его информация, тем больше денег поставит Сутыгин в заклад. Молодой человек уже слышал раздраженный голос Сутыгина: «Эй, дядя, где ты там, быстрее!..» Отведенное сценарием время вышло, и господин Алтынов сказал в трубку совершенно равнодушным голосом: «Вы слышите меня?» – «Да, да! Быстрее!..» – «Не понимаю, к чему такая спешка. Вы назвали скорый “Тихий Дон”?» – «Да, да». – «Скорый номер девять направлен по маршруту Пенза – Кирсанов – Тамбов – Мичуринск – Рязань – Москва. Как поняли?» – «Повторите...» – «Пенза – Кирсанов – Тамбов – Мичуринск – Рязань – Москва. Ну все». «Минутку!» – раздался голос в трубке. Но господин Алтынов не имел никакого основания продолжать разговор. Он выключил телефон и вышел из туалета.

Молодой человек подошел к купе начальника поезда и вытер вспотевшее лицо. Оставалось четыре с половиной минуты до закрытия программы «Букмекерский экспресс». Впереди его ждала предпоследняя интрига сценария: какую сумму денег выложит самый крупный игрок тотализатора?

В другом конце поезда происходило следующие. Максим Максимович Сутыгин по рассеянности дал букмекеру Бичерской не тот мобильный телефон, который планировал, а тот, чей номер назвал своему помощнику Владу. Поскольку никаких звонков к нему не поступало, он стал нервничать и запутал все основательно. Врубельская нашла его не в пятом вагоне, а в шестом, по дороге в ресторан. Он с охраной направлялся в питейное заведение, чтобы встре-

таться с ней и узнать, как идут дела «Букмекерского экспресса». После разговора с дежурным Волжской железной дороги он уверовал в свою удачу, бросился в купе-гостиную, взял несколько стодолларовых пачек и потребовал от молодой дамы немедленно записать его версию движения поезда номер девять. Врубельская с трудом упростила его, чтобы ставка была сделана публично, чтобы все играющие видели победителя в лицо и, главное, могли бы воочию убедиться, какую огромную сумму денег поставил самый гениальный и удачливый игрок. «Деньги идут к деньгам!» – торжественно воскликнула Врубельская, она же Жанна Бичерская. После этой коронной фразы господин Сутыгин облегченно вздохнул, почувствовав себя победителем. С улыбкой счастливого в сопровождении охранников он вошел в ресторан, занял центральное место перед букмекером и стал отсчитывать стодолларовые пачки. Их было пять. Это означало, что в заклад под свою версию Максим Сутыгин ставил пятьдесят тысяч долларов. Вся играющая публика смотрела на него с почтением и завистью. Едва успела Врубельская записать последние буквы сутыгинской версии, как по местному радио сообщили, что тотализатор закрыт. Все должны ждать станцию Пенза, чтобы, согласно протоколу, узнать имя победителя.

В ресторане появился господин Алтынов. Он заказал себе чай и с трудом устроился в двух-трех метрах от команды букмекера. Игроки были возбуждены, некоторые уже праздновали победу. Поминутно раздавались хлопки пробок шампанского и звон бокалов. А Алтынову стало скучно. И он стал писать новую пьесу – про обряд венчания.

Скорый поезд «Тихий Дон» стал притормаживать, подходя к станции Пенза. Согласно условиям тотализатора,

начальник поезда, один из проводников и трое из игроков должны были обратиться к дежурному по станции с вопросом о дальнейшем маршруте движения. Эту официальную информацию предполагалось обнародовать перед публикой. Только после этого должен был быть объявлен победитель. В кассе «Букмекерского экспресса» находилось около ста тысяч долларов – неслыханная сумма для большинства пассажиров поезда.

Состав остановился у первой платформы. Начальник поезда, проводница Любовь Погоня, Ползунков, охранник Сутыгина и неизвестная дама, представляющая группу игроков, вышли из поезда и направились к дежурному по вокзалу. Было 1.40 ночи. Перрон был почти пуст. Ночное небо начинало синеть. Наступала завершающая интрига спектакля – кто возьмет банк. Воцарилась необыкновенная тишина. Двери вагона-ресторана были открытыми. Можно было слышать звон цикад. Пауза затягивалась. «Комиссия возвращается...», «Они уже идут!» – одни шептались, другие выкрикивали эти и похожие фразы. Только один человек с пустым, отрешенным лицом стал пробираться поближе к мешку денег – это был господин Алтынов.

Напряжение участников букмекерского марафона возрастало. Щеки Врубельской налились румянцем. Глаза повлажнели, их блеск усилился. Яна в эти минуты была хороша необыкновенно. Наконец делегация вошла в ресторан. Слово взял начальник поезда: «Дорогие друзья! В связи с крупной аварией перед Воронежем наш поезд изменил маршрут. Конечный пункт следования, как и указано в билетах, – Москва. Для удобства пассажиров руководство станции Пенза сообщает окончательный маршрут нашего состава. Он пойдет на Москву через станции Красный Угол – Арзамас – Нижний Новгород. Повторяю маршрут движения: Красный Угол – Арзамас – Нижний

Новгород – Москва». – «Не может быть! Вы врете!» – закричал Сутыгин. Поднялся шум, напоминающий рев быков. Только у двух участников происходящего лица были спокойными: у пишущего новый сценарий пьесы «Венчание» драматурга Юрия Алтынова и у букмекера Жанны Бичерской, которой предстояло сейчас спрятаться в купе у милиционеров.

Букмекер передала листы с записями ставок Цезарю Кавосью с просьбой объявить результат и выдать гонорар. Поиск версии победителя длился не более трех минут. И вот господин Кавось в присутствии всех объявил: «Тотализатор “Букмекерский экспресс” выиграла версия Юрия Алтынова. Он точно указал дальнейший путь движения скорого поезда номер девять. Каждый может в этом убедиться. Ни один из участников игры не назвал эти станции. Вся сумма выигрыша – сто три тысячи шестьсот сорок один доллар – по праву принадлежат господину Алтынову».

Молодой человек тут же протянул руку к мешку с деньгами. «Минутку, уважаемый, – остановил его Цезарь Кавось. – Десять процентов от суммы выигрыша положено оставить организаторам программы тотализатора. А это, если округлить, четырнадцать тысяч долларов». – «Согласен, – равнодушно сказал молодой человек. Он вытащил из мешка деньги: – Пожалуйста, вот вам пятнадцать тысяч». – Господин Алтынов поднял над собой призовой мешок и, пока разгоряченная публика еще не до конца осознала, что занавес спектакля опущен, а пьеса закончена, пробрался в тамбур ресторана. Тут ростовчанин осмотрелся, быстро вошел в восьмой вагон, перебежал в следующий. По левой стороне седьмого вагона он распахнул массивную дверь, спрыгнул на полотно и помчался в другой конец состава. Перед двенадцатым вагоном он опять осмотрелся и под-

нялся в тамбур. Проводницы не было. Вагон выглядел уныло и безлюдно. Он вошел в купе Погони и закрыл за собой дверь. Со второй полки Юрий Алтынов стащил матрац, вспорол его, набил денежными купюрами и вернул на место. После этого молодой человек энергично вышел из двенадцатого, закрыл за собой дверь, спрыгнул на полотно и проделал обратный путь к седьмому вагону. Он без особого труда поднялся, прошелся по коридору, выбирая местечко, и решил разместиться в восьмом купе.

Наконец он смог закрыть глаза, чтобы коротко подремать. Через пятнадцать минут его ждал новый спектакль – пьеса «Венчание».

Платформа первого пути станции Пенза была слабо освещена. В тени металлического киоска «Воды», прячась от редких людей, стояли две малоприметные человеческие фигуры. В нашем отечестве еще встречаются совестливые люди, которые, собираясь совершить какой-либо дурной поступок или даже лишь имея в голове вздорные мысли, краснеют на людях, а потому всячески сторонятся публики. К ним можно было бы отнести двух русских господ с реки Суры: актера местного драматического театра Алексея Алексеевича Пирожкова и офицера пожарного ведомства Никанора Григорьевича Пуговкина. Именно у этих молодых господ были сейчас все основания сторониться чужих взглядов и прятаться в тени закрытого привокзального торгового заведения. Алексей Пирожков, облачившись нынешней ночью в филонь и роскошную, совершенно новую камилавку, согласно взятым на себя обязательствам стал отцом Алексием, иереем. Внешний, очень даже солидный вид священника чрезвычайно напугал областного чиновника Никанора Пуговкина. Они были старыми при-

ятелями, а ныне как бы партнерами по бизнесу, но когда пожарный офицер впервые увидел господина Пирожкова, то бишь отца Алексея, в священнических одеждах, со всей положенной высокому сану атрибутикой, то перекрестился и поклонился в пояс, совершенно забыв, что перед ним не настоящий иерей, а местный артист Алексей Пирожков, – так глубоко поразил своим образом Алексей Алексеевич своего земляка. Но тут необходимо отметить и другой примечательный сюжет: как только господин П. надел на себя священнические одежды, вынесенные из театральной костюмерной, то сам до глубины души уверовал, что он и есть настоящий отец Алексей. И теперь никто на свете не смог бы убедить Пирожкова, что он получил церковное платье на одну только ночь, а завтра его опять ожидает роль местного клептомана и артиста закрытого на ремонт театра.

Ровно в полночь друзья встретились с агентом жениха и невесты. Молодой человек, представляющий интересы венчающихся, выгрузил из своего автомобиля «Ауди-8» такое количество церковной утвари, что друзья стали подумывать: не разграблен ли соседний храм Михаила Архангела? В два короба из-под видеотехники бессистемно, валом были набросаны предметы богослужения: меч Божий, оловянный крест, Евангелие, священные сосуды – потир, дискос, ковш с блюдищем, лжица, покровцы, плат, рипиды, кадилница, покровы, хоругви, канонник, паникадило, лампы и свечи, скуфья, посох, панагия, митра, псалтырь, латунные венцы. При виде всей этой роскоши отец Алексей вдруг заявил: «Для совершения таинства брака мне необходим дьякон, который произнес бы ектенью». Эта реплика новоявленного иерея вызвала тихую зависть господина Пуговкина. Ему самому болезненно захотелось надеть на себя стихарь, прошитый серебром орарь, поручи и с псалтырем

в руках на порамице глубоким, низким, протяжным голосом пропеть молитвенные прошения о даровании всяких благ и милостей молодоженам. Эта мысленная картинка вызвала восторг в сердце чиновника пожарного ведомства. Но воспаленная благим желанием душа не смогла победить грустную реальность: военная одежда Никанора Григорьевича грубо искажала прочувствованный образ дьякона и возвращала Пуговкина в ночную мглу платформы пензенского вокзала. «Надо готовить себе священные одежды, – с горечью в сердце успокаивал он свои благородные порывы, – а для этого есть один путь: костюмерша местного театра». Святость и греховность сосуществовали в его сознании в редкой гармонии, впрочем мало отличая его от многих других граждан нашего отечества, чьи сердца настоятельно требуют злодейства, а души перманентной праведности.

Скорый поезд «Тихий Дон» Ростов – Москва громыхал уже совсем близко, а его прожекторный луч слепил взволнованные лица персонажей, мечтающих посвятить себя православному богослужению. Господин Пирожков уловил ход мыслей своего приятеля и решил с этого момента признавать его дьяконский сан. «Вы, дьякон Никанор, поднесите отцу Алексею на дорожку. Впереди у меня восемь богослужений: полунощница, обряд брака и венчания, утренняя, первый час, третий час, шестой час, девятый час и Божественная литургия. Боюсь, силенок не хватит. Душа только заряжается энергией святых книг... По примеру Моисея, который при описании Божественного творения, каждый новый “день” начинал с вечера, и я первый день на пути к святости хочу начать с водочки, с белого вина нашего российского. Как на плечах навверх саккоса епископы носят омофор, так и я желаю на плечах своих понести к поезду ящик водочки – аккумулятор, многократно мною испро-

бованный, – чтобы с ее помощью отыскать и воскресить в себе евангельскую доброту». – «Я никак вам, батюшка, не разрешу на спине водку носить. На вас же платье священное...» – «Прав ты, дьякон Никанор... Нести мне свой наперсный крест. Нести еще долгою дорогою. На двух заповедях – на любви к Богу и к ближнему – утверждается весь закон, подлинная и истинная жизнь. И вину белому нашему российскому в ней места нет. Завтра предам я анафеме питейный кураж. А сейчас, дьякон Никанор, поднеси иерею стопку, агент работодателя завез провианта немерено. Уж поезд подходит, звуки клироса пора включать, из различных канонов ирмосные песни распевать. Начнем с типикона. Подай быстрее стопку, дьякон, не то проклянью как дьявола!» Дьякон Никанор, он же Никанор Григорьевич Пуговкин, в знак смирения поклонился в пояс и с сервильным выражением лица молниеносно подал на дискосе отцу Алексею посеребренную чарку с водочкой. Господин Пирожков поежился, как от подреберных почесунчиков, и со словами из проскомидии: «В воспоминании Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь» – проглотил опасную жидкость. «Божественный напиток, а апостолы считают его дьявольским... Пора, дьякон Никанор. Я беру с собой музыкальный ящик. Все остальное мне нести никак не положено. Тащи все сам в двенадцатый вагон. Поезд уже останавливается». – И Алексей Алексеевич Пирожков, он же отец Алексей, широким шагом заторопился к указанному в билете вагону. Слабый ветерок поднимал епитрахиль, и она ласковым прикосновением обвивала его шею. В ушах начался трезвон – звон во все колокола, от малого до великого, с небольшим перерывом трижды. Эти Божественные звуки победы жизни над смертью, вечной нескончаемой радости в Царстве Христовом наполняли сердце господина Пирожкова возвышенным волнением.

Южнорусский люд более набожен, чем жители других регионов отечества. Тут православие живет в каждой душе человеческой. Поэтому, когда Любовь Погоня осмыслила сказанное Алтыновым о предстоящем обряде венчания в поезде, во вверенном ей вагоне, ее охватил страх. Такого она никогда не слышала. Однако присутствие священника отчасти мирило ее с происходящим. «Если святой отец дал согласие на проведение обряда венчания в вагоне поезда, – думала она, – значит, Русская православная церковь проводит внутренние реформы». Сомнения обуревали Любовь Погоню, однако симпатии к Юрию Алтынову, глубокое уважение к служителям церкви и священным книгам, а также немалое вознаграждение перевесили – она решила действовать. Как ортодоксальная христианка постсоветского образца, Погоня взяла в руки организационную часть брачного обряда. В ее распоряжении оставалось около часа. Одного купе было явно недостаточно. Алтынов тогда небрежно бросил, что священник всю церковную утварь принесет с собой. Необходимо разобрать перегородку между третьим и четвертым купе. Главное – должно быть найдено место для церемонии... Погоня уже бежала за слесарем поездной бригады Доржаповым. Именно ему она сунула триста рублей и дала срочное задание: убрать перегородку. Из тринадцатого вагона она принесла цветы, оставшиеся от пассажиров, из одиннадцатого – церковное вино кагор, подаренное ее коллеге, из ресторана – бокалы, тарелки, вилки и плитки шоколада, из восьмого, от начальника поезда, – коврик, из пятнадцатого, бельевого, – чистые простыни. Она вспомнила, что иереи переодеваются в ризнице, отделенной от алтаря. Это обстоятельство натолкнуло ее на мысль прибрать соседнее, пятое купе. По ее мнению, там смог бы разместиться сам священник. Если иерей прибудет не

один, а с сопровождением, то у нее останется всего один резерв – девятое купе.

В час тридцать ночи Любовь Погоня была готова принять дорогих гостей. Она выпила рюмку ликера «Амаретто» и направилась к начальнику поезда. Через десять минут на станции Пенза она должна была в составе команды скорого поезда номер девять появиться у дежурного по вокзалу, чтобы узнать дальнейший маршрут.

К двенадцатому вагону по платформе торопились три человека: проводница Любовь Погоня, господин Пирожков, он же отец Алексей, и чиновник областного пожарного ведомства Никанор Пуговкин. Госпожа Погоня никак не могла пробиться сквозь разгулявшуюся в азарте толпу. Она была вынуждена выйти из вагона-ресторана и бегом направиться к своему вагону, чтобы вовремя встретить местного священника. Едва она ступила на перрон, как увидела идущего широким шагом батюшку. В полумраке платформы явственно отсвечивали золотые нити фелони, поручей и набедренника. Длиннющий подризник волок за собой летнюю пыль перона. «Доброе утро, батюшка. Вы не ко мне спешите, в двенадцатый?» – «К вам...» – Пирожков хотел сказать «милая», но вовремя спохватился. «Необходимо менять лексику», – подумал он. «К вам сударыня, к вам». – «Ах! Мы вас ждем, отец... прошу прощения?» – «Алексий». – «Отец Алексей, вы один?» – «Нет, сударыня. Тут мой помощник на общественных началах, дьячок местного прихода Никанор Григорьевич. Он понесет необходимую для богослужения церковную утварь». – «Он поедет с вами?» – «Нет, сударыня. Нынче приходский бюджет непозволительно худ. Дорожные расходы ему не по карману». – «Ах, как несправедливо и грустно. Я проводница вагона Люба Погоня». – «Прекрас-

но! Любовь – церковное имя. Бог такие имена любит. Молитесь. На вас снизойдет небесная благодать». – «Я молюсь, батюшка, регулярно в церкви бываю, иногда на клиросе стою». – «Так ведут себя праведные христиане. Готовы ли вы мне помочь? Необходимо все по канонам расставить. На это время уйдет». – «Под вашим руководством, отец Алексей, конечно, помогу. Самой мне трудно будет. Не все церковные правила постигла я». – «С Божьей помощью...» – «Вот ваш вагон».

Отец Алексей, он же Алексей Пирожков, взял за полу подризник и епитрахиль и поднялся в двенадцатый вагон. Любовь Погоня подвела его к пятому купе: «Здесь вы сможете отдохнуть и подготовиться к богослужению. Венчание будет проходить в укрупненном вагонном помещении. Это рядом с вами, первая дверь направо. Где разместить вашу утварь?» – «Пожалуйста, по соседству».

Погоня оставила иерея и направилась встречать его помощника Никанора Григорьевича. Весь церковный багаж они разместили в помещении, отведенном для обряда венчания.

Никанор Григорьевич Пуговкин, хотя и испытывал неодолимое желание стать участником предстоящего обряда, долго в вагоне задерживаться не посмел, так как поезд должен был стоять на станции всего десять минут. Он молча распрощался с проводницей – господин Пирожков так и не появился из своего пятого купе, – вышел и засеменял по пустой платформе станции Пенза.

Скорый поезд тронулся и покотил на северо-восток.

Был один час пятьдесят минут. Госпожа Погоня горела нетерпением начать обставлять временное культовое помещение. Воскресив в памяти картинки телевизионных но-

востей – как на театре чеченской войны православная церковь в неказистых военных палатках совершала церковные обряды, – она почти успокоилась и уверовала в легитимность предстоящей церковной церемонии, а посему всем сердцем пожелала помочь отцу Алексею.

Через пятнадцать-двадцать минут должны были появиться молодожены. Но священник никак не хотел выходить из своего купе, а добрая христианка, донская казачка Любовь Погоня, не смела потревожить почтенного иерея. Вспомнив благословение отца Алексея на помощь в подготовке вагонного помещения к брачному обряду, она начала разбирать огромный короб, чтобы понять, как и что необходимо расставить. Жажда христианской добродетели овладела госпожой Погоней. Очарованная самой идеей венчания, она осторожно, с каким-то трепетным чувством стала извлекать из короба церковную утварь. Вещи, как и люди, имеют свою судьбу. А освященные церковью предметы конфессиональных ритуалов вызывают в добром христианском сердце особую остроту чувств. Раскладной столик она накрыла большим покровом и на него положила икону Пресвятой Богородицы – он смог бы служить аналоем. Запрестольный крест и семисвечник она поставила на штатный купейный стол. На нем же она установила иконки Спаса и Николая угодника, дароносицы и дарохранильницу. Подсвечники она установила на другом штатном столике. Сюда же были поставлены святая чаша, звездица и дискос. Так, следуя от фрагмента к единому образу, она по памяти расставила церковную утварь и предметы богослужения. После того как проводница зажгла лампадки перед чудотворными иконами, произошло необыкновенное превращение небольшого вагонного пространства, еще минуту назад ничем особым не отличавшегося, в наполненное Божественным светом и духом изумительное помещение. Че-

ловеческая душа уже могла получать здесь Божественную энергию истины и вечности. Сдвоенное купе двенадцатого вагона стало святым уголком вселенной.

Погоня знала: короткой дороги к Богу нет. С другой стороны, она чувствовала, что власть организует жизнь общества так, что в ней все меньше остается место благородству. «Ах, у меня самой, – размышляла она про себя, – нет никаких нравственных тормозов. Я согласна делать все, что угодно, но не меркантильности ради, а больше по душевной расхлябанности... Ах, не знаю, что делать? И с Богом хорошо, и с дьяволом дружить неплохо. Когда думаешь о вечном – с Богом надежнее; когда перед тобой встают проблемы нашего российского быта – с дьяволом удобнее. Постоянная борьба между вечной мудростью и мимолетней радостью, между огнем, согревающим тело, и искрой, воспламеняющей душу. Ах, не знаю!..»

Размышления госпожи Погони прервал появившийся отец Алексей. Он был торжественно строг, его священнические одежды сверкали чистотой новизны, а камилавка и епитрахиль придавали его лицу вселенскую торжественность. «Вы так прекрасно, с таким знанием дела облагородили помещение, что мне перед совершением таинства брачного обряда необходимо лишь освятить стены и крышу этого православного уголка. Вам не встречалась кисточка? Святую чашу я вот вижу, а кисточки тут нет... Но вот она! Принесите, пожалуйста, графинчик воды. Вначале мне необходимо освятить воду, а затем помещеньице». – «Ах, конечно! Минутку». Господин Пирожков огляделся. Похоже, что все было правильно. Он вытащил из кармана шпатель и еще раз просмотрел, по каким канонам проходит брачный обряд.

Любовь Погоня принесла графин. Батюшка вначале освятил водицу, а затем кистью стал освящать стены пра-

вославному уголку, произнося молитву: «Создателю и Содетелю человеческого рода, Дателю благодати духовных, Подателю вечного спасения, Сам, Господи, посли Духа твоего Святого с Высшим благославлением на вещь сию, яко да вооружена силою небеснаго заступления хотящим употребляти, помощна будет к телесному спасению и заступлению и помощи, о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь». – Алексей Пирожков с торжеством в глазах трижды перекрестился, а госпожа Погоня стала на колени и отдала земной поклон.

Освящение – ритуал для русской души особенный!

«Поднесешь стопку отцу Алексею? – спросил он проводницу. – Перед богослужением сам Господь велел задуматься и отложить все дела мирские. А с помощью этого дела душа успокаивается. Себя не забудь, сударыня. Мне помощницей станешь, ктитором. Среди мирян – старостой. Провианта на борту множество всякого. Выбери самого лучшего и поднеси иерею. Ты теперь моя правая рука. Перед Богом в ответе за отца Алексея, за его душевное спокойствие, за здоровье праведное...»

Ровно через пятнадцать минут господин Алтынов очнулся от короткого сна. Счастливый сын азарта вновь ожил. Черные глаза, наполненные бесовской силой, загорелись неистовым блеском. Где-то глубоко в сознании он начал разговор с самим собой – на губах застыла улыбка радости, как перед премьерой нового спектакля. Молодой человек стал опять воспринимать мир как игровую площадку для своих безраздельных фантазий, где от святого до грешного был всего один шаг. У многих работают руки, но не голова: у других – значительно реже – голова, а не руки. Господин Алтынов был очень редким человеком, у ко-

того замечательно работала голова, а руки великолепно исполняли тайные команды мозга. Непрерывные сделки с совестью он воспринимал как игру фантазии, как дань бесовестной реальности. Истоки эгоистических побуждений господина Алтынова к вечной игре и умение наслаждаться воплощением своих драматургических замыслов лежали в причудливости русского характера. Подобно тому как за лицом Моисеевым скрывается женское тело, так за мягкостью манер молодого человека прятался талантливый, беспощадный игрок.

Полностью придя в сознание, господин Алтынов протер влажной салфеткой лицо. Никаких сомнений он не испытывал: надо было брать Юлию Боярову и вести ее под венец. Лучше сто дней упорядоченной личной жизни с милым, пока еще совершенно загадочным, нераскрытым существом, чем случайные встречи с однодневными, опасными для плоти бабочками, которые, подобно саранче, заполнили просторы от Балтики до Тихого океана. Молодой человек встал, размял тело и быстро направился в восьмой вагон. Перед ним сейчас стояли целые вереницы вопросов: где и в каком состоянии Врубельская? как Боярова? каково психическое состояние публики после обнародования итогов «Букмекерского экспресса»? поднялся ли в поезд священник? готово ли все к проведению обряда венчания? Необходимо было также рассчитаться с милиционерами и узнать о планах Сутыгина. Решать свои проблемы он начал с девятого купе восьмого вагона. «Желаете приобрести дом в деревне?» – назвал он пароль. Дверь тут же открылась. Прямо с порога на него смотрели доверчивые, спокойные глаза великана, юного сержанта милиции. «Как дела, друзья?» – «Все спокойно». – «Так не бывает, это временное затишье. Вы до какой станции сопровождаете поезд?» – «До конечной станции. Выигрыш принесли?» – «Принес вам дом

в деревне!» – «Ух, здорово! Ваша женщина на третьей полке отдыхает». – Милиционер излучал искреннюю радость. «Мне тоже?» – осторожно спросил прапорщик. «Как обещал, обоим. Получайте! Жду приглашения на новоселье. – Молодой человек отсчитал по полторы тысячи долларов. – Она спит?» – «Видимо, утомилась. Сразу заснула», – сказал прапорщик. «Прекрасно! Я к вам еще зайду. Помните наш уговор: моя женщина должна быть в полной безопасности. Если почувствуете что-нибудь неладное, срочно сообщайте мне. Я в двенадцатом вагоне. Спросите Погоню. Она меня найдет. Побежал».

Следующий визит он нанес начальнику поезда: «Какие новости, заслуженный железнодорожник?» – «Привет, мошенник. Скажи, пожалуйста, откуда ты знал о маршруте поезда?» – «Вещий сон помог...» – «Мне подарок готов?» – «Как подумал, так сразу. Вот, получай пятьсот долларов». – «Ой, мелочишься, парень! Брось еще...» – «На конечной станции. Никто не шумел?» – «Шумели многие. Но скандала или угроз не было». – «Слава богу! Как моя невеста?» – «Молчит. Спокойная девушка. Везет тебе, парень». – «Пойдем, начальник, на брачный обряд. Венчание в двенадцатом вагоне». – «Кто разрешил?» – «Вот документ – пятьсот долларов», – заторопился молодой человек. «Веская бумага. Прямо от правительства США!» – «Разреши повидать невесту?» – «Не возражаю. Но купе пора освобождать!» – «Через пару минут встречаемся в двенадцатом. Пока».

Господин Алтынов заторопился в купе для отдыха проводников. Настала наконец счастливая минута встречи. Как ни управлял своими эмоциями молодой человек, он не смог сдержать свой безрассудный эротический порыв, бросившись на Боярову. Поцелуй, казалось, был вечен. Влюбленный взгляд, пылающие губы, напряженное тело... Алтынов больше походил на любовника, чем на жениха перед

обрядом венчания. Молодой человек был настолько упоен прелестными округлостями ее груди, податливостью пленительного тела, загнипотизирован бархатистостью плечей и нежностью шеи, что совершенно потерял себя, перестал ощущать время и пространство, в котором находился. Велика сила страсти! Она проделывала с влюбленными чудеса и, будто головокружительные аттракционы луна-парка, уносила их в заоблачные дали.

Наконец им потребовалась пауза, чтобы отдышаться и опомниться. В эти минуты они чувствовали себя счастливейшими из всех счастливых, влюбленнейшими из всех влюбленных. «Да, я влюблен», – искренне думал господин Алтынов. Сердце подсказывало Юлии, что он увлечен ее юностью. Но ей хотелось не просто быть с ним, а открыть ему все тайны своей души. Радужные предчувствия успокаивали молодую барышню, вселяли надежду на счастливый финал. Какие другие мысли могли быть у юной красотки, решившей отдать себя почти незнакомому человеку, кроме надежды и страсти? «Нас ждет священник, – очнулся молодой человек от сладостного полета. – Через несколько минут он задаст тебе вопрос, хочешь ли ты стать женой Алтынова». – «Венчание – это игра твоего творческого ума или требование сердца? Ты давеча сказал, что мы вступаем в брак на сто дней. Куда ты меня денешь на сто первый день? Каким образом изменится мой статус? Сегодня жена – завтра знакомая? Очень много загадок. Никто из нас не даст сейчас на них ответа. Меня это тревожит. Я хочу быть с тобой, я влюблена в тебя, но я совершенно не вижу будущего. Я согласна быть с тобой не только сто дней, но что со мной станет, когда ты оставишь меня? Юра! Может быть, не следует нам влюбляться друг в друга по уши, а надо довольствоваться симпатией и преданностью?» – «А ты сможешь жить со мной без любви? У меня это не получит-

ся». – «Я не двигатель. Я не смогу через сто дней включить другую скорость и стереть любимого человека с экрана собственной души. С болью в сердце я вынуждена принять твое предложение. Но ты должен знать: я хочу иметь тебя всего и на все времена». – «Знаю, я чудовище. В разговорах с самим собой я жестоко презираю Алтынова. Ненавидящий тон общения, который я использую в желании изменить себя, навел бы на тебя ужас! Тут основательно меняется лексика: с языка Бунина я перехожу на словарный запас прапорщиков конвойных частей. Вместо музыки Рахманинова в моих ушах звенят удары кузнечных молотов. Я не свободен! Я – раб! Я – вассал! Я – узник игровой страсти! Я – вампир азарта! Как рыбам необходима вода, трибуну – сенат, каторжанин неотделим от кандалов, так и я могу существовать, дышать, радоваться, ощущать себя счастливым, вдохновенным, грезить наяву только на площадке игры, в ролях, ведущих к яростному азарту, к выигрышу. Я благородный шулер, неистовый игрок, завятыый артист, драматург авантюрных пьес и их постановщик, менеджер колдовских спектаклей, волшебник виртуальных превращений. Я – маг! Чародей манипуляций. Иллюзионист! Il padrone della magia! Il professore del mondo empirico! Il demonio! Der Herr der Magie! Der Professor der empirischen Welt. Der Demon²³. Как персидские ковры сотканы из сотен тысяч узелков шерстяных или шелковых нитей, так мою жизнь можно сплести только из игровых сюжетов. “Игра продолжается” – будут мои последние слова перед отходом в мир иной. Когда через минуту мы начнем движение вокруг аналоя, я буду думать, как обыграть тебя, как ввести в азарт священника, как выиграть у Бога! Игра – это моя

²³ Властитель магии! Профессор эмпирического мира! Дьявол!
(Итал., нем.)

мания, моя болезнь, мое здоровье. Каждый игровой эпизод – мой ребенок, каждый удачный трюк – радость общения с любовницей, выигрыш – биографический бестселлер. Я всегда буду любить игру больше, чем себя самого, чем свою жену, детей, родственников. Нужен ли тебе такой муж на сто дней? Согласна ли ты иметь такого друга на определенный срок? Хочешь ли ты дожидаться меня долгими часами и днями? Я могу гарантировать тебе главное: все свободные часы буду посвящать тебе! Но наше совместное время тоже будет игровым. Используя опыт личной жизни, я буду писать легкие авантюрные сценарии. В них будет совершенно отсутствовать корысть. Всегда помни: любовь в чистом виде для меня скучна. Сама придумывай игры, создавай азарт, но не ревность. Я люблю тебя по-своему. Такую любовь не встретишь во дворцах бракосочетания, в сюжетах мыльных опер, на сцене Малого театра. Но и таких мужчин тоже не встретишь в кабинетах Министерства финансов, в приемных губернаторов, в деканатах престижных вузов. Я – уникал, единственный в своем роде! Если после всей скверной, но правдивой информации ты говоришь “да” нашему временному союзу – *Avanti, cara signora!*²⁴ Пономарь готов звонить в колокола, а церковник облачается в святые одежды в ризнице. Да здравствует стодневный брак между Бояровой и Алтыновым. Вперед! Вперед, в двенадцатый вагон! Великая игра ждет нас. Гаснет свет. Занавес поднимается. Ваш волшебный выход, молодожены. “Горько! Горько!” – кричит публика, заполнившая театр». Господин Алтынов подхватил Юлию на руки и помчался по коридорам поезда.

Юлия Боярова поняла, что не чувствует себя обманутой. Суровая жизнь вправе требовать неординарных решений.

²⁴ Вперед, дорогая сеньора! (*Итал.*)

Теперь только сила искусства может помочь ей упрочить свое положение в новой так называемой семье. Впервые в жизни она приобретет собственный очаг, пусть даже временный. Но это может быть хорошим началом. «Он прелесть, этот сумасшедший Алтынов, – размышляла барышня. – Необходимо научиться играть самой и сделать квартиру, в которой они поселятся, тренинг-апартаментами его игровой мании, его тотальной азартности. Как легко освободил он меня от миссии спецкурьера! Он действительно какой-то дьявол».

«Ах, пришли! Сияющие, счастливые! Здесь вас ждут! И батюшка Алексей, и начальник поезда, и Цезарь Кавось, и Ползунков. – Любовь Погоня говорила радостным, приподнятым тоном. – Что же ты не переделась, Юлия? Под венец идешь!» – «Ничего другого у меня нет. Джинсы – дорожная одежда. Подвенечное платье в вагоне не купишь. Алтынов хочет взять меня в жены такой, какая есть». – «Ах, он у тебя мот! Возьми финансы в свои руки. Для благополучия семьи очень важно, чтобы хранительницей бюджета была жена, – сказала проводница. – Входи, все готово к обряду венчания».

Боярова встревоженно взглянула на молодого человека. Он взял ее под руку, и они вошли в православный уголок. У обоих перехватило дыхание – такого они не ждали, не могли себе представить. Было ощущение, что они вошли в церковь. Аромат ладана окутывал их чарующим флером. Церковная утварь гипнотизировала их, пробуждая в душах поток радостных пасхальных и рождественских воспоминаний, – эти праздники русские люди обычно встречают в церквях. Отец Алексей жестом предложил им занять места перед аналоем. По правую руку должен стать жених, по ле-

вую – невеста. Иерей зажег две украшенные алыми и белыми бантами свечи и трижды благословил молодых людей, накладывая на их склоненные головы сложенные персты со словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Потом передал свечи венчающимся как знаки супружеской любви, благословенной Господом. Священник взял кадило и стал размахивать им, повернувшись лицом к Спасу и сделав несколько шагов к иконе: запах ладана усилился. Алексей начал молить Бога о даровании всяких благ и милостей обручаемым, чтобы Он благословил их обручение, соединил и сохранил в мире и единомыслии. После этого иерей повернулся к молодым, подошел к ним ближе, взял с блюда кольца. Алтынов и Боярова приняли обручальные кольца как знак нерушимости супружеского союза, в который они вступают. Когда Алтынов надевал колечко невесте, Юлия прочла на внутренней стороне слова: «13 июня, 2000. Сто дней любви». Глаза ее наполнились слезами, а сердце – тихой обидой. Она смотрела на священника, и слезы катились по ее лицу, словно воск, сползающий по стволу свечи. На лице же господина Алтынова сияла улыбка, глаза разгорелись, во всем его виде прочитывался необыкновенный восторг. Ему нравилась пьеса «Венчание»: друзья нашли колоритного, почти настоящего попа и замечательно украсили сдвоенное купе. А какой богатый театральный реквизит для будущих сценариев послан ему в поезд! Необходимо найти подходящее хранилище для этой церковной утвари. «О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней и помощи, Господу помолимся», – церковным басом пропел отец Алексей. Все присутствующие стали креститься, только Цезарь Кавось смотрел по сторонам, словно желая спрятать свое лицо. За обручением последовало венчание. Иерей продолжил молить Господа благословить брак вступающих в него своей небесной благодатью. Отец Алек-

сий вплотную подошел к венчающимся, возложил на них венцы как видимый знак этой благодати, а затем трижды благословил: «Господи Боже наш, славою и честью венчай я». Потом священник прочел из Послания апостола Павла и Евангелия. Вслед за этим он подал им чашу красного вина. Вначале Алтынов, затем Юлия глотнули освященную Божественную жидкость в знак того, что теперь они должны жить единомысленно, разделяя вместе счастье и горе. «Боже вечный, расстаявший собравый в соединение, – читал давно заученную молитву из “Анны Карениной” отец Алексей, – и союз любви положивый им неразрушимый: благословивый Исаака и Ревекку, наследники я Твоего обетования показавый, сим благослови и рабы Твоя сия, Юрия, Юлию, наставляя я на всякое дело благое. Яко милостивый и человеколюбец Бог еси, и тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Кто-то включил музыку, и православный уголок наполнился церковным хоровым пением ангельской песни: «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас...» После этого наступило заключительное действие: трехкратное хождение вокруг аналая. Оно служило знаком духовной радости и торжества. Обряд закончился. Первым подошел к молодым батюшка, он же господин Пирожков. Властной рукой он наложил свои персты на головы супругов, подал им крест для целования со словами: «Ты бо изначально создал еси мужской пол и женский, и от Тебе сочетается мужу жена, в помощь и в восприятие рода человека...» – осенил их крестным знаменем и вышел из помещения. Начальник поезда вторым поздравил обрученных. Подошла Погоня. Она трижды поцеловала Алтынова и Юлию и поднесла им два бокала кагора. Потом к молодым потянулись господа Кавось и Ползунков. На этом обряд венчания закончился.

Любовь Погоня угостила молодых приготовленными канапе – сыр с оливкой, кусочки рыбы и колбасы на белом хлебе, ягоды винограда и импортной клубники. Потом подошло время выпивки. Господин Кавось, выбрав подходящий момент, приблизился к Алтынову и на ухо шепнул: «Вы не знаете, где госпожа Бичерская?» – «Нет», – коротко ответил молодой человек. «Странно, я думал, что вы должны знать...» – «Видимо, она вышла в Пензе». – «Да...» – «Без понятия, уважаемый... Дорогие друзья, спасибо всем, кто пришел нас поздравить. Мы оставляем вас. Время позднее – дайте насладиться медовой ночью. Любочка, передай батюшке на богоугодные дела триста долларов. – Он отвел ее в сторону. – Вот тебе за помощь. Ты все прекрасно организовала». – Он вложил ей в руку пятьсот долларов. Погоня хотела было воспротивиться, но Алтынов быстро взял Юлию под руку, и они направились в свое шестое купе.

Шел четвертый час утра. Публика разошлась по спальным местам. В вагонах стало совсем безлюдно. Скорый поезд номер девять «Тихий Дон» Ростов – Москва мчался на северо-восток. До Красного Угла было еще около двух часов езды.

Господину Алтынову оставалось провести последнюю сцену своей пьесы «Венчание» – брачную ночь. Увлекаемый игрой, он всегда предпочитал радостно-обещающее состояние немедленному насыщению эротическими утехами. Бальзамом для его сердца всегда была только увлеченность игрой, построение авантюрных сценариев. В этом был весь Алтынов. На все другое у него никогда не хватало времени, и лишь короткие эпизоды отвлекали молодого человека от главной линии жизни. Однако для Юлии Бояровой все было как раз наоборот. И тут в поисках душевной радости

господин Алтынов столкнулся с прозой женской ментальности: присущие Юлии на публике покорность и рассудительность исчезли напрочь. Барышня стала деспотически требовательной и даже агрессивной. Ее логика была весьма традиционной: если увлечен, а тем более влюблен, то обязан пылко заниматься любовью, как занимаешься любимым делом: физикой, теннисом, игрой в карты, творчеством. Это был тот случай, когда между влюбленными идет непреходящая борьба из-за разного понимания любви и ее выражения. Мужчина считал, что интеллект и рациональность должны преобладать над сентиментальностью и чувственностью, женщина придерживалась противоположного взгляда. Но именно тем немногим, которые испытывают гармонию чувств, открывается сокровенная истина: в золотой середине – высшее блаженство и примирение.

В свою первую брачную ночь молодой человек оказался щедрым на знаки любовного внимания. Но это было скорее исключением, чем правилом его поведения. Стремление Юлии получить больше ласки можно было бы объяснить не только женской настойчивостью и влюбленностью, но тяжелым, особым днем. Столько невероятных событий произошло в один день, что другим жизни бы на них не хватило. Было и другое, главное: сто дней – не такой большой срок, но все же есть шансы забеременеть. Однако с каждым уходящим днем они будут уменьшаться. Беременность, согласно ее новой идее, родившейся во время чтения отцом Алексием евангельских текстов, способна надолго привязать к ней Алтынова и вообще может оказаться спасительным для семьи чудом. И Боярова старалась. Она не обладала большими познаниями в таком деликатном деле, но целиком полагалась на данные природой инстинкты. Это было новым, совершенно прекрасным чувством, и она полностью, до конца отдавалась ему. В какой-то момент они

оба почувствовали, что цепь, держащая лежак, оборвалась, и молодые люди скатились с кровати вниз, на пол своего купе. Юрий Алтынов разразился смехом. Он вскочил и, завернувшись в простыню, выбежал к проводнице Погоне.

Она дремала в своем служебном купе, находясь во власти чудесных сновидений. «Любушка! – громко сказал господин Алтынов. – У нас авария. Кровать не выдержала напора молодоженов. Она рухнула, как альпийский виадук Суворова. Есть другое купе?» – «Ах, какая прелесть – разломать кровать! Такое не только в жизни не встретишь, но и в сладком сне не увидишь. Девятое купе пустое. Оно прибрано. Постель готова. Ах, нечего остерегаться! Ломайте все кровати двенадцатого вагона! На то вам и первая брачная ночь!» – Любовь Погоня была искренно потрясена таким невероятным событием.

Молодые люди, закутавшись в простыни, перебрались на свободные места. Проводница обещала закрыть шестое купе. Еще долго были слышны протяжные звуки и недвусмысленные скрипы из последнего купе. Потом все куда-то исчезло. Наступила полная тишина. Вагон спал.

Алексей Алексеевич Пирожков очнулся именно тогда, когда лопнула цепь, держащая в соседнем купе кровать молодоженов. Не раздевшись, он заснул сидя, облокотившись на угол между перегородкой и фронтальной стеной вагона. Господин Пирожков как-то быстро и нервно ощупал свои священнические одежды, словно во сне его могли переодеть, и остался доволен тем, что все прежнее было при нем, а судьба подарила ему еще один день, чтобы играть пассивную роль иерея. Господин П. включил свет. Вспоминая обряд венчания, он заметил, что совсем недурно и без репетиций провел его. Жаль, что его коллеги по Пен-

зенскому театру не имели возможности видеть этот замечательный спектакль! Однако надо признаться, что триста долларов от Юрия Алтынова и триста, полученные от его агента на пензенском вокзале, грели душу и сердце господина Пирожкова значительно сильнее, чем честолобивое признание собственных актерских заслуг в замечательном перевоплощении из мирянина в священнослужителя. Всякий раз, когда в душе Алексея Пирожкова возникали эйфория и подъем, за ними следовал неудержимый приступ kleптомании, которая вошла уже в плоть и кровь, стала частицей его натуры. Тут он забывал все на свете, и всепоглощающая гипнотическая страсть охватывала его. Как Парацельсиус собирал травы и цветы альпийских лугов в плетеную корзинку для приготовления целебных настоек, так и артист Пензенского областного театра стал набивать пододеяльник всем, что ему попадалось под руки. Из соседнего, шестого купе, оставленного недавно молодоженами, он вынес практически все: одежду, нательное белье, обувь, книгу «Москва и москвичи», дорожную сумку ростовчанина, небольшой чемоданчик Бояровой. Из третьего и четвертого купе он перенес в тамбур к выходу коробки с церковной утварью, аккуратно уложенной проводницей Погоней. А из второго, где спал совершенно пьяный англичанин, господин Пирожков умыкнул длиннющий зонт, большие карманные серебряные часы, щетинистую зубную щетку для чистки протезов, лежащих на столике, а также недопитую бутылку водки «Большой» и иностранный журнал с комиксами. Он крал с жадностью и без разбора, как заглатывает любую еду изголодавшийся человек. Сардонический огонь блеснул в его глазах, а бугорок кадыка неугомонно ерзал на полной шее, словно хозяин частыми глотками пил какую-то загадочную жидкость. Страсть kleптомана овладела господином П. полностью.

Скорый поезд «Тихий Дон» Ростов – Москва приближался к станции Красный Угол. На своем служебном месте безмятежно посапывала проводница Погоня. Измотанная событиями ушедшего дня и опьяненная ликером, она спала беспробудно, так что даже неоновый казенный свет, падающий на лицо, не нарушал ее сна. Вся власть в двенадцатом вагоне принадлежала Алексею Алексеевичу Пирожкову. В платье иерея он носился по коридору, сгребая частное и государственное имущество в короб, ожидавший его в тамбуре. Без бордовых штор и ковровой дорожки вагон стал выглядеть уныло, а без подстаканников и столовых приборов – униженно и оскорбленно. Скрежет тормозов внес в дальнейшие замыслы пензенского артиста некоторые коррективы, спасшие вагон от полного демонтажа. Господин Пирожков стал готовиться к выходу. Покидая место своего триумфального театрального успеха, Алексей Алексеевич снял с вешалки форменный китель проводницы, прихватил специальный ключ работников железнодорожного ведомства, с верхней полки стащил добротный матрас, перьевую подушку и начал выгружаться на перрон станции Красный Угол. Секвестированное чувство реальности толкнуло его на требовательные выкрики, нарушившие утреннюю тишину станции: «Носильщик! Носильщик! Встречай отца Алексея! Священник переезжает на новое место службы».

А состав уже катил дальше на северо-восток. Первые лучи солнца легко догоняли его, даря теплом и светом.

Утреннее пробуждение молодоженов было прекрасным. На несколько минут все победы господина А., давеча им совершенные, поблекли, забылись, и волны безбрежного моря унесли его к необозримым просторам чувствен-

ных наслаждений. Восторженный крик стал предвестником нового дня в двенадцатом вагоне поезда «Тихий Дон». Именно в эту минуту счастливая мысль осенила его: начать писать новый сценарий трехактной пьесы «Ценная бумага». В этот столичный завораживающий спектакль Юрий Алтынов мечтал вовлечь многих персонажей из бывшего руководства Центрального банка, а также финансовых и хозяйственных деятелей Москвы. Конечно, вагон не самое подходящее место для такого грандиозного проекта. Но господин Алтынов никогда не изменял своей перманентной страсти игрока и блестящего фантазера. Интрига всегда была у него идеей фикс. «Необходимо прописать роли таким образом, чтобы извлечь максимальную пользу из самодурства и бездарности господина Алегашенко, из большого честолюбия и беспросветной глупости Дубанона, от изоциренного бюрократизма и финансового фарисейства госпожи Блуткис, – думал он. – Можно провести потрясающую игру мирового класса, заработать кучу денег и получить великое удовольствие от пьесы, в которую будет вовлечена бестолковая тусовка реформаторов». Скорость, с которой так неожиданно и необыкновенно стали тесниться в его сознании образы и хитросплетения новой пьесы «Ценная бумага», могла посоперничать со стрелками секундомера фирмы «Омега». Молодой человек совершенно забыл свою возлюбленную, прикусил влажную простыню и начал писать необыкновенно дерзкий сценарий. Юная грудь Бояровой, прижавшейся к его плечу, совершенно не мешала ему обдумывать новый грандиозный проект.

В купе постучали. «Да!» – отозвался ростовчанин. «Юрий! Это я, Погоня!» – «Заходи». Проводница была бледна. Она подняла руки, чтобы опереться на поручни. Ее лицо напоминало каменное лицо кариатиды, поддерживающей опоры здания. «Что случилось, дорогая Любаша?» – «Похоже,

что нас ограбили...» – «Кого это нас?» – «Ах, весь двенадцатый вагон... В вашем шестом купе пусто. У меня умыкнули китель, матрас и подушку... ах, сняли с окон все занавеси, опустошили буфет, забрали мыло, туалетную бумагу, пакет хлорки. Отец Алексей исчез со всем своим церковным инвентарем. Англичанин в бешенстве – его тоже обокрали. Из седьмого купе унесли туфли, из второго – чемодан старенькой дамы. Ах, что делать, Юрка? Сутыгин из пятого вагона вызвал своих людей. Они ждут тебя для расправы в Нижнем Новгороде». – «Так, значит, мы совершенно голы? Эх, Погоня, проспала ты своих друзей!» – Молодой человек вдруг расхохотался. Но этот смех не был знаком отчаяния, он больше походил на полет в бездну удовольствия и радости. – Нам нужны фиговые листья! – Тут его глаза налились какой-то неистовой силой. – Сходи, дорогая Любаша в ресторан, там красуется фиговый куст. Принеси нам несколько листьев... Дьявол дарит мне невероятные сюжеты приключений, а Бог помогает выходить сухим из воды. Это великое знамение – начать новую жизнь голым. Теперь я совершенно уверен, что покорю мир, я убежден в своем великом предназначении. Зайди в восьмой вагон, в девятое купе. Пароль: “Желаете приобрести дом в деревне?” Скажи Врубельской, чтобы неслась ко мне. Да никому не сообщай о краже. Придет Яна – я возьму убытки».

Проводница ушла.

Растерянная Боярова ничего не понимала. Она готова была поверить, что все происходящее – очередная затея партнера ее брачной ночи, а не злой умысел неизвестных. Господин Алтынов смотрел на нее глазами творца, лихо радочно продолжая набрасывать сюжет пьесы «Ценная бумага». Яркие образы будоражили его сознание. «Мы не совсем голы! – наконец сказал он. – У нас есть две простыни, наволочки, обручальные кольца. Все это может быть пре-

красным началом для покорения столицы». Дверь купе распахнулась, и раздался звонкий, смеющийся голос Яны Врубельской: «Привет, голый король! Это ваше безрассудное чудачество, пролог новой пьесы или налет людей уральца Сутыгина?» – «Я назвал бы случившееся шуткой дьявола. Тут явно работал непрофессионал. Более того, красть коврики, туалетную бумагу и банку с хлоркой может лишь не вполне здоровый человек. Уверен, он и не подозревает, что в матрасе лежит более ста тысяч долларов. Впрочем, Бог с ним. Я уже начал писать трехактную пьесу “Ценная бумага”. Спектакль должен потрясти столицу великолепной интригой и грандиозной суммой выигрыша». – «Bravo, dottore!» – воскликнула Врубельская. «Садись и слушай. Действие первое начинается в Арзамасе. Из проходящего поезда на перроне выходят два кришнаита. Он – Бенито Котти, сын итальянского миллиардера господина Котти, она – исландка по происхождению Генриетта Гунарсон. Они уже несколько лет являются видными деятелями кришнаитов и ведут различные проекты точечного финансового консалтинга, участвуют в развитии фондового рынка России. Сопровождает видных особ из кришнаитского центра в Риме представитель Международного валютного фонда при Комитете валютного контроля и эксперт фондового рынка Яна Врубельская. У нее прекрасное образование, говорит на нескольких языках, мечтает реформировать национальную экономику, ожидает приглашения самого Грефа! Цель приезда в Арзамас – создать волжский центр для ознакомления с учением Кришны. Впрочем, господина Бенито Котти интересуют и региональные проекты по развитию фондового рынка. А в небольших городах, как правило, отсутствует необходимая инфраструктура для работы с ценными бумагами, и Фонд Кришны готов взять на себя расходы по обучению молодых арзамасцев в различных центрах

Европы. Конечно, у такого мощного человека, как Бенито Котти, имеются и общенациональные проекты. Но вот вопрос: как связать их с провинциальным городком России? Это – одна из тем переговоров с мэром города. Основная задача первого действия пьесы – заинтересовать местные власти, чтобы они рекомендовали нас столичным реформаторам. Особый интерес представляет господин Алегашенко, директор Центра развития. Не смотрите на меня так, дорогие дамы, я вовсе не виновен в курьезности такого неопределенного названия. С помощью этого финансиста мы сможем открыть кладовые не одного банка. Кто из вас осмелится утверждать, что глупостью нельзя пользоваться? Итак, начинаем игру. Простыни и наволочки – единственный материал для создания нашего нового образа. Тут я даю полную свободу Юлии. Твори, дорогая. Чем больше мы будем напоминать последователей Кришны, тем быстрее сорвем бурные аплодисменты зрителей нового спектакля. Теперь нам необходимо...» – Захваченный могучей энергией страсти к игре, молодой человек устремился в полет на крыльях своих нескончаемых фантазий. С сосредоточенностью вдохновенного писателя господин Алтынов уже лихорадочно воображал второе действие пьесы «Ценная бумага». И музыка струн победы наполняла его мятежную душу бесконечным величием творца страсти человеческой.

Скорый поезд номер девять «Тихий Дон» Ростов – Москва остановился у первой платформы Арзамасского вокзала. Из двенадцатого вагона на перрон сошли два паломника, облаченные в белые ткани. Их свежeweыбритые головы в лучах июньского солнца блестели, как летающие тарелки. Следом за ними на платформу спустилась строго одетая

молоденькая красотка европейского типа. Все трое представляли зрелище экзотическое и в высшей степени завлекательное. И тут же раздался требовательный голос молоденькой дамы: «Где транспорт, встречающий нас? Господа, найдите мне начальника вокзала! В мэрии назначены переговоры, мы можем опоздать. В Арзамас приехал сам господин Бенито Котти!»

ΣΤΟΛ

Аркадий Львович Дульчиков провел по бровям ваткой с репейным маслом, припудрил на шее неизвестного происхождения синячок, затушевал специальной английской пудрой редкие бесцветные волосы, взглянул на себя в зеркало, сузил глаза, повесил на воротничок щеки, надел отутюженный ведомственный китель с погонями и генеральской звездой государственного советника третьего ранга, вышел из уборной служебных апартаментов в кабинет и в приподнятом настроении расположился в кресле за своим столом начальника одного из отделов очень важного российского министерства. Тут он восторженно взглянул на портрет главы государства, стоявший справа на дубовой консоли, бросил мимолетный взор на вазу со свежим букетом цветов и приказным тоном столоначальника сказал: «Да, кх, кх, голубчик, теперь ты можешь начать рабочий день. Держи в руках честь стола! Никому никакого спуска!» Эта фраза, брошенная самому себе, была вымолвлена таким повелительным тоном, что могло создаться впечатление, будто господин Дульчиков любил приказывать не только подчиненным или приглашенным на служебный ковер, но и себе самому. Аркадий Львович открыл газету с сообщением о продлении задержания под стражей известного господина X-кого и положил ее на край стола небрежно, но так, чтобы она тут же бросилась в глаза посетителю. С каким-то тайным

умыслом он двумя руками взялся за свой дубовый стол, словно проверяя, насколько прочно стоит его стержень жизни, расцеловал его, и не просто так, формально, но с чувством, даже страстно. Потом он открыл повлажневшие глаза, протер их салфеткой «Темпо» и, обратясь в чтящего закон чиновника, снял трубку прямой связи с секретарем и жестко, коротко бросил:

- Любовь Леонидовна, я начинаю прием.
- А можно мне на секунду?
- Кх-кх, валяй ...

В кабинет вошла высокая блондинка. Ей было не больше двадцати трех лет. Короткая джинсовая юбочка, высокие шпильки, обтягивающая лиловая трикотажная кофточка. Пухлые, цвета закисшей вишни губы были плотно сжаты, большие зеленые глаза смотрят прямо на господина Дульчикова. Она подошла к нему вплотную. Легким прикосновением мягких пальцев дотронулась до висков, грудью скользнула по мужскому плечу.

– Может... сейчас... развалитесь... Львович? – каким-то вялым тоном спросила она.

Он взглянул на нее отсутствующим взглядом, размышляя совсем о другом. В приемной первым дождался доступа к его столу господин Махахорин. У него был очень важный разговор. Вторым шел Вадбольский, следом остальные: Мамедов, Кузякин, Гусь и Трещалов. Потом предстоял обед, который Дульчиков часто проводил с заведующим канцелярией министра Петром Петровичем Сапегой в ресторанчике на Чистых прудах. На послеперерывное время записались Клещивцев и госпожа Елена Дмитриевна Куракина. «Всякий раз поутру много серьезных дел. Да и послеобеденную публику нельзя забывать. Их капитал звенит в

ушах чиновников», – добродушно, без злобы размышлял Аркадий Львович. Впрочем, столоначальник тут же залез левой рукой под юбку секретарши и в задумчивости, с невозмутимым спокойствием, как-то даже между прочим, стал тискать ягодицу блондинки Попышевой. Делал он это совсем даже не эротично, а как-то спортивно, с приложением недюжинной силы. Складывалось впечатление, что сам он не понимал, чем был занят. Что происходило все это оригинальное чудачество вне его сознания, помимо его рассуждений. «Особенно надо потрясти Махохорина. Да и другую публику. Они денег зарабатывают ворох. А как дураят-то государство, как унижают матушку Россию». – Внутренний монолог генерала был напыщенно патриотичен.

– А Вячеслав Семенюра прибыл? – спросил он.

– Да! Дождется клиентов, – бросила смиренная Попышева.

– Этот тоже мошенник высшей гильдии. Ну ты иди, Любаша. Зайдешь ко мне с клубничным вареньем после Кузякина. Публике скажешь, что у меня телефонные переговоры с представителем правительства. На телефонные звонки отвечай, что я на совещании. Но на лист записывай, кто звонил! Что, довольна, кх-кх?

Она улыбнулась, прошептала «уес», показала ему язычок, сжала локоть и вышла вон из кабинета. Закрывая дверь, устало подумала: «Ну и ладно, и какая разница?»

«Ей бы только того... – усмехнулся про себя чиновник, – из женщин бюрократ никак не получится. Их мысли ломаного гроша не стоят. У них все одно в голове!» Довольный своим аналитическим рассуждением, господин Аркадий Дульчиков включил агрегат обнаружения подслушивающих систем, нахмурил брови, кисло скривил рот, надел на краешек носа очки, принял усталый, деловой вид и стал ждать посетителя.

В кабинет вошел полненький невысокий мужичок лет шестидесяти. Нос крупный, воспаленный и покрасневший на крыльях, подбородок в угрях, глаза небольшие, круглые, карие. Вишневые туфли, кремовые брюки, голубая сорочка с отвисающим от тяжести карманом на груди и торжествующая улыбка как-то сразу напрягли государственного советника третьего ранга.

– Ба, приветствую вас, дорогой Аркадий Львович! Лучшие пожелания вам от всех членов Святого синода Русской православной церкви. Вы православный? Вижу, что верующий. Такие люди нужны христианской вере.

Столичный бюрократ уже был готов признаться, что да, крещеный, но посетитель, похоже, спешил. Явно не собираясь его слушать, он торопливо продолжал: – Есть уйма православных, жертвующих свои деньги на восстановление разрушенных храмов и финансовой независимости православия. Вот буквально на днях: скончалась знатная особа, некто Амелякина. Она завещала церкви деньги, драгоценности, картины. Даже экзотических животных! Но есть ведь и люди, не располагающие капиталом, но дарящие приходам благородные поступки. Недавно...

– Так-с, никак не пойму, о чем идет речь? Что вы от меня хотите, кх-кх, благородный человек? – Господин Дульчиков наигранно зевнул.

– Я присяду?

– Да.

– Вам звонили сверху о моем визите?

– Откуда сверху?

– С самого-самого.

– Не припомню. Кто должен был звонить? Митрополит Кол-кий?

– Что вы! Берите выше, выше! – самодовольно перебил столоначальника улыбающийся посетитель.

– Простите, а как ваша фамилия?

– А вы меня не признали?

– Пока нет.

– Так я же Семен Семенович Махахорин!.. С Соф-кого завода. Его директор и правая рука самого-самого. Ба! Обижаете. Не признать Махахорина... Я же друг вашего шефа!

– Начальника департамента?

– Министра.

– Министра? Мне никто ничего не говорил, – соврал чиновник. – Но, кх-кх, в чем, собственно, дело? Чем могу помочь такому симпатичному человеку?

Господин Махахорин взглянул на броский заголовок газеты, отодвинул ее, выпучил глаза и в гневе бросил:

– Плохо делился! Таких людей российский мир не уважает. Подумаешь, X-ий? Вчера X-кий – сегодня пшик. Ноль, бублик без мака! Живешь – давай жить другим. А то президентом захотел стать... А если делиться не научился, то как в президенты-то? Ба! Но вернемся к моему вопросу, – опять заулыбался Семен Семенович, да так радостно и сердечно, что вызвал недовольство чиновника.

«На самом этом директоришке пробу негде ставить, А он X-кого поносит! Вредно это, не по-русски», – мелькнуло в голове у Дульчикова.

– Вы, конечно, знаете, с каким невероятным трудом восстанавливается русская церковь. Сколько храмов разрушено прежним режимом, какое количество священников было замучено извергами. Но где взять деньги для воскрешения святынь? Надо же ежедневно производить все необходимое для церковной жизни: праздничные календари, свечи, иконы, стихари, потиры, кадильницы, крестики и так далее. Тут, Аркадий Львович, капитал необходим огромный. В настоящее время такую широкую номенклатуру товаров выпускать – изворотливость нужна и связи с

богоугодными людьми. Ведь все это делается, чтобы в душах россиян опять воцарился дух Христов...

«Когда это он в них был? Не припомню! Но пусть туман напускает. Чем больше красивых слов, тем ближе суть дела. Видно, этот тип – пройдоха высшей гильдии. А тебе, голубчик Аркадий Львович, о другом надобно думать. О доходах! И не просто о мелочах, а о солидном капитале», – размышлял столоначальник.

– В прошлый раз церковь просила ваше ведомство об освобождении от налога на добавленную стоимость. И Бог помог: прежний руководитель департамента господин Наврайский снял с нас НДС. Ожили! Лампады и свечи, паникадила и латунные венцы озарили храмы. Слово Божье зазвучало с новой силой!

«Этого пьяницу давно сняли», – подумал генерал.

– Но теперь – новая беда. Не дает она Святому синоду и всем православным христианам спокойствия и душевной благодати. – Тут Семен Семенович понизил голос и заговорщицки прошептал: – Мы лишаемся основного символа, главного знака нашей веры – креста... – В этом месте господин Махахорин остановился и проницательным взглядом впился в невыразительные глаза столоначальника.

– Как так, упаси Бог? – почти вскричал господин Дульчиков. – Какая же вера без креста, без образа воскресения? Что, наши чиновники, кх-кх, налог или лицензию на изготовление крестов ввели? Тут, любезный, мешкать недопустимо! Пусть ваш самый главный с письмом к президенту обратится. Что за порядки вводит этот Мреф? Налог на крест! Тут я категорически против. Готов публично выступить в своем отделе: в этом законе совершенно нет никаких национальных интересов. Впрочем, может, все же есть какой-то резон. Вот в старые времена кресты делали

из ткани, кожи, из рыбьей чешуи. Сегодня можно спички ниткой обшить, смастерить крест из молодой березовой поросли, вылепить из глины, изогнуть проволоку, наколку разведенной сажей сделать. Татуаж нынче, кх-кх, в моде. Готов вам помочь советом. Или вы желаете чего-то другого? У вас имеется заявление в адрес нашего ведомства или на мое имя? Оставляйте его, симпатичный господин Махахорин, начнем работать. Старт для деятельности нашего брата чиновника – всегда письменное обращение.

– Ой, спешите вы, уважаемый. Тут еще подумать надо, что и как писать! Вопрос непростой. Вначале дело требуется решить, а потом уж письмо готовить. Или я не прав?

– Помилуйте, скажите все как есть, а то я вас не совсем понимаю. Говорите, кх-кх, чего же решить-то надо?

– Надо снять акциз. Это по вашему ведомству. – Тут улыбка слетела с уст Семен Семеновича и он требовательно уставился на столоначальника.

– С чего акциз-то снять? Ведь кресты делаются не из акцизных материалов. Олово, медь, алюминий... Что, вы хотите сказать, кх-кх, снять акциз с золота? С серебра? – в страхе, как-то приглушенно произнес Аркадий Львович. А про себя радостно подумал: «Так вот что задумал этот мошенник высшей гильдии! Ну, ты, голубчик, господин Дульчиков, его не выпускай. Тут большая нажива!»

– Да! Именно так, любезный генерал.

– Так-с, да как же это возможно? Золотые кресты делает не только завод православной церкви. Все ювелирные мастерские страны занимаются этим бизнесом! На это ежегодно уходит десять тонн золота и двадцать – серебра. Если средний крестик тянет на семь граммов, то мы имеем один миллион пятьсот тысяч золотых и три миллиона серебряных крестов в год. Пусть цена одного крестика тянет на одну тысячу рублей, или тридцать долларов.

Выпуск только золотых крестов даст оборот в сорок пять миллионов долларов, а акциз составит, кх-кх, около трех миллионов в год. Кто позволит так беспардонно грабить страну?

– Давайте договариваться. Аркадий Львович, умница вы наш, какие будут предложения?

– Передо мной лежит закон, какие же тут могут быть варианты для размышлений? Вы находитесь в государственном ведомстве. В пятистах метрах от Администрации Кремля!

– А у меня предложения есть, – опять заулыбался Махорин, да так лукаво, что столоначальник от испуга даже вздрогнул. – Можно высказать?

– Говорите!

– Никто не услышит?

– Кроме меня, тут никого нет.

– Речь идет о пяти тоннах золота.

– Да, и что?

– Мне нужно акцизное освобождение на пять тонн золота.

– Лихо берете! Вы хотите прикарманить два миллиона долларов бюджетных денег?

– Прикарманить? Церковь просит вас помочь, чтобы не вызывать у верующих чувство ненависти к правительству. И так, а нынче особенно, чертовщина гуляет по России.

– Послушайте, я чиновник. Переживания верных прихожан, кх-кх, меня не интересуют. На службе моя Библия – закон.

– Даем пятьдесят тысяч долларов за десять тонн золота. Они должны быть свободны от акциза.

– Вы буквально только что, говорили о пяти... Но меня этот вопрос вовсе не интересует. – Дульчиков отвернулся и стал демонстративно перекладывать бумаги на столе,

про себя усмехаясь: «Точно, он мошенник высшей гильдии. Притворяется, как артист с Малой Бронной. Цену вопроса занижает, как закупщик у оптовиков».

– Акциз же не вами снимается! Вы готовите лишь пакет документов в правительство, умнейший Аркадий Львович. Основные расходы нас ожидают именно там.

– Милый человек Семен Семенович! Ваше предложение меня не заинтересовало. Оно дурно пахнет, к тому же проблемы религии меня не мотивируют. Лишь два раза в году – на Рождество и Пасху – мне приходится вспоминать, что существует церковь. Вы хотите призвать меня к нарушению закона во имя религиозных приоритетов. Золотой крест, золотая цепочка, что у вас еще? Это ли нужно доброму христианину? Вам храм, молитву, кх-кх, мешковину на тело да кагор. А вы о золотых крестах печетесь! Спасаете души или развращаете православных пилигримов?

– Наш заводик, любезный генерал Дульчиков, – это субъект внутрицерковного хозяйствования. Церковь отделена от государства, что позволяет ей иметь производство для собственных нужд. Золото для нас – материал, украшающий скудный быт прихожан, наши праздники. Зачем верующим, придерживающимся наших постулатов, по ювелирным салонам шататься? Конфессиональную золотую атрибутику пусть у нас покупают. Дешевле! Без акцизов! Все освящено служителями церкви. Ведь религии нужен капитал, любезный Аркадий Львович. Как православные соборы поднимать? Из каких источников финансировать реставраторов, каменщиков, иконописцев?

– Кх-кх, деньги нужны всем. «Geld, Geld, Geld, ruft die ganze Welt»²⁵, – задумчиво и как-то мечтательно произнес столоначальник.

²⁵ «Деньги, деньги, деньги – кричит весь мир» (нем.).

– Ба! Я как раз и подумал, что если вы лично начнете вести этот гуманитарный проект, то мы сможем заплатить вам сто тысяч долларов. Одним траншем. Вперед! По любому адресу. Хоть наличными! Хотите – имуществом по ценам БТИ, хотите – драгоценностями. Скажите только, какими именно. Все будет в ажуре! Люблю платить за помощь в развитии бизнеса, тем более такого важного. Согласны? Начинаем работать? Скажите «да» – и тут же будет выложена премия.

– Ой, Семен Семенович, меня трудно соблазнить! Это пустое дело. Оставьте! За свой стол я держусь самозабвенно. Я до мозга костей государственный служащий. Все, что вредно стране, тяжелой болью отзывается в моем сердце. Выводите меня из игры, кх-кх, и действуйте. Министерство у нас большое. Если будет прямое распоряжение сверху, я препятствий чинить не стану. Без проблем дам свое согласие. Подумайте, я вас не тороплю.

Господин Махахорин на секунду действительно задумался: «Пойду на стол выше – запросит больше, без распоряжения бросит все дела Дульчикову, и этому А. Л. все равно придется платить. Пойду еще на один стол выше – тот возьмет тридцать процентов от разницы в цене вопроса, сбросит все без подписи на стол ниже, а тот попытается ухватить меня за карман и опять сбросит работу Дульчикову. Нет, пока лучше с А. Л. продолжать. Он ключевая персона. Интересно, на какой сумме он согласится. Предложу я ему сто пятьдесят».

– Да что тут думать-то? Лучше с вами дело иметь, чем министерские пороги обивать. Не турбаза же ваше ведомство! – рассмеялся Семен Семенович. – Даю сто пятьдесят тысяч. Начнем работать, дорогой вы наш. По рукам, генерал. Неужели вы сами хотите послать меня наверх? Чтобы премия осталась на другом столе?

– Вы не убедили меня, любезный. В прихожей народ толпится. Можете жаловаться, что государственный советник третьего ранга Дульчиков пренебрежительно отнесся к нуждам Святого синода, Русской православной церкви, директора завода и так далее... Можете даже снять меня, отнять у меня стол! Хотя он для меня – жизненная опора. Я без стола, что другой без семьи, без родины... Так что вот так! Был рад с вами пошутить, Семен Семенович. Если возникнет какой вопрос...

– Минутку, подождите! Прошу вас. Я еще не все сказал. Главный аргумент оставил на последнюю минуту. Дайте собраться с духом. Смелость в этом деле нужна особенная... Дам двести пятьдесят тысяч долларов за полный разрешительный пакет! – твердо, со злостью в голосе произнес Махахорин. Впрочем, он тут же свою твердость и злобу сменил на улыбку и доброжелательность.

Наступила пауза.

Дульчиков встал, прошелся по кабинету, налил себе стакан «Святой воды» и взглянул в окно на Маросейку. «Вот если пожар, как тут спрыгнешь? Четвертый этаж. Костей не соберешь! А если бежать придется?» – подумал он. Впрочем, он тут же вернулся к главной теме:

– Я готовлю документы только от своего ведомства. Составлю текст письма на имя нашего первого стола. Оно должно быть подписано вашим первым столом. В работу кабинета министров не вмешиваюсь. Только после полной выплаты премии, кх-кх, возьмусь за дело. – А сам подумал: «Этот Семен Семенович – прохиндей высшей гильдии. Думает, что за двести пятьдесят тысяч от меня так просто отъехать можно по такому прибыльному делу! Нет уж, не все так просто. Я не лыком шит, дружище православный! Мимо меня не прошмыгнешь, уважать себя перестану».

– Замечательно! Прелестно! Где передать премию? Генерал! – Семен Семенович как-то засуетился, его руки стали дергаться, глаза забегали по фигуре столоначальника, ум спотыкался то на одной, то на другой идее.

– Когда? – сухо спросил чиновник.

– Зачем откладывать это приятное событие? Уже к обеду я буду готов.

– Банк «Рубин», на Сивцевом Вражке. Спросите Бридчикову. Она просмотрит купюры и уложит их в ячейку.

– Вам сообщить, что дело сделано?

– Не беспокойтесь, я сам получу сигнал из кредитного учреждения. Если сегодня все состоится, то завтра начнем подготовку вашего дела. Приходите, уважаемый, в одиннадцать утра. Пропуск в здание будет выписан. – А сам подумал: «Еще год такой работы – потом и уйти можно. Тихо. Не с парашютом с крыши, не лифтом вниз, а по лестнице, с кашлем, с насморком, с хрипотой в голосе: «Ой, заболел, кх-кх». Прихрамывая, с образком на шее. Не в форме с золотыми погонами, а в скромном пиджаке, с рукой в гипсе, с пластырем на шее. Езжай на электричке в Шереметьево и лети... Лети! Лети, голубчик! Весь мир твой...»

Тут голос Семена Семеновича прервал его дерзкие мысли.

– Мне не нужен никакой мандат на передвижение. Ба! Мое удостоверение дает мне право свободно входить не только к вам, но и на любой этаж Кабинета министров. – В этот момент лицо его источало крайнее самодовольство. Господин Махахорин выглядел чрезвычайно счастливым: он хотел жить и побеждать российское чиновничество. Он мечтал сносить бюрократические преграды на пути своего бизнеса и лез в олигархи. «Надо еще подумать о его столе. Заманчивое дельце! Может быть, его вообще можно купить? Пятьсот тысяч, миллион долларов? Два? Прекрасная

инвестиция. Посадить за этот стол Ахряпова. Восемьдесят процентов брать за каждую сделку. Тридцать процентов отдавать наверх, семьдесят оставлять себе. Из своей доли можно подбрасывать С-неву в Госдуму и В-няшину в Федеральное собрание. А почему, собственно, покупать лишь стол Дульчикова? Уже пора подумать о нескольких столах. Чем больше столов получу я в управление, тем выше станет мой доход. Столы фискальных чиновников – соблазнительное инвестиционное поле. Тут многое можно сотворить!» – все больше воодушевлялся он.

– Вы что-то позабыли? – спросил его пытливым тоном столоначальник.

– Нет, нет... Прошу прощения, генерал. Задумался над маршрутом. На улицах пробки. Вы же слышали: взрыв у гостиницы «Националь». Террор. Перекрыт весь центр. А мне надо успеть к Бридчиковой.

– А вы что, без мигалки? Без спецталона? Без сопровождения? Как это, позвольте? Как это возможно: такому человеку – и без атрибутов чести и достоинства?

– Да есть у меня все это... Скажите, любезный, ведь удачно закончились наши переговоры? Лично я доволен! Не только дело сделал, но и познакомился с мудрым человеком. До конца рабочего дня я обязательно побываю в банке «Рубин», – улыбаясь, закончил Семен Семенович. А сам подумал: «Надо взять тайм-аут. Нечего торопиться. Может, мне повезет в самое короткое время стол у Дульчикова отобрать! У этого взяточника! У пожирателя чужих идей! У грабителя русского человека! Вот, взятку захотел: четверть миллиона долларов! Ба! Не лучше ли мне к тем двумстам пятидесяти прибавить еще столько же и за полмиллиона посадить за этот стол Ахряпова? Ведь стол-то замечательный! Прибыльный! Чем Ахряпов не генерал? Статен! Правда, подбородок скошен. На правой ноге орто-

педическая обувь, левый глаз косит, в голове мухи летают. Но чинам никакой ум не нужен! Да и походка, профиль, взгляд – все это атрибуты тусовщиков. Владелец стола – человек за ширмой. В тени. Стол! Стол! Еще раз стол! Вот основа успеха. Надо подумать о других кандидатах. Кого еще можно за стол посадить? Доверенных лиц теперь на лист ожидания необходимо ставить. Пусть ждут. Работенку, над которой я задумался, можно полжизни на коленях вымаливать! Владеешь столом год – карманы полные, владеешь три года – сундуки набитые, владеешь пять лет – тайные банковские счета десятизначными цифрами пестрят. Надо было раньше о столах задуматься». – Впрочем, тут господин Махахорин впал в крайнее возбуждение, покрылся красными пятнами, вспотел и, чтобы не выдать себя, быстро бросил:

– Пока, любезный вы мой! – попытавшись юркнуть из кабинета.

– Минутку, кх-кх! В приемной к вам подойдет господин Семенюра. Этот молодой человек представляет банк «Аллегро». У них сладкие предложения новым клиентам. Надеюсь, вы договоритесь. Считайте, что это моя просьба.

– Я уже работаю с банком. Впрочем, охотно выслушаю банкира. Ваша рекомендация для меня приказ, любезный генерал... Хе, хе, пока! – А сам подумал: «Этот стол еще на каждом банковском вкладе бизнес делает. Если он с каждого счета один процент имеет... Мой оборот – сорок миллионов долларов. Один процент – это четыреста тысяч в год. А сколько таких, как я? Вон, приемная полна людьми. И так каждый день. Ох, влюбляюсь я в этот стол. Как когда-то в православие, в завод в Соф-но». – До скорого! – бросил он радостно и закрыл за собой дверь.

«Так-с, чего хочет этот провинциал с церковного заводика? В вишневых туфлях, в голубой рубашке! Чутье мое, голубчик Аркадий Львович, подсказывает, что мечтал он о

моем столе, – стал размышлять чиновник. – Ишь, кх-кх, захотелось! Стол-то доходный, опрятный. Почему не взять? Не присвоить? С его-то связями, деньгами! Разом! За миллион долларов! Может, он и больше вывалит! Нынче столы дорого стоят. Вон за стол начальника отдела менее важно, чем наше ведомство, говорят, три миллиона отвалили. Да, кх-кх, целых три миллиона зеленых! Столы теперь в моде, они на особом положении. Я сам бы сегодня за свой собственный стол пять миллионов бросил. А если вопрос встал бы принципиально, то все семь. Как семь? Неужели только семь? – задал себе вопрос Аркадий Львович. – Неужели не больше? А? Спрашиваю, а? Так сколько же не пожалел бы? Говори, голубчик, генерал фискального ведомства, на какой сумме рука дрогнула бы? Ну десять! Десять? Десять! А там один Бог знает. А этому Семену Семеновичу почудилось, что стол уже за ним остался. Что его ноги в вишневой обуви на нем лежат. Что он своих клиентов обирает, личный капитал наращивает! Нет, кх-кх, мне легче всю церковь обанкротить, чем свой стол отдать. Если он сегодня к Бридчиковой не попадет, бьюсь об заклад, план коварный задумал!» – Тут господин Дульчиков обхватил стол обеими руками, прижался к нему коленями, башмаками уперся в боковины и стал его так усердно и даже, пожалуй, страстно целовать, что могло показаться, что он, стол этот, вызывал у чиновника самые настоящие сексуальные чувства. К чему только не тянет современного русского бюрократа! Что только не возбуждает его! Что только не вообразит он в своей взбудораженной голове!

– К вам, Аркадий Львович, господин Вадбольский, – проявилась по прямой связи секретарь. – Можно?

Генерал не отвечал. Он отдавался своим любовным чувствам и продолжал обнимать и целовать стол.

– Аркадий Львович, можно?

– Да! – наконец резко сказал он. Прежние мысли с новой силой полезли в голову: «К перерыву надо Махахорина нейтрализовать. Это дело запускать никак нельзя. Свой стол под угрозу ставить? Не самоубивец же я! Не враг самому себе...»

Как только в прихожей генерала появился господин Махахорин, к нему тут же подошел невысокий молодой человек. Нос с горбинкой, длинные дуги бровей, смоляные волосы, напористый взгляд черных глаз и подчеркнутая беспечность выдавали в нем южанина. Он заговорщически улыбнулся и представился:

– Влад Семенюра, банк «Аллегро». Давно мечтал иметь с вами дело! Человек с такими связями и умом очень интересуется наш банк. Что самое главное и приятное, знакомство наше не бесплатное. Вот вам билеты в партер на премьеру «Ромео и Джульетты» в новом здании Большого театра. А это приглашение на фуршет, который состоится после окончания спектакля. Вы известный эстет, и постановку знаменитого англичанина Доннелана вам необходимо посмотреть. Там будет вся элита Москвы: политика, бизнес, культура.

«Что-то много говорит этот банкир. Ба! Никакой он не Влад Семенюра, а черкес, чеченец или из Кабарды. Знаю я этот люд. Он захочет, чтобы я открыл счет у него в банке. Какой же другой ко мне интерес возможен?» – подумал Семен Семенович.

– Спасибо! – поморщился Махахорин. – А эта девица танцевать будет? Как ее...

– Вы имеете в виду Белочкову? Шикарную, в нарядах из лучших бутиков европейских столиц? Да, женщина – мечта. Нет, она не танцует. Интересуетесь? На предмет спонсорства или личных встреч? Понимаю! Как я вас понимаю! Оставьте телефон, все разузнаю и немедленно позвоню.

Директор церковного завода молча протянул молодому человеку визитную карточку.

– Еще два слова: клиентам банка мы выплачиваем невероятную банковскую ставку. Самую высокую в России, в Европе, в мире. Вот так! – заулыбался Семенюра. – Разрешите продолжить контакты по банковскому обслуживанию ваших счетов? Личных и коммерческих. Я сделаю предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– Спектакль завтра?

– Точно так.

– Там и свидимся. Пока! – закончил Махахорин и покинул приемную начальника отдела фискального ведомства.

«Ты еще станешь моим!» – возбужденно подумал банковский аквизитор.

В кабинет Дульчикова вошел мужчина среднего роста в бакенбардах и густых усах. Черные волосы слегка поседели, на виске упрямо сидела крупная бородавка, левое ухо было заклеено пластырем. Открытое выражение карих глаз и весь его чудаковатый вид подсказывали Аркадию Львовичу, что посетитель из сословия простаков.

– Добрый день. Спасибо, что нашли время меня принять и выслушать. – Господин Вадбольский из Дворянского собрания говорил еле слышно, а в конце вообще смутился и замолчал. Ему не хватило воздуха: золотые погоны столоначальника конфузили его воображение.

– Так-с, чем могу служить? Говорите, пожалуйста, предметнее. У чиновников моего уровня постоянно не хватает времени. Прошу изложить суть проблемы или предъявить заявление.

– Я от господина Служева... – еле слышно выдавил посетитель.

– Это от какого Служева? – Столоначальник притворился, что не признал известного имени.

– Из Генеральной про-ку-ра-ту-ры, – с большим трудом выговорил Вадбольский.

– А, ну да, помню. Уважаю! Садитесь. Вы пока, прошу вас, взгляните на свежую газету, а я через минуту вернусь.

Аркадию Львовичу нравилось, когда посетители, попадая в его кабинет, теряли самообладание. Он усмехнулся этому давно знакомому обстоятельству: «Пусть знают, с кем имеют дело!» – очень довольно бросил себе под нос генерал и направился в деликатные комнаты своего кабинета. Мысли у чиновника теперь были предельно практические: воспользоваться туалетом – мочевая система страдала известным у мужчин недугом. Броским заголовком об аресте X-кого укрепить собственную значимость. Принять таблетки, усиливающие потенцию, – он помнил о личном свидании с Любашей, – а также посвятить минутку-другую попыткам вспомнить, что именно хотел он сам от смущенного посла потомственных аристократов столицы. «Ведь было же что-то. Было же!» – настойчиво крутилось у него в голове.

– Так-с, слушаю вас, – начал чиновник, вернувшись к столу.

– В Дворянском собрании Москвы наметился кризис. Точнее, он продолжается уже не один год. – Тут посол московского дворянства прищурил глаза и перешел на шепот. – Якобы князь Наричин прикарманил огромные суммы, вырученные от коммерческого использования нашей резиденции. Чему лично я никак не хочу верить. Стало известно, что в начале января вы направите к нам аудиторскую проверку. Часть Дворянского собрания поддерживает

Нарицына, другая – Башмакова. Граф Слузов посоветовал обратиться к вам за содействием, чтобы ваши чиновники... – Тут господин Вадбольский испуганно оглядел комнату и, словно убедившись, что, кроме Дульчикова, в ней никого нет, продолжил тем же низким голосом: – Мягкость проявили. Деликатность. Князь страдает сердечной недостаточностью. Как бы не помер наш предводитель!

– А граф Слузов, это кто – брат, кх-кх, прокурора?

– Нет, нет. Прокурор Слузов и есть граф.

– Странно, в досье о российских чиновниках сказано, что Слузов из крестьян.

– Может быть. Коммунисты оставили нас не только без собственности, но и без родословных.

– Вы тоже представляете дворянское сословие?

– Да! Вадбольские – старейший княжеский род России.

Можно добавить еще два слова?

– Пожалуйста. Но тема происхождения аристократических семей меня не интересует, – с какой-то ленцой бросил чиновник.

– Понял! Тогда не буду утомлять. А вы сами не хотите получить княжеское или графское звание? – не позволяя себе смотреть в глаза крупного начальника, произнес посетитель.

– Это с моей-то фамилией? – удивленно вспучил глаза генерал.

– А что? Дульчиков... Чем Дульчиковы хуже Дашковых, Воронцовых, Лопухиных, Чернышевых? Вы, прошу прощения, помогите нам... И ваше имя станет звучать совершенно по-другому: государственный советник третьего ранга князь Аркадий Дульчиков. Лучше же? Конечно, хорошо! Стены запоют! – И господин Вадбольский выдавил жалкую улыбку.

«А что, действительно здорово, а? Может, принять предложение?» – мелькнуло в голове у чиновника.

– А почему Слузов не стал князем?

– Он сам захотел быть графом.

– А, понятно.

Столоначальник встал, прошелся по кабинету и опять уставился на Маросейку. «Как тут спрыгнешь при пожаре? Остаться в живых шансов не так уж много. Сгоришь или задохнешься от дыма... А Москва бурлит, вон сколько народу бегаёт, бизнесом занимается. А стол? Как его-то при пожаре сохранить?» – всплыла навязчивая мысль.

Минуту спустя столоначальник обратился к послу дворянства:

– А что главное: князь или граф?

– У кого больше денег, связей и хитрости, тот и есть хозяин жизни.

– А, ну да, кх-кх, да...

«Что же я хотел от этого дворянского депутата? – опять пришло ему на ум. – Денег у них нет, какой же другой актив мог меня заинтересовать? А, ну да, вспомнил! Незатейливая вещица, но полезная для связей...»

В этот момент зазвонил внутренний телефон. Дульчиков взял трубку и услышал голос Любаши:

– К вам на прием прибыло известное лицо. Разрешите доложить? Это срочно.

– Заходи! – А сам недовольно подумал: «Кого это принесло?»

В дверях появилась секретарша.

– Что там у вас в приемной происходит? – брюзгливо искривил лицо господин Дульчиков.

– Депутат пришел.

– Что еще за трибун с Охотного Ряда? Какого созыва? Ведь у одних полномочия закончились, а других еще не начались.

– Он вечный. Я его с детства помню.

– Что он не представился? Как его фамилия? – столоначальник старался говорить приказным тоном.

– Точно не помню. Но как бы Подхолюзин.

«Подхолюзин? А, ну да, это очень опасный субъект...» – мелькнуло в голове у генерала.

– Дружище Вадбольский. Подожди-ка меня в приемной! Утешу известное лицо нашей Думы, тут же тебя приглашу. Депутаты – люди справедливые, но капризные! Ты, кх-кх не обижайся. Да, вот еще что: в приемной к тебе подойдет молодой человек. Он представляет банк «Аллегро». Господин Семенюра задаст пару вопросов касательно банковской деятельности. Будь, дружок, с ним пооткровенней. Понял? – и придав голосу сердечность, повернулся к секретарше: – Любаш, приглашай народного избранника!

Едва российский дворянин оказался в приемной столоначальника, к нему тут же подскочил молодой человек. Он заговорщически улыбнулся, взял Вадбольского под руку, отвел его в сторону и представился:

– Влад Семенюра, банк «Аллегро». Давно мечтал иметь с вами дело! Человек с такими связями и умом очень интересует наш банк. Что самое главное и приятное, знакомство наше не бесплатное. Вот вам приглашение на праздничный банкет по случаю десятилетия самого известного ресторана Москвы «Марио». Российские столбовые дворяне – известные европейские гурманы. А блюда «Марио» отвечают самым изысканным вкусам. Там будет вся элита столицы: политика, бизнес, культура. Окажите честь, приходите с супругой или знакомой дамой на роскошный ужин!

– Вы меня с кем-то спутали, – с опаской во взгляде еле выговорил Вадбольский. – Я скромный преподаватель кон-

серватории. О ресторане «Марио» впервые слышу. Вы, молодой человек, ошиблись!

– Ваша фамилия Вадбольский? Вы из княжеского рода? Ваш кузен Слузов работает в Генеральной прокуратуре?

– Все верно. Но откуда вы все это знаете?

– «Аллегро» имеет досье на самых известных людей страны. Вы не хотите обслуживаться в нашем банке? У нас прекрасные комиссионные!

– С моей-то зарплатой? – заскулил посол Дворянского собрания. – Неужели две тысячи семьсот рублей в месяц вас заинтересуют? Вам нужны богатые люди и фирмы. Я, к сожалению, не тот...

– Не торопитесь отвергать деньги. Я сделаю предложение, от которого вы не сможете отказаться. Послушайте, у вас большая семья: мать, жена, две дочери. Прокурор дает вашей матушке, своей единственной тетке, пятьсот долларов в месяц на проживание. Плюс ваших сто долларов и зарплата вашей жены. Итого шестьсот семьдесят долларов в месяц. Разве это деньги для семьи родового русского князя? Граф Слузов ведет десятки уголовных дел. О многих из них мы хорошо информированы. Если в конце каждого разбирательства вы будете обращаться к учредителям предприятий, руководство которых находится под следствием, с просьбой открыть счета в банке «Аллегро», а мы по своим каналам станем давать о вас нужную информацию – мол, что через вас можно получить крышу в Генеральной прокуратуре, – никто не откажет! Все они с превеликим удовольствием перейдут к нам на банковское обслуживание. В этом состоит ваша роль! Вы будете иметь пять, десять, пятьдесят тысяч долларов в месяц. Сто тысяч, миллион! Миллионер Вадбольский. «Мерседес» господина Вадбольского к подъезду! Самолету господина Вадбольского разрешен вылет! Князь Вадбольский ищет капитана и

экипаж на свою яхту! А вы получили приглашение на ужин к князю Вадбольскому? Вы видели, в каких платьях дочери Вадбольского? Какой кулон у матушки Вадбольского? Чудо! А дача Вадбольского в Барвихе? А дом Вадбольского в Каннах? Вы читали о коллекции импрессионистов Вадбольского?»

– Ой, пощадите ... – шепотом проговорил потомственный аристократ. – Остановитесь, прошу вас. Не называйте таких громадных сумм и такой дорогой собственности! Ваши соблазны сводят меня с ума. Слушать все это выше моих сил! – Его качнуло, он прислонился к стене, задрожал всем телом, руками обхватил лицо и тихо зарыдал.

«Пусть успокоится», – подумал довольный господин Семенюра.

Уже несколько минут спустя они обменивались телефонами.

Аркадий Львович протер салфеткой «Темпо» лицо, судорожно смял ее и быстренько, даже как-то нервно, бросил в корзину. Он опять обнял стол, расцеловал его, на лице появилось выражение нежности. Дульчиков едва успел выпрямиться в кресле, как в дверях появился известный думец. Выглядел он богато: безукоризненный костюм пепельного цвета фирмы «Бриони», изящная черная обувь от Кельяна, строгая, ганзиатская голубая сорочка с модным обрубленным воротником, галстук от «Ланвин».

– Привет, начальникам. Где тут можно сесть? – бросил Подхолюзин, адресуя свой вопрос в никуда. – Чиновники твоего ведомства стали такими строгими, что без разрешения боюсь выбрать себе стул. Ха- ха- ха!

– Да что вы такое говорите?! Я с радостью желаю служить вашему превосходительству! – Господин Дульчиков

вмиг вспотел, схватил стул и подставил его вальяжному политику. – Какой вопрос, глубокоуважаемый, необходимо решить? Я весь внимание. Всегда готов быть вам полезен!

– Слушай, генерал. Твои люди наехали на Баргузинский деревообрабатывающий комбинат. Ошибка! Грубейший промах! В прошлое воскресенье весь коллектив как один проголосовал за нашу партию. А ты их тут же наказываешь. Только не говори, что ты яб-ник или с-вец!

– Нет, что вы, я, кх-кх, стопроцентный ваш! В партийный актив Северо-Западного округа вхожу. Все мои клиенты получили наказ только за наши идеи голос отдать!

– Что же ты периферийных партийных друзей топишь? Что, трудно найти других? Может, очки тебе заказать? Пенсне подарить? Бинокль? Список неблагонадежных юридических лиц фельдъегерской службой прислать? – Подхлюзин говорил бесцеремонно, как российский вельможа, наделенный властью. Его нос был вздернут, а широкие губы холодно и иронично приоткрыты.

– Там, кх-кх, крупные нарушения ...

– Как, ты опять за свое?! Опять ничего не понял? Не видишь? Я сам пришел!.. Я твой порог переступил! Я здесь!.. А ты опять о Нюркиных ботах.

– Смекнул! Нарушений уже меньше стало. А после проверки, надеюсь, грехи совсем исчезнут.

– Так-то лучше. Но перед тем как говорить, полезно думать. Что значит «надеюсь»? Ты должен точный ответ дать. Надеются на танцплощадке! Тут обязательность нужна.

– Прошу, кх-кх, прощения, все будет в порядке. Деревообрабатывающий комбинат в Баргузинске – законопослушная фирма. Там никаких нарушений не может быть, поэтому их никак не обнаружат. Нельзя же найти то, чего нет и не было!

– Ты оказался умным человеком, генерал. Продвинуть тебя по партийной линии? Умные, преданные люди всегда востребованы. Чего ты хочешь? О чем мечтаешь? Стать главой Северо-Западного округа?

«Нужен мне твой округ! – злобно подумал господин Дульчиков. – Я сам знаю, в чем нуждаюсь. Мне крыша нужна и деньги, и никак не меньше, чем тебе самому. Олигарх новоявленный!».

– Спасибо большое! Из ваших добрых рук мне все по сердцу. В правительстве, кх-кх, нас курирует господин Сантапукин. Как вы с ним? – осторожно обратился он к Подхолюзину. – Вопрос не праздный. Чтобы историю с Баргузинским комбинатом закрыть полностью, а потом оберегать его от наездов чиновничества, мне высокая крыша нужна. А она в дефиците. Тут можно попасть в такой переплет, что мало не покажется. Например, у министра, господина Ар-ва, мощная команда контролирует всю деревопереработку России. В ее жерновах оказаться – врагу не пожелаешь. Вы меня понимаете? Опасность, кх-кх, большая. Симпатии к вам и окружающая реальность – конкурентные понятия. Скажите, вам нужен такой человек, как я? Способный по первому сигналу броситься на помощь, чтобы отстоять ваши интересы? Преданный и учтивый? Знающий, как дела делаются. Способный обелить черное и очернить белое. Берите меня полностью, ваше превосходительство! И я начну вам служить. Служить самозабвенно! Никто на Баргузинский комбинат носа не сунет! Пусть мужики балагурят – мой стол их оберегать станет. Генерал Дульчиков будет им защитой. Но как практик скажу вам следующее: без господина Сантапукина никакой прочности, успеха в этом деле достигнуть нельзя... – А сам подумал: «Если такую крышу, как Сантапукин, получить, то можно крылья расправить, а? С олигархчонками в сило-

вой диалог вступить, от врагов отмахиваться. Свой стол охранять. Клиентуру расширять. Да, кх-кх, одно слово – Бог послал мне этого Подхолюзина на счастье. Спасибо! Лишь бы согласился! Думаю, получится. Ведь он сам пришел спасти двадцать семь миллионов долларов. Сумма-то какая приятная! Роскошная пачка зеленых! Аж запах чувствую. Мне бы ее самому откусить, а? Но крышу правительственного чиновника для меня получить важнее. Так что, голубчик Аркадий Львович, уйми свой пыл сегодня. Все сбудется. Еще успеешь миру свою неумную страсть предъявить!»

– Господин Сантапукин, говоришь... – в задумчивости протянул народный избранник. – А что, хорошо знаком с ним... Но позволь, чинуша, ты мне байки не трави. Да за крышу Сантапукина ты не только Баргузинский комбинат для меня охранять станешь, но и целый список других фирм! От Приморья до Балтии. От Диксона до Мацесты. Не слышу одобрительного радостного крика. Где он? Генерал? – Тут лидер известной партии свирепо взглянул на Дульчикова. Столоначальник изобразил испуг и волнение: у него затряслись не только губы и руки, но и плечи. Он отлично знал повадки и ментальность современных российских вельмож и умело этими знаниями пользовался.

– Готов, на все готов, ваше превосходительство! Становлюсь вашим крепостным! Вашим пуделем! Приказывайте! Все, что угодно. Самое сумасшедшее поручение выполню! Но дайте в заступники правительственного чиновника. Скажите ему, что с вашего позволения Дульчиков готов и ему служить. С таким же усердным рвением! С неистовством члена нашей правящей партии. Где список фирм, которые необходимо обслуживать по понятиям, с закрытыми глазами, с забетонированными ушами, с отрезанным языком? Дайте возможность отличиться! Показать свой

талант аудиторских манипуляций. Доказать, что два плюс два будет равно семи, или ста восьмидесяти, или шести тысячам двумстам. Я мастер этого оригинального жанра. Я антиматематик современности, антилогик. Я научился читать законы через кальку, менять и редактировать их в соответствии со своими. Все знания я поднесу к вашим ногам. Топчите меня, используйте в самом невыразительном деле, плюйте мне в лицо, ставьте фингалы под глазами, меня, охотника за чужой собственностью, направляйте по любому следу, давайте указания зарабатывать десятки, сотни миллионов долларов, евро, фунтов стерлингов, швейцарских франков в ваш карман! Будоражьте необыкновенными способностями матерого столоначальника свои политические и коммерческие фантазии! Затыкайте генеральским носом Дульчикова любые дыры вашего бюджета и бизнеса! Чиновник, стоящий теперь перед вами, отныне принадлежит исключительно вам, ваше превосходительство. Он ваш раб! Он ждет ваших повелений! «Вижу по глазам, что замутил я этого Подхолюзина, – мелькнуло в голове Аркадия Львовича. – Довольный собой, он продолжал размышлять: – Уверен, что он решит вопрос с Сантапукиным. Укроюсь я под его правительственным столом, как купюры в банковских складах! А тут уже проворачивай дела сам. По выбору, исходя из собственных интересов. Нужен мне будет этот Подхолюзин! Тьфу!»

– Сегодня я встречаюсь с человеком, о котором идет речь, – начал депутат всех созывов. – Поговорю с ним и о тебе. Я упрочу твою служебную карьеру на будущее. Пока он сам останется в правительстве – жить тебе начальником. А там видно будет. Люди, которые мне служат, непотопляемы! Но не огорчай меня длинным языком и непослушанием. На Троекуровском кладбище места покойникам всегда найдутся. Понял, о чем я? Что касается Баргузинского ком-

бината – снимай своих людей и готовь справку о чистоте предприятия. Это станет первым взносом в бюджет твоей преданности. Список других фирм, которым я покровительствую, получишь сегодня к вечеру. Я позвоню тебе во второй половине дня. Зачитаешь мне приказ о деревообрабатывающем предприятии. Все, я отчалил! – Депутат встал и направился к выходу.

– Спасибо за доверие. Всегда рассчитывайте на меня, как, кх-кх, на своего верного слугу. Счастливо! – И генерал проводил народного избранника до дверей. Тот даже не обернулся, выходя из кабинета.

«Ты мне лишь дело сделай. А там иди гуляй. Гордец нашелся! – глядя ему вслед, усмехнулся чиновник. – Подумаешь, Подхолюзин! Через год-два покину я эту страну и никогда не вспомню таких имен и физиономий. – Аркадий Львович подошел к окну и взглянул на Маросейку. Прежние мысли опять полезли в голову: – Что же делать-то при пожаре? Тут не спрыгнешь. Бежать, выходит, некуда... А как жить за бугром? Там такого вертепа нет. Не помрешь ли ты со скуки, голубчик Дульчиков? Очереди к твоему столу там не выстроятся...» От этих размышлений его отвлек голос появившейся в дверях секретарши:

– Аркадий Львович, кому зайти?

Столоначальник медленно пришел в себя, подумал и небрежно бросил:

– Пусть войдет Вадбольский. После него по списку.

Когда господин Подхолюзин проходил через приемную, чтобы покинуть здание известного ведомства, несколько человек встали. Среди них был господин Мамедов. Влад Семенюра закрыл свое лицо журналом «Интерьер», чтобы ненароком не встретиться взглядом с известным

политиком. На предпринимательской площадке, где он сейчас пребывал, такие публичные свидания не сулили ему никакой выгоды.

– Так-с, милый человек. Подхолюзина, вы, видимо, кх-кх, знаете. Видный и требовательный политик. Зашел в наше ведомство покритиковать мое подразделение. Много полезного высказал. Такая у нас служба – ошибки устранять. Впрочем, вашу просьбу придется выполнить. Я очень уважаю господина Слuzова. Хоть он в прокуратуре работает, но настоящий адвокат в душе. Непорочный, милейший человек! Даже прокурором назвать его трудно. Да, у меня к вам небольшое дельце, один из приятелей навязал. Такова, кх-кх, наша чиновничья жизнь. Есть одно старинное ожерелье. Все в изумрудах, а центральный камень – пятнадцатикаратный бриллиант. Оно якобы принадлежало... – Тут господин Дульчиков открыл телефонную книжку и в самом ее конце прочитал: – Графине Марии Сергеевне Голенищевой-Кутузовой. Графиня была замужем за братом Николая Второго, великим князем Дмитрием Александровичем Романовым. – Аркадий Львович закрыл книжку и продолжал: – Никаких документов, подтверждающих эту версию, кх-кх, конечно, нет. А надо бы иметь! Так-с, если Дворянское собрание даст бумагу, удостоверяющую, что это ожерелье действительно принадлежало названной светской даме и это подтверждается князем таким-то и графом таким-то... Ну, вы понимаете. Всего необходимо иметь пять-шесть подписей. Точное описание ювелирного изделия вы получите от госпожи Архаровой. Она найдет вас сама. Как, кх-кх, договорились? Сможете ли вы это пустяковое бумажное дело состряпать? – Господин Дульчиков говорил как бы совсем незаинтересованно.

– Буду рад посодействовать известному генералу! Бегу к Наричыну. Да, по поводу вашего княжеского звания: разрешаете сделать первые шаги? Уверен, что Дворянское собрание единогласно одобрит эту инициативу. Могу ли я успокоить товарищей, что ваша комиссия будет милостива при аудите?

Никакого ответа он не дождался. Аркадий Львович лишь заулыбался и как-то двусмысленно кивнул ему головой.

– Но почему «товарищи»? В Дворянском собрании Москвы вы называете друг друга этим забытым коммунистическим словом? – лукаво улыбаясь, спросил генерал.

– Простите, запамятовал. Спасибо за радушный прием, ваша светлость князь Дульчиков. Всего доброго!

Вадбольский поторопился закончить визит, попятился назад и вышел из кабинета.

«А что, совсем недурно: ваша светлость князь Дульчиков, – подумал столоничальник. Тут его плечи поднялись, грудь горделиво выпучилась, нос, поднявшись высоко, казалось, вот-вот заденет брови. – Теперь губернатору можно докладывать, что его свадебный подарок дочери вице-премьера потяжелел в цене. Значительно подорожал, а? Позже я свои дела решать стану. У меня тут много проектов!»

Чиновник прошелся по кабинету, вспомнил о Махахорине, вернулся, сделал какие-то записи, потом подошел к окну и взглянул на Маросейку. «Значит, бежать некуда. Высота двадцать пять метров, – подумал он. – Куда же тут прыгать? Может, веревку приготовить, рукавицы? При пожаре можно спуститься... Неужели за бугром я найду спокойствие? Тьфу, жизнь российская!»

– К вам господин Мамедов, – раздался голос секретаря.

Чиновник помолчал, словно вспоминая, кто же таков этот Мамедов, и бросил:

– Пусть, кх-кх, входит.

В кабинет вошло «лицо кавказской национальности». Мамедов был крупный, среднего возраста, с выразительным, доверчивым лицом. Черные волосы, черные глаза, черная одежда, смуглая кожа и прочие характерные черты выдавали в нем типичного азербайджанца. В руках у него была небольшая дорожная сумка.

– Так-с, слушаю вас, – начал столоначальник низким голосом.

– Спасибо, да, что приняли. Вам сказали, да, как я долго плакал, когда нашего Алиева хоронили? Это беда всех азербайджанцев! Русские политики говорят, что он глыба был. Глыба – это что, камень драгоценный! Честное слово, долго плакал!

– По какому делу пришли меня беспокоить? – сердито спросил Аркадий Львович.

– Совсем не беспокоить! Мне этот ваш бывший начальник сказал, что мой вопрос Дульчиков решит. Он вам звонил?

– Это кто, наш бывший начальник?

– Его фамилия Шефф!

– Шефф? Такого начальника, кх-кх, никогда не было. И мне никто ничего о вас не говорил, – схитрил чиновник.

– Как не было, слушай. Честное слово, был. Его вся Россия знает!

– В чем суть дела? Расскажите коротко. Вы же сами видели, какая длиннющая очередь в приемной.

– Пожалуйста, да. В моих интересах о деле говорить. Вы знаете ресторан «Кардаш»? Это «друг» по-нашему.

– Не знаю, но это неважно. Продолжайте.

– Начальник, я хозяин этого ресторана. Ко мне каждый день люди из правительства ходят. Говорят: тебе фискальная служба все расходы спишет. Пришел узнать, как списываются расходы. Какое заявление писать? Честное слово, много денег надо списать.

Тут господин Дульчиков почувствовал запах пряностей.

– Что у вас в сумке? – очень строго спросил он.

– Как «что»? Еда. Лучшие блюда ресторана принес, да. Один раз попробуете – всю жизнь за Мамедовым ходить будете. – И хозяин ресторана так широко и добродушно улыбнулся, что столоначальник растрогался. Впрочем, он тут же взял себя в руки:

– Как вас пропустили с этой сумкой? Ума не приложу, как пускают к нам с ношами.

– Как не пустят, что вы! Ваш начальник охраны тоже ко мне ходит. Веселый человек, да. Клянусь!

– Кто именно сказал вам, что я спишу расходы вашего ресторана?

– Я же говорил, Шефф!

– Кто к вам ходит, кроме нашего начальника охраны?

– Честное слово, клянусь, фамилии не знаю. Правда, не знаю. Лицо знаю, а кто такие – не знаю. Милиция ходит, пожарные ходят, участковые ходят, санэпидемстанция ходит, торговая инспекция ходит, охрана природы ходит, ЖЭК ходит, прокуратура ходит, таможня ходит. Кто еще? – поднял он свои глаза к потолку. – Налоговая инспекция ходит, борьба с наркотиками ходит, Дума ходит, Совет Федерации ходит, автоинспекция ходит... Все ходят. У меня, уважаемый, одни убытки! Спишите, пожалуйста, семнадцать миллионов рублей. Год заканчивается, да. Что, мне на эти деньги еще налог на прибыль платить? Честное слово, совсем нечестно. Вкусной едой угощаю все правительство, а еще налог плати! Такое в Азербайджане может быть, но никак не в России! Русские люди умные, да. Справедливые, да. По понятиям живут, да. – Тут господин Мамедов стал вытаскивать из своей сумки блюда из ресторана «Кардаш». – Вот это долма из ягненка, вот это боз-баш, наваренный на курдюке, пальчики облизете, это мясистые помидоры из

Нахичевани, это шакер-чурек, а это люля-кебаб из козленка, паф-паф, очень вкусно, да. Это шашлык из каспийского осетра, а это пахлава. – Тут господин Мамедов приложил два пальца к губам и чмокнул. – Начальник, очень вкусно, да! Спишите семнадцать миллионов рублей, клянусь, на ваших правительственных чиновников потратил, да!

«Кто же его так приколот? Кто разыграл каспийского верзилу? – с улыбкой подумал господин Дульчиков. – Неужели действительно этот обжора Шефф? А может быть, они верят, что я готов списать семнадцать миллионов рублей? Как же это? А? Что я не Дульчиков? Они забыли, что в стране есть государственная фискальная структура! Наслаждаются кавказской кухней, отращивают животы, а я должен на них бюджетные деньги тратить... А если тут заработок? А? Вот если бы гастроном знал все фамилии чиновников! Тогда можно было бы с них эти деньги взыскать. Мамедова научить, как списать налоги, а с этих взыскать семнадцать миллионов. Деньги, правда, никакие. Но – жанр! Искусство бюрократа! Изощренность чиновника! Азарт!»

– Так-с, ты перенеси свои яства в комнату отдыха, это справа. Касательно твоей просьбы: мне нужен пофамильный список тех чиновников, которые задаром у тебя в «Кардаше» гульки устраивают. Иначе я ничем не смогу тебе помочь.

– Как мне фамилии спрашивать, да? Они испугаться могут. Что я скажу, клянусь? А если они обидятся и меня закроют? Что друзья скажут? Позорная новость облетит Москву и Баку: Мамедова ресторан закрыли, да! Мамедов доносчик. Мамедов сука! Как я дальше жить стану? Нет, начальник, найдите другое решение, да. Клянусь, очень прошу!

Господин Дульчиков задумался, покрутил в руках пачку таблеток, которые давеча для стимуляции чувств принял,

потом вдруг как бы очнулся, мигом спрятал ее в портфель, взглянул на часы, поднял палец и дал совет:

– А ты бери у каждого визитку. Делай на ней пометки, кто сколько должен, и кх-кх, передавай мне. Тогда я подумаю, как помочь. Понял? – А в голове у самого мелькнуло: «Посмотрим на эти имена! Кто это за счет мелкого предпринимателя азербайджанской кухни наслаждается? Что у этих людей выманить, как гурманов раскошелиться заставить? Может, какая другая косвенная выгода всплывет? Работать надо, голубчик Аркадий Львович! Думай, шевели мозгами, если карман полный мечтаешь иметь, если свой стол убережешь хочешь, о шереметьевском рейсе за бугор подумываешь!».

– Ну иди, Мамедов, – обратился чиновник к гастроному. – Когда соберешь материалы, можешь еще раз заглянуть. Давай! Дел у меня по горло. В приемной к тебе подойдет молодой человек. Выслушай его.

– Спасибо, да! Помогите, начальник. Не шутка, клянусь, совсем не шутка эти семнадцать миллионов рублей! Посоветуй, да, что делать?

– Иди! Иди! Я все сказал.

Опустив голову, Мамедов медленно, боязливо оглядываясь на суровое лицо столоначальника, шепча что-то себе под нос, пошел на выход.

Господин Дульчиков опять вспомнил о Махахорине, встал из-за стола, прошелся в раздумьях по кабинету. «Как же мне эту церковную крысу до портков обобрать? Вот ведь наглец какой! Пришел с просьбой, а сам на мой стол замахнулся. Увлекся перспективой? Задумал стащить идола? Нет, не видать тебе, православный, моего стола. – С такими мыслями прошелся он несколько раз по кабинету, потом, видимо, измучился размышлять или нашел решение, потому что вдруг подошел к окну, взглянул на Маросейку и

стал совсем о другом думать: – Так-с, тут совершенно точно при пожаре бежать некуда. Надо шоферу Митьке поручение дать, чтобы веревку купил длиннюющую да варежки шиповатые. Тогда шанс есть! Если веревку за отопительную батарею привязать, то можно и стол спустить, и самому на улицу съехать. На Маросейке оказаться. А если офис ведомства сторит, то прямо на улице клиентов можно обслуживать. Стол-то останется целым! Bravo! Мысль пришла замечательная. Очередь к моему столу среди людской уличной толпы затеряется. Шпики никак не поймут, кто из них ко мне, кто в магазин “Свет”, а кто в редакторскую фирму к Семиной, в дом десять. И аппарат по определению подслушивающих устройств не нужен. Тут деньги можно поднимать немереные. Но есть мысль еще лучше: а что, если отсюда, из кабинета, на веревке прямо за бугор? А? Не через это вонючее Шереметьево. Aber, direkt. По морозному в елочных огнях украшений воздуху? К рождественскому празднику? В центр Европы! А? А, голубчик, Дульчиков? Ну скажи ты мне, а? Прямо в Берлин, Париж, Лондон! В семизвездочные рестораны. Когда же кабинеты поменяют на аэропорты, служебные столы – на печатные станки для выпуска денег, а веревки – на самолеты? Легче жилось бы! Риска бы не было. Прошел бы нервный кашель! Таблетки для девок не стал принимать! Жил бы себе вольным казаком...» – Такие вот увлекательные темы будоражили ум государственного советника третьего ранга.

Господин Семенюра ожидал Мамедова. Молодой человек задумал через него выйти на обширную азербайджанскую диаспору в столице и в Питере, чтобы привлечь ее к соблазнительным предложениям банка «Аллегро». Шутками, какой неохваченный целинный ресурс: более пятисот

тысяч азербайджанцев живут в двух столицах! А ресторан «Кардаш» ломится от состоятельных земляков Мамедова. Талантливый агент банка подошел к удрученному гастроному, улыбнулся, приятельски хлопнул его по плечу и отвел в сторону.

– Вы кто? – спросил ошарашенный Мамедов. Его глаза были вспучены, рот оставался открытым.

– Влад Семенюра, банк «Аллегро».

– А я тут при чем, да? – Испуг не оставлял кавказца.

– Аркадий Львович сказал вам обо мне?

– Ах да, извините. Слушаю, да. Что надо сделать? Деньги дать, чтобы мое дело сдвинулось, да? Сколько?

– Хочу другой вариант предложить. Вам надо списать долги дебиторов: деньги не такие уж большие, но все же семнадцать миллионов рублей. По нынешнему курсу это около шестисот тысяч долларов.

– Каких таких дебиторов? Честное слово, я таких совсем не знаю!

– Ладно, не дебиторы, а должники. Я все о вас знаю. Вы с банками не работаете?

– Как не работаю? Работаю, да! Инкассацию каждый день проводим, зарплату начисляем, товар оплачиваем... Много работаем!

– Я говорю о левых деньгах. Где вы нал держите? В мешке, в коробах? Не в банк же вы его носите! Финансисты оценивают оборот московских ресторанов в два миллиарда долларов. По фискальной статистике значит, что налоги платят с двухсот миллионов долларов. То есть с десяти процентов. А где остальные девяносто? Какой смысл держать деньги в кубышке? Наш банк имеет анонимные счета. На них гарантированно можно держать любые суммы. Платим до восьми процентов годовых. Фискальные органы ничего об этом знать не будут. Вы меня понимаете? Если

вы все свои деньги и капиталы своих земляков разместите в «Аллегро», вы не только компенсируете свои убытки в «Кардаше», но и заработаете большие деньги. Став нашим банковским аквизитором, вы поймете, что жизнь состоит не только из проблем ресторации!

Честное слово, да, я не совсем вас понял. Так хорошо по-русски не знаю. Сейчас вообще я нервный. Расстроен, да. Понимаю, что какая-то идея есть, но, клянусь, так сразу ничего не скажу. Успокоиться надо, еще раз вас послушать. Приходите, да, в «Кардаш». Я своего старшего брата позову. Он, клянусь, хорошо ваш язык знает. Поговорим, да? Честное слово, понять хочу! Эфенди Дульчиков вас рекомендовал. Его мнение уважать надо, да!

Завтра вечером зайду, – заверил молодой человек.

Столоначальник Аркадий Львович ожидал господина Кузякина. До армейской жизни у призывника Кузякина в паспорте и военном билете было записано очень мужественное, хотя и несколько забытое имя: Аполлинарий Модестович. В школе над ним нередко посмеивались. Впрочем, это были не едкие и злые, а обыкновенные ребяческие смешки, и Аполлинарий Кузякин рос вполне обычным парнем. Но в армии молодой столичный солдат совершенно неожиданно для себя почувствовал какое-то непонятное влечение к прапорщику учебной роты туляку Тарасу Попловскому. Около двух недель он никак не мог понять, что с ним происходит. Прапорщик являлся молодому солдату даже во сне! При этом в самых неприличных позах и с недвусмысленными намерениями. Первые два-три таких сна даже удивили Кузякина: дескать, с чего это такие странные ночные видения постоянно лезут в голову. Но уже очень быстро, буквально несколько дней спустя, он не только

привык к ним, но даже старался побыстрее заснуть, чтобы «опять все это интересное и приятное увидеть». А когда в один из банных дней, стоя под душем, он вдруг увидел перед собой Поплоскина, то почувствовал чрезвычайное волнение. Он еще ни разу не имел отношений с женщиной, и тем не менее, трепет всего его существа, как ему казалось, напоминал именно те чувства, которые испытывают при свидании с любимым человеком. Всего лишь одна фраза Тараса Поплоскина решила всю дальнейшую судьбу Кузякина. Прапорщик открытым дерзким взглядом впился в него и предложил, протягивая мочалку: «Потри мне спину. Потом я тебе». После этого случая они постоянно искали возможность встречаться в укромных местах. У них это преотлично и часто получалось. Поэтому армия стала весьма приятным периодом в жизни Кузякина.

После армейской службы Аполлинарий Модестович менял личные документы. Теперь в его паспорте значилось менее мужественное имя: Юлий Юльевич. А в быту он просил, чтобы его называли Юликом. После учебы в гуманитарном институте он начал работать в городском ведомстве культуры и к сорока двум годам дорос до должности старшего инспектора. Говорили, что его прочат в заместители начальника отдела. Что его протезирует одно значительное лицо из самого Министерства культуры. Мелкий муниципальный чиновник семьи не имел. Все свое свободное время он проводил на разнообразных столичных тусовках. Особенно суетился он вокруг звезд эстрады и телевизионщиков. Одевался Аполлинарий Модестович модно и ярко, но не из московских и европейских бутиков, а моделировал одежду сам – из старого платья своих домочадцев. На генерала Дульчикова его вывел приятель, один из заместителей министра ведомства, в котором служил и Аркадий Львович. Об этом заме в министерстве, да и по всей Москве, ходили

всякие слухи, и государственный советник третьего ранга отлично знал об увлечениях вышестоящего чиновника и его окружения. Такое в столице не утаишь. Впрочем, господин Дульчиков считал себя современным человеком, поэтому наклонности к альтернативным чувствам не вызывали у него никакого осуждения. Он верил в одну упрямую истину: каждый человек должен жить в свое удовольствие. И правила существования он устанавливает себе сам. Святое Писание, Конституция, гражданское и уголовное право являются для него лишь импульсами для напряжения ума, чтобы найти дорожку для обхода надуманных, с его точки зрения, догм.

Именно этот господин Кузякин входил сейчас в его кабинет.

– Так-с, – начал столоначальник, осматривая Кузякина. – Вас рекомендовал господин Жаслупин? Один из моих шефов? Светлейшая голова нашего ведомства?

– Точно-с, – артистично подыграл ему Юлий Юльевич.

«Знал бы он, сколько у нас заместителей! – подумал Дульчиков. – Если с каждым из них здороваться, полдня пройдет. Работа нерентабельной станет. Впрочем, этот Жаслупин силен. Со всеми целуется, на всех тусовках принят. Опасен он! Вежливей надо быть с его посланником. А этот Кузякин неплохо выглядит! Экзот, но нынче это модно. На *них* он не очень-то и похож. И лицо спортивное. Светлый, доверительный взгляд, вид хорошо воспитанного человека. Но *они* не все же такие? Вот, к примеру, наш зам! Или Ревякин из центрального округа. Брр! Так и прет из них вульгарная женственность! Впрочем, время, время, голубчик. Начинай! Помни: *с ними* нужна осторожность!»

– Чем, кх-кх, могу быть полезен? – доверительно улыбнулся Аркадий Львович. – Друзья начальников для меня –

мои старшие советники. Приказывайте, кому тумачков на давать!

– Я не по прямой жалобе или просьбе, я посоветоваться пришел, – как-то утомленно начал Кузякин. – Последнее время меня... национальная идея мучает.

«Ничего себе визитер, – мелькнуло в голове у генерала. – Ему бы к психиатру в Кащенко или в Кремль к В-ну. А он почему-то ко мне».

– Так-с, интересно, слушаю.

– Все думаю о несправедливости жизни. Да! Сейчас об этом немодно размышлять. А меня эти мысли замучили. Вроде совсем не политик я, и от общественного движения далек. Как вы думаете, отчего вдруг такое? – благородным взглядом уставился Юлий Юльевич на столоначальника.

– Гражданская зрелость? Возмужание? Влияние умных книг? – сдерживая смешок, произнес Дульчиков. «Впервые с таким посетителем встречаюсь», – тут же пронеслось у него в голове.

– Не совсем так. В последнее время я вовсе не читаю. Чаще смотрю на мир, но, конечно, не на все его многообразие, а на московскую культурную тусовку. Реже думаю о смысле существования. Так что мои переживания возникли спонтанно, без какого-то внешнего импульса. У вас есть время?

– Начальник за вас просил, кроме того, вы сами по себе интересный человек. С удовольствием, кх-кх, выслушаю вас. Впрочем, вы видели очередь. Так что минут пятнадцать есть, не больше. Прошу вас, рассказывайте. Умные рассуждения послушаю. Это так редко бывает в нашей работе!

Тут он ненароком взглянул на часы. Было одиннадцать пятнадцать. «Совсем немного осталось, – напряженно подумал генерал. – Через четверть часа таблетки начнут действовать. Любку надо успеть пригласить. А вдруг этот, ко-

торый напротив, начнет ко мне приставать? Что делать-то, а? Спрашиваю я тебя, голубчик, какие действия предпримешь, а? Вдруг не сдержусь? А? Даже думать опасно. А если откажу? Что с моим столом произойдет? Отнимут, точно отберут. Сил у *них* много. Тут не всегда деньги вопрос решают. Их главное совсем в другом, а? А что, если в действительности придется, чтобы стол защитить? Пойду ли я на это? Или сдержусь? Да подумаешь...» – Господин Дульчиков опять погасил смешок и с серьезным видом уставился на Юлия Юльевича.

– Все чаще и глубже начинаю чувствовать, что мне этот мир непонятен, – стал медленно выговаривать слова посетитель. – История начинается с, казалось бы, простого, незначительного сюжета, взгляда, вида, реплики. А потом несет меня к мучительным переживаниям. К осмыслению собственной жизни, жизни своего окружения. Вот только что прошли выборы. Теперь почти все медиаинституты разглагольствуют о поражении демократических сил. Но есть ли у нас в России демократическое мировоззрение вообще?

«Что он ко мне пристал с этот чушью! – очень недовольно подумал Аркадий Львович. – У меня столько собственных дел, а этот о социальных проблемах! Да не интересует меня все это! Уже давно не интересует!»

– Какой, простите меня, демократ господин Мавленский? Если он на шестисотом «мерседесе» с охраной на джипах в канун выборов в больницу приезжает? На нем кашемировое пальто за пять тысяч долларов, костюм за три тысячи долларов! А весь дневной бюджет на одного больного не больше ста пятидесяти рублей, или пяти долларов. Как можно согласовать такие разные уровни жизни, ментальности, вкуса, потребительской морали? Или эта известная дама, Хакимедова? С ее утонченными аристократичными манерами, требовательным голосом, элитным

жильем, претензиями светской львицы! Да она на парикмахеров в день расходует больше, чем средняя российская семья на свое питание в месяц, а то и в год. Или Ланцов? Что, он для вас тоже демократ? Это же человек шикерии! Высшей знати! У него облик царствующего вельможи! Замашки хозяина жизни! Помещика!

В этом месте господин Дульчиков как-то нервно взглянул на аппарат по обнаружению подслушивающих устройств. «Слава богу, включено. Его слова – основания для немедленного отторжения моего стола. Точно, отберут! Обвинят в заговоре! Они проиграли выборы, но их люди еще у власти. Еще очень сильно их лобби! – занервничал генерал. Он хотел было расцеловать стол, всем телом прижаться к нему, но спохватился, остановил свой чувственный порыв. – Сегодня совершенно непонятно, кто за кого, кто против кого. Ералаш взглядов и мнений, любви и ненависти! Декамерон! Никогда не думал, что *эти самые* – социально ангажированный народ. Вот тебе наука, а? Но что он пристал? Скоро Любкино время наступит. Мне пора на диванчик с молодым телом».

– Демократия начинается не с речей, а с собственного поведения, – полемическим тоном продолжал Юлий Юльевич. Впрочем, спорить тут было совершенно не с кем. – Если политик ведет образ жизни типичного буржуа, то кто ему поверит, что он отстаивает демократические идеалы? Это то же самое, как если бы курильщик и пьянчуга начал пропагандировать здоровый образ жизни. После выпитой бутылки водки выходить на стайерский забег! Или из окон вытрезвителя выкрикивать политические лозунги. Демократы Европы ездят на велосипедах, мотоциклах, автобусах, недорогих машинах. А не на автомобилях класса люкс! Они носят одежду среднего сословия, а не мировых брендов! Они питаются не в роскошных ресторанах, а в доступ-

ных среднему классу местах общественного питания. Пьют не вино по тысяче долларов за бутылку, а пойло, которым довольствуется народ. Они доступны, их можно потрогать, покритиковать!

Господин Дульчиков никак не мог понять, чего хотел от него посетитель, чего ждал он от него. Аркадий Львович был готов ему помочь, но в чем? «Почему он выбрал мои уши для этих глупостей? Может, у *них* есть какая-то своя программа? Политическая цель? Видимо, *они* хотят легализовать в обществе *свой* чувственный мир? Ведут борьбу за признание свадебных обрядов *в своей* среде? Но я тут при чем? Почему меня отвлекают от главного дела? А? Даю на все времена свое согласие на *их* инициативы. Только оставьте меня в покое! Я озабочен другим, совсем другим. Мне еще несколько миллионов нужно. А он о демократии... А? Тьфу!»

– Наш народ за свободу не борется. Массы не требуют ее с палками в руках. Они ждут от Мавленских, Хакимедовых, Ланцовых ее пришествия. Они ожидают получить ее в мраморном зале, под звуки государственного гимна, от публики в бабочках, с бриллиантовыми булавами, в смокингах. Какое разочарование! Зablуждение! Свобода не приходит сверху, уважаемый генерал, она завоевывается снизу. В борьбе! В ссадинах и синяках. В протестах и бунтах! Вспомните Наполеона! Именно он редактировал первую конституцию Швейцарии. Начальные слова этого документа он написал собственноручно: «Один за всех и все за одного». Вот вам текст главного документа нации! А не замысловатые предложения ельцинских писак. Впрочем, наш народ привык жить в неволе. Ему слаще чувствовать себя обиженным, чем свободным. Он отвергает все, что не познано, что выходит за рамки культурных традиций. Не укоренился в стране перманентный гражданский протест!

А общество без новаторства мертво. Поэтому культура нытья в России выше энергии обновления. Реформы нашего уклада тонут в желании приспособиться, прибиться к чужому плечу. Взгляните, как целуются наши чиновники! Давеча в Екатеринбурге я попал на банкет по случаю избрания нового губернатора. Чмокание мужских поцелуев заглушало эстрадную музыку! Сила объятий рвала швы прочных костюмов. От сладчайших тостов текли слюни! От высокопарных слов кружилась голова! Но что такое это возвеличивание? Поцелуи, хвала, преклонение? Признание в любви и страсти – или символ покорности, знак преданности, сигнал общности? Если вы публично принимаете тысячи мужских поцелуев, пылких и полных вождения, и отвечаете тем же, то кто вы? Человек без морали? Без культуры? Некто, кто совершенно свободен в половых привилегиях? В любви? Или в мужской нежности вы ищете защиту своим интересам, которую реальная жизнь и Конституция вам дать не могут? Тогда поцелуй мужчины для вас – сакральный обряд самозащиты. Признание вашего публичного авторитета. Вашего веса в обществе. «Вон как он расцеловался с господином В-ым! А прошлым вечером как нежно прощался он с Л-ым! Или как он обнимался с К-ым! Видно, значимая фигура в обществе. Человек со связями!» Ведь это же сегодня главное. Тут никакой свободой любви не заметишь! Тут страсть совсем другого порядка: социальная, защитная, коррумпированная. Именно это двуличие *нас* мучает...

Тут господин Дульчиков заметил, что спокойные, светлые глаза Юлия Юльевича польхают огнем. Он испугался этого воспаленного взгляда. «Сейчас он что-то неожиданное выкинет. Но что, а? Неужели перейдет к *этому самому*? – мелькнуло в голове у Аркадия Львовича. Он даже серьезно забеспокоился: – А как вообще себя вести, если он...

того? – Навязчивая мысль не отпускала столоначальника. Весь сюжет показался ему удивительным. – А то поцелуи, мужская нежность, однополая страсть. Что он конкретно хочет? Этот странный господин заглянул явно не по тому адресу. И не выгонишь же, он от замминистра пришел...»

– Вы, кх-кх, батенька, не гневайтесь на российский быт. У них там, за бугром, заскоки похлеще наших. Ну и что ж, что мужики целуются? Братством называем мы эту традицию. – Тут он внутренне усмехнулся.

– Что же это ваше братство заведено лишь среди чиновников, признанных артистов и коммерсантов? Почему среди инженеров, ученых, таксистов, врачей, бухгалтеров, летчиков, учителей таких особых проявлений любви друг к другу никак не встретишь? Нет, уважаемый генерал, тут совсем другое дело. Поэтому я и напросился к вам на прием. В российском обществе, особенно среди тусовщиков, частенько можно слышать: когда хотят оскорбить человека, указать на его отвратительные поступки, низменные личные качества и чувства, то с удовольствием пользуются словом «педераст». На самом деле геи – это преданные, высокочувствительные существа, очень далекие от человеческих пороков. Общественная инфантильность, глухота и слепота, неспособность разглядеть истинное в этих оригинальных людях вызывают и у меня, и у моих друзей чувство глубокой обиды!

«И как это я дал вовлечь себя в такую дискуссию, а? В какой дискуссии оказался я, а? Мне это надо? Но этот Жаслупин, черт бы его побрал, он так близок с министром... Как бы *этой ему* не пожаловался! Как бы стол не отобрали, не увели стол мой драгоценный! Еще бы год, ну пару месяцев. Неужто придется мне с ним на диван ложиться?.. Вместо Любки... Срам! Но куда тут деться? А впрочем, кто узнает? Если мне иногда кажется, что я со столом готов в обнимку

переспать, то почему не разрешить себе с *этим*... Недавно себе признался: чтобы свой стол защитить, готов десять миллионов долларов выложить. Неужели пятнадцать минут с *этим* не стоят таких денег, а? Куда неприятней оказаться без стола, чем в постели с Юликом! Да и кожа у него приятная, глаза красивые. Что скажешь, голубчик Дульчиков, а? Говори, время подходит, решай. Через пять-семь минут таблетки начнут действовать!» – Таинственная привлекательность момента буквально ошеломила его.

– Убежденность в несправедливости толкнула нас к созданию Альтернативного союза. Цель этого общественного объединения – сплотить единомышленников вокруг новаторских идей реформирования общественной жизни России. Это чрезвычайно актуальная национальная тема. Мы оказались на задворках цивилизации. Все, что у них осуждаемо, у нас – желаемо! Что там дурно пахнет, здесь имеет приятный вкус. Если у них порочно, то у нас – востребовано. Вступайте, Аркадий Львович, в наши ряды! Становитесь активным членом нашего движения. Кстати, в него входят многие известные лица. Господин М-ов из правительства, господин К-ов из Администрации Президента, Ч-ский и Р-цер из Совета Федерации, члены руководства Генеральной прокуратуры, некоторые губернаторы, министры и заместители министров, видные депутаты Государственной думы, телеведущие популярных каналов, военные. Вы же хотите спасти отечество от лжи и двуличия? От двойных стандартов? Желаете жить в комфортной стране? Признаваемой общественностью других государств мира?

«У меня уже брюки распирает. Что он пристал с политикой? Пусть прямо скажет: пойдём на диван для личного контакта. Меня же Любка ждёт! Организм требует! Но что мне ответить по поводу членства в их организации? Надо разузнать, что это такое. А почему не вступить, если столь-

ко известных людей? Может быть, это та же наша партия, но в тени, за шторами? И правят ей те же люди? Уже становится невмоготу. Брюки рвутся...»

– Хотелось бы знать круг моих обязанностей, за что, кх-кх, придется отвечать? Курировать что, а?

– Вы аудитор. В команде нам необходимо иметь эксперта, способного по косвенным признакам оценить доход интересующего нас субъекта. Люди, близкие к власти, тусующиеся в кремлевских лабиринтах, потеряли чувство гражданственности. Они не платят и не собираются платить налоги со своих доходов. Например, большая часть членов Совета Федерации или нижней палаты. Живут, как богатеи Запада, как миллионеры Востока. Что стоит за каждым из них? Сколько денег они проедают? Каковы их источники пополнения собственного бюджета? Или артисты. Эстрады и сцены. Ко мне нередко приходят письма, в которых авторы заявляют, что готовы платить двадцать, тридцать, пятьдесят тысяч долларов за вечер со своим кумиром. Я передаю их дальше. Но – никакого ответа. Вот в самом конце октября передал одной длинноносой певице предложение: за один вечер в областном городе недалеко от Москвы инвестор готов выложить тридцать тысяч долларов. Почти два месяца – молчание. Три дня назад спросил: «Заинтересовало ли предложение?» Ответ: «Вы что, смеетесь? За такие деньги я петь не буду!» Нам нужно знать, сколько денег они берут за концерты? Платят ли налоги? Или все деньги – это исключительно черный нал? Государство этим не интересуется. Лучше обняться с артистом! Чмокнуться! Прослыть либералом! Зачем ему кормить свой нищий народ? Оно беспечно. Богато связями и понятиями. Именно мы начнем заниматься этими вопросами! Тут хочу напомнить вам о публичных поцелуях, общественных ласках, вздохах, тостах и крышах. Чем крепче

поцелуй, чем выше крыша, тем больше денег уводятся от взглядов фискалов. Именно те, кто сами нарушают законы, чаще всего используют слово «педераст» с криминальным, унижительным оттенком. Какая несправедливость! Зачем чернить законопослушных граждан? Талантливых и одаренных людей? Если уж использовать это понятие, то оно должно звучать уважительно. Мы же не оскорбляем словом «поэт», или «музыкант», или «влюбленный». А они? Им так и хочется нас втоптать в грязь! Что это – зависть к порядочности? Оскомины от независимости этого племени? Не спешите, генерал. Думайте. Вы нужны отечеству. Давайте бороться вместе! От вас совершенно не требуется, чтобы вы стали *этим самым*. Уверяю вас, тут необходимо исключительно собственное решение. И мы будем его уважать. Вы симпатичный мужчина, я уверен, что в будущем сами придете к *таким* оригинальным чувствам.

«Совсем неплохо, а? Под *их* крышей трясти политиков и артистов? – тут же смекнул господин Дульчиков. – К-ов из Администрации Президента, М-ов из правительства, Г-ский и Р-цер из Совета Федерации – влиятельные федеральные сановники. Тут можно уйму денег заграбастать. Свой стол защитить! Укрепить его опции! Подхользин обещал крышу в кабинете министров, Кузякин – в более широком диапазоне власти. Удачный день, голубчик Аркадий Львович! Но не торопись. Вначале надо подробнее об этой ложе узнать. Кто там главный? Кто правит бал?»

Утешительная мысль, пришедшая теперь в голову федеральному чиновнику, побудила сказать совсем другое:

– Готов вам во всем помогать. Зачем от государственных дел прятаться? Полезное дело задумали: российскую законность укреплять, налоговую, кх-кх, дисциплину на новый уровень поднять! Согласен, не по декларируемым средствам живет наша богема. В роскоши купается, а в бюджет копей-

ки перечисляет. А почему, любезный, сам господин Жаслупин со мной об этом деле словом не обмолвился? Мы-то видимся каждый день! На совещаниях различные темы обсуждаем. Может, тайна тут есть какая? Помню, приезжал в Москву американский иллюзионист. Кремлевский дворец был распродан на целых, кх-кх, пять дней! И средняя цена билетов – сто долларов. А налогов ноль! Как это, а? Может, мы на чьи-то интересы посягнем? Не страшно? Время-то непростое, а? У кого защиты искать?

– Вы, господин Дульчиков, вначале решите, вступаете вы в наш союз или нет? А все эти вопросы обсудить времени будет достаточно. Не оставим мы вас, генерал! Вы нам дороги. А поцелуй наш настоящей любви стоит. Искренней и нерушимой! Когда мы услышим ответ? Сразу после Нового года и Рождества? К десятому января? Подходит?

– Конечно! Это правильно, что время на раздумье, кх-кх, оставляете. Как иначе, а? Помозговать нужно. Решение-то ответственное! Скажите, а зачем вам эти данные, а? Станете шантажировать нарушителей закона? Ведь без инструментов исполнительной власти что с ними сделаешь? Прессе отдать? Ведь сами знаете, какова она сегодня. Этот вопрос необходимо на самом верху согласовать. В скандальные истории впутываетесь! Шутка ли – Кирилла Мелипова проверять. Вся общественность встанет! Завоет пресса! По московским улицам пройдут демонстрации протеста! Или Марию Витулову! Ей достаточно грудь оголить, ноги показать, как все наши аудиторы проверку побросают, забудут задание и цифры и займутся онанизмом. Непростое дело вы задумали. Без первого лица ничего не сделаешь. Мы же не Америка! – А сам подумал: «Тут проглядывается золотое дно, голубчик Дульчиков. Властное добро получить российскую театральную и эстрадную элиту потрясти! Политиков! А? Тут за месяц десяток миллионов живых денег

заработать можно. Прекрасное предложение. Отличное! Я даже об эрекции позабыл. Теперь чувствую, что швы на брюках разошлись! Таблетки сильные, сволочь! А он об *этом* ни слова. Почему? Неужели я не понравился?» – с легкой обидой размышлял столоначальник.

– Значит, встретимся сразу после праздников? Совсем не обязательно видеться в нашем офисе. Можно, кх-кх, в ресторане «Ностальгия» на Покровском бульваре. А? Там обсудим ваше предложение. Как вы на это смотрите, а?

– Договорились. Тогда я пошел.

– Да, до встречи, – бросил Дульчиков и размялся.

В наших министерствах редко встретишь чиновника, который не воодушевился бы идеей нового заработка. Ему стали мерещиться известные лица сцены, которых он в унижительной форме допрашивал о доходах, сверяя их показания с декларациями. «Они у меня еще запоют! Я выпотрошу капиталы этих сволочей. Перемещу деньги из их шелковых карманов на мои офшорные счета. Они узнают фамилию государственного советника третьего ранга светлейшего князя Дульчикова! Она им снится будет!» – то и дело радостно проносилось в его сознании.

Едва господин Кузякин вышел, как в кабинет влетела Любочка Попышева. В руках у нее была баночка клубничного варенья. Она закрыла за собой дверь на ключ и недовольно бросила:

– Что вы так долго? Я уж жду не дождусь! Куда мне? Сразу в постель? – А сама подумала: «Ну и ладно... Да и какая разница?

«Десять-пятнадцать минут, но никак не больше, – мелькнуло в голове у Аркадия Львовича. – У меня в приемной еще двое в очереди, обед с начальником канцелярии ми-

нистра Петром Сапегой, Махахорин. Этот черт здорово обеспокоил меня! А что, если он через своего самого главного начнет действовать? Тяжелую артиллерию в ход пустит? Тут без думца Подхолюзина никак не обойтись. Однодворцева из Администрации Президента и Харина из Центрального федерального округа надо на помощь звать. Впрочем, Петр Петрович пусть тоже включается в интригу. Он человек министра. Внутри ведомства обеспечивает прочную крышу. Сегодня за обедом ему к Новому году следует пачку зеленых презентовать. Может, двадцать? А? Ведь соблазнительная же цифра! Нет, начну с десяти! Десять тысяч долларов – тоже прекрасная цифра! А деньги эти с Семенюры взыскивать придется. Пусть банк не из моих комиссионных новогодний гонорар чиновникам выплачивает, а даст мне из своего фонда пятьдесят тысяч долларов, чтобы по этажам министерства раздать. А как же, а? Стой, голубчик Дульчиков, как же ты не подумал?! Необходимо завтра же поутру комплексную комиссию всех фискальных структур с проверкой на завод православной церкви в С-но направить. Завтра же! Поутру! В восемь часов уже на заводе! На месяц! Пятнадцать человек! Из прокуратуры, МВД, ГТК, ФСБ, ЦБ, МНС, Контрольного управления Президента, Счетной палаты, нашего ведомства. Пусть роют. Лопатами и бульдозерами! У них многое можно найти. Нет же! Не завтра, а сейчас, немедленно, а? Чтобы Махахорина от моего стола отвлечь. Если он узнает, что завтра на завод прибывает комплексная проверка, то станет ли он на мой стол коситься? Хватит ли сил и времени? Откуда? Свой стол начнет защищать! Кто он без стола? Прохиндей он высшей гильдии! Но таких мерзавцев нынче в России пруд пруди. Этим планом время можно выиграть. Но чтобы четверть миллиона махахоринских не потерять, проверку осуществить не силами моего отдела,

а Пятым подразделением генерала Бутылина. А я в тени отсижусь. Моя легенда: решаю вопросы по снятию акцизов на драгоценные металлы для нужд православной церкви! Впрочем, пока не рассчитается, шагу не сделаю. После обеда Подхолюзин объявится. Все защитные силы придут в движение. Я этому Махакорину покажу! Он две недели от комиссии отходить не будет! Она свяжет его по рукам и ногам. А чтобы акты приличными оказались, можно еще полмиллиона долларов запросить. Мне посредником стать между моим коллегой Бутылиным и моим знакомым Махакориным. Процентом тридцать с этой сделки сам бог велел снять. Состояние упрочить». Столоначальник хотел было поднять трубку прямой связи со своим секретарем, но тут прямо перед собой услышал:

– Аркадий Львович, так что мне делать? В постель? Вы же хотели развалетиться!

– Минутку, кх-кх, Любаша! Садись за стол и пиши приказ за подписью начальника департамента о комплексной проверке завода в С-но. Потом начинай составлять поименный список межведомственной комиссии по проверке этого предприятия на предмет уплаты НДС, таможенных платежей и пошлин. Документ можно дополнить поручением в Центральный округ города Москвы, кх-кх: проверить все торговые точки, где реализуются изделия С-го заводика. «Там тоже улов может быть приличным, а?» – не без основания радостно подумал генерал Дульчиков.

– Аркадий Львович, давайте поработаем после того... – огорчилась блондинка Любовь Леонидовна. Уголки ее пухлых, цвета закисшей вишни губ опустились. Казалось, она вот-вот заплачет.

– Что с вами, госпожа Попышева? Сейчас же садитесь писать! Лишь после дел наступит потехе час! – А сам подумал: «Как же быть дальше? Напряжение в брюках слабеет!

Что, опять таблетку принять? Врачи не рекомендуют. Да и времени ждать нет. Медицина начнет действовать только через час».

Он подошел к окну, взглянул на Маросейку, и опять на его сознание стали наворачиваться странные, не связанные между собой мысли: «Повертеться бы на крючке Сантапукина. Стол вице-премьера – мощнейшее оружие по оккупации рукавчика денежного потока. Много не надо! Всего лишь небольшой дренаж с горлышком в пять сантиметров. Ну десять! Главное, ненадолго, а? Не на всю жизнь, как некоторым подхользуиным. Всего лишь на пять-шесть крупных работ! На какие-нибудь пятьдесят-семьдесят миллионов долларов! Не больше! Что это от бурного денежного водопада России? Капля! Я даже на полкапли согласен. Может быть, по их измерению одна капля на больше тянет, чем на семьдесят миллионов. Не стану спорить. Пожалуйста! В таком случае согласен на пол- или четверть капли! Прошу вас, дайте пятую часть капли государственному советнику третьего ранга светлейшему князю Аркадию Дульчикову. Не хотите? Отказываетесь? У вас плохой слух? Тогда я сам возьму! Поняли! Слышали? – Потом вдруг совсем о другом стал думать чиновник: – А если бы этот Кузякин меня в постель позвал, а? Интересно, как *это* у них делается? Кто кого? Как? Откуда куда? Пятьдесят лет прожил, генерала получил, на выходе княжеское звание, а в *этом* модном деле совершенно ничего не смыслю!» – Тут господин Дульчиков усмехнулся, да так искренно и радостно, что девица Попышева даже подумала, не спросить ли начальника, чему это он так душевно заулыбался, но потом отмела эту мысль: «Еще отругает! А мне еще два года учиться. На стипендию не прожить!»

«А вдруг, *это самое* мне по душе придется? – продолжал размышлять генерал. – Кузякин что-то по этому поводу на-

мекал. Что, я тогда к девкам остыну? Впрочем, и сейчас я не очень уж горяч, а? – В этот момент господину Дульчикову пришла другая идея. – Почему я Вадбольского о титуле герцога не спросил? “Герцог”: звучит более внушительно. Или “герцог” – это польское звание. Может, немецкое?.. Да, с историей у меня худо... Надо Митьке денег оставить, чтобы метров тридцать прочной веревки купил. Не только для моей эвакуации, но чтобы при пожаре стол на Маросейку спустить. Неужели такая замечательная идея и другим пришла в голову? Нет, не думаю. Уверен, что нет, а? Если нет, то окажусь я единственным чиновником в ведомстве, который за своим столом сможет дальше служебные функции выполнять. Ну и что, что холодно? Можно в стеганом пальто, в оленьих валенках да в норковой ушанке прием посетителей вести. Дорогая одежда позволит поднять тарифы за услуги! Значит, если наше ведомство сгорит, а я со своим столом выберусь, то пока всех по новым кабинетам не рассадят, останусь единственным чиновником на службе, а? Не будет ни министра, ни пятнадцати его заместителей, ни двадцати семи начальников департаментов. Один я! Лишь один государственный советник третьего ранга светлейший князь Аркадий Дульчиков. Звучит-то как гордо, а? Настоящие вопросы начну самостоятельно решать! Сколько денег потянется в мои карманы! Так, может, создать пожар? Поджечь? Как поджечь? – испуганно подумал господин Дульчиков. – Да просто! Пустить красного петуха. Рассчитаться с Митькой – и пусть горит окаянная, а? Улица Маросейка так узка, так много здесь машин и пешеходов, что пожарные лишь на пепелище успеют приехать. Из всего министерства останется лишь один столонячий – предусмотрительный господин Дульчиков. Со своим столом, печатями, деловыми бумагами. Как, а? Я спрашиваю тебя, голубчик, как сюжет-то, а? В такой композиции се-

кретарь совсем лишняя персона. Для чего свидетелей своей активной деятельности создавать? И потом, куда диван ставить? А без него, спрашивается, зачем секретарь нужен? Что она делать-то будет, а? Улица сама людей в очередь выстроит. Запись по ранжиру составит. Да, пожалуй, надо с Митькой этот вопрос обсудить. Без здания и секретаря службу продолжать».

– Что дальше делать, Львович? – отвлекла его от размышлений Попышева.

«Это какое поручение я ей дал? – задумался столоначальник. – Ах да! С-но! Махахорин!»

– Ты текст приказа составила?

– Написала. По образцу, как раньше. – Деловитость начальника в такие важные минуты ее нисколько не смущала.

– А список членов межведомственной комиссии написала?

– Нет. Кого записывать? Это только вы имена можете назвать.

Минут десять чиновник с секретарем составляли эти списки.

– А теперь что? – смиренно уставилась на Аркадия Львовича Люба Попышева.

– Иди к дивану. Я сейчас, кх-кх, подойду.

Секретарь покорно скрылась в апартаментах.

«Напряжения в брюках никакого. Что делать, а? – стал раздумывать господин Дульчиков. Может, дать ей сто долларов, чтобы ушла? Сто много. Куда там сто! Для нее это капитал! Она же зарплату получает. Правда, всего-то ничего: сто семьдесят долларов в месяц. Но с моего стола кормится. Я ей подбрасываю. Правда, мелочовку! Но она ведь и от посетителей имеет! Дать пятьдесят? К Новому году я думал ей пятьдесят долларов презентовать. На подарок. Чтобы сама выбрала. Можно сейчас преподнести. А ес-

ли до Нового года Митька офис спалит? У меня никаких обязательств не будет. Тогда каждый сам по себе. Да чего мне стесняться? Есть напряжение, нет его, смогу или нет! Опытная женщина всегда поднимет тонус. Так-с, голубчик Аркадий Львович, теперь иди. Все обойдется. Американская медицина крепка. Может, еще таблетка второе действие даст, а? Ну, пошел!»

После этих подбадривающих мыслей столоначальник направился в служебные апартаменты и выключил люстру. Господин Дульчиков не любил этим делом при ярких огнях заниматься. Оставив лишь слабенький свет, чиновник медленно разделся, аккуратно повесил на деревянные плечики свою униформу, про себя без сожаления отметил, что никакого напряжения нет, и тем не менее, долго не раздумывая, юркнул под одеяло. Не успел он коснуться молодого тела тепленькой Любашки Попышевой, как тут же оказался в ее объятиях.

Молодая женщина, видимо, не была влюблена в Аркадия Львовича. Три года назад приехав в Москву из провинциального Гдова у Чудского озера, она больше года была содержанкой у начальника паспортного стола одного из отделений Северо-Восточного округа столицы. История с благородным милицейским чиновником закончилась тем, что он зарегистрировал ее по адресу одного метростроевского общежития, дал блондинке целую тысячу рублей и распрощался – встретил новую подружку, девятнадцатилетнюю деваху из Липецкой области. Но к первому своему благодетелю у Попышевой тоже никаких любовных чувств не было. Они случайно встретились на одной вечеринке в Отрадном у знакомой из Великих Лук. Лысый паспортист, долго не раздумывая, пригласил Попышеву к себе на квартиру – чайку попить. Так и застряла молодуха на Нижней Масловке на долгих пятнадцать месяцев. У провинциалки

собственной квартиры не было, а великодушный офицер не выставлял ее за дверь, кормил, поил и денег не спрашивал. Правда, он свободно пользовался ею как домработницей и наложницей. Но это было по обоюдному согласию, правда заверенному не нотариальной конторой, а молчаливым поведением самой квартирантки. Были ли у него какие-то к ней чувства, сказать весьма затруднительно: он был скрытным мужчиной. Впрочем, могло сложиться впечатление, что и он, и она жили вместе для удобства. Его всегда ждала опрятная молоденькая женщина, неговорливая и без претензий. Что подбрасывал он, тому она всегда тихо радовалась. Сама же Попышева не искала ни работы, ни места учебы, ни собственного жилья, ни другого кавалера, ни средств на жизнь. Жила она очень провинциально, спокойно, без суеты и запросов – точно так, как в родном Гдове. Впрочем, паспортист пользовался ею с максимальной выгодой для себя, а боязливая молодая особа, кроме того что он по своему усмотрению сбрасывал ей со своего плеча, совершенно ничего никогда не требовала. У нее и просьб к нему никаких не возникало. Любовь Попышева являла собой типичный образец невзыскательной русской женщины. Что Бог посылал ей, то она безропотно принимала.

Но была в их отношениях и своя тайна. Молодая особа с берегов Чудского озера обладала роскошной грудью. Когда личные апартаменты паспортного начальника посещали друзья, почти каждый из них уводил его в сторону и шептал: «Ну, старик, поздравляю! Какая у нее великолепная грудь! Кайф! Если надумаешь бросить, перекинь ее мне. Обязан буду!» Кроме того, чиновник милицейского ведомства не раз замечал, как друзья бросали на его наложницу похотливые взгляды. Они так смотрели на нее, что он чрезвычайно переживал, а в глубине души даже ревновал до чертиков. Но

ревность тут была не столько любовная, сколько, если так можно выразиться, материальная. Он владел безмятежной провинциалкой как комфортным предметом. Попытки же других с вожделением поглядывать на его собственность вызывали у него, словно у старого доброго русского помещика, глубокие страсти и переживания. В последние месяцы он стал редко приглашать приятелей и почти перестал ходить со своей дамой в гости. Но Любочка Попышева об этих волнениях содержателя ничего не ведала. Она так же спокойно рассталась с ним, как и встретилась. Без лишних слов и обид. Молоденькая женщина лишь успела бросить: «Пока!» Однако было совсем непонятно, кому адресовалось это «пока»: мужчине, самой себе или времени?

Несколькими днями позже блондинке встретился одинокий стареющий начальник поезда номер шестнадцать Москва – Екатеринбург. В первые месяцы он возил ее по восточному маршруту. Мелкий чиновник железнодорожного ведомства имел веские основания брать ее с собой в дорогу: с одной стороны, боясь потерять, с другой – не рискуя оставить одну в его обставленной квартирке. Мало ли что могло случиться! Коренной москвич отлично знал: нынешняя российская жизнь богата сюрпризами. Впрочем, позже, видимо поняв, что рядом с ним безобидное существо, он разрешил ей жить у него. Но тут тоже существовала своя тайна: шестидесятитрехлетний ветеран стальных магистралей так искренне и душевно выкладывался на встречах с молодой дамой, чтобы показать мужскую мощь, что скоро понял: выдыхается! Помирает! Поэтому дозволение дожидаться его дома он дал Попышевой и по скрытым причинам. Чтобы перевести в командировке дух! Мужская утомленность добропорядочного железнодорожника восточного маршрута замечательно сказалась на дальнейшей судьбе молодой женщины с берегов легендарного озера.

Поняв, что выдыхается, начальник восточного экспресса стал компенсировать усталость повышенным вниманием к биографии своей содержанки. Он устроил ее на вечернее отделение Института государственного управления и помог получить низшую должность в ведомстве, в котором ярко и полезно служил господин Дульчиков. При расставании он вручил девушке пятнадцать тысяч рублей, пустил слезу и нежно попросил не забывать дни совместного проживания. Любаша Попышева чмокнула его в щечку и со словами: «Спасибо за все» – без какого-либо сожаления съехала с квартиры. Правда, еще недельку она время от времени вздыхала: «Ну и ладно... Да какая разница!» Но потом все забылось.

Через пару месяцев расторопный начальник отдела кадров ведомства на Маросейке, отправляясь на недельный отдых в калужский пансионат фискальных чиновников, взял блондинку с собой. Впрочем, больше встречаться не стал, но помог: пристроил секретарем к Аркадию Львовичу. Когда генерал впервые увидел ее, то сразу понял: сексапильная особа способна вызвать у него полезные для здоровья чувства. Так начался новый этап биографии русской провинциалки: уже около года она тешила мужскую гордость господина Дульчикова.

В тускло освещенных апартаментах продолжались эротические сцены, но никакого эффекта они не давали. Попышева пыталась различными соблазнительными приемами повысить тонус Аркадия Львовича, однако все было напрасно. Генерал уже подумывал встать и забыть эту затею, как вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль: «Может, настроение поднимется при виде пачек долларов! Новых, с желтизной? С портретом Джексона? Или фиоле-

товых купюр евро?» Воодушевленный неожиданной фантазией, столоначальник вскочил с кровати, открыл портфель, вытащил из него три пачки с Джексоном и две – с купюрами евро в упаковочных лентах банка «Аллегро». Он разложил ассигнации в профиль по тумбочке, включил свет, чтобы лучше их видеть, и опять залез под одеяло. «Ну сейчас Любка, держись!» – радостно подумал генерал.

«Неужели столько денег он хочет подарить к Новому году? – удивилась блондинка. – Зачем они мне в таком количестве? Смешно! Неужели это за мои старания? Мужчины – странный народ. Да мне-то что?»

В этот момент раздался звонок мобильной связи. Никто, кроме как из самого близкого окружения, не мог знать этот номер. «Тьфу, совсем не вовремя! По телу уже пошло волнение, а? А тут этот проклятый звонок!» Аркадию Львовичу опять пришлось вскочить с кровати. Он вытащил из кителя «Панасоник» и включил связь. Звонил Петр Петрович Сапега. Он просил приятеля заглянуть к нему на полчасика позже, чтобы вместе пообедать. Аркадий Львович согласился, но предложил встретиться в ресторане. На этом связь закончилась. Столоначальник выключил телефон и опять залег на кровать. «Сейчас все получится. Даже времени достаточно!» – ухмыльнулся он. Молодая особа опять набросилась на чиновника. Она обрушила на него такую эротическую мощь, что, казалось, кровать болтало как при девятибалльном океаническом шторме или землетрясении. Но результата пока не было.

– Любаш, ты не загораживай мне глаза своей грудью и волосами! Я должен на тумбочку смотреть.

«Он что, решил, что я деньги сопру раньше момента дарения? Вот придумал! Что мне с ними делать?» Любовь Попышева послушно сползла за спину господина Дульчикова. Ее эротическая атака продолжилась с новой силой.

Вдруг столначальник действительно почувствовал некоторые волны, пробежавшие по телу, и легкое напряжение. «Началось, а?» – обрадовался он. Впрочем, тонус был еще слаб, и никакие старания молодой пока не спасали. «Да что такое, а? Может, *этот* Кузякин меня заколдовал?» Эта неожиданная мысль сразила его полностью. Бедный генерал даже раскашлялся. «Ну сволочь! Что же это он со мной сотворил? Да как же так? Как он посмел, а? Жить-то как дальше? А может, попробовать, чтобы убедиться? Чтобы точно знать, что именно меня напрягает? Чтобы не был смешон государственный советник третьего ранга. Светлейший князь Аркадий Дульчиков! Конечно, надо экспериментировать. Впрочем, вдруг, боже мой, а? Да, тут совершенно с ума сойдешь? Зачем гадать! Надо испытать себя! Чего только не приходится делать в этой России! И почему я родился именно здесь, а?»

Столначальник отстранил усердную молодую женщину, приподнялся на кровати и еле слышно проговорил:

– Дорогая, принеси-ка побыстрее мужской портрет!»

– Какой, Львович? Какой, президента из вашего кабинета?

«Нет, только не его!» – испугался генерал.

– Что, никого другого нет? Сколько к Новому году календарей наносили. Поищи, дорогая, только быстрее!

«Никогда он меня дорогой не называл, – недоуменно подумала Попышева. – Что это с ним? Неужели жениться захотел? Так у него же семья! Да и мне он не нужен. Но зачем ему мужской портрет? Видимо, поклясться желает!» Она встала с дивана и голая направилась в чуланчик, где были складированы новогодние подарки. Найдя календари, блондинка стала перелистывать их. Первый, на котором было мужское лицо, она вытащила из стопки и внесла в апартаменты.

- Вот, Львович, нашла.
- Разверни. Нет ли там членов правительства?
- Вроде нет.

Она раскрыла настенный календарь 2004 года. На ведомственного генерала смотрело улыбающееся лицо телевизионного шамана Мирона Припозера, известного во многих столичных тусовках под именем Красный Носок.

«Чего это она Мирона принесла? А впрочем, почему бы нет? А? Голубчик Дульчиков, смелее! Ну и что, что в первый раз? Видишь, он даже улыбается: гладкое лицо, хитрый взгляд – все тут волнительно! Кто знает, как он на мое здоровье подействует? Вдруг положительно, а? Ведь этот Кузякин меня явно приворотил», – стал размышлять господин Дульчиков.

– Любаш, повесь календарь на стенку. Прямо передо мной. Чтобы я его лицо постоянно видел. Оно должно быть перед моими глазами! А ты за спину ложись. Как прежде! Должно все получиться, а?

Блондинка молча, с легким удивлением – впрочем, мимолетным – улеглась в постель, и опять началась эротическая буря. Господин Дульчиков всем телом чувствовал атаку сладострастия, а перед его затуманенным взором маячил почти живой Припозер! И выглядел телешаман даже несколько моложе, чем на экране: кожа на шее подтянулась, щеки и лоб избавились от морщин, волосы почернели, плечи сузились. Кажется, он даже что-то пытался говорить – генералу слышались иностранные слова. Но поскольку он никаких чужих языков, кроме нескольких слов из немецкого, не знал, то, естественно, ничего не понял, однако подумал: «Тоже привораживает, что ли, а?»

В этот момент господин Дульчиков по-настоящему почувствовал напряжение. Оно вроде даже усиливалось. Тонус стал подниматься. Белье слегка натянулось! Поя-

вилось желание. Оно росло! Казалось, еще минута – и все начнется. Улыбающийся телешаман даже начал куда-то звать Аркадия Львовича. В какую-то соблазнительную заграничную неизвестность. И Любаша Попышева подумала, что необходимо еще чуть-чуть, ну самую малость прибавить жару, чтобы путешествие наконец началось. Но тонус хоть и приподнялся, однако никак не достаточно. Планка основательности не была достигнута, чтобы открыть этот важный забег. «Тьфу, чертовщина! Что же это со мной, а? Как это объяснить? Американскую таблетку принял, юная грудастая девка все тело от пяток до ушей мне расцеловывала, на соблазнительные деньги Европы и Америки вдоволь насмотрелся, воочию, прямо перед собой лицезрел телешамана Мирона – а результат нулевой. Что это, а? Как такое может быть, спрашиваю я тебя, голубчик Дульчиков? Взволнованность? Откуда, а? А? Не может быть! Махахорин? Инстинкт ошеломил меня, а? Опасность за свой стол почувствовал? Да, стол! Стол, а? Конечно, стол! Он мешает мне сосредоточиться. – В этот момент Аркадий Львович вспомнил, что когда он обнимается и нежничает со столом, тонус всегда поднимается. Нередко дело доходит до музыки в ушах. – Может, с ним попробовать, а? Посмотреть, что получится? – тут же пронеслось в его голове. – А чего стесняться? Что мне секретарша, тьфу!»

– Любаш, посмотри, кх-кх, среди календарей: есть ли фотография или изображение стола? Если найдешь, приноси сюда. На стену его, рядом с Мироном Припозером!

Тут он посмотрел на часы. До встречи с Сапегой оставалось двадцать минут. «Бог даст, успею, а?»

Женщина с берегов Чудского озера внесла в апартаменты календарь и повесила его на крючок над тумбочкой. Генерал Аркадий Дульчиков с трепетом ждал это волнительное изображение. Когда он увидел перед собой нарисо-

ванный не известным ему художником стол, то сразу даже подумал: «А не мой ли стол послужил натурой для этого изображения? Уж очень похож, а? Ну прямо мой, любимый! Доходный! Настоящий генеральский! Ненаглядный! Кто же его писал? Когда, а? Сколько энергии в этом столе! Силы! Какая необыкновенная аура исходит от него! Истинное волнение вызывает эта мощь!» Тут он почувствовал, как затрепало собственное бельё. Тонус поднялся на должную высоту. Глаза засверкали, повлажнел взгляд, на пятках выступил пот, нёбо пересохло, редкие, слегка подкрашенные волосы вздыбились.

– Любаш, быстрее прыгай в постель, выключай свет, начали! – в каком-то животном нетерпении торопливо бросил он. А про себя подумал: «Теперь экспериментально доказано: отныне суждено мне спать только с моим столом! Но как же это, а?»

Первой из апартаментов вышла Попышева. Ее несколько ироничный взгляд не соответствовал спокойным мыслям. «Скоро уходить, а он заснул. Придется через пару минут будить его, иначе опоздает. А потом раскричится, наговорит обидных слов, – размышляла она. – Впрочем, пробуждение у него всегда тяжелое. Как после большой пьянки. Но сегодня Аркадий Львович показался особенно странным. То одно ему, то другое! Неужели все мужики такие? Если деньги начнет предлагать, то я откажусь. На что мне такая сумма! Тумбочка завалена. Ну двадцать долларов, ну пятьдесят. Но больше никак не возьму. Что, продаю я ему? Зачем мне такой хозяин на всю жизнь? Если каждый раз перед постелью он аналогичные сцены устраивать будет, то долго я не выдержу. А как смешно он на телевизионщика смотрел! Глаза, как на диво, вытаращил.

Обомлел от изумления. Ну прямо в него влюбился! Да, так он и выглядел! Впервые такое за мужчиной замечаю. Ну и ладно... Да и какая разница?» Она аккуратно свернула газету, в которой размещалась статья о Х-ком, ответила на служебный звонок, сказав, что столоначальник на совещании, подтянула колготки и подошла к окну на Маросейку. Молодая женщина всмотрелась в толпу людей и подумала: «Все куда-то несутся, торопятся, но куда? Зачем так быстро? Сломая голову! Все равно каждый окажется лишь там, куда бросит его судьба. Хоть корову дои, хоть грибы в лесах в корзинку складывай, хоть каблуки на столичном асфальте сбивай или за пятерками в зачетку гоняйся. Бегай в поисках жениха, красивого платья, лучшей доли. Все впустую! Если чуду суждено сбыться, то оно явится. Оно найдет тебя в самом неприметном месте. Даже в Гдове!.. Уже, видимо, пора начальника будить. Ох, как похрапывает! Протяжно! С редким кашлем! Но свист-то нашенький. Так мой дед и отец при храпе посвистывали. Детство вспоминается... Сладко ли ему во сне или он горькие слезы льет? Впрочем, мне-то все равно, фиолетово...»

Любовь Попышева медленно поплелась в апартаменты.

Господин Дульчиков спал. Это был дневной сон, короткий и яркий на видения. Картинки перед глазами были такими необыкновенно правдивыми, что он ни при каких обстоятельствах не позволил бы себе считать, что все с ним происходящее является всего лишь сном. Что он находится не в реальной, а в виртуальной жизни. А виделось ему совершенно невероятное: под руку со своим столом, который по каким-то своим причинам генерал стал называть столешницей Дусей, входил он в один из дорогих столичных бутиков на Кутузовском проспекте. Фигурка у

Дуся была самая отменная, а вот лица ее он никак не мог разглядеть. Оно пряталось в каких-то исписанных убористым почерком бумагах. Сверкали лишь темные глаза. Их таинственный блеск напоминал генералу почерневшие замочные наличники, которые сияли на ящичках его стола. Господин Дульчиков искал ей вечернее платье. Столешница Дуся была капризным существом. Ей практически ничего не нравилось. Взбалмошная барышня брезгливо перебирала дорогие наряды, как чиновник с кислой физиономией перелистывает скучную почту. Вокруг нее носились консультанты, ее обслуживали менеджеры, модные вещи подносили ей вышколенные, строгие, но всегда с улыбкой на лице продавцы. Каждый наряд стоил от двадцати тысяч долларов! Но когда она слышала такую цену, то просто отказывалась примерять. На вопрос: «Что вам может понравиться?» – она вскидывала руку к потолку, давая понять, что она согласится лишь на что-то заоблачное. По цене и качеству. Но даже больше по цифрам на ценнике. Ей стали подносить наряды от пятидесяти тысяч долларов – они не вызывали у нее никакого интереса. Стали показывать платья от семидесяти тысяч – она их игнорировала. И только когда ей сказали: «Взгляните, госпожа, это наш самый дорогой костюм. Он стоит сто тысяч долларов!» – она сверкающим мимолетным взглядом осмотрела наряд, небрежно бросила генералу Дульчикову: «Столоначальник, платите! Или вы внесли деньги заранее? Именно так поступают новые русские! Но правильнее было бы приобрести весь магазин. С персоналом, коллекцией и зданием. Лишь такая философия может стать привлекательной. Ой, не прощу вам, генерал, если вы этого не сделаете! Если вы не выкупите все магазины Кутузовского проспекта!» После этих ультимативных слов она с совершенно не мебельной, а скорее артистической грацией

пошла в кабину переодевания. Ошеломленный Аркадий Львович обомлел: «Как это, а?» – мелькнуло в его оцепенелом сознании. Тут-то все и произошло. Какая-то магия! Как будто штатный волшебник вмешался в эту историю. Из кабины вышла не столешница Дуся! Из нее появился молодой мужчина. Он выглядел как вальяжный аристократ. Как новый русский, входящий в женевский ресторан «Бабилон», как стопроцентный кремлевский чиновник на президентском пороге, как победивший игрок мирового рейтинга в казино «Монте-Карло». При виде этого красавца господин Дульчиков вначале потупил взор. Нельзя же смотреть на солнце! Но когда тот подошел ближе и яркость спала, Аркадий Львович признал в незнакомце какие-то черты, присущие несколько женской физиономии господина Жаслупина «Как это, а? – во сне возбужденно вскричал генерал. – Где ты, Дуся?» Он бросился в примерочную кабинку. Но никаких следов столешницы там в помине не было. Он обернулся: перед ним стоял тот же роскошный тип, лицом напоминающий заместителя министра собственного ведомства. Генералу слышалась его угроза: «Если откажешься работать с Кузякиным, отберем твой замечательный стол!»

Именно в этом месте видений блондинка Попышева легонько толкнула его в плечо.

– Просыпайтесь, Львович! Вам пора на встречу.

– Нет, никогда! Стол я не отдам! Нищим останусь, но не видать ему моего стола! А эту Дуську, сволочь, изменницу, я проучу... – прокричал чиновник фискального ведомства, да так громко и зло, что гдовянка основательно перепугалась.

– Какую, простите, Дуську? – удивилась она.

– Я знаю, о ком говорю. Ну, ты, Любаша, кх-кх, иди. Иди! Я оденусь и побегу по делу. Да, вот еще что. В приемной меня ждут Гусь и Трещалов. Принять их у меня

нет, кх-кх, никакого времени. Пусть приходят после обеда. Я выйду через кладовку. Да, пусть Митька караулит меня у выхода. У меня к нему есть небольшой разговор. И еще: если позвонит Подхолюзин, оставь ему мой мобильный номер, а баргузинской команде передай мой приказ возвращаться и закрывать расследование с чистейшим протоколом. Ясно?

Они молча разошлись.

Буквально тут же секретарь опять вбежала в кабинет:

– Аркадий Львович, Гусь плачет. Просит хоть на секунду принять.

«Его рекомендовал Трирогов из Арбитражного суда. Нужный человек этот судебный начальник! Он же ведет дело по приватизации Елаьминского металлургического комбината. А в нем у меня свои интересы, а? – мелькнуло в голове у столоначальника. – Надо послушать. Что у них там?»

– Приглашай, Любашка, господина, кх-кх, Гуся. Но у меня в кабинете плакать не положено. И время ограничено.

В кабинет вошел молодой человек не старше тридцати лет. Высокий, приятной наружности, в модной одежде. В руке у него была изящная лайковая папка.

«Не верю, чтобы этот тип плакал. Видно, Любашке сотню долларов отстегнул, вот она и завывла: “Гусь плачет! Гусь плачет!” Каждый о своем достатке печется. Ничего, Сапега пару минут подождет. Ему еще надо десять тысяч приготовить».

– Так-с, слушаю вас, молодой человек. Чем могу быть полезен?

– Я от господина Трирогова.

– Преотлично известен мне этот симпатичный юрист! Считаю его, кх-кх, своим приятелем. Кланяйтесь ему. Что привело вас к нам?

– Ищу ход в Центробанк. Меня интересует начальник департамента валютного регулирования госпожа Иващенко. Можно говорить открыто?

– Да! А ваш вопрос никак иначе решить нельзя? Она очень тяжелая дама. Прошу изложить суть проблемы коротко. Я ограничен во времени.

– Я имею три птицефабрики в Нечерноземье. У меня доходный бизнес, рабочих мест более тысячи. Договорился купить аналогичное предприятие в Чехии. Чтобы быть ближе к Европе. Никакими кредитами не пользуюсь. Деньги на этот контракт беру из своих оборотных средств. Чешская компания теряет национальное юридическое лицо, становясь филиалом российской фирмы. То есть она перестает платить налог на прибыль в Чехии, а по совокупному балансу начинает платить в России. Государственному бюджету это выгодно, а этой мерзости Иващенко – нет! Что можно сделать, господин Дульчиков? Подписание договора о покупке нельзя затягивать на долгое время. Я уже четыре месяца жду и кормлю чехов байками о непробиваемой российской бюрократии. Но они не хотят терпеть нашу бесхозяйственность. Продажа и покупка фирм – это же свой мировой устоявшийся рынок! Готов платить! Но кому? Иващенко берет деньги лишь от своих знакомых. Есть ли у вас на нее выход?

– Какую сумму вы готовы выложить?

– Три процента от продажной цены. Это сто пятьдесят тысяч долларов.

– Такие деньги, молодой человек, у Иващенко никакого, кх-кх, энтузиазма не вызовут. Это для нее мелочь!

– За что этой сволочи вообще платить?! Ведь закон есть! Он должен работать. Пока в России на чиновников в суд нельзя будет подавать, никаких положительных реформ не следует ждать. Сто пятьдесят тысяч мало! За что? Мне

легче десятку зеленых университетским или плехановским подкинуть, чтобы ей ноги выломали, печень отбили, зубы в коллекции антропологического музея выставили. На год в больницу прописали!

– Что, есть такие, кх-кх, группировки? Никогда не думал, что студенты этим бизнесом займутся! – наигранно возмутился Аркадий Львович. А сам подумал: «Очень опасный молодой человек. Весьма приятный на вид, но сколько ненависти, злости! Бандюга! Изверг! Но посланцу Трирогова необходимо помочь. Здесь чужое рублевое дело, а в Елатье моих несколько миллионов долларов. Хотя этому Гусю самому голову свернуть стоит. Я бы сам десятку дал! И еще бы подкинул! Каков праведник! Небось, кур направо и налево списывает, а? За нал торгует! Говорят, что женщин в чиновники пускать нельзя. Вот Иващенко – характерный пример. Как она не вычислила этого урода! Он же очень опасен!»

– Вы что, не знаете особенностей своей страны? – усмехнулся господин Гусь. – В России тотальный бизнес. Им занимаются все профессии и сословия. Во все времена суток. Учителя ставят оценки – потроши карманы родителей! Пожарные тушат дома – опустошай бумажник! Милиционеры расследуют преступление – раздавай взятки! Врачи лечат больного – готовь пятизначные гонорары! За прописку, за паспорт, за отсрочку, за право выезда, за регистрацию новорожденного, за развод, за справку, за выписку, за наследство, за место на кладбище – теперь за все надо платить! Нал! Ведь какое сладкое слово: нал! У кого нет шансов заработать нал, тот мечтает! Видит сны. Если власть победит коррупцию, Россия замрет от ужаса! Гробовой страх поселится в душах соотечественников. Что делать? Неужели можно жить без поборов?

– Может быть, может быть! – задумчиво протянул генерал, а сам подумал: «А что тут плохого, а? Именно так

суждено строить Россию! Нам другие архитекторы не нужны». – Молодой человек, оставьте, кх-кх, письма в адрес Центрального банка и ваши реквизиты, чтобы не беспокоить господина Трирогова. Я всеми силами и, главное, без каких-либо комиссионных постараюсь помочь вашему законному делу. Теперь тороплюсь, совещание! Удачи вам! Прощайте!

Они расстались.

От офиса до ресторана столоначальник, уже в гражданской одежде, шел со своим водителем Митькой Кондрюшкиным. Дорога заняла десять минут, все это время чиновник безостановочно говорил, изредка останавливаясь и спрашивая: «Ну ты, дурень, понял, а?»

Господин Сапега тайно брал уроки у одного известного стилиста. Он мечтал выглядеть аристократом, что весьма актуально в нынешней Москве. Но у него были и другие, скрытые причины. Деньгам, связям, имуществу в столице больше не удивлялись. От красоток, вьющихся вокруг сильных мира сего, зевали. 2004 год требовал от московской элиты утонченности манер и стиля. А Петр Петрович шел в ногу со временем. Он давно служил государству, поэтому успел накопить приличный капитал, позволивший воспитать в себе вкус к изысканным блюдам, светским манерам, модным платьям и аристократической чопорности. Впрочем, тут необходимо отметить, что изящество и рафинированность господина Сапеги в образе жизни роднили его с мировым элитным классом. С богачами, чей ежегодный доход превышал десятки миллионов долларов. И сходство это все более усиливалось. Например, столичный чиновник никогда не позволял себе есть мидии, пищу среднего класса. Он предпочитал устрицы,

но не всякие, а только из Северной Атлантики, но не без выбора, а лишь номера 00 00. В последнее время он никогда, ни при каких обстоятельствах не притронулся бы к окуню, треске или форели, а выбрал бы дорадо, сибас или раннюю тюрбо, и то не всякую, а лишь восьмимесячную, чтобы в ней было не больше и не меньше трехсот пятидесяти граммов. В обеденный перерыв он пил вино только от трехсот долларов. Такие известные марки, как «О'Баттае», «Клер-Милон», «Лафон-Роше», «Лаффит-Каркасе». За время ужина он заказывал вино от тысячи долларов за бутылку. Это были уже мировые бренды: «Гран-Пюи-Лакост», «Пишон-Лонгвиль-Комтесс-де-Лаланд» или «Кос д'Эстурнель». Если же он получал вино в подарок или его угощали, спрашивая, чему он возрадуется, то он называл значительные имена: «Петрюсь», «Лафит-Ротшильд» или «Латур» по пять тысяч долларов за бутылку. Его ногти, покрытые бесцветным лаком, были шедевром профессоров маникюрных дел. Его речь ставилась академиками телевидения. А его искусство молчания шлифовалось хранителями банковских тайн. Одет он был всегда безупречно, из самых дорогих бутиков, от известнейших домов высокой моды. Но была у него и своя национальная особенность: с родственниками он скромничал в затратах. Посещая старушку-мать, живущую на пенсию в тысячу рублей в месяц в обветшалой квартирке, он всегда покупал ей кусок колбасы, пару бутылок кефира и батон хлеба. Но нес не сам: сзади шел с простецкими гостинцами помощник. Купить чего-то другого? Откуда деньги? Зарплата Сапеги до бесстыдства мала! Ужас какой мизер! Для старых друзей он был стеснен в средствах. Приносил с собой пару бутылок пива, дешевую водку, одно яблоко. Потом совсем перестал встречаться: время на общение жалко тратить, и расход денег совершенно неуместен. Но главное – он стеснялся

их положения! Столкнувшись с некогда любимой женщиной, нынче влачащей жалкое существование, проходил мимо. Не замечал! В последние годы у Петра Петровича были две главнейшие привязанности. Первая – стол! Полезные люди. Чисто деловые связи. Наживные дела! Вторая – философия жизни: брать со всех и все! Всегда и везде! Лозунг: «Если он мне, то я ему. Но он должен всегда больше». Стиль поведения – шикерия! Стержень «я» – двуличие! Другой мечты, кроме как стать богатым аристократом, у него не было.

Аркадий Львович вошел в ресторан «Ностальгия». Это был один из лучших ресторанов Покровки. Здесь застольничали известные в столице тусовщики: обилие морепродуктов, богатый выбор французских вин, широкий ассортимент итальянских десертов, отменное европейское обслуживание притягивали сюда богатых клиентов. Господин Сапега уже сидел за столом. Он был без мундира. Худенький, лысый, с острым подбородком, гладко выбритым бледным лицом, чем-то похожий на графа Петра Александровича Строганова, находившегося при императоре Александре Первом во Французском походе. Надо сказать, что господин Сапега выбрал графа как пример для подражания совсем не случайно. Как-то раз один из приятелей рассказал, что давеча был в Новом Иерусалиме и на стене местной галереи видел его, Петра Петровича, портрет, написанный маслом. «Как так?» – спросил тогда изумленный господин Сапега. «Шутка! – признался приятель, увидев полную растерянность собеседника. – То был граф Строганов. Но очень уж на тебя похож, не родственник ли?» После этого случая крупный чиновник фискального ведомства начал изыскивать возможность тайно от всех посетить Новый Иерусалим. Когда он увидел портрет графа, то впервые в жизни был по-настоящему поражен. «Какое

необыкновенное сходство! Действительно, не прапрадед ли мой? Может, кто подшутил? Нет, краска вроде старая. Рама тоже!» – размышлял он в болезненных сомнениях. Несколько озадаченный федеральный чиновник подошел к старушке-смотрительнице с вопросом: «Давно ли этот портрет графа Строганова у вас?» – «Сколько себя помню, – ответила ветеран галереи. – А вы, прошу прощения, случаем, не родня графу нашему? Очень уж похожи. Вылитый Петр Александрович!» Этот симпатичный эпизод еще более убедил Петра Петровича закрепить в собственной жизни привлекательную идею аристократической родословной. Он дал поручение своим помощникам искать кровные связи с графским родом Строгановых. Но дальше деда Сапеги, родившегося на Орловщине, некогда Киевской губернии, исследователи никак не смогли продвинуться. По материнской линии поиск заканчивался на Вологодчине, в городке Вельске. Спуститься на колени ниже оказалось невозможным. Архивы затерялись в истории. «Может, какая-нибудь внебрачная ветвь рода Строгановых?» – подумалось ему. И задумал Петр Петрович в своем доме в одинцовских Раздорах для демонстрации родословной портреты развесить: графа Петра Строганова и генерал-лейтенанта фискального ведомства Петра Сапеги. В мундирах, при орденах. «Надо просить лучшего портретиста России такую важную миссию выполнить», – подумал он. Но с Александром Максимальным он не был знаком. Ходы к нему были нелегкими: он искал их несколько месяцев. Только участие в его хлопотном деле одного из членов правительства, ответственного за деятельность художников, впрочем и других творческих личностей федерального уровня, спасло идею. С большим трудом уговорили художника взяться за труд. Но мастер категорически отказался рисовать Строганова с фотографии. Пришлось господину Сапеге позировать портретисту

и за себя, и за Петра Александровича из свиты императора. Теперь две картины замечательного мастера красовались друг против друга в зале приемов загородного дома фискального столоначальника. И каждый раз при их осмотре гости вскидывали руки со словами: «Боже мой, какое сходство представителей великих родов России! Как будто не прошло двухсот лет!» Такие оценки деловых приятелей радовали слух Петра Петровича. И ему хотелось изысканными манерами доказать свое аристократическое происхождение.

– Уже больше пяти минут жду вас, – недовольно бросил Петр Петрович.

– Прошу прощения! Совещания замучили, – устроился рядом господин Дульчиков.

– Есть что-то новое, важное?

– Много всего. Разрешите доложить?

– Слушаю! – Господин Сапега подозвал официанта, заказал коньяк «Парадиз», раскурил сигару, осмотрел полупустой зал, взглянул на своего коллегу Дульчикова и застыл во внимании.

Аркадий Львович перед началом разговора подвинул по столу ближе к собеседнику конверт и шепотом сказал:

– Прошу принять дружеский новогодний презент!

Потом тем же тоном продолжил повествование. Вначале он поинтересовался положением в ведомстве господина Жаслупина. Его вертикальными связями. Кто именно стоит за ним. Но в основном говорил о визите Махакорина, о наметившемся с ним бизнесе по снятию акцизов на драгоценные металлы, об опасностях, которые, как он интуитивно чувствовал, исходили от этого человека. Столоначальник просил Петра Сапегу обеспечить его стол при-

крытием. За любезность предоставить зонт министра он обещал ежеквартально шестьдесят тысяч долларов. Господин Дульчиков понимал, что один Петр Петрович ничего полезного не сможет сделать. Но в хоре, вместе с голосами других высших сановников, любые словечки у нужного уха могут упрочить положение.

«В ведомстве семьдесят три отдела. Если с каждого похожая сумма четыре раза в год летит в его карман? Соблазнительный капитал наращивается, а? Недурно! А собственный бизнес Петра Петровича? Он же крышует несколько отраслей! – размышлял в этот момент Аркадий Дульчиков. – Да что мне до этого? Себя оберегать надо! Остальное неинтересно! Мой стол – вот ключевые слова! Защищая стол, я оберегаю собственную жизнь! Именно за стол я буду платить всем российским вельможам крутые суммы. Вокруг него создавать круговую оборону. Знаю, что голос у Сапеги писклявый! Но и своим писком он будет отстаивать мой стол, а?»

Партнеры наговорились, отобедали, согласовали совместные действия. Выпили. Следующая встреча у Петра Петровича была назначена на четырнадцать часов. Аркадий Львович засеменял на выход. Потомственный псевдоаристократ господин Сапега подумал: «Ну и прохвост этот генерал! Столько всего напросил за двадцать тысяч долларов в месяц! Нахал! Жмот! Что это за деньги? Если с акцизами получится, подбросит еще пятьдесят тысяч. Но никак не больше. Неужели за эти гроши его стоит оберегать? Сейчас совсем другое время! В двухтысячном, в две тысячи первом и втором я бы пошел на это. Но в две тысячи четвертом – шагу не сделаю. Подождем Махачорина: какое он предложение сделает? Других претендентов дожидаться стану. Алчущие столов сами отыщутся. Найдется деловой народ! Стол даст любому приличный капитал.

Ведь без моего участия с Дульчиковым не справиться. Не снять генерала! К этому выгодному делу надо Недовялкина из Администрации привлечь. Он толк в таких сюжетах, как никто другой, понимает. Истинный бюрократ сейчас слух распространил бы, будто кресло Аркадия Львовича зашаталось, заскрипел стол его под натиском конкурентов, замахнулись на него сильные люди! Пару богатых фамилий назвать. Тогда ставки быстро поползут вверх. Да сам как миленький с деньгами прибежит. Начнет предлагать их на каждом шагу. Нетронутые пачки. С милейшим запахом долларовой краски. Именно так надо поступать! Не иначе! Что мне церемониться? Дульчиков, Мульчиков, Тульчиков, Бульчиков. Какая разница? Платить будет каждый».

После этих приятных размышлений Петр Петрович Сапега опять удобно устроился за столом ресторана «Ностальгия», приняв весьма аристократический вид: голова сидела неподвижно, торс был непреклонен в своей прямоте, томные глаза лениво уставились на журнал «Интерьер». Вольноназванный потомок графов Строгановых медленно, пожалуй даже устало, задымил сигарой и с задумчивым видом стал ждать следующего генерала своего ведомства.

Аркадий Львович с черного хода быстро вошел в кабинет. Интуиция подсказывала ему, что господин Сапега хоть и значится его приятелем, но большие надежды возлагать на него никак не следует. «Поэтому плачу ему немного. Тоже мне крупная птица: начальник канцелярии министерства, – стал размышлять господин Дульчиков. – Тьфу! Мне легче его снять, чем ему меня защитить. Но всему свое время! Разница между нами огромная: он чиновник, я бю-

рократ! У нас совершенно разный бизнес. Ему надо сказать «да!» – и он заработал. Мне требуется настойчиво заявлять «нет», и я получу доход! Казалось бы, всего одно слово. Но какая огромная разница в оплате труда! В нажитом капитале. Он сам ничего не визирует, а лишь носит по важным кабинетам на подписи. Я сам документы подписываю. Поэтому у меня кухня значительно больше. Масштабы другие, а? Клиентура богаче. Что мне этот аристократ из старинного русского рода? Тьфу! Надо через свои связи до ушей министра донести, что начальник канцелярии собирает на него компромат, чтобы передать досье в кабинет министров. Как, а? Круто! Тут под столом Петра Петровича огонек возникнет, быстро перерастающий в пламя, в пожар. Забегает чиновник. Телефоны оборвет! Ко мне постучится. Окажу ему помощь, но не бесплатно. Обещанные ежеквартально шестьдесят тысяч долларов обязательно сниму. Как лишают зарплаты, как отбирают столы. Как же иначе? А? Пусть свои карманы за счет других столов пополняет. Их у нас много!» – успокоил себя государственный советник третьего ранга.

Он вошел в туалетную комнату, провел по бровям ваткой с репейным маслом, припудрил на шее неизвестного происхождения синячок, затушевал специальной английской пудрой редкие, бесцветные волосы, взглянул на себя в зеркало, сузил глаза, повесил на воротничок щеки, надел ведомственный китель, вошел в кабинет и занял высокое служебное кресло за начальствующим столом. Тут он восторженно взглянул на портрет главы государства, взял трубку прямой связи и обычным приказным тоном бросил:

– Любаш, пусть входит господин Трещалов.

Опять развернул газету с сообщением об аресте X-кого, бросил ее на стол посетителей: пусть все просящие здра-

гивают от ужаса при напоминании о принципиальности власти.

В кабинет вошел коротко постриженный невысокий крепьш тридцати лет. Одет он был в спортивный костюм синего цвета. С бежевым шарфом вокруг шеи. Вместо зимней обуви на нем были легкие кроссовки. В руках он держал эспандер, который то и дело сжимал. За ним следовал тигровый бультерьер: мускулистый, с широкой грудью, низкими ногами, с акульим прикусом и крупным крысиным хвостом.

– Слушай, мужик, а тебя долго пришлось ждать, – начал посетитель раскатистым голосом. – Если бы знал, то зашел бы после жратвы. Из-за тебя желудок у меня пустой. Пса обозлил. За эти неудобства ему очень хочется ползадницы у тебя оттяпать. У меня самого кулаки чешутся твою рожу помять. Скверно встречаешь! Я же тебе не перхоть с пиджака ментовского. Не перо с птичьего рынка. Я – представитель вороньевской команды. Понял, чинуша? Нас обязаны не только в твоём офисе уважать, но и на этажах куда более высоких. – В этот момент господин Трещалов отложил свой эспандер, взял со стола чиновника ножницы, разрезал пополам газету, совершенно не обращая внимания на заметку о X-ком, и стал нарезать кусочки бумаги, похожие на звездочки. Потом, как бы думая о чем-то своем, потер нос, и на его кисти растерянный столоначальник заметил татуировку: «Бью наповал!»

Генерал опешил. Он совершенно не ожидал такого беспардонного хамства. Его просили принять Трещалова. Предупреждали, что этот тип представляет одну из амбициозных столичных группировок. Но такие манеры! Лексикон! Такой чудовищный вызов! Дульчиков к этому совершенно не был готов. Ему захотелось тут же выставить

посетителя. Вызвать охрану. Позвать знакомых из ФСБ, милиции. «Он что, пришел меня оскорблять? А? – возмущался Аркадий Львович. – Собакой запугивает? Страшит в ключья порвать, недоносок уличный! Да я его самого в вечную мерзлоту утрамбую, чтобы тело это мускулистое стало мороженым на десерт росомахам! А из бультерьера мыло сварю. – В своем возмущенном сознании он находил и другие, еще более изощренные формы мщения обидчику. Но постепенно боевой пыл Аркадия Львовича остывал. Он начал управлять своими мыслями и поступками. – Чтобы этот инцидент ни в коем случае в ведомственный скандал не перерос! А то лично свой стол под угрозу поставлю, а? Насмешки в офисе вызову. Нет, лучше быстрее с этим типом попрощаться», – думал он.

– Что вы, милейший. Я только прибыл. Совещание, кх-кх, по итогам года, – растерянно произнес господин Дульчиков.

– Не называй меня «милейший»! Я тебе не гей, понял!

– Как изволите вас величать?

– Ты имеешь в виду как мое имя? Называй меня просто: бешеный кран!

– Как, простите? Башенный кран?

– Нет же! Как слышал: бешеный кран. Понял?

– Чем могу служить? Какая помощь нужна? – Аркадий Львович явно не желал повторять это экзотическое имя. «Его надо быстрее выставить. Удержись, голубчик, от возможного дебоша», – настойчиво замелькало у него в голове.

– А тебе что, Заноза ничего не говорил? Врешь, все сказал!

– Запомятовал, старый стал. Напомните, о чем, кх-кх, речь шла?

– Что, нашу просьбу забыл? Как это, дурень? Если ты в кителе, то думаешь, я из тебя мозги не вытрясу? Так измор-

дую, что на свиную тушу будешь смахивать. Понял? Сразу все вспомнишь! Такого еще не бывало, чтобы наши просьбы забывались. Бери письмо и ставь подпись. Там все указано. Но не спрашивай, что там написано. Сам читай! Ты что, думаешь, я знаю, о чем в нем идет речь? Дурень! Жду три минуты. Потом начинаю бить рожу, как повара бьют отбивную перед прожаркой. Понял?

Генерал Дульчиков судорожно просмотрел бумагу. В ней говорилось о возвращении НДС за экспорт водочной продукции. Общая сумма возврата составляла двести тридцать миллионов рублей.

– Таможенная декларация на вывоз вашей продукции есть? Какие у вас вообще документы имеются? – осторожно, почти шепотом спросил потрясенный чиновник.

– Какая декларация? Ты что, спятил?

Пес мгновенно среагировал на резкий тон хозяина. Его глубоко посаженные черные глазки злобно уставились на господина Дульчикова, короткий, сильный корпус собаки замер в ожидании команды, мощная челюсть чуть приоткрылась, крупные лапы напряглись.

«Пес сейчас на меня кинется, – пятась назад, испуганно думал генерал. – Но без декларации сделать ничего нельзя. Через какую границу прошел товар? Есть отметка таможенни? Эта мерзкая тварь и ее хозяин способны на самый зверский поступок! Что же предпринять? Не кричать же караул! Поставить подпись? Отослать его дальше по инстанциям? Но они опять ко мне прибегут. Как тут поможешь? В будущем никогда больше не дам согласия на встречу с такими типами. Хоть прыгай из окна на Маросейку!» – задыхался от жуткого волнения Аркадий Львович.

– Осталось меньше двух минут, – мрачно бросил Трещалов. – Тобой займется пес. Он обучен рвать погоны и откусывать носы. Если знаком с российским законодатель-

ством, то должен знать: владелец собаки не несет никакой ответственности за нанесенные увечья. Максимум штраф! Присудят оплатить уколы от бешенства. Заставят подкинуть лекарям. Но тебя пес порвет! Ключья разлетятся по всему зданию. – Тут господин Трещалов запустил свои бумажные звездочки в столоначальника. И рассмеялся. Просто и долго, как смеются дети. Черная пуговка носа тигрового бультерьера слегка задрожала. Животное готово было броситься на Аркадия Львовича.

Глубокое болезненное сожаление вызвала у господина Дульчикова история, в которую он столь опрометчиво вляпался. Он жутко негодовал на себя, на окружающий его мир. «Только в России такое хамство возможно, – в переживаниях размышлял он. – Почему я должен нарушать закон из-за боязни, что меня порвет бультерьер? Я, генерал новой России, в собственном кабинете опасаясь пса! Боюсь быть покусанным, разодранным на куски! Быть осмеянным руководящим персоналом ведомства, где с усердием служу! Даже низшие чины будут злопыхать: “Хе-хе, Дульчикова пес покусал. Отказался вернуть НДС по экспорту. Так даже собака возмутилась, не выдержала коварства чиновника!” Именно такая легенда разлетится по кабинетам. А? В один миг еще виноватым стану! А как вернуть НДС, если документов нет? Был экспорт или не было экспорта? Неизвестно. Как доказать, если бумаг нет? А почти триста миллионов рублей из бюджета выложи! В И-кой области долги государственным служащим уже шесть миллионов долларов составляют. Четыре месяца зарплату не платят. Люди за свет не могут рассчитаться. В квартирах темно. Свечи горят, как во времена империи. Муниципальные советы должность факельщика вводят. Чтобы здания государственной власти освещать. В К-кой области долг бюджетникам составляет девять миллионов долларов. У людей денег нет, чтобы

отопление оплачивать. В валенках и шубах спят! А тут десять миллионов долларов этому людоеду поднеси. Отдай! Подпиши, чтобы по мифическому НДСу рассчитались, и забудь дело! Без личного интереса! Без участия в распределении дохода! Если бы они хоть делились! Сказали бы, как положено в этом бизнесе: тридцать процентов ваши, уважаемый генерал, с другими столами мы сами разберемся. Тогда никто не возражал бы. Трехминутный ультиматум не потребовался бы. Каждый взял бы свое законное. Тогда забыть друг друга не грешно. Сделал дело – гуляй сам по себе! А что у меня теперь в кабинете? Террор! Государственного чиновника Дульчикова атакует криминальная группа: людоед с человеческим лицом и бультерьер с обостренным инстинктом живодера. Разве такое возможно за бугром? В Германии, Франции, Америке? Чтобы криминал наезжал на чиновника? В его ведомстве? Над которым водружен национальный флаг? Чья бронзовая табличка сверкает до кремлевских окон? В какое-то пещерное время мы живем. За бугром они должны знать: тяжело нам. В невыносимых условиях существуем! Боремся за себя! Но что же мне делать с бумагой Трещалова? Подпишу! Имея такие планы с Подхолюзиным, Махахориным, Сантапукиным, к чему мне за десять миллионов долларов своим столом рисковать? Собственное здоровье под сомнение ставить, а? Тьфу! Подпишу-ка я! Но с крученной резолюцией. С тайным смыслом. Чтобы прозрели господа. Может, еще придут поделиться». Государственный советник третьего ранга подошел к столу, взял паркер с золотым пером и написал на фирменном бланке своего свирепого требователя:

«Согласно закону, при экспорте российской продукции НДС подлежит возврату. Если экспортер обратится за возмещением налога на добавленную стоимость, то необходимо соблюсти закон и ВЫПЛАТИТЬ НДС».

В конце резолюции он поставил свою замысловатую подпись.

Весь текст был написан мелким убористым почерком, а слова: «выплатить НДС» господин Дульчиков намеренно написал заглавными буквами в одну строку. «Теперь пусть контролеры и людоеды попробуют до меня докопаться, – удовлетворенно подумал Аркадий Львович. – Подставил отдел возмещения. Как же иначе, а? Такова форма выживания. Бюрократ ты, коммерсант, ученый или таксист. О себе не подумаешь – погибнешь! Теперь пусть они кумекают, как быть, когда под носом кулак с татуировкой “Бью наповал!” и зверь с пастью, как у крокодила. Одним легким движением все проблемы сброшены на чужие столы. Кстати, начальник там тоже полное дерьмо. Что мне думать о прочности его положения? Его стол, пусть сам защищает».

Успокоившись, что найдено идеальное решение, господин Дульчиков несколько прибодрился, взял со стола бумагу и протянул ее Трещалову.

– Теперь ничто не мешает вам получить возвратные деньги. Но прошу вас, уберите от меня собаку. Побаиваюсь за свой китель, – сказал Аркадий Львович уважительным тоном.

– Что китель, руку потерять можешь, а то и голову или стол, – несколько смягчившись, но еще довольно сердито бросил Трещалов. Он взял бумагу, прочитал резолюцию, покосился на чиновника и продолжил: – Не гнушайся дружбой с нашей группой. Если такой неприветливый случай, как сегодня, повторится, то плохо твое дело. Капут! Знаешь, почему нас вороньей командой называют? – Он продолжал нарезать свои бумажные звездочки.

– Извините, нет-с! – с опаской в голосе произнес столоначальник. «Я действительно не знаю почему», – подумал он.

– У нас вороны на службе. Не простые птицы – выученные. Впрочем, не только крылатые. Много всякого зверья. Они наши поручения выполняют. Без дискуссий, без сопротивления. Надо, например, Дульчикова заставить бумагу подписать. Или Пупсикова деньги по обязательствам платить. Зачем мне собственные кулаки пачкать? Для этого у нас и летучие, и ползучие, и кусачие. От них никуда не спрятаться. В щель пролезут, в скважину проползут, в форточку влетят, автомобиль перевернут. Ты понял, чинуша?

Не пытайся от нас прятаться. Дурить наших простодушных парней. Мы никого не прощаем. Одна команда: фас! Ты понял? Ну, я пошел. Нас всегда следует бояться. Даже когда полезное дело делаешь. Запомни это! – Тут господин Трещалов бросил в лицо Аркадия Львовича газетные обрезки, громко хмыкнул и вышел со своим псом из кабинета.

«Пронесло, а? – с облегчением подумал чиновник. – Надо Митьке поручение дать, чтобы стаффордшира приобрел. Я его в кабинете держать стану. Под столом. Или за портьерой. В апартаментах. Сумасшедшая драка в защиту хозяина доставит ему истинное наслаждение. А может, росомаху? Ее приручить трудно, но этого трещаловского бультерьера она порвала бы в клочья. Что-то надо делать. Позор! Генерала российской фискальной службы в заложниках держать, угрожать боевой собакой в его собственном кабинете, в главном офисе на Маросейке! Это же развал государства! “Он обучен рвать погоны и откусывать носы”, – вспоминалась ему угроза Трещалова. – Это что, бультерьер становится законным представителем суда офицерской чести? Конституционной Фемиды? На то у тебя голова, голубчик Дульчиков: надо организовать работу так, чтобы исключить унижительные эпизоды из соб-

ственной жизни». Успокаивая себя, Аркадий Львович прошелся по кабинету, подошел к холодильнику, вытащил из него бутылку водки «Большой», налил себе в стакан около ста граммов и залпом выпил. Тут он потряс головой, как бы избавляясь от наваждений, и, надкусив моченое яблоко, пришел в себя. Его лицо вмиг подобрело, налилось розовым цветом, и он опять стал уверенно шагать по ведомственной площади.

Вдруг совершенно другие мысли заставили его остановиться. «В адрес коллегии министерства необходимо подготовить проект по увеличению в 2004 году поступлений в госбюджет. Нельзя же на службе лишь своими делами заниматься, а? На носу конец года. Скоро отчетное собрание. Надо, чтобы о генерале Дульчикове говорили как об инициативном чиновнике. Но не захваливали бы! Чтобы не нарекли реформатором. А то предложат более высокий стол. А там никакой выгоды не окажется. Такая история меня вовсе не интересует. Уж лучше за своим столом быть новатором собственного кармана, иногда вспоминая о государственном бюджете. Вот, например, ввести налог на боевых собак и поединки пернатых. Или на сто процентов увеличить налог на автомобили класса люкс и одежду стоимостью свыше тысячи долларов. Можно поднять налог на дорогую обувь, изделия из драгоценных камней, академические знания. А почему остались в тени степень доктора наук и звание академика? Пора ввести налог на интеллект! Если в Англии окна и печные трубы облагались королевскими поборами, то почему русским не ввести налог на принадлежность к науке? Уж так много этих умников вокруг нас, а? Пришло время научить свиней и псов вести поиск денег и драгоценностей у поп-элиты: переворочить дома и участки эстрадных звезд, обнюхать карманы и чемоданы сенаторов, депутатов, ведущих ток-шоу. Кто-кто,

а они деньги буквально лопатами гребут! А, я забыл красота – это достояние! Но у нас в стране за нажитый капитал каждый платит налог. Почему же красоток не пристегнуть к бюджету? Им легче всего рассчитываться с фискалами. У них огромный спонсорский ресурс. И мне польза! Попробуй обмани Россию! Дульчиков тут как тут, а? Сколько романтических историй ожидает меня! Каждый позавидует... Кроме, конечно, Кузякина и его друзей. А уверен ли я сам, что меня в ближайшее время к *этим* не причислят?» – Такого рода оригинальные размышления лезли в голову Аркадию Дульчикову, застывшему сейчас у окна на Маросейку.

Представитель банка «Аллегро» ждал господина Трещалова в приемной, где хозяйничала Попышева. Он прекрасно знал, с кем ему предстояло встретиться. Но Влада Семенюру ничего в этом мире не смущало. Он ставил перед собой всегда лишь один вопрос: имеет ли какой-то коммерческий смысл общение с человеком или никакого интереса в этом нет. Если он видел резон в переговорах, то сокрушал стены и весьма успешно навязывал собеседнику свой доходный сервис. Не обращая никакого внимания на бультерьера, он без обиняков обратился к вышедшему из кабинета Трещалову:

– Влад Семенюра, банк «Аллегро». Давно мечтал иметь с вами дело! Человек с такими связями и умом очень интересует наш банк. Что самое главное и для вас приятное, знакомство наше не бесплатное. Вот вам приглашение на открытие нового элитного клуба «Цезарь». Окажите честь, приходите с супругой или знакомой дамой на прекрасный вечер! Вы не шокируете публику, если придете с другом.

Ресторан, сауна, массаж на любой вкус, танец живота, персональное эротическое шоу – все к вашим услугам.

– Что тебе от меня нужно? – Трещалов остановился, забрал билет и продолжил: – Дай мне еще пару билетиков. Кто вас крышует?

– Пожалуйста, узнайте у вашего руководства. Например, спросите господина Пентюрину. Но помните, нынче банки крыши не имеют. Ведь многие клиенты «Аллегро» являются вашими профессиональными коллегами. Тут без тотальной войны не обойтись... О чем вы спросили – было когда-то раньше... Пожалуйста, возьмите билет для Пентюрину и для вашего приятеля. – Молодой человек протянул ему два пригласительных.

– В чем твой интерес?

– Господин Трещалов! Можно по-разному зарабатывать деньги. Один – шулер, другой – предприниматель, третий – финансист, чиновник, бандит, спортсмен, артист. Но деньги хранятся лишь в банке. Еще лучше – в банке «Аллегро». Любое другое место им противопоказано. Как туберкулезнику требуется сухой теплый воздух, так и ассигнациям, тем более в большом количестве, нужны банковские подвалы и сейфы. Ведь наша жизнь полна неожиданностей! Вдруг на квартире ночью обыск? Тогда ваши капиталы тью-тью! Или в гости без приглашения зашли иногородние бандиты. Как бы основательно вы деньги ни спрятали, они все равно их отыщут. Через пытки, но найдут деньги. Нужен ли такой риск? Риск не только потерять капиталы, в опасности оказываются все члены семьи! А у нас отличные предложения. Анонимные счета. Индивидуальное обслуживание. Никакой тревоги, получаете приличные проценты и спокойно спите: хоть в собственной квартире, хоть в казенной тюрьме. Деньги любят тишину и покой. Именно эти условия мы предлагаем умным людям. Вот вам моя визитка. Звоните.

Мой телефон включен двадцать четыре часа в сутки. Я еще успею рассказать вам о всех прелестях нашего банковского обслуживания. Уверен, убежден, мое предложение вас очень заинтересует.

Когда они прощались, молодой человек заметил, что на лице Трещалова появилась едва заметная улыбка. А когда он протянул Семенюре руку и бросил: «Увидимся на вечер в «Цезаре», представитель банка подумал: «Наивный парень. В нем столько детского или лоховского, что в который раз убеждаешься: столица – превосходная площадка для бизнеса!»

После своих новаторских раздумий генерал Дульчиков пришел в себя и устроился в кресле за столом. От газеты с заметкой об аресте X-кого осталось лишь полполосы. На полу валялись обрывки творчества господина Трещалова. Генерал поднял трубку прямой связи со своей приемной и отрывисто бросил:

– Зайди!

Попышева тут же оказалась в кабинете. Лишь глазами он показал ей на беспорядок. Секретарь все поняла и принялась за уборку.

– Пусть Клещивцев заходит, – сказал чиновник. – Но впускай его без пса или любой другой твари. Чтобы таких историй, как с Трещаловым, у нас больше никогда не было. В мой кабинет с бультерьером! Скандал! Набери на компьютере: «С животными и птицами вход к начальнику категорически запрещен!» Эту табличку установишь у входа в мой кабинет. Немедленно! Поняла?

Пока секретарь наводила порядок, в голове Аркадия Львовича возникли соображения, связанные с предстоящим визитом Клещивцева. «Это сын руководителя город-

ского пожарного ведомства. Нужный человек в нашей работе, – размышлял Дульчиков. – Лучший способ закрыть дело о нарушениях российского законодательства – если пепелище вместо архива обнаружить. Да, пожар нынче многими востребован, а? Ведь пламя уничтожает не только имущество, но и улики! Необходимо помочь молодому человеку с трудоустройством. Но куда его? В какой департамент? В охрану? А может, к себе в отдел, а? Совсем неплохо! Вместо того чтобы упрашивать по каждому случаю главного пожарного, делиться с ним приличным гонораром, не лучше ли его сыну такие поручения давать? Дела будут делаться быстрее, но главное – цена вопроса упадет. Тариф в подвал скатится, а? Мне же дешевле станет!»

– Ну что, Любаш, готово? Приглашай Клещивцева!

В кабинет вошел молодой человек лет двадцати пяти. Высокий, полный, с круглым лицом, отвислым подбородком и утомленным взглядом заплывших карих глаз. В руках он лениво держал какие-то бумаги.

– Так-с. Присаживайтесь. Как ваш батюшка? Здоров? Я буквально вчера с ним общался. Умнейший человек. Гордость российского, кх-кх, пожарного дела! Искренне хочу вам помочь. Где изволите начать трудовую жизнь? Карьера какого эксперта вас интересует? – «А сам подумал: «Ну и битюг. С таким сыном можно повеситься. Совершенно никчемная глыба!»

– Куда папенька определит, там и начну. Зачем самому-то голову ломать? Лучше, чем он, не придумаю. Нынче многие папеньку просят, чтобы он меня к ним пристроил. Так что работы вокруг много.

– Согласен, молодой человек, способным людям работу найти несложно. Какое у вас образование? Где учились?

– У меня много разных дипломов. Какой вам нужен? – Господин Клещивцев говорил медленно и нудно. – Авиационный инженер подойдет? Или агроном, технолог мясной промышленности, спиртовик, учитель физкультуры, экономист... Пока я никак не пойму: что вам, собственно, от меня нужно?

«Видно, каждый столичный институт сыну главного пожарника диплом выдавал. Что ж, тоже бизнес. Надо же от этих пиявок чем-то откупаться! Понимаю, дешевле всего – дипломами. Но что же он знает?» – раздумывал Аркадий Львович.

– Я потому вас спрашиваю, что хочу понять: какая работа близка вашему сердцу?

– Вы папеньку спросите.

– Обязательно задам этот вопрос! Но он тоже меня может спросить: а что сын сам-то хочет? Что же мне ему ответить, если...

– Дайте мне стол. Большой и красивый, как у папеньки. С ящичками, полочками и сейфом, чтобы подарки складывать. Есть у вас такой?

«Придется купить, – решил Дульчиков. – Но этот увальень меня уже достал. Если он таким же образом мои поручения будет выполнять, то на какой черт он мне сдался?»

– Молодой человек! Чтобы достичь высокого положения вашего отца, генерала получить, иногда необходимо поработать. Я запомнил, что у вас имеется диплом экономиста? Вы баланс сможете прочесть? Понять?

– Дяденька, что же вы меня о таких глупостях спрашиваете? В первом классе я читать научился. И балансы, и сказки, и басни – все читать умею. Вот, даже строки одного баланса помню: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали...»

«Тяжелый случай, он баллады с балансами спутал. Не страшно, обучим мы его этому ремеслу», – подумал Арка-

дий Львович. Столоначальник открыто усмехнулся, встал, подошел к молодому Клещивцеву, похлопал его по плечу и сказал:

– Вы талантливый выпускник столичного вуза. Пишите заявление. С понедельника выходите на работу. Получите майорскую должность и стол с большим количеством ящичков. А через полгода выдадут форму с погонами майора. Если четко будете выполнять мои требования, то через год-два получите полковника. А там и звание генерала высветится! Как, устраивает? Есть другие пожелания, а? – А сам подумал: «Тебе не форму, а кнута надо бы длинного!»

– А уже в понедельник в форме майора нельзя на работу явиться?

– С твоим отцом посоветоваться надобно. А что это за бумаги у тебя в руках?

– Копии дипломов.

– Выбери диплом экономиста и вместе с заявлением о приеме на работу оставь у моего секретаря.

– Тогда я пошел?

– Иди!

В этот момент раздался телефонный звонок. Глухим голосом секретарь сказала:

– На проводе Подхолюзин.

– Слушаю вас, ваше превосходительство!

– Что нового в Баргузинске?

– Предприятие чистое. Ни одного нарушения. Трудно представить, кто написал донос. Дал команду, чтобы комиссия возвращалась. Там ей совершенно нечего делать! – А сам подумал: «Расскажи, как у тебя дела с Сантапукиным. Есть ли крыша в кабинете министров?»

– У меня состоялся разговор с известным лицом. Все очень хорошо. Список, о котором я говорил, тебе подвезет мой помощник. Начинай работать. Но не минуту в день, а

по-настоящему. Хочу видеть результаты. Ты, надеюсь, все понял?

– Значит, известное лицо одобрило наш план? Могу рассчитывать на преференции?

– Все в порядке. Меньше болтай. Пока! – Голос Подхлюзина исчез.

«Сегодня вторник, двадцать третье декабря 2003 года. Именно с этого дня у меня начинается новая жизнь. Это число надо запомнить. Впервые в своей карьере я получил крышу не кого-нибудь, а самого Сантапукина, а? Весь наступающий 2004 год буду служить под зонтом кабинета министров. Лихо! Браво! Ну, минимум полгода у меня есть. Двадцать-тридцать миллионов можно заработать, а? Нет, назначу я себе полугодовой план: пятьдесят миллионов долларов! И не смоюсь за бугор, пока эти деньги не заработаю. К концу мая будет окончательно сформирован новый кабинет министров. Чтобы добраться до моего стола, им еще пару месяцев понадобится. Так что время и связи для выполнения плана есть! Но у Сантапукина прекрасные шансы остаться в правительстве. Одним словом, поживем – увидим!»

– Влад Семенюра, банк «Аллегро», – представился молодой человек будущему майору Клещивцеву. – Давно мечтал иметь с вами дело! Человек с такими связями и умом чрезвычайно интересуется наш банк. Что самое приятное, знакомство с нами приносит людям приличный доход. Примите, пожалуйста, приглашительный билет на праздник пива на Арбате. Наши гости пьют пиво бесплатно и в любом количестве. Кстати, если вы дадите слово, что ваш папочка откроет в нашем банке счет городского пожарного ведомства, то вот, получите первую тысячу долларов.

– Тысячу долларов?

– Да! Целых тысячу долларов!

– Что – в час, в сутки? – недоуменно произнес молодой Клещивцев.

– Как же в сутки? – приветливо удивился Семенюра. – Это аванс на будущее сотрудничество. Одна тысяча долларов за открытие счета – разве это не приличный заработок?

– Такие деньги меня не интересуют, – лениво выдавил из себя отпрыск пожарного. – Меньше чем о тридцати тысячах долларов я вообще не разговариваю. Аванс, баланс... Меня уже сегодня генерал спрашивал.

– Что же вы можете предложить банку за тридцать тысяч долларов?

– Пока ничего. Но если пожар случится, ко мне обязательно придете.

– Прекрасное предложение! Я подумаю и сообщу вам о нашем решении. – Но про себя подумал: «Вали дальше, урод! Такую сумму захотел? А кукиш-мукиш не подойдет?»

Сам того не замечая, после разговора с думцем господин Дульчиков существенно изменился. Как будто даже несколько прибавил в весе. И шаг как-то сразу отяжелел. И пуговицы кителя напряглись, и швы затрещали, и шея вытянулась, и глаза прищур приобрели, и ноздри раздулись. Но главное, голова кругом пошла. Завертелась она в окаянном ритме, как будто он вовсе не в собственном кабинете с видом на Маросейку находился, а из кремлевских окон калифорнийские берега разглядывал. Вроде чушь какая-то географическая: как же со Спасской башни в самом центре Москвы можно пляж Санта-Моники рассматривать? Абсолютно ни у кого таких шансов нет! Следы сверхчеловека еще ведь не обнаружены. А вот у господина Дульчикова это

получилось. И не просто так, мимолетно, вспышкой воспаленного видения, а очень даже устойчиво. Без каких-либо помех и чужестранных вкраплений. Он даже банк приметил с названием кириллицей: «Дульчикофф». Потом к девице стал приглядываться, которая, впрочем, слегка смахивала на Кузякина. И кожа такая же нежная. И глаза томные, влажные. И губы так же приоткрыты. Потом вдруг увидел, как его стол из офиса на Маросейке в калифорнийский банк вносят. На лифте на четвертый этаж поднимают. В этот момент он даже разнервничался, по-настоящему – правда, на чистом русском языке – закричал:

– На седьмой несите. Обязательно на седьмой! На министерский этаж! Что мне всю жизнь на этаже начальников отделов просиживать?

Вслед за этими наваждениями ему вдруг совершенно неожиданно явился Махахорин, и в очень даже комичном виде. Директор С-го заводика смахивал с его генеральского кителя лебяжьими перьями пылинки и усердно чистил ему обувь. В какой-то момент он даже снял туфлю с левой ноги столоначальника, а потом и носок и влажной салфеткой стал ступню протирать. Да так тщательно и нежно, что сервис Семена Семеновича очень генералу понравился. Тут он даже подумал: «Пусть теперь у меня работает. За телом и внешним видом следит, а? Жесток я, но справедлив. Не зачем мужика без работы оставлять. Снял его с заводика, пересажал нечистоплотную публику – теперь пусть ответственным делом будет занят. Для порядка иногда на него покричать необходимо, чтобы на мой стол больше никогда не заглядывался. Он, мошенник высшей гильдии, теперь понял, как с генералом Дульчиковым состязаться!»

– Махахорин, душа твоя негодная, – опять прокричал он, – чисть мои ботинки так, чтобы они как зеркало сверкали.

Видимо, услышав крик, в кабинет вошла Любаша Попышева.

– Что случилось, Аркадий Львович? – Ее голос звучал ровно, без какого-либо волнения. Только тут столоначальник вернулся из своего путешествия за океан, распрошавшись с Махакориным, и опять оказался в своем офисе.

– А что? А? Все нормально! – несколько растерянно признался генерал. Впрочем, он достаточно быстро полностью пришел в себя и тут же спросил: – Кто еще там в очереди меня дожидается?

– Елена Дмитриевна Куракина.

– Налей стакан водки и через пару минут приглашай эту даму. Пока! «Она подруга жены Семиволоса из Госсовета. Должность его невысокая, но польза может быть вполне реальная», – подумал чиновник. Тут господин Дульчиков выпил стакан водки «Большой» и сразу же решил повторить. Шутка ли, такое событие в жизни: получить крышу кабинета министров. Об этом весь российский бизнес мечтает! После второго стакана он бросился целовать и обнимать стол, всем телом прижиматься к нему, шептать нежные слова. Наедине со столом он терял всю свою независимость и невозмутимость. Ему захотелось даже что-нибудь спеть из фильмов шестидесятых годов. Он уже подыскивал в голове мелодию, как в кабинет гордо вошла госпожа Куракина. «Роскошная дама!» – пронеслось в его голове.

Елена Дмитриевна Куракина, с широко раскрытыми голубыми глазами, с подчеркнуто добродетельной улыбкой, кокетливо распахнув на груди шелковую блузку, торопливо направилась к дубовому столу чиновника. На ее красивом молодом лице господин Дульчиков не мог не заметить следы легкой взволнованности.

– Хочу вас обнять! На носу рождественские праздники, а вы, милый Аркадий Львович, весь день на работе про-

водите! Что так? Прелести мира уже вам не интересны? Отторгли шикерию? Утонули в женской ласке за кулисами публичной московской жизни? – Едва прикоснувшись к нему, она продолжила: – Из вашего замечательного букета беру белую розу. – И госпожа Куракина изящным движением вытянула цветок из вазы, обломила стебель и вдела розу в петлицу своего темно-зеленого жакета. – Вам нравится?

«По-моему, он пьян. Тем лучше для меня», – деловито подумала женщина.

– Да, прекрасно!

– Зная, что вы большой любитель красного вина, я принесла вам ящик великолепного пьемонтского напитка. Разрешаете моему личному помощнику внести вино? Он у вас в приемной.

«Как только охрана пускает к нам посетителей с бутлерьерами, с ящиками вина, с охапкой дипломов? Посетители стали приходить в федеральные министерства с любовницами, референтами, охраной, парикмахерами, имиджмейкерами, с корзинами азербайджанской и грузинской кулинарии... Что, мы живем уже в каком-то частном мире? Государства уже нет? Власть исчезла, закончилась? А, голубчик Дульчиков? А? Bravo! Я целую тебя, мое замечательное время! Моя райская пора! Пусть вносят вино. Как раз чертовски хочется выпить. Ведь у меня профессиональный праздник: Сантапукин мой! Моя крыша, мой зонт, шатер! Да здравствует господин Сантапукин! Мир ему, здоровья ему! Теперь, генерал, не зевай!»

Аркадий Львович тут же связался с секретарем и сказал:

– Проводи-ка, Любаш, да побыстрее, помощника госпожи Куракиной ко мне в столовую. Да и сама туда, кх-кх, направляйся: надо разогреть в микроволновке азербайджанские блюда. Открой пару бутылок прибывшего вина. –

Потом добавил: – Елена Дмитриевна, вы-то сами пьете? У меня сегодня особенный день! Прошу к столу!

– Что такое, любезный? Католик празднует Рождество?

– Ничего подобного. Я не очень почитаю христианский календарь. Православный и католический. Я праздную сегодня, я праздную сегодня... «Что же ей сказать?» – мелькнуло у него в голове. – Я праздную сегодня визит красивой дамы! Сердце мое радуется. Душа поет, хочется выпить итальянского вина...

– Пока мы не начали гулять, можно пару слов о деле? Меня привел к вам ужасный случай. Я представительница древнейшего княжеского рода России – Куракиных. Даже мой муж Белохвостов – он в Совете Федерации у председателя референтом служит – взял мою фамилию. Здесь, у вас я представляю Дворянское собрание Москвы.

«Как, она тоже оттуда? Сколько же дворян в Москве? – удивился столоначальник. – Выпью-ка я еще стаканчик водочки. Надо послушать, о чем поведает эта милая дама. Очень любопытно! Может, теперь они графа предложат? Как же мое полное имя будет звучать? Светлейший князь, его сиятельство граф, государственный советник третьего ранга Аркадий Дульчиков... Тяжело, но в духе времени». – Вы как к водке относитесь, Елена Дмитриевна? Разрешите, кх-кх, налить?

– Милый вы мой, в вас сразу обнаруживается мужчина, редко бывающий в женском обществе. Такой даме, как я, – водки? Вы хотите, чтобы я потеряла голову? Заняла ваш стол и по-своему начала командовать в вашем департаменте? Водка для мужчины – блажь, раскованность в чувствах, сердечность. А для женщины это очень опасная жидкость! Мы быстро становимся агрессивными, хотим подчинять себе всех вокруг. Особенно мужскую половину. Если вы хотите стать моим пленником, то сделайте это без помощи

водки. Это будет сногшибательная московская новость: генерал Дульчиков пленен княгиней Куракиной! Красота Елены Дмитриевны ошеломила Аркадия Львовича! Он влюблен в нее до умопомрачения! Поэтому бескорыстно провел расследование жульничества князя Нарлицына, одного из предводителей столичного дворянства. Как вам понравятся такие заголовки газетных статей? Вас будет знать и любить все женское население столицы! Красиво? Красиво! Но такие газетные строки вызовут зависть у многих столичных тусовщиков. Что скажете?

Генерал молчал. Хмель начинал будоражить его воображение. Он смотрел в голубые глаза Елены Куракиной, и ход его мыслей принял неожиданный оборот: «Русские женщины – это такая тончайшая материя, что диву даешься! Вот как она свою речь закрутила, чтобы суть просьбы высказать. Через якобы газетные статьи. Умно! Очень умно! Может, поэтому в России такая анархия везде и разгуливает, что женщин среди бюрократов и властителей ничтожно мало? А? Ну, дама из Нехотеевки, другая – с берегов Японского моря, третья – масенький правительственный мышонок. Кто еще? Нема! Баста! Все! В России сто пятьдесят миллионов граждан, и только две с половиной женщины ангажированы в политику. Вот почему у меня райская пора! Вот почему я, бюрократ, стал хозяином жизни. А ведь женщину так просто не проведешь. Попробуй перехитрить Куракину, а? Не удастся – ни пьяному, ни трезвому. Даже бюрократу это сделать непросто. В российских тюрьмах сидит около миллиона арестантов. Сколько из них женщин? Три процента! Есть ли они в Совете Федерации? Около двух процентов. В Госдуме – не больше шести! Вот она, арифметика славы мужской жизни. Пока женщины не взяли власть, можно активно работать на площадке бизнеса, а?» – Тут Аркадия Львови-

ча опять потянуло к выпивке: душа чиновника требовала праздника.

– Так вы выслушаете историю, приведшую меня к вам? – улыбаясь, но настойчиво спросила Елена Дмитриевна.

– Я все знаю, пойдемте лучше, кх-кх, выпьем. Стол уже накрыт. Хочу стакан итальянского вина!

– Что вы знаете?

– Вы хотите просить меня за Башмакова, а? Жаждете, чтобы наше ведомство вскрыло махинации по аренде офиса Дворянского собрания и возбудило против Нарницына уголовное дело? Не правда ли?

– Пора к столу. Посмотрим, чем столичные генералы дам угощают! – А сама подумала: «Откуда он знает о цели моего визита? Неужели кто-то донес? У Нарницына много шпионов».

В этот момент в кабинет вошла Любаша Попышева. Она подошла к Дульчикову и на ухо прошептала:

– Вас очень просит Махахорин. Уже третий звонок от него. Что ему сказать?

– Я сам возьму трубку... Привет, Семен Семенович! Ну, что? Проверочную комиссию к вам направляют? Их двадцать человек? Да что вы? Мне ничего неизвестно! Помочь? По телефону это не обсудишь, необходимо встретиться. Завтра утром? Нет! Никак нельзя. Я еще от Бриджиковой никакой информации не получил. Вначале одно дело надо завершить, потом за другое браться. А? Вы уже на Сивцем Вражке? Хорошо, если Бриджикова позвонит, то я вас завтра жду. Если нет, то встретимся в другой раз. Хорошо, кх-кх, хорошо! Жду! Не волнуйтесь, сегодня любой вопрос можно решить. Конечно, сам Бог велел свой стол защищать! Прощайте! – А сам подумал: «Задрожал, запрыгал. Будешь знать, как на имущество генерала Дульчикова зариться! Готовь, господин Махахорин, четверть миллиона!

А может, и еще четверть! Когда я в атаке, ставки растут, а? Сегодня это уже вторая победа! Я для этой Куракиной готов все сделать. При ней два главных звонка получил. Но, конечно, не бесплатно».

– Пить! Хочу вина! – возбужденно бросил столоначальник. – Прощу к столу!

Куракина и Дульчиков перешли в столовую.

– Теперь понимаю, почему вы так много времени на работе проводите. Радости много. А это дорого стоит. Вон как у вас глаза заблестели. Какая испарина на лбу! Какая улыбка на лице! Вы что, приготовили мне подарок? Наричын уже повержен? Меряет шагами камеру Матросской Тишины? А вы сам стали графом! Граф Дульчиков? Так, что ли?

Аркадий Львович поднял бокал красного вина:

– Выпьем, сударыня. Я знал, что вы мне графский титул предложите. Хочу заметить, кх-кх, я никак не против. Пьем за графа Дульчикова!

– За графа Дульчикова! – восторженно поддержала Елена Дмитриевна. – Да! За вас, добрый вы человек! – А про себя подумала: «Что у него можно еще просить? Денег, что ли, за графский титул? Все платят, почему генерала не обобрать?» – Аркадий Львович! Вам прекрасно известно, что члены Дворянского собрания пока люди небогатые. А расходов у нас уйма. То одно необходимо сделать, то другое. Можно ли рассчитывать, что новоявленный граф, известный в столице генерал, одарит наше аристократическое сообщество спонсорским взносом? Тут не требуются какие-то заоблачные цифры. Двадцать тысяч долларов, двадцать пять. Как вы на это смотрите?

– Не мешайте гулять, не приставайте с мелочами! Я хочу пить! У меня сегодня великий день! – А в голове его тут же мелькнуло: «Нашла лоха на двадцать пять тысяч зеле-

ных. Арестуй ей Нарницына да еще деньги огромные запла-ти. Нужен мне твой титул, женщина! Но Сантапукин мне нужен! Сантапукин – он мой! Вот за него я бы любые день-ги отстегнул. А что мне твой граф? Тьфу!»

В столовую вбежала Любовь Попышева. Она подошла к господину Дульчикову и на ухо шепотом произнесла:

– Звонила Бридчикова. Просила срочно передать: «Все о'кей».

«С новой удачей тебя, голубчик Дульчиков. Bravo! От-личная работа. Из таких вот ежедневных радостей и состо-ят будни российского бюрократа, – самодовольно подумал Аркадий Львович. – Этот директоришка только начал но-сить деньги. Но сколько придется ему заглядывать с паке-тами в конторку банка “Рубин”, а? Знал бы он, с кем свя-зался!»

– Иди, Любаша. Пока! Для всех я занят. Придумывай, кх-кх, что хочешь: совещание, командировка, на приеме у руководства.

– Угощайтесь, княгиня, восточной кухней! – И генерал продолжил общение с Еленой Куракиной. – Только вам я сегодня полностью доступен. День выдался трудный, но удачный. Его кульминацией стал ваш визит. Bravo, Елена Дмитриевна! – Столоначальник подошел к ней, прикоснул-ся бокалом к ее изящному носику и выпил. – Превосходное «Баролло» от Гаи. Темный рубин – любимый цвет моего свободного времени. А легкий вкус смородины, пробива-ющийся сквозь букет, терпкий аромат винограда и мягкое ощущение танина, оставляющее гармоничное послевкусие, вызывают у меня истинное наслаждение. Спасибо, мадам! Прекрасное вино вы мне презентовали. Еще пару бокалов, и благодать снизойдет на мою душу.

Тут необходимо отметить: когда чиновник пьянел, он становился говорливым, его лексикон менялся, обретая некоторую академичность, как будто лишь алкоголь был способен высечь в нем искру ораторского таланта, характерное же покашливание пропадало полностью. Впрочем, эту особенность влияния спиртных напитков на состояние господина Дульчикова никак нельзя назвать сугубо индивидуальной. Она свойственна большей части русского народа: алкоголь вызывает активность и красноречие.

– Многие мои знакомые, общаясь с женщинами, – продолжал Аркадий Львович, – конечно, если на столе достаточно вина, обязательно начинают декламировать стихи, а? Точно, стихи! Да таким звучным голосом, что забывают даже, что рядом находится существо, которое ждет не только поэтических строк. А меня влечет другая стихия. После выпитого мне на ум упрямо, порой даже беспардонно, лезут статьи из Лесного кодекса. И не какие-то там неосторожно пришедшие на ум и моментально забытые – они так и соскакивают с языка! – Господин Дульчиков опять налил бокал вина, выпил и продолжал: – С чего бы это? Не раз задавался я таким вопросом. Но ответа никогда и ни от кого не получал. Учился я, правда, в Лесной академии, но ее не закончил, а пошел на флот. Но что парадоксально, тексты вспоминаются не из учебников моего студенческого времени, а из книг неизвестной поры. Я даже такого и не учил вовсе. Правда, в этом не совсем уверен. Вот, например, минуту назад я о лесном деле и думать не думал, а тут вдруг буквально сию секунду пришло на ум: «О продажах, по незначительности их, возможных к сбыту только местному населению, на удовлетворение собственных его потребностей, вместо публикации делается оповещение через местные волости и полицейские управления, не позже как за неделю до торгов, согласно правилам, данным на

этот предмет министерством». Как, а? – Он опять налил себе вина и продолжал: – Или вот это: «Меры взыскания, постановленные в Уложении о наказаниях и в Уставе о наказаниях, а также и ниже сего в статьях 841–848, назначенные за самовольную порубку, поджог лесов и другого рода истребления леса, а также несоблюдение правил, предписанных для предупреждения лесных пожаров, распространяются и на те леса, в Сибири произрастающие, вольная порубка коих воспрещена обывателям». Как, а? Вот такая чушь лезет, Елена Дмитриевна, мне в голову. Порадоваться бы, столько событий вокруг меня происходит – новые проекты, назначения, только что Думу избрали, но стоит мне к вину притронуться, как уставы лесного дела завладевают моим сознанием. А в вино я влюблен. Как же без него, а? Или вот это...

– Что, в вашем офисе женщинам запрещено хоть слово сказать? Аркадий Львович, разрешите мне о своем деле... К вам не так просто на прием попасть. Поэтому извольте, пожалуйста, выслушать.

– Мне хорошо известно, какие обстоятельства привели вас в офис. Вам надо упечь за решетку Нарлицына, чтобы сохранить в целости Дворянское собрание, а потом его предводителем избрать господина Башмакова. Так же, а? Конечно! Кстати, ваш графский титул за двадцать пять тысяч долларов мне совершенно не нужен. – Столоначальник налил себе вина, выпил и продолжал: – Откуда такие деньги у скромного чиновника? Он мне за сто долларов не нужен. Подумаешь – граф! Я вот государственный советник, генерал, а своим званием не торгую. Помню, пару недель назад обратился ко мне один знакомый торговец. Неприметный человек, но богатый. Говорит он мне: усынови моего Степку. Мол, что у него за родословная: сын мелкого лавочника (лавок у приятеля по всей Москве больше тысячи), и фами-

лия вздорная – Лошкомоев, и судимость за подделку мирового бренда. А так станет он сыном заслуженного генерала, отпрыском государственного советника, и фамилия, говорит, у вас звучная – Дульчиков. Готов, говорит, подписать с вами контракт, что беру на себя пожизненно все расходы на ваше питание, одежду, коммунальные расходы по квартире. Вот какое предложение он мне сделал! А я даже пальцем не пошевелил. Что мне граф, а? Пришел мне на язык очень любопытный текст...

– Разрешите перебить: есть много желающих, готовых целых пятьдесят тысяч за титул платить. Была даже одна дама, чей спонсор за титул княжны сто тысяч долларов предложил. Что ж тут плохого, если собрание дворян делает вам такую огромную скидку? Даже многие чиновники платят полную стоимость. Давеча замминистра Дрязгину и из московской мэрии Шапкину в Колонном зале титул вручали... Поверьте, многие в очередях стоят!

– Генералы в сомнительном спонсорстве не нуждаются. Я просил вас оставить эти темы. Елена Дмитриевна, вы мало пьете. Опасаетесь хмеля? Да, женщины всегда всего боятся. Ну что может произойти? А? Я предложу вам эротический танец? Нет! Начну приставать к вам с неприличными предложениями? Нет! Пейте, княгиня Куракина. Примкните душой к моему скромному празднику. Вино сделает вас свободной от предрассудков, подскажет правильную линию поведения в общении с генералом. Спешите! Поднимайте бокал. Пьем за торжество власти в России! – Столоначальник не стал ждать Куракину и залпом выпил.

«Он уже пьян. Что будет после еще одного-двух бокалов? Надо уходить. Какой смысл общаться с пьяным чиновником?»

Она прикрыла полуобнаженную грудь шелковой кофточкой и сказала.

– Я никудашний собутыльник. Да и уходить мне пора. Я так поняла, мою просьбу вы выполните?

– Если красивая женщина просит, я всегда иду навстречу! – А про себя решил: «Ничего я не сделаю. Иди прочь, грубиянка! Невоспитанная! С меня взятку потребовала! С генерала – двадцать пять тысяч долларов!»

– Тогда я пошла. Надеюсь, что пьемонтское вино доставит вам удовольствие.

– Пока! Выход вот здесь.

Госпожа Куракина вышла из столовой. Состояние ее было скверным и озабоченным. «Этот Дульчиков или последний нахал, или отъявленный пьяница. За вино даже как следует не поблагодарил».

Наконец столоначальник остался один. Он пригасил яркий свет, уселся за стол, налил себе вина, стал жевать какой-то кусок мяса и раздумывать: «Слава богу, заканчивается еще один рабочий день. Как говорится, можно баланс подвести. Сегодня я заработал крышу Сантапукина! Это был самый богатый улов 2003 года. Словно новогодний подарок от самого-самого получил! Четверть миллиона долларов уже в “Рубине”, а? Немного, но хорошо! Здорово! Завтра я Махахорина опять в банк поташу. Заставлю этого грабителя высшей гильдии еще столько же положить. Правда, моя доля будет незначительной – только одна четверть. Но тоже неплохо! Вадбольский обещал бумагу от Дворянского собрания, удостоверяющую, что ожерелье – из царской семьи. Тоже прибыльное дело. Я за этот документ губернатора на пару миллионов раскручу. Мамедов? Смешной человек, но тоже польза будет! Кузякин – этот молодец. Обещал укрепить мою крышу, залить ее сургучом, чтобы ни одна сволочь на мой стол не зарилась! Его Жаслупин – влиятельное лицо в ведомстве. А то, что он *этой*, так мне какое дело? Гусь, Трещалов, Клещивцев – с ними надо еще

работать. Но Семенюра тоже с деньгами. Он парень не промах. Поутру надо спросить о моих цифрах. Единственный прокол – Куракина. Да что с нее возьмешь? Амбиций много, а на поверку – ноль! Глупая пустышка. А впрочем, не торопись, голубчик Дульчиков, я еще никого без собственного интереса не оставлял, а? На завтра у меня семь человек записаны. Надо быть в форме».

Он выпил еще вина, снова наполнил бокал, откусил небольшой кусочек сморщенного холодного шашлыка, заел его какой-то южной травкой. Глаза его стали слипаться, потом совсем закрылись. Во рту осталась непроглоченная пища, а в голове – неоконченные размышления. Все его тело обмякло, нос уткнулся в тарелку с объедками, и господин Дульчиков стал похрапывать. И вместе с протяжным сильным храпом из его рта стали вылетать остатки азербайджанских деликатесов. Шутка ли, выпить триста граммов водки и бутылку «Барроло» от Гаи – четырнадцатиградусного красного вина!

Митька Кондрюшкин внес в кабинет столоначальника толстую, с кулак, веревку. Одним ее концом обвязал отопительную батарею, остальное смотал в круг и положил на подоконник. Потом прибил к потолку лебедку, к двум ножкам дульчиковского стола прикрепил канат, перебросил его через блок, а конец оставил на столе. Господин Кондрюшкин работал молча, со знанием дела и в добром расположении духа. Закончив первый этап задания, полученного от шефа, Митька вытащил из сумки небольшую бутылку с неизвестной жидкостью, вылил ее на пол в углу кабинета, почти у двери, зажег спичку и бросил на мокрое пятно. Кондрюшкин вначале с любопытством, а потом с нарастающей внутренней радостью стал наблюдать, как запылал пол в углу.

В черных глазищах Митьки легко можно было наблюдать, как синий цвет пламени менялся на желтый. Когда кабинет наполнился дымом, он вытащил из кармана счета за покупки, заказанные хозяином, небрежно швырнул их в огонь и со всем своим барахлом через черный ход незаметно покинул помещение.

Аркадий Львович почувствовал едкий запах. Он хотел было закрыть нос полотняной салфеткой, протянул за ней руку, но наткнулся на тарелку с пахлавой. «Сладкая вещь, и с отменным запахом», – подумал генерал. Он подвинул ближе к себе восточное яство, чтобы надкусить медовый пирог, но вначале решил выпить вина. Тут на ум чиновнику опять пришел текст из Лесного кодекса: «Кроме лесов казенных и крестьянских, в сибирских губерниях находятся также леса, приписанные к разным казенным промыслам и заводам». Господин Дульчиков усмехнулся: «Да что ж это такое, а? Может, знаменье какое? Ждет меня стол в Департаменте природных ресурсов? А что? Там тоже не заскучаешь. Но запах, запах дыма-то откуда, а? Неужели вверенные мне леса уже горят? Торфяники огнем охвачены? Пора Клещивцевым звонить: старший пусть наряды высылает, а младший тушением руководит. А! Неужели это Митька красного петуха пустил, мое поручение выполнил? Тогда срочно тикать надобно. Стол спасать! Как же я без стола-то, а? Никак невозможно!»

Аркадий Львович бросился в свой кабинет. Часть помещения была уже в огне и дыму. Только тут столоначальник по-настоящему перепугался. Он подскочил к столу, с помощью лебедки быстро поднял его на уровень подоконника и вдруг признал в нем Дуську.

– Ну, что будем делать? – неожиданно спросила она.

Аркадий Львович стал расцеловывать ее всю со страстью влюбленного.

– Дуська, Дуська, – шептал генерал, – не дам я огню твои ноги лизать. Ты ведь вся моя! Или вместе сгорим, или вместе выживем!

– Гореть не намерена! – Голос Дуськи звучал холодно и категорично. – Сам все затеял, сам и выпутывайся.

Генерал торопливо открыл окно на Маросейку, вытолкнул стол на подоконник, водрузил на него свое кожаное кресло, потянул за канат и начал было спускаться, но тут заметил, как с балкона третьего этажа собственного офиса младший Клещивцев в мундире майора подмигивает ему и орет:

– За спасение требую сто тысяч долларов! Плати наличными или гори в огне Страшного суда.

– За что? – опешил господин Дульчиков. – Я же тебе майора выхлопотал! – А сам думал: «Я-то с Дуськой повис. Мы не спускаемся. Застрали, а? Выживу, стол спасу – тогда отпрыску пожарного не будет места в моем отделе. В министерстве он лишним окажется, да что в министерстве – во всей Москве!»

– Прошое и будущее не в счет, – настаивал Клещивцев. – Выкладывай зеленые. Мне сегодня жить надо! Я в политику тороплюсь. Спешу карьеру строить! Что мне завтра? Будущее? Это для вас, для дурачков!

Тут Дульчиков заметил, что огонь подступился к канату. «Плати ему, плати! – настойчиво потребовал внутренний голос. – На том свете деньги не потребуются! Жить надо!»

– Плати немедленно! – словно угадав генеральские колебания, взвизгнула Дуська.

Дульчиков осторожно слез с кресла на стол, открыл ящик, вытащил из него сто тысяч долларов и бросил их на балкон в физиономию Клещивцева.

– Давай спускай быстрее! Огонь почти у самого носа! – завопил генерал.

– Учись платить! – рассмеялся молодой человек и дал неведомый тайный знак рукой.

Какая-то волшебная сила стала опускаться на тротуар стол, кресло и Дульчикова с трогательной заботой, с мягкостью VIP-сервиса. Генералу даже показалось, что спускается он не на столе, а в обнимку с Дуськой. И не просто в обнимку, а в совершенно недвусмысленной позе. Что его губы то и дело касаются ее тела и вот-вот наступит оргазм.

Сладчайшая истома настигла его прямо на улице. Он медленно, несколько даже лениво слез со стола, снял с него кресло и занял свое рабочее место. Многие записавшиеся к нему на прием уже выстроились в очередь. Казалось, вся Маросейка заполнилась публикой, стремящейся к столоначальнику Дульчикову. Лица посетителей были напряжены. Один держал сумку, другой портфель, кто-то ящик, пакет, шкатулку, чемодан, мешок. «Доходный день предстоит, – подумал чиновник. – Сегодня необходимо поднять ставки. На пятнадцать, нет, на двадцать процентов! Платишь – дело сделано, отказываешься раскошелиться – жду, пока не поумнеешь. Вопрос просто решается. Никакого давления!»

Но тут произошло неожиданное: к чиновнику на прием вошло известное лицо из Совета Федерации. Вслед за ним появились рабочие в спецовках «Мэрстрой», огородившие чиновника и сенатора ширмой из тяжелого сукна. Дульчиков хотел было по привычке кликнуть Любку Попышеву, чтоб принесла чаю для почтенного гостя, но тут же вспомнил, что на самой улице Маросейке секретарша ему не нужна и что она, скорее всего, погибла в огне.

Между тем сенатор обратился к столоначальнику:

– Разрешите открыть на Старой площади магазин по продаже мышей и других мелких грызунов? Этот бизнес весьма актуален в преддверии будущих выборов.

– Прошу прощения, кх-кх, не совсем понял, какая связь между важнейшим политическим событием нашего отечества и всяческой космополитической тварью? – искренне удивился Дульчиков.

– Вы, генерал, бывали в зоомагазине?

– Когда-то очень давно. А что?

– Элитные хищники питаются грызунами, а их в столице бесчисленное количество. Они свободно носятся по нашим мостовым. Вон сколько их на вашей улице! Дошло? – И сенатор недовольно взглянул на столоначальника.

То ли Аркадий Львович больше думал о Дуське, то ли о длиннющей очереди к ней прямо на Маросейке, но он ничего не понял. Тем не менее, чтобы не огорчать известное лицо, он сказал: «Да! Я вас, кх-кх, понял!» – а сам задумался, о чем же говорил с ним сенатор.

– Бизнес можно выстроить замечательный. Моя команда ловит крыс, ваша продает их Прагатову.

– Кто он, Прагатов?

– Менеджер избирательных технологий, он же дрессировщик змей и хищных птиц. А удавы, орлы и шакалы – локомотивы любой избирательной кампании. Соглашайтесь, дружок Аркадий Львович, зарабатывайте себе еще одну звездочку!

– Очень нам нужна твоя звездочка! Мы охотимся за другими ценностями, – вдруг фыркнула Дуська.

– Вы что-то сказали? – поинтересовался сенатор.

– Нет-нет, вам послышалось, – поспешно ответил чиновник. – Я обдумываю ваше заманчивое предложение.

Как только известное лицо из Совета Федерации попрощалось с господином Дульчиковым, ширма из плотной

ткани тут же исчезла, и Аркадий Львович наконец заметил, что вся Маросейка заставлена пожарными машинами, а неведомо откуда взявшийся Клещивцев-старший направляет брандспойт прямо генералу в лицо. «Что это с ним, а?» И господин Дульчиков закричал в жутком испуге:

– Да это же я!

Любаша Попышева поминутно отвечала на телефонные звонки. Все спрашивали Аркадия Львовича. Одним она говорила, что он на совещании, другим – что начальник в командировке, третьим – что господин Дульчиков в Кремле получает награду; что он работает в комиссии, проверяющей Ялуторовский медный комбинат; что он выступает на радио; что у него группа журналистов берет интервью; что он у министра; что он у губернатора; что он на экспертном совете. Секретарь Попышева говорила со всеми достаточно равнодушно, без всякого личного интереса. Любочке из Гдова было все равно, потому что она совершенно безразлично относилась и к себе, и окружающему миру.

Давно уже ставшей привычной мысль: «Ну и ладно... Да и какая разница?» – вновь и вновь всплывала в ее сознании.

Январь, 2004 год

Содержание

<i>С. Ключников.</i> Трилогия Александра Потёмкина	3
Прозрения одиночества	29
Игрок	189
Стол	349

Литературно-художественное издание

Александр Потёмкин

ПРОЗРЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Генеральный директор *Сергей Ключников*

Ответственный редактор *Мария Скрягина*

Редакторы *Виктория Сагалова, Татьяна Ивкина, Юлия Шалтаева*

Свежая голова *Елена Бекташьянц*

Оформление обложки *Анна Голубева*

Художник-иллюстратор *Василина Лебедева*

Верстка *Евгения Коломенская*

Фотограф *Платон Шиликов*

Подписано в печать 21.10.20.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 29.

Тираж 3000 экз. Заказ

ООО «НП ЦТ «Беловодье»»

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ООО «Производственная фирма «Полиграф-Периодика»»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3

ISBN 978-5-93454-268-0

9 785934 542680